

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

1

1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

1

1 9 5 8

На уровень новых задач

С большим подъемом и радостным чувством советский народ отпраздновал в прошедшем, 1957 году сорок лет существования первого в мире социалистического государства.

В докладе тов. Н. С. Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР были подведены исторические итоги пройденного пути и отмечены достижения советского народа за истекшие сорок лет. Были определены перспективы и задачи дальнейшего строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

«Советская страна,— говорится в докладе Н. С. Хрущева,— в настоящее время находится на новом этапе своего исторического развития. У нас созданы благоприятные условия, все материальные и моральные предпосылки для перехода на более высокую ступень в строительстве коммунизма. Советский народ рассматривает их как базу, как основу для еще более быстрого продвижения вперед, для еще более крупных побед в будущем. Каждый успех социализма является новым шагом по пути к высшей фазе коммунистического общества». Это означает, что социалистическое общество в СССР развивается ныне уже на своей собственной экономической, политико-моральной и идеологической основе, а не на той материально-технической и экономической основе, которую оставил нам в наследство царизм в 1917 году.

Ленинский план строительства социализма претворен в жизнь трудом советского народа под руководством Коммунистической партии. Советский Союз располагает теперь мощной социалистической индустрией и социалистическим сельским хозяйством, оснащенным передовой техникой. СССР имеет высококвалифицированные кадры рабочих и интеллигенции, которые в состоянии решать самые сложные задачи развития народного хозяйства на основе научного и технического прогресса. В СССР есть все необходимое для создания материальной базы коммунизма.

Наличие мировой системы социализма, в которой осуществляется тесное сотрудничество и всесторонняя взаимопомощь социалистических стран, в огромной степени благоприятствует быстрейшему продвижению вперед всех стран социалистического лагеря, в том числе и его главной цитадели — СССР. Все это создает у советского народа твердую уверенность в том, что планы строительства коммунизма будут выполнены.

А планы эти поистине грандиозны.

Расчеты советских плановых органов показывают, что Советский Союз в ближайшие 15 лет сможет не только догнать, но и превзойти США по объему важнейших видов продукции. Можно быть вполне уверенными, что советский народ сделает все для того, чтобы выйти победителем в мирном соревновании социализма с капитализмом, догнать и обогнать США по производству продукции на душу населения. В производстве продукции мяса, молока и масла СССР может догнать и обогнать США в течение ближайших 3—4 лет.

Теперь Советский Союз имеет возможность более быстрыми темпами

развивать легкую промышленность не в ущерб росту производства средств производства и обороне и в течение 7—8 лет добиться полного обеспечения населения продуктами широкого потребления.

В Советском Союзе жилищное строительство идет такими темпами, что в течение ближайших 10—12 лет будет покончено с недостатком в жилплощади, что коренным образом улучшит бытовые условия жизни трудящихся.

Огромный размах хозяйственного строительства в социалистическом обществе обуславливает всестороннее мощное развитие всех отраслей естествознания, технических и экономических наук. Только современная промышленность в состоянии дать науке такие совершенные, могучие технические орудия и средства познания мира, без которых были бы немыслимы современная наука и ее замечательные открытия и достижения — мощные электронные приборы, синхрофазотроны, радиолокация, меченые атомы, электронные вычислительные и автоматически управляющие машины, реактивные, баллистические ракеты, давшие возможность создать искусственные спутники Земли, отправить в космос первые лаборатории для сложных исследований, и т. д.

Развивающееся социалистическое хозяйство выдвигает новые и все более и более сложные задачи перед физикой, химией, биологией, медициной. Новые задачи ставятся и перед психологией — исследование тех психических свойств и качеств, которых требует от человека овладение новейшей, сложнейшей техникой. А бурное развитие естествознания, технических и общественных наук ставит новые задачи и перед марксистской философией.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории, совершила глубочайший переворот в экономическом базисе и в надстройке общества, в общественном бытии и сознании миллионов людей, во всей совокупности общественных, семейных, национальных отношений, в быту и культуре народов нашей страны, находившихся до революции на самых различных ступенях общественного развития.

Все это должно стать предметом глубокого марксистского теоретического анализа, социологического исследования и философского обобщения.

В первые годы революции советские философы наряду с изучением и теоретическим обобщением бурных революционных процессов, происходивших в стране и во всем мире, огромное внимание должны были уделять защите основ диалектического и исторического материализма от многочисленных атак буржуазных идеологов внутри страны, борьбе против столь же многочисленных попыток извратить, исказить, вульгаризировать философию марксизма с тем, чтобы дискредитировать ее в глазах интеллигенции и ученых и таким образом похоронить. Поскольку буржуазные идеологи атаковали марксизм главным образом по вопросам политики, классовой борьбы, сущности и роли социалистического государства и Коммунистической партии в революционном преобразовании старого общества, постольку вполне естественно и понятно, что и советским философам главное внимание приходилось уделять прежде всего защите и разработке марксистско-ленинской теории классов, классовой борьбы и государства, теории социалистической революции, руководящей роли партии, политике партии в национальном вопросе, перевороту в экономическом базисе и политической надстройке общества и в связи с этим вопросу о соотношении экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата. В последние годы на первый план выдвинулся вопрос об общих закономерностях перехода от капитализма к социализму и его своеобразии в разных странах, о роли народных масс в истории, в строительстве нового общества, о соотношении масс, классов, партий и вождей в историческом развитии общества.

Все это придает разработке проблем исторического материализма сугубо политический характер и остроту. Ревизионисты и всякого рода оппортунисты видят в этом, разумеется, главный недостаток всей работы советских философов. Нападая на принцип связи диалектического и исторического материализма с революционной политикой пролетариата, его Коммунистической партии и социалистического государства, они со всех сторон обыгрывают выдумку о том, что все работы советских философов по историческому материализму сводятся к комментированию решений партии и правительства, что в них нет никаких конкретных исследований, никакой науки, а есть лишь одна «политика». Разумеется, нельзя подменять философию политикой, что у нас иногда имеет место. Но надо также понимать, что, отрывая философию от политики, ревизионисты пытаются доказать, что философия должна быть внеклассовой и, следовательно, «свободной», независимой от политики; но, к сожалению, они не могут сказать, где такая философия существует, ибо ее нет и не может быть, пока существуют классы, классовые интересы и классовая борьба. Действительные причины нападок ревизионистов и буржуазных социологов на положение марксизма о связи марксистской философии с политикой не в том, что они якобы вообще против связи философии с любой политикой, а в том, что они хотели бы оторвать философию марксизма от революционной, пролетарской политики и таким образом выхолостить, обезвредить ее, превратить в разновидность какой-либо идеалистической, схоластической или буржуазно-реформистской философии.

Живой, творческий марксизм, его философия воплощены в исторических решениях XX съезда КПСС, в Декларации коммунистических и рабочих партий социалистических стран, Манифесте мира — в документах, являющихся программой борьбы сотен миллионов людей во всем мире.

Исторические решения XX съезда КПСС имеют великое значение не только для Коммунистической партии и коммунистического строительства в СССР; они положили вместе с тем начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствуют его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма.

Творческое развитие марксизма-ленинизма братскими коммунистическими и рабочими партиями нашло яркое выражение в Декларации; в ней особо подчеркивается, что теоретической основой марксизма-ленинизма является диалектический материализм, научное мировоззрение, отражающее всеобщие законы развития природы, общества и мышления. Диалектический материализм — философская, теоретическая основа марксизма-ленинизма — составляет вместе с тем основу практической деятельности коммунистических партий, их политики, стратегии, тактики, организационной и воспитательной работы. Не случайно все противники коммунизма нападают на материалистическую диалектику, заменяют диалектику вульгарным эволюционизмом, софистикой и эклектикой.

Для нас, философов, особенно важно всесторонне раскрыть положение Декларации о том, что основным содержанием современной эпохи является переход от капитализма к социализму. Теперь речь идет о переходном периоде от капитализма к социализму уже не в одной стране, как было в период 1917—1937 годов, а во многих странах, о рождении и развитии мировой системы социализма. Но наряду с этой системой продолжает существовать мировая система капитализма и остатки докапиталистических формаций. Мировое развитие определяется ходом и результатами соревнования двух противоположных общественных систем — социализма и капитализма.

Социализм уже доказал, что как общественная система он, безусловно, превосходит капитализм, представляя собой высшую формацию общества. Он обеспечивает развитие производительных сил темпами, невидан-

ными в истории и недоступными для капитализма, и тем самым гарантирует неуклонный мощный подъем материального благосостояния и рост культурного уровня всех членов общества.

В социалистических странах у власти находится рабочий класс, трудящиеся. Именно поэтому свобода и демократия существуют здесь для огромного большинства общества, для трудящихся, для народа. Мы должны раскрыть одно из важнейших преимуществ социализма, его подлинный гуманизм, его заботу о человеке, о его материальных и духовных интересах, о всестороннем расцвете всех его способностей, талантов, дарований, о расцвете талантов всех народов — больших и малых. Экономический и политический строй социализма и господство социалистической идеологии обеспечивают такое прочное политическое и моральное единство народа, такое полное, действительное равенство и дружбу народов, мир между народами, каких не было и не могло быть ни в одной из предшествующих формаций.

Социализм растет, крепнет, мужает и закаляется. Происходит обновление и возрождение всего человечества, всех угнетенных, эксплуатируемых масс и народов. Капитализм, напротив, все больше и все быстрее идет к упадку.

Задача философов и социологов-марксистов — всесторонне и глубоко раскрывать развитие и обострение всех противоречий капитализма.

В настоящее время капитализм как общественный строй пришел в непримиримое противоречие с интересами широчайших народных масс. Капитализм сковывает и уродует развитие производительных сил общества.

Заправилы капитализма готовы ради сохранения своего господства над обществом и своих прибылей уничтожить все человечество в новой истребительной войне. Но народы заинтересованы в мире, борются за мир; они покончат с общественным строем, который порождает войны и хочет существовать ценой крови и страданий сотен миллионов людей.

Победа социализма в СССР, успехи строительства социализма в странах народной демократии вызывают все более глубокие симпатии у широких масс рабочего класса и трудящихся всех стран к идеям социализма. Идеи социализма овладевают сознанием все новых и новых миллионов людей. Растет национально-освободительное движение, разваливая колониальную систему империализма; растет и крепнет борьба народов за мир. В этой обстановке империалистическая буржуазия придает все большее значение идеологической обработке масс, использует все средства для извращения идей социализма, клеветает на марксизм-ленинизм, на социалистический общественный и государственный строй, стремится опутать массы разного рода лживыми теориями и мифами. Поэтому усиление марксистско-ленинского воспитания масс, борьба с буржуазной идеологией, разоблачение лжи и клеветы империалистической пропаганды по адресу социализма и коммунистического движения, разработка и пропаганда идей социализма, мира и дружбы народов приобретают теперь первостепенное значение для всех компартий.

«Холодная война» и обострение идеологической борьбы империализма против социализма свидетельствуют не о силе, а о дальнейшем ослаблении империализма, обострении его противоречий, углублении общего кризиса капитализма и о росте сил социализма.

В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран отмечается, что мировая капиталистическая экономика остается шаткой и неустойчивой, несмотря на сравнительно высокую конъюнктуру, которая возникла в значительной мере на нездоровой основе — гонке вооружений — и держится пока в ряде капиталистических стран.

Эта преходящая высокая конъюнктура поддерживает реформистские иллюзии среди части рабочих капиталистических стран. Идеологи рефор-

мизма, правые социалисты всячески приукрашивают капитализм, буржуазную демократию, внушая массам, что капитализм якобы мирно, без всякой борьбы классов, вырос или вырастает в социализм, что он уже стал новым, «народным» капитализмом. Они скрывают от рабочих, от народных масс тот факт, что капиталистическая экономика не может избежать новых экономических потрясений и кризисов, которые обрекают на безработицу миллионы рабочих, на разорение — миллионы крестьян. Реформизм спекулирует на том факте, что некоторые слои рабочих высокоразвитых капиталистических стран своей борьбой добились улучшения своего экономического положения. Однако реформисты затушевывают тот факт, что в ряде этих стран реальная заработная плата рабочих ниже довоенной, что в большей части капиталистического мира, и особенно в зависимых и колониальных странах, миллионы трудящихся живут в нищете, что все больше разоряются и нищают основные массы крестьянства. Разоблачение реформистских теорий ревизионизма, представляющего в настоящее время главную опасность в международном рабочем и коммунистическом движении, является важнейшей задачей.

На Совещании коммунистических и рабочих партий социалистических стран подчеркивалась необходимость решительного преодоления ревизионизма и догматизма. Было отмечено, что ревизионизм и догматизм в рабочем и коммунистическом движении как в прошлом, так и в настоящее время имеют международный характер.

Догматизм затрудняет развитие теории марксизма-ленинизма и ее творческое применение в изменяющихся условиях. Изучение конкретной обстановки догматизм подменяет цитированием устаревших формул и положений. Догматизм ведет к сектантству, к отрыву партии от масс, от реальной жизни, ее нужд и потребностей. А коммунистическая или рабочая партия, оторванная от жизни, от широких трудящихся масс, не может организовать победы рабочего класса.

Продолжая борьбу с догматизмом и сектантством, коммунистические партии считают ревизионизм главной опасностью в современных условиях. Правый оппортунизм как проявление буржуазной идеологии парализует революционную энергию рабочего класса, он прилагает все усилия для сохранения капитализма и восстановления его в странах социализма.

Однако догматизм и сектантство также могут быть главной опасностью на отдельных этапах развития той или иной партии. Каждая партия сама определяет на основе учета конкретной обстановки, какая опасность является для нее главной. И в этом случае коммунистические партии выступают против шаблона, схемы, руководствуясь основным требованием революционной марксистской диалектики — учитывать конкретную ситуацию. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

Вскрыв источники современного ревизионизма, Совещание компартий социалистических стран указало, что этих источников два: во-первых, давление буржуазии, буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на неустойчивые слои пролетариата и его партии; во-вторых, давление со стороны империализма извне на неустойчивые элементы в лагере социализма и в рядах компартий.

Современный ревизионизм своими идейными и социальными корнями связан с ревизионизмом старой формации, патриархом которого был Эдуард Бернштейн.

Современный ревизионизм, как и ревизионизм старой формации, гонится за последним словом буржуазной науки, пытается опорочить марксизм-ленинизм, объявляет его устаревшим, утратившим силу и значение для современного общественного развития. Он подхватывает буржуазную критику марксизма и сам, в свою очередь, вооружает буржуазную критику «новыми» доводами против марксизма. Он продолжает традицию самых оголтелых ревизионистов, нападавших на революцион-

ную диалектику и материализм и на главное в марксизме — на учение о диктатуре пролетариата как пути перехода от капитализма к социализму.

Современный ревизионизм перепевает идеи господствующей в буржуазных странах идеалистической философии и социологии, идеи позитивизма (О. Конта, Г. Спенсера, Д. Милля, неогегельянцев, махистов и эмпириокритиков), И. Канта, неокантианцев, беря их таковыми, как они есть, или в обработке идеологов фабианства, правых социалистов, лейбористов или идеологов анархизма и троцкизма. Главным объектом критики буржуазной философии и социологии как раньше, так и теперь является марксизм, научный коммунизм, революционные принципы ленинизма. Марксизм служит главным объектом критики и для правых социалистов и ревизионистов внутри коммунистического движения. При этом ревизионисты и идеологи правых социалистов выступают против коммунизма, марксизма-ленинизма и растущей мировой системы социализма подчас более злобно, чем даже некоторые идеологи буржуазии.

Нападая на теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата, критики марксизма пытаются опорочить практическое воплощение этих идей — социалистический строй, КПСС и Советское государство. Антисоветская направленность клеветнической критики ревизионистов, правых социалистов и всех идеологов буржуазии вполне понятна для марксистов, ибо именно Советское государство впервые в истории наиболее полно воплотило незыблемые устои власти рабочих и крестьян, руководящую роль пролетариата, его революционного авангарда — Коммунистической партии, а КПСС явилась первым образцом пролетарской партии нового типа, непримиримой ко всем формам оппортунизма, ревизионизма, буржуазной идеологии. Она первая выступила против оппортунизма, разгромила ревизионизм, привела рабочий класс к победе социализма.

Типичным примером антисоветской и антикоммунистической направленности идеологии и политики правых социалистов и ревизионистов может служить проект новой программы Социалистической партии Австрии, опубликованный в газете «Арбейтер Цейтунг» от 23 ноября 1957 года. Прикрывая измену социализму и рабочему классу демагогическими фразами о демократическом социализме, о свободе, равенстве и демократии и тех заслугах Маркса и Энгельса, которых никак нельзя скрыть, составители программы ведут войну против революционных принципов теории и практики марксизма. Маркс и Энгельс изображаются в программе как либералы и реформисты. Всячески приукрашивая капитализм, умалчивая об агрессивном характере главных империалистических держав, об их политике милитаризма и колониализма, составители программы главный огонь направляют против Советского государства, диктатуры пролетариата, против коммунизма. Никакого соглашения с коммунизмом — такова главная идея проекта, предательская идея раскола рабочего движения. Уже во введении составители программы клеветнически утверждают, что плановое хозяйство социалистических стран якобы направлено «исключительно на подготовку к войне и вооружению», что отличительными чертами советского строя являются «террор», «принудительный труд», «насильственная коллективизация крестьянства». Диктатуру пролетариата авторы отождествляют с террористической диктатурой империалистической буржуазии, с фашизмом. Эти и подобные им гнусные и злобные измышления и выпады против советского строя (подлинной власти трудящихся, подлинной демократии) характеризуют идеологию составителей проекта программы СПА и вообще идеологию антикоммунизма и ревизионизма. Свыше сорока лет такого рода измышления и клевета распространяются всей реакционной и контрреволюционной печатью империалистической буржуазии и ее лакеев.

Леон Блюм, Эттли, Ласки, Реннер и К^о твердили, что капиталистические страны Запада уже вошли в стадию социализма или в стадию его осуществления, что капиталистическая собственность социализирована и

буржуазия уже более не управляет государством и экономикой, что рабочий класс уже завоевал политическую демократию, мирно врос в буржуазное государство и наступила эпоха всеобщего благоденствия и т. д., что капиталисты исчезли не только из самой действительности, но и из сознания людей (см. К. Реннер «Новый мир и социализм». 1946). Составители проекта программы СПА пережевывают эти теории, но вместе с тем вынуждены, не смущаясь логическими противоречиями, признать, что капиталистическая национализация (именуемая реформистами «социализмом») не могла полностью устранить «основного принципа экономического строя западных стран», то есть принципа капитализма. Оказывается, что капиталисты (уже объявленные исчезнувшими) выступают за низкий уровень заработной платы, что рабочий класс «по-прежнему находится в зависимости от предпринимателей», что рабочим приходится бороться против эксплуатации, безработицы и нищеты, порождаемых капитализмом. И, тем не менее, составители программы прилагают все усилия к тому, чтобы прикрыть язвы капитализма, изобразить буржуазное государство как государство всеобщего благополучия, свободы и демократии. У них не нашлось ни одного слова осуждения позорной политики колониализма, агрессии и войн западных империалистов, но они довольно откровенно выражают свою ненависть к молодым государствам народов, только что освободившихся от колониального ига, объявляя их борьбу за свободу и независимость источником международной напряженности. Режимы этих стран они критикуют как националистические, свирепые военные диктатуры, не отличающиеся от фашистского «тоталитарного» режима. Они нападают на правительства и на национальную интеллигенцию этих стран за то, что те обещают рабочим и крестьянам «рай на земле, как только иностранцы покинут их территорию». Таково содержание новой программы «демократического социализма», новой попытки идеологически оправдать, обелить и приукрасить современный империализм.

Но разве это не защита позорной империалистической политики колониализма, во имя якобы «демократического социализма»? Необходимо разоблачать такого рода защитников капитализма, как бы ловко они ни прикрывались социалистической фразеологией. Ревизионизм смыкается с буржуазной идеологией, он, по существу, капитулирует перед капитализмом, перед империализмом. Для современного ревизионизма характерно затушевывание агрессивной сущности империализма, преуменьшение опасности войны, подготовляемой агрессивными кругами США и их пособниками в других странах. Наиболее откровенные ревизионисты, подобно правым социалистам, затушевывают глубокие противоречия капитализма, его всеобщий кризис (они твердят о кризисе коммунизма), отрицают законы классовой борьбы, проповедуют «сотрудничество» пролетариата с буржуазией, эксплуатируемых с эксплуататорами, отрицают необходимость революции, революционной ломки буржуазного государственного аппарата, тщатся доказать возможность завоевания демократии при помощи одних парламентских форм борьбы. Отрицая диктатуру пролетариата, они отказываются и от принципов пролетарского интернационализма, противопоставляют одни коммунистические партии другим, подхватывая лозунги так называемого «национального коммунизма».

Продолжая традиции оппортунистов II Интернационала, меньшевиков, экономистов, защитников теории стихийности в рабочем движении и теории самотека в социалистическом строительстве, ревизионисты отрицают руководящую роль марксистско-ленинской партии в рабочем движении и в строительстве социализма, в системе социалистического государства, ожесточенно нападают на организационные принципы построения партии. Ревизионисты требуют превращения коммунистических партий в чисто просветительные или пропагандистские организации.

Современные ревизионисты перестраивают на новый лад буржуазно-националистические теории К. Реннера, согласно которым каждая страна

должна иметь свой «особый марксизм», что ленинизм — это-де «русский марксизм», непригодный для рабочих западных стран, что рабочие Запада не должны следовать по ленинскому пути, то есть по пути диктатуры пролетариата, они не должны брать всю власть в государстве в свои руки; они должны мирно сотрудничать с буржуазией в рамках так называемой «чистой», то есть буржуазной, демократии, вращаться постепенно в буржуазное государство и таким путем идти к социализму, без всякой революционной ломки старого строя, путем мелких реформ.

Эти положения Реннера и К^о развил дальше Даллес, вооружив ревизионистов идеей так называемого «национального коммунизма».

Но революционное движение масс опрокидывает теории реформистов и ревизионистов. Идеи ленинизма — творческого марксизма нашей эпохи — вдохновляют и направляют международное революционное рабочее и коммунистическое движение как на Востоке, в странах экономически отсталых, колониальных, полуколониальных, где преобладает мелкое крестьянское хозяйство и остатки докапиталистических формаций, так и на Западе, в странах высокоразвитого капитализма. На основе животворных идей ленинизма успешно строится социализм в Китае, в Монгольской Народной Республике, в Северной Корее, во Вьетнаме и в таких высокоразвитых промышленных странах Запада, как Чехословакия и ГДР.

Современный ревизионизм отрицает объективные закономерности развития общества, законы классовой борьбы, марксистскую теорию социальной революции, марксистско-ленинскую теорию социалистической революции и диктатуры пролетариата, общие закономерности перехода от капитализма к социализму, руководящую роль рабочего класса и его партии в строительстве социализма, необходимость утверждения господства социалистической идеологии и культуры и преодоления буржуазной идеологии. Ревизионизм, вся реакционная буржуазная и правосоциалистическая идеология направляют свои атаки на принципы строительства социалистического общества, на ленинские принципы международного коммунистического движения. Вот почему задача марксистов-ленинцев и прежде всего философов состоит в том, чтобы решительно бороться против идеологии ревизионизма.

* * *

Мы должны противопоставить ревизионизму и всей буржуазной идеологии всесторонне разработанную марксистско-ленинскую теорию социалистического общества и государства. Нужно объединить силы марксистов, философов и социологов для создания большой научной монографии о закономерностях возникновения и развития коммунистической общественной формации. План такой коллективной работы составлен в Институте философии; обсуждение этого плана и работа над его выполнением объединят значительную часть наших философских кадров. Больше того, в этой работе вместе с советскими философами примут активное участие и философы-марксисты зарубежных стран, главным образом стран народной демократии. Собственно говоря, мы уже имеем первые шаги в этом направлении. Опубликован ряд статей наших зарубежных друзей — президента Болгарской академии наук Тодора Павлова, товарищей Сюй Ди-сина и Фэн Дина (Китайская Народная Республика), Быстржины (Чехословакия) об общих закономерностях и особенностях строительства социализма в их странах. Эту форму сотрудничества философов-марксистов разных стран необходимо развивать.

Ревизионисты, выступающие обычно под флагом критики догматизма, культа личности, под флагом творческого развития теории, предлагают нам разрабатывать вопросы теории социалистического общества заново, так сказать, на пустом месте, отбросив как труды классиков марксизма-ленинизма по этим вопросам, так и решения партии по строительству со-

циализма (они-де «стесняют» развитие теоретической мысли). Куда же они предлагают нам идти? С кого брать пример? Ревизионисты предлагают взять в качестве образца исследования приемы и методы буржуазной социологии.

Но наши социологические исследования общественного строя, жизни, быта, культуры, идеологии и общественной психологии, всей совокупности отношений между людьми в условиях капитализма и социализма опираются на гранитные теоретические основы и научный метод марксизма-ленинизма. Для нас являются образцами такие работы классиков марксизма-ленинизма, как «Капитал» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» В. И. Ленина и многие другие.

Мы опираемся на работы марксистов-ленинцев всех стран. Эти как будто азбучные истины и аксиомы необходимо подчеркивать, ибо среди некоторых наших философов существуют неправильные представления о том, каковым должно быть подлинно научное философское и социологическое исследование. Некоторые наши философы, неправильно поняв смысл борьбы партии против догматизма и начетничества, впали в другую крайность — в описательство и эмпиризм. Другие же философы, наоборот, выдавая за теоретическое исследование абстрактно-логические дедукции, не дают никакого обобщения конкретного научного материала, явлений реальной жизни.

Марксистский диалектический метод требует единства теории и практики, науки и жизни. Представители общественных наук не могут, подобно физикам, химикам и биологам, прибегать к экспериментам, но перед ними величайший исторический опыт, который совершают миллионы людей. Эти миллионы людей и их организации осуществили и осуществляют тысячи опытов, начинаний, из совокупности которых и складывается в итоге светлое здание коммунизма.

Первой нашей задачей и является изучение и обобщение результатов этого великого исторического опыта. Мы, советские философы, социологи, экономисты, имеем перед собой самый богатый практический опыт строительства социализма и единственно верный научный метод изучения и обобщения этого опыта — метод марксизма-ленинизма.

Советские философы проделали уже известную работу по обобщению опыта социалистического строительства, что нашло отражение в ряде коллективных трудов, сборников, монографий, учебных пособий, статей в теоретических журналах и энциклопедиях. Изданы работы о социалистическом производстве, производительных силах и производственных отношениях, о базисе и надстройке, ликвидации эксплуататорских классов и стирании классовых различий, о Советском государстве и советской демократии, о руководящей роли партии, роли народных масс, о культурной революции и социалистической культуре, о формировании и развитии социалистических наций и их культур, о семье в условиях социализма, о принципах коммунистической морали, о коммунистическом воспитании и преодолении пережитков капитализма в сознании людей.

Но многие из перечисленных вопросов разработаны у нас лишь в самых общих чертах. Мы только начинаем исследовать такую узловую проблему, как вопрос об общих закономерностях возникновения и развития социалистической общественной формации и о своеобразии перехода от капитализма к социализму в разных странах. Это одна из центральных проблем теории социалистического общества, по которой мы должны дать бой международному ревизионизму.

В последнее время в нашей литературе значительное внимание уделялось исследованию характера противоречий социалистического общества, вопросу о путях и методах их разрешения. Ведущаяся в нашем журнале дискуссия по этому вопросу, несомненно, даст толчок к более

глубокому исследованию этой проблемы. В ряде опубликованных статей правильно, интересно, по-новому ставится этот центральный вопрос теории социалистического общества, намечается конкретное и достаточно аргументированное фактами решение различных сторон этой проблемы.

Но мы еще совершенно недостаточно изучаем и обобщаем богатейший опыт работы Советского государства за последние годы, когда осуществлялась большая перестройка форм и методов хозяйственного руководства в связи с новыми условиями экономического развития страны. А между тем анализ этой перестройки мог бы глубоко раскрыть зависимость изменений в надстройке от изменений, происходящих в базисе. В зависимости от этих изменений базиса изменяются и содержание и формы работы государственных органов, изменяются или отпадают одни функции, появляются новые. Так, например, в связи с улучшением материального благосостояния нашего народа, повышением его сознательности и культурности, улучшением коммунистического воспитания сокращается преступность. Политические преступления против Советского государства ныне вдохновляются главным образом извне, агентурой империализма. В связи с этим внутри страны сокращается сфера государственного принуждения, все большее значение приобретают общественное мнение, моральное и правовое сознание народа. Деятельность наших карательных органов направлена главным образом против внешних врагов.

Наша партия и Советское государство ведут гигантскую работу по улучшению культурно-бытовых условий жизни трудящихся. За сорок лет социалистической революции у нас произошла коренная ломка старого быта и создан новый, социалистический быт. Особенно глубокая и крутая ломка старого быта произошла в советских республиках Средней Азии и Казахстане, в районах, в которых до революции преобладали остатки феодализма, патриархата, родовых отношений. Но противоречия и борьба между новым бытом и пережитками старого быта еще не исчезли. В связи с этим возникают новые конкретные вопросы развития социалистического быта и культуры. А между тем у нас нет еще ни одного серьезного марксистского исследования, обобщающего те изменения, которые произошли в быту народов нашей страны за сорок лет.

С развитием экономических, политических и культурных связей с другими странами, особенно странами социалистического лагеря, закономерно развиваются внешние функции Советского государства. СССР развивается ныне как составная часть мировой системы социализма, как ее цитадель.

Перед нами поставлена новая научная и практическая проблема — проблема взаимоотношения стран в мировой системе социализма.

«Свои взаимоотношения социалистические страны строят,— говорится в Декларации,— на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Это — важные принципы, однако они не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь. В этой взаимной помощи находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма».

Таким образом, на наших глазах родились новые международные отношения — международные отношения социалистического типа. Развиваются международное социалистическое разделение труда в лагере стран социализма, обмен опытом, научными и техническими достижениями, координация планов их хозяйственного развития в интересах каждой страны и социалистического лагеря в целом.

Изучение этого нового типа международных отношений — одна из

важнейших задач экономических, правовых и социологических исследований марксистов-ленинцев.

Взаимная помощь и сотрудничество играют важную роль в укреплении экономической и политической независимости каждой из социалистических стран и их содружества. Солидарность стран социализма не направлена против каких-либо других стран и народов; напротив, она служит интересам всех миролюбивых стран и народов, сдерживая агрессивные устремления воинствующих империалистических кругов. Социалистические государства, вступившие на путь социализма, объединяет общая сущность экономического строя социализма, общая классовая природа государственной власти, общая потребность во взаимной поддержке и помощи, общность интересов и целей в борьбе против империализма, за победу социализма и коммунизма, общая для всех этих стран господствующая идеология марксизма-ленинизма.

Но для упрочения братских отношений и дружбы между странами социализма необходимо последовательно проводить марксистско-ленинскую интернационалистическую политику коммунистических и рабочих партий, воспитывать всех трудящихся в духе сочетания интернационализма с патриотизмом, решительно бороться за преодоление пережитков буржуазного национализма и шовинизма.

В этой связи следует подчеркнуть значение всесторонней разработки марксистской этики и вопросов коммунистического воспитания трудящихся. Необходимо подвергать критике лицемерие и фальшь реакционных этических систем.

Необходимо разрабатывать такие важные теоретические проблемы, как проблема мирного сосуществования стран с различными социально-экономическими системами, вопросы борьбы за мир, единства международного рабочего движения, о различных формах перехода к социализму, о национально-освободительном движении, о развале колониальной системы империализма. Все эти проблемы должны стать предметом специальных социологических исследований.

Эти задачи стоят и перед нашим журналом, его авторским активом. В этом году журнал переходит от выпуска 6 номеров к выпуску 12 номеров в год. Все это требует повышения теоретического уровня нашей работы.

Осуществляя ленинский план разработки материалистической диалектики, наш журнал должен уделять особое внимание актуальным философским, гносеологическим и логическим проблемам, которые выдвигаются развитием естествознания и общественных наук.

Одним из основных недостатков в разработке вопросов диалектического материализма в журнале является все еще слабое обобщение новейших данных естествознания, а также истории науки, попытки решать философские проблемы при помощи абстрактных логических рассуждений и умозаключений, без привлечения конкретного современного научно-познавательного материала и опыта научного познания. На преодоление этого недостатка журнал обращал и будет обращать особое внимание.

В этой связи редакция журнала придает большое значение публикации статей, дающих сообщения о новейших достижениях и открытиях в разных областях естествознания, и статей, философски обобщающих эти достижения.

Наибольшее внимание необходимо уделить методологическим проблемам физики, химии, биологии, космогонии, вопросам специфики и взаимосвязи различных форм движения материи и в соответствии с этим проблеме взаимного или «перекрестного вооружения» целого ряда смежных наук, например, применению современных методов математики, физики, химии в биологии и т. д.

Много новых запросов, несомненно, выявит предстоящее совещание по философским проблемам естествознания.

Следует еще раз подчеркнуть, что при разработке философских проблем естествознания необходимо сотрудничество философов со специалистами-естественниками. Перечисленные выше вопросы должны освещаться не только в философском журнале, но и в специальных естественнонаучных журналах.

В борьбе за диалектический материализм, против идеализма, метафизики, догматизма, схоластики, мистики наряду с философами должны активно участвовать все ученые-естествоиспытатели, следуя славным традициям таких корифеев нашей отечественной науки, как Ломоносов, Бутлеров, Менделеев, Сеченов, Тимирязев, Павлов, Мичурин, Вавилов, Бах и другие. Только при этом условии можно успешно отбить натиск буржуазных идей и буржуазного мировоззрения и обеспечить полную победу научного, материалистического и атеистического мировоззрения в современном естествознании. Большие задачи стоят перед нами в области освещения истории философии, изучения философии стран Востока и особенно истории марксистско-ленинской философии.

В заключение необходимо сказать, что наш журнал должен больше внимания уделять и вопросам преподавания марксистско-ленинской философии, анализу программ философских курсов с точки зрения их научной обоснованности, делу подготовки наших философских кадров, особенно в национальных республиках. Необходимо активнее привлекать их в качестве авторов нашего журнала. И в этом отношении наши возможности расширяются.

За сорок лет советские философы провели большую работу по пропаганде великих идей и принципов марксистско-ленинской философии, по борьбе с буржуазной философией и ревизионизмом, за победу творческого марксизма-ленинизма.

Кадры философов растут и количественно и качественно, хотя и не так быстро, как нам хотелось бы. Работы для них — непочатый край. Наша партия и Советское государство создали самые благоприятные условия для плодотворной творческой работы всех научных кадров, в том числе и философов.

Решительное преодоление последствий культа личности, развертывание свободных, творческих, научных дискуссий оживили всю научную и философскую работу, дали могучий толчок и стимул для развития науки, открыли перед ней еще более блестящие перспективы. Как никогда раньше, широко развиваются культурные, научные связи советских ученых с учеными зарубежных стран. Мы получаем теперь больше иностранной литературы. Более систематически публикуются необходимые для научных работ и социологических обобщений статистические данные. Всеобщая перепись 1959 года даст, несомненно, богатейший материал для обобщений.

Дело теперь только за нами. Нам надо самим смелее ставить и решать вопросы, выдвигаемые развитием конкретных наук, общественной жизни, чтобы покончить с догматизмом, начетничеством, а также и с голым описанием и переложением, пережевыванием всем известных фактов. А для этого надо найти определенные формы связи с предприятиями, общественными организациями, учреждениями, в том числе и научными, изучать их практику, проверять свои положения и выводы на основе изучения этой практики, отвечать на те коренные теоретические, философские и социологические вопросы, которые ставит практика, применяя теоретический метод марксизма-ленинизма. Нужно развертывать творческие научные дискуссии по новым вопросам, поднимать теоретический уровень этих дискуссий. Только при этом условии научная работа философов будет плодотворна, нужна, полезна и действительно поможет работникам-практикам осмыслить, обобщить их богатейший опыт, улучшить практическую работу и поможет развитию самой философии.

О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание»*

В. П. ТУГАРИНОВ (Ленинград)

Разработка категорий диалектического и исторического материализма является важным средством дальнейшего развития марксистско-ленинской философии. В этой работе надо исходить из предпосылки неразрывной связи категорий исторического материализма с категориями диалектического материализма.

Учение о бытии и сознании излагается диалектическим материализмом, а учение об общественном бытии и об общественном сознании — историческим материализмом. Диалектический материализм есть теоретическая основа исторического материализма. Но основа и все содержание — это не одно и то же. Исторический материализм — особая наука в системе марксистских философских дисциплин, марксистская социология, но в то же время он является развитием и конкретизацией диалектического материализма в применении последнего к области познания общественных явлений. А это значит, что категории диалектического материализма недостаточно конкретны для понимания явлений и закономерностей общественного развития. Категория бытия вообще конкретизируется в категории общественного бытия, приобретая здесь более богатое содержание. Понятие сознания соответственно конкретизируется в понятии общественного сознания, являющегося формой и ступенью развития сознания вообще, но приобретающего свои особые, специфические черты по сравнению с последним.

В. И. Ленин настаивал на неразрывной связи диалектического и исторического материализма, на необходимости рассматривать категории исторического материализма на базе того понимания, какое им дает диалектический материализм. «Сознание вообще,— писал Ленин,— *отражает* бытие,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно». И далее:

«Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю) независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества» (Соч., т. 14, стр. 309 и 312).

Поэтому рассмотрение проблемы общественного бытия и общественного сознания надо начать с краткого изложения категорий бытия и сознания, а затем перейти на этой основе к выяснению того, какие более конкретные и специфические особенности и черты вносит в явления бытия и сознания общественная жизнь. При этом следует разобраться в точном смысле каждой категории, не приписывая им расширительного смысла и не отождествляя их, следует учесть тонкие переходы от одной категории к другой.

* Редакция считает, что положения, выдвинутые автором по вопросу о том, что входит в понятие общественного бытия, требуют дальнейшего обсуждения.

* * *

Понятие бытия в самом общем смысле означает существование.

«Когда мы говорим о *бытии* и только о бытии,— писал Энгельс,— то единство (мира.— В. Т.) может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют» (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», 1952, стр. 41). Бытие вещи означает, что она есть, что она существует¹.

В органической природе понятие бытия становится более содержательным, приобретая новое определение: «жизнь».

Понятие бытия употребляется философами часто в том же смысле, что и понятия «природа», «материя». Действительно, ведь все то, что существует, и называется природой (если мы употребляем это слово в самом общем смысле, в смысле мира, вселенной). Но, во-первых, понятие природы употребляется и в более узком смысле, когда мы хотим отличить ее от общества. Во-вторых, что еще более важно, о природе мало сказать, что она только существует. Природа обладает, кроме бытия, еще и материальностью, то есть она является *внешним* миром, существует вне нашего сознания и независимо от него. Поэтому понятие материи является более глубоким, более содержательным, чем понятие бытия.

Разбираясь в смысле и соотношении понятий «бытие», «природа», «материя», можно сказать так: природа (в смысле мира, вселенной) имеет два определения, два свойства: бытие и материальность. Второе свойство и соответственно второе определение природы — ее материальность — обозначает более глубокое понимание природы как материального бытия в отличие от духовного бытия. Из этого видно, что указанные три понятия можно употреблять в одном и том же смысле лишь тогда, когда для нас не важны названные различия между ними, то есть когда нам важно отметить, указать *только* на то самое общее, что имеется у всех трех понятий, а именно: реальное существование природы. При более же глубоком разборе вопроса эти понятия приходится отличать друг от друга.

Бытие нельзя отождествлять и с материей, с материальностью. Сознание не является материей, не обладает свойством материальности.

Ведь материальное есть как раз то, что существует вне сознания и независимо от него: тела, вещи, явления внешнего мира. Сознание же — это совокупность ощущений, мыслей, чувств, идей. Идеальное есть отражение материального. Сознание, писал И. В. Сталин, есть форма бытия, но не материя. Это значит, что сознание обладает бытием лишь в том смысле, что оно *есть*, существует. В. И. Ленин называл сплошным вздором утверждение о меньшей реальности сознания по сравнению с физическими явлениями (см. Соч., т. 14, стр. 267). Сознание есть явление природы, иначе говоря, оно обладает бытием лишь в онтологическом отношении. Но сознание является не *непосредственным* бытием, а отражением этого непосредственного бытия. В. И. Ленин писал: «Понятие (познание) в бытии (непосредственных² явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc)...» («Философские тетради», 1947, стр. 214). Поэтому в гнесеологическом отношении созна-

¹ Мы не останавливаемся здесь на указанном еще Гегелем тонком различии между категориями бытия и существования.

² Термин «непосредственный» употребляется классиками марксизма-ленинизма в обычном смысле этого слова. Непосредственно то, что не требует какого-либо посредствующего звена. Например, мой сын есть мой непосредственный потомок, а мой внук — потомок, опосредованный моим сыном и моей снохой (женой сына). В данном случае сознание опосредовано, с одной стороны, существованием мозга, а с другой стороны, существованием (бытием) всего того, что оно отражает. Бытие же в прямом (непосредственном) смысле слова ничем не обусловлено, оно имеет субстанциальный характер, то есть является причиной самого себя.

ние исключается из понятия бытия. Мы отличаем бытие от сознания, общественное бытие от общественного сознания.

Таким образом, сознание есть, с одной стороны, реальное явление действительности, а с другой стороны, оно не само бытие, а его отражение, копия, снимок с действительности. С первой (онтологической) стороны, сознание не может быть противопоставлено ни бытию, ни материи, так как оно есть свойство высокоорганизованной материи. Со второй (гносеологической) стороны сознание противоположно материи. Однако, указывает Ленин, «различие материи от духа *относительно, не чрезмерно*» (Соч., т. 14, стр. 232).

В своих замечаниях по адресу Иосифа Дицгена В. И. Ленин констатирует противоположность материи и сознания лишь в гносеологическом отношении, то есть в том отношении, что материя первична, а сознание вторично, производно, и вместе с тем возражает против включения мысли в понятие материи.

Абсолютное противопоставление (то есть противопоставление во всех отношениях) материи и сознания приводит к превращению сознания в особую бестелесную субстанцию, «душу».

«Самое верное средство,— писал Ленин,— дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» (Соч., т. 31, стр. 44).

Сознание является не особой нематериальной, бестелесной, духовной субстанцией, а лишь свойством одной-единственной субстанции — материи (свойством высокоорганизованной материи). И в этом отношении сознание нельзя считать материальным. Лишь субстанцию в целом (природу) или ее части — тела, предметы, вещи — можно безоговорочно называть материальными. К свойствам же применять субстанциальные определения (материальности или нематериальности) в ряде случаев не годится. Если бы кто-нибудь стал, например, требовать от нас ответа, материальны или не материальны честность, добросовестность, красота и т. п., мы назвали бы такие вопросы бессмысленными.

Сознание есть функция или продукт деятельности мозга. Все явления сознания осуществляются в материальном нейродинамическом процессе, то есть представляют собой результат высшей нервной деятельности. Но это отнюдь не значит, что сознание по своей природе по сущности материально. Нельзя не видеть разницы между процессом и его результатом, продуктом. Никто не станет отождествлять технологический процесс ткачества с продуктом этого процесса — тканью.

Процесс высшей нервной деятельности — это «технологический процесс» возникновения мыслей, сознания. Работа органов высшей нервной деятельности — лишь необходимое условие для возникновения и смены той совокупности образов, мыслей и чувств, которую мы называем сознанием. Содержание тех или иных моральных, эстетических, научных или политических идей следует отличать от физиологических процессов, происходящих при переживании этих идей. Этика, эстетика, наука и политика вправе отвлекаться (и на деле отвлекаются) от того, что происходит при переживании этих идей. Никакие физиологические исследования не могут объяснить содержания и общественного значения возвышенных идей и благородных чувств, движущих людьми в их борьбе за мир во всем мире, за национальную независимость, за свободу, за лучшее устройство общества, в борьбе против насилия, произвола, бюрократизма, беспорядков и недостатков, тормозящих движение к коммунизму.

Из сказанного ясно, что сознание не «просто» объективно и не «просто» субъективно, а представляет собой единство объективного и субъективного. Примат, первенство в этом единстве принадлежит объективному.

Объективным называется то, что находится вне нас и существует независимо от нас. Субъективное — это то, что зависит от субъекта, от человека, в отличие от того, что принадлежит объекту, то есть природе.

В сознании имеются как те, так и другие стороны и соответственно признаки. Объективные стороны сознания состоят в следующем. Во-первых, объективным является содержание сознания, ибо оно отражает внешний мир, является его приблизительной копией, а содержание копии (если она заслуживает этого названия) не может существенно отличаться от оригинала. Во-вторых, мой организм, носитель сознания, в то же время — часть объективного мира. Другими словами, я являюсь субъектом и одновременно объектом для других людей. Это касается не только моего организма и его проявлений вообще, но и моего сознания, так как оно проявляется в о в н е в форме слов, поступков, мимики, жестов и т. д. и поэтому становится доступным для других людей. В. И. Ленин писал: «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей» (Соч., т. 1, стр. 385).

Как показывает современная физиология, психические явления вызывают целый ряд процессов в других органах тела, например, работу желез внутренней секреции, изменения сердечной деятельности. Благодаря имеющим вполне объективный характер внешним и внутренним проявлениям психических явлений они изучаются общенаучными, объективными методами, как и всякое явление природы.

Субъективные стороны сознания состоят в том, что, во-первых, процесс сознания всегда осуществляется внутри организма, относится к внутреннему миру человека; во-вторых, сознание представляет собой непосредственное переживание, которое может быть передано другим лишь посредством речи и пр.; в-третьих, в образах и мыслях человека не всегда достигается вполне точное и полное, вполне адекватное отражение действительности, то есть в нем имеются элементы, привносимые человеком. На это указывал Ленин в своем известном положении, что в познании человек избавляется от субъективности и все более приближается к объективности.

Объективные и субъективные стороны и признаки сознания существуют слитно и нераздельно. Сознание в целом одновременно и объективно и субъективно. Нельзя понимать так, например, что мое сознание субъективно, а сознание остальных людей — объективно, или что сознание объективно, когда оно проявляется вовне, в речи и действиях, и субъективно, пока мысли и чувства никак не проявляются.

Сознание всех людей, в том числе и мое, объективно по своему содержанию, так как оно отражает внешний мир, и вместе с тем сознание субъективно, поскольку оно принадлежит к внутреннему миру человека, независимо от того, проявляется оно вовне или нет.

В нашей психологической и философской литературе встречается и такое понимание этого вопроса: объективны физиологические (нейродинамические) процессы, лежащие в основе явлений сознания, а «само» сознание как совокупность идей, чувств и т. д. субъективно. Иногда можно встретить утверждение, что сознание как процесс высшей нервной деятельности объективно, а как продукт этого процесса — субъективно. Такой взгляд неправилен. Конечно, нейродинамический процесс — явление объективное, хоть он и происходит «внутри» человека. Нельзя же ведь все, что происходит «внутри», считать субъективным! Однако в этом процессе имеется и субъективная сторона в том смысле, что это процесс отражательный, что он и по содержанию своему не вполне точно и пол-

но отражает мир. Значит, процесс высшей нервной деятельности есть единство объективного и субъективного, как и его продукт — сознание. В. И. Ленин характеризовал ощущение как субъективный образ объективного мира. Эта формула охватывает природу (сущность) сознания в целом. Что же касается «полной субъективности» сознания, то об этом было сказано выше.

Со стороны своего происхождения и своей основной функции (назначения) сознание есть высшее приспособление к природной и общественной среде и орудие ее преобразования.

Многие науки о животных и человеке (физиология высшей нервной деятельности, антропология, психология и др.) доказывают, что органы и функции нервной деятельности возникли в результате биологической эволюции как продукт приспособления высших животных к внешней среде, а у человека дополнительно и к общественной среде. Рефлекторный и приспособительный характер высшей нервной деятельности, направленной, «настроенной» на внешний мир в самом широком смысле этого слова, в том числе и на наличные общественные отношения, стал после трудов И. М. Сеченова, И. П. Павлова и других советских и зарубежных физиологов несомненным. И. П. Павлов показал, что продуктом приспособления к природной среде является первая сигнальная система действительности, а продуктом приспособления к общественной среде — вторая сигнальная система как преимущественная особенность человека по сравнению с животными. Сознательная деятельность человека и механизмы его высшей нервной деятельности неразрывно связаны с особенностями общественной среды, в которой он живет. Таким образом, сознание имеет практическое назначение, но эта практическая функция сознания у человека шире и богаче, чем у животного. Животное ограничивается приспособлением своих действий к среде, «уравновешиванием» организма со средой, а у человека наряду с этим возникает и развивается функция преобразования, переделки среды в соответствии с общественными потребностями и целями. Воздействие условий общественной жизни на сознание человека и, наоборот, сознательное воздействие человека на природу и общественную жизнь осуществляется лишь через посредство физиологических механизмов. Поэтому неправильно считать, что сознание животных детерминировано физиологически, а сознание человека детерминировано общественно-исторически. В действительности сознание человека детерминировано одновременно и физиологически и общественно-исторически. Но это отнюдь не какая-то «двойная» детерминация, так как природная и общественная среда — части одной среды, объективного мира, отражаемого сознанием. По своему содержанию (то есть по тому, что в сознании «содержится») сознание является отражением как природы, так и общественных отношений. Науки о природе отражают в основном процессы природы, а общественные науки суть отражения процессов, происходящих в обществе. По своему происхождению, направлению и назначению сознание человека обусловлено трудом, производством. Но ведь из труда природа также не исключена, поскольку труд есть взаимодействие между человеком и природой, состоит в видоизменении предметов и сил природы.

Труд, создавший человека, сам представляет собою органическое единство природных и общественных явлений. Труд есть процесс взаимодействия между обществом и природой. Сознание детерминировано процессом воздействия общественного человека на природу, развивается в процессе взаимодействия с последней в условиях общественной жизни.

Таким образом, сознание отнюдь нельзя считать «чисто» общественным продуктом. Положение классиков марксизма, что сознание человека есть продукт общественного развития, нельзя понимать в том смысле,

будто при возникновении сознания влияние природы было исключено. Здесь следует учитывать прежде всего то, что эта формула была выдвинута классиками марксизма в борьбе против натуралистического, антропологического понимания сознания. Затем нельзя упускать из виду, что ведь сам процесс общественного развития, изменения производственных отношений обуславливается в своей основе процессом взаимодействия с природой. Наконец, и по своим физиологическим основам сознание явно представляет собою продукт природно-общественной детерминации. Ведь вторая сигнальная система, обусловленная общественной жизнью, является лишь «надстройкой» над первой сигнальной системой, развитием и усложнением ее; она может функционировать только на базе первой сигнальной системы и в постоянном взаимодействии с нею.

Таким образом, сознание человека во всех отношениях детерминировано окружающей человека действительностью, как природной, так и общественной. В своей материальной основе сознание детерминировано физиологически (нейродинамически). В своем содержании оно обусловлено тем, что именно оно отражает, то есть содержанием объективных явлений природы или общества, а в своей целенаправленности детерминировано в основном процессом общественного труда, представляющего, в свою очередь, единство натурального и социального.

* * *

Перейдем к вопросу об общественном бытии и общественном сознании.

Общественное бытие тоже, конечно, есть бытие, непосредственная жизнь общества, в отличие от мыслей об этой жизни. Основоположники марксизма указывали, что сначала надо жить, то есть пить, есть, действовать, а потом философствовать. Различие жизни как таковой, в прямом смысле этого слова, от «жизни идей» вполне очевидно. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что бытие людей есть реальный процесс их жизни. Г. В. Плеханов определял суть общественного бытия как форму общественного существования людей.

Однако в обществе понятие бытия приобретает новое, более богатое содержание. Люди не просто существуют, как все в природе, и не просто живут, как все живые существа, а трудятся, действуют, производя материальные блага и создавая новые общественные формы жизни.

Общественная жизнь есть единство двух сторон: совокупной практической, производственной и общественной деятельности людей (общественное бытие) и духовной, идейной деятельности (общественное сознание). Общественное сознание в отличие от общественного бытия есть совокупность мыслей, идей об этой практической, непосредственной, «действительной» (Маркс) жизни.

В работах некоторых советских философов, особенно за последние годы, слишком узко понимается смысл и содержание категории общественного бытия. Общественное бытие отождествляется с экономикой, с материальными общественными отношениями, со способом производства. Так, например, в Большой Советской Энциклопедии сказано: «Под общественным бытием марксизм понимает условия материальной жизни общества, среди которых определяющей силой является способ добывания средств к жизни, способ производства» (2-е изд., т. 6, стр. 433).

Та же формулировка дается и в «Кратком философском словаре»: «Под общественным бытием марксизм понимает *условия материальной жизни общества*, главным образом способ производства, а также экономический строй общества» (1955, стр. 336).

Но разве непосредственная практическая жизнь людей ограничивается производством? В основе общественного бытия действительно

лежит производственная, экономическая деятельность. Чтобы жить и действовать, люди должны питаться, одеваться и т. д. Однако это только основа, а отнюдь не все общественное бытие, не вся общественная практическая жизнь людей. К общественному бытию относятся и многие другие формы или области практической общественной жизни, такие, как классовые, национальные, политические, семейные и прочие отношения. Классовая и национальная борьба — это область общественного бытия, занимающая огромное место в истории человечества. Дружба между классами и нациями в условиях социалистического общества не просто лозунг или идея, а огромная практическая деятельность, движущая сила развития социалистического общества. Нет необходимости доказывать, что государство и политические партии как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе занимаются отнюдь не только идеями и теориями, а ведут такую практическую работу, без которой невозможно существование данного общества. Борьба народов за мир, против войны — это также практическая деятельность. Как же можно не считать эти виды общественной деятельности общественным бытием? Ведь эта деятельность составляет основное содержание современной общественной жизни!

Семья также является отнюдь не только областью платонических чувств и морали. Это общественная организация половой жизни людей, первичная ячейка общества, орган воспитания детей.

Итак, понятие общественного бытия значительно шире понятий, относящихся к сфере общественной экономики. Понятие общественного бытия нельзя отождествлять с материальными общественными отношениями, под которыми разумеются отношения, связанные с производством материальных, вещественных благ, в отличие от идеологических отношений, связанных с «производством» идей. Под общественным бытием следует разуметь всю реальную практическую жизнь и деятельность людей¹.

При этом отнюдь нельзя думать, что национальные, классовые, партийные и государственные отношения — исключительно область общественного бытия. Каждая из этих форм общественных отношений облекается в соответствующие идейные одежды. Солдаты Кромвеля шли в бой с пением библейских гимнов. На знаменах французской революционной буржуазии конца XVIII века были начертаны лозунги свободы, равенства и братства. Каждая партия имеет свою программу, то есть совокупность идей, вокруг которых объединяются политические единомышленники — члены этой партии. Государственная деятельность является реализацией идей той или иной партии или блока партий. Она имеет свою правовую, моральную и иную идеологию. Даже гитлеровский фашизм, эта наиболее открытая и циничная форма диктатуры империалистической буржуазии, пытался использовать для «теоретического» обоснования своей политики грабежа, насилия и массового истребления людей идеи Ф. Ницше, некоторые положения Гегеля, концепции так называемой геополитики и т. д. Современные политические деятели США также провозглашают различного рода «доктрины» в качестве лозунгов мирового господства, подавления национальной независимости народов и борьбы против стран социалистического лагеря.

¹ Понятие практической жизни мы берем в обычном смысле производственной и общественной деятельности, не включая в нее теоретическую и художественную деятельность. Понятие общественного бытия надо также отличать и от понятия быта. Быт есть часть общественного бытия. Под бытом разумеется совокупность того, что относится к области личной (индивидуальной и коллективной) жизни, а не общественной деятельности людей — семейная жизнь, отношения людей в частных квартирах («коммунальный быт»), внерабочий образ жизни, развлечения и т. п. Под колхозным бытом разумеется все то, что связано с коллективным устройством личной, внерабочей жизни колхозников: детские ясли, столовые, развлечения, праздники и т. п.

Таким образом, каждое из указанных надстроечных общественных отношений одной своей стороной, а именно практической стороной, относится к общественному бытию, а другой своей стороной, а именно идеологической стороной, относится к общественному сознанию. Так, например, практическая деятельность КПСС является областью общественного бытия, а идеология КПСС является областью общественного сознания.

Для правильного понимания того или иного явления общественной жизни следует учитывать не только его экономическую основу, но и другие стороны общественного бытия, определяющие возникновение и развитие этого явления.

Чтобы показать, насколько важно такое широкое, а не узкоэкономическое понимание общественного бытия при решении политических вопросов, приведем одно место из отчетного доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС. Обосновывая положение о возможности предотвращения войн в современную эпоху, тов. Хрущев говорил: «Обычно берут лишь одну сторону вопроса, рассматривают только экономическую основу войн при империализме. Но этого недостаточно. Война — это не только экономическое явление. В вопросе о том, быть или не быть войне, имеет большое значение соотношение классовых, политических сил, организованность и сознательная воля людей. Более того, в определенных условиях борьба передовых общественных и политических сил может сыграть в этом вопросе решающую роль».

Такой же правильный, а не узкоэкономический подход к общественному бытию проявил XX съезд КПСС и при решении других важнейших вопросов современной общественно-политической жизни. Так, при рассмотрении вопроса о возможности мирного перехода от капитализма к социализму в тех или иных странах съезд учитывал не только общую для всех стран коренную экономическую противоположность интересов буржуазии и пролетариата, но и национальные особенности истории той или иной страны, соотношение классовых сил в их борьбе за политическую власть, возможность и необходимость привлечения к борьбе за эту власть широких слоев трудящихся и их представителей в парламентах для осуществления мирного перехода к социализму.

В решении вопроса об особенностях социалистического строительства в различных странах съезд также учитывал не только общие экономические закономерности переходного периода от капитализма к социализму, но и особенности национального развития той или иной страны, ставшей на путь социализма, удельный вес и политическую роль тех или иных классовых групп в стране, возможности привлечения их к строительству социализма, политическую целесообразность применения тех или иных мероприятий по отношению к ним.

Все это невозможно было бы объяснить при узком экономическом понимании общественного бытия, исключаящем из числа факторов, влияющих на общественные явления, многие другие стороны этого бытия.

* * *

Перейдем теперь к вопросу об общественном сознании. Животное совершает действия, целесообразные для сохранения его жизни и для сохранения вида. Но животное не сознает полезности и целесообразности своих действий. Другими словами, животное действует согласно инстинктам, влечениям. Для человека же характерна деятельность сознательная, целевая, совершаемая на основании определенных мыслей. Прежде чем совершить определенное действие или работу, человек представляет себе их результат идеально, в мысли, а затем действует соответственно поставленной им цели. В этом суть различия ме-

жду бессознательной (инстинктивной) и сознательной деятельностью вообще.

Однако мысли и соответствующие им цели бывают различными. Значительная часть мыслей и целей человека относится к сфере удовлетворения личных, будничных интересов его самого и его близких. Эти мысли обычно не идут дальше отражения ближайших, частных, местных и т. п. отношений. В этом смысле человек всегда и везде действует вполне сознательно. Сознание как функция мозга, как орудие целевой деятельности в отличие от инстинктивной деятельности животных вплетается, как указывал Маркс, в ход обыденной жизни, участвует во всех актах человеческой деятельности, в том числе и в области экономической, материальной деятельности. Маркс называл такое сознание обыденным сознанием. Торговец вполне сознательно стремится продать свой товар дороже, а покупатель — купить возможно дешевле. Обыденное сознание есть общественное сознание по предмету отражения, то есть потому, что оно отражает именно общественные отношения, и потому, что оно является продуктом общественных отношений. Но для мыслей подобного рода об общественных отношениях не требуется понимания целей и задач общества в целом или определенного класса в нем. Ленин писал, что крестьянин, продавая свой хлеб на рынке или сбывая его прасолам и купцам, не сознавал, что этим он включается в мировой экономический рынок, не сознавал, какие общественные отношения складываются в результате обмена.

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 310—311).

Обращаем ваше внимание, читатель, на эти ленинские антитезы: «сознают» и «не сознают»!

«Из того,— писал Ленин,— что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях и особенно капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена» (там же, стр. 309).

Здесь опять та же антитеза: «сознательные существа» — «не сознают»!

В приведенных выдержках Ленин явно различает сознание в смысле свойства каждого разумного существа и сознание как понимание сущности общественных отношений, в которых человек живет и действует. В первом смысле человек всегда действует сознательно, во втором же смысле он может действовать бессознательно¹, стихийно.

Обратимся еще к одному примеру из учения Ленина. Как известно, Ленин различал стихийную (бессознательную) и сознательную борьбу рабочего класса. К первой он относил экономическую борьбу, когда рабочие выступают как продавцы своего «товара» — рабочей силы — и стремятся, как и всякий продавец, продать этот «товар» возможно дороже, то есть борются за сохранение заработной платы, или прибавку к ней, или вообще за лучшие условия труда. Ленин указывал, что в экономической борьбе можно усмотреть лишь зачатки сознательности, а именно созна-

¹ Здесь понятие бессознательной деятельности отнюдь не равнозначно инстинктивной деятельности.

ние того, что в одиночку за эти цели бороться невозможно, что необходимо объединение рабочих, совместные действия против хозяина.

Политическую же борьбу рабочего класса Ленин считал сознательной, так как она освещена пониманием целей и задач рабочего класса в целом, то есть пониманием не только личных или групповых задач рабочих, но и общественных отношений в целом.

Итак, экономическая борьба является вполне сознательной в смысле понимания рабочими своих групповых материальных целей и стихийной, бессознательной в смысле осознания общественных, классовых интересов. Общественное сознание, указывал Ленин, является отражением общественных отношений. Но он не останавливался на этой бесспорной истине.

В. И. Ленин отчетливо различал и подчеркивал два указанных уровня, две ступени сознания у людей в обществе. «Никогда этого не было,— писал Ленин в другом месте,— да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилаживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, напр., объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время» (Соч., т. 1, стр. 122). «...Улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил,— разъясняет ту же мысль И. В. Сталин,— люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким общественным результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя» («Вопросы ленинизма», 1952, стр. 599).

В нашей философской литературе очень мало обращается внимания на качественное различие двух указанных ступеней сознания. Однако различие их чрезвычайно важно для практической деятельности коммунистических партий. Оно является теоретической основой борьбы за воспитание идейности, коммунистической сознательности. Марксизм-ленинизм, обосновывающий классовую сознательность рабочего класса и идущих за ним трудящихся в борьбе против капитализма и в построении коммунизма, по духу своему не может не различать людей общественно и политически сознательных и людей аполитичных, несознательных. Коммунистические партии внедряют в сознание трудящихся масс не только сознание того, что уничтожение капитализма и построение социализма и коммунизма обеспечивают удовлетворение личных, групповых и классовых материальных интересов, но и воспитывают в массах коммунистическую идейность, сознание высоких целей рабочего класса в переустройстве всех сторон жизни общества, понимание объективных законов общественного развития как основы выполнения рабочим классом его исторической миссии, руководят выработкой новой морали и новых, несравненно более человеческих отношений между людьми, борются за чистоту марксистской идеологии, против ревизионизма, против проникновения буржуазных идей в различные сферы духовной жизни социалистического общества. Игнорировать важнейшие положения классиков и учителей марксизма-ленинизма о различии указанных ступеней общественного сознания, останавливаться лишь на той бесспорной мысли, что общественное сознание есть отражение общественных отношений — значит отрывать теорию от практики, отставать от потребностей нашей практической и идеологической жизни.

Таким образом, следует различать просто мысли об общественных отношениях в целях «прилаживания» (Ленин) к ним и общественные идеи.

Следует различать вообще всякие мысли об общественных отношениях и идеи о совокупности общественных отношений, требующие целостного понимания этих отношений.

Не всякая мысль об общественных связях есть идея. Мысли о том, что сегодня на рынке тот или иной товар подешевел или подорожал, что надо «устроиться» на работу, «сделать карьеру» и т. п., едва ли кто назовет идеями, хотя это, несомненно, мысли об общественных отношениях. Но мысли о борьбе за мир, о мирном сосуществовании различных социальных систем и т. п. — это идеи; они качественно отличаются от мыслей первого рода.

Высшей ступенью общественного сознания является совокупность идей, выражающих понимание целей и задач общества в целом или его определенного класса, а не просто мыслей о своих личных или узкогрупповых целях, выражающих понимание лишь отдельных общественных отношений и приспособление к ним. Как указывает Ленин, общественное сознание у основных общественных классов, поскольку они становятся «классами для себя», вырастает до понимания совокупности общественных отношений как чего-то целостного. Отнюдь нельзя начетнически и догматически понимать приведенное высказывание Ленина о том, что «никогда этого не было» и т. д., в том смысле, что такого сознания не может быть вообще¹. Марксизм-ленинизм как раз и является выражением такого целостного понимания общественных отношений. Поднятие каждого трудящегося до такого уровня общественного сознания является основной задачей идеологической деятельности марксистских партий.

Ясно при этом, что общественное сознание свойственно не только пролетариату, но и представителям других классов в прошлом и настоящем. Взгляды этих представителей, поскольку они выражают интересы соответствующих классов, их представления (правильные или неправильные) о целях и задачах этих классов или общества в целом на определенном этапе его развития, являются выражением общественной идеологии, то есть совокупности идей об общественной жизни².

Остановимся еще на одном вопросе.

В нашей философской и иной литературе по общественным наукам широко распространено отождествление сознания вообще и общественного сознания. Товарищи, защищающие это упрощенчество, говорят: всякая человеческая мысль есть выражение общественного сознания, так как человек живет в обществе.

Это неверно, во-первых, потому, что у людей есть много мыслей о природе, которые нельзя отнести к общественному сознанию, согласно определению последнего как отражения общественных отношений. К сознанию вообще относятся всякие мысли об окружающем, а не только об обществе. Но это отождествление имеет и другое вредное следствие.

Конечно, у каждого человека есть мысли о тех общественных отношениях, при которых он живет. Крестьянин знает, что надо хлеб продать,

¹ Такой вывод является бессмысленным и умаляет роль марксистской теории и сознательной деятельности вообще. Ведь Ленин говорит здесь о сознании масс в капиталистическом, эксплуататорском обществе. В другом месте Ленин писал, что в каждом классе до полного упрочения бесклассового общества «неизбежно *будут* представители класса *не* мыслящие и мыслить не способные» (Соч., т. 31, стр. 50).

² Автор этой статьи в своих прежних работах, выступая против игнорирования различия ступеней общественного сознания, относил так называемое обыденное сознание не к общественному сознанию, а к сознанию вообще. В настоящей статье он исправляет эту ошибку, являющуюся сужением смысла категории «общественное сознание», и считает ее не только терминологической. Однако он настаивает на необходимости и терминологического различения этих ступеней, хотя терминология еще не установлена. Автор сближает высшие ступени общественного сознания с категорией идеологии, но признает дискуссионный характер такого сближения. Необходимы специальные исследования о соотношении категорий общественного сознания и идеологии.

чтобы получить деньги на жизнь; рабочий и служащий знают, что надо поступить на работу, чтобы заработать на жизнь; домашняя хозяйка знает, когда и где надо купить товары подешевле, и т. д. Но мысль о том, что человек в своем сознании отражает общественную жизнь, была известна людям с древних времен. Исторический материализм обосновывает гораздо более глубокую мысль: о н е з а в и с и м о с т и общественного бытия от о б щ е с т в е н н о г о сознания, о первичности общественного бытия и в т о р и ч н о с т и по отношению к нему о б щ е с т в е н н о г о сознания.

Сознание вообще вторично по отношению к бытию, так как оно зависит от наличия материальных аппаратов высшей нервной деятельности и отражает окружающую действительность. Сознание вплетается во все акты общественной жизни; без него немыслимо ни одно из человеческих действий (кроме инстинктивных, импульсных действий). Но в историческом материализме речь идет отнюдь не об этом, а о том, что вначале возникают «сами по себе», стихийно определенные общественные отношения и лишь затем они отражаются в о б щ е с т в е н н о м сознании. Это вовсе не значит, что общественные отношения складываются без участия человеческого сознания в указанном смысле сознания вообще. Этого быть не может, ибо люди суть существа, одаренные сознанием.

В. И. Ленин, указывая на объективный характер, «объективную логику» изменений общественного бытия, отмечает, что эта логика «объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо от общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда» (Соч., т. 14, стр. 311).

Непонимание различия между сознанием вообще и общественным сознанием «снимает» основной и важнейший вопрос исторического материализма, который произвел переворот во взглядах на общество, и сводит дело к упомянутым богдановским «пустякам».

Дружба народов СССР и преодоление пережитков буржуазного национализма

Г. О. ЗИМАНАС (Вильнюс)

Марксизм рассматривает национальный вопрос как подчиненный классовой борьбе. Условием национального освобождения народов является освобождение рабочего класса. Известны слова Маркса о том, что «ни венгерец, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 134. 1955). Признание подчиненности национальных задач интернациональным, общепролетарским Ленин считал пробным камнем для подлинного интернационализма.

Подчеркивая подчиненный характер национального вопроса, классики марксизма вместе с тем всегда уделяли ему серьезное внимание. «По сравнению с «рабочим вопросом», — писал В. И. Ленин, — подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли» (Соч., т. 20, стр. 406). Ленин не допускал противопоставления национальных интересов классовым. Он доказывал, что защита общеклассовых интересов пролетариата является средством защиты и его коренных национальных интересов.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин дал классическую формулировку соединения национальных и интернациональных задач. Ленин указывал, что главная цель исторического момента — «отыскать... национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи» (Соч., т. 31, стр. 72), которая состоит в победе пролетарской диктатуры. В этих словах Ленина глубоко выражена необходимость учета конкретного, специфического, что имеется в развитии каждой нации, и сочетания национальной специфики, разрешения национальных задач с единой интернациональной задачей построения коммунистического общества.

Пролетарскому интернационализму противостоит буржуазный национализм, который стремится объединить пролетариат с буржуазией «своей» нации, не допустить создания международного единства рабочего класса.

Буржуазный национализм всегда остается на идеологическом вооружении буржуазии, культивирующей рознь между национальностями, господство одной нации над другой, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы против эксплуататоров. Современный империализм всячески использует проповедь национализма в своих попытках ослабить лагерь мира, демократии и социализма.

Свои попытки отравить сознание народа ядом межнациональной вражды эксплуататорские классы облачают в различные идеологические одежды. Стремление буржуазии одних наций прикрыть свою борьбу за мировое господство, как и стремление буржуазии других наций прикрыть свое предательство национальных интересов, является ныне источником

проповеди космополитизма, безразличного отношения к интересам родины, национальным традициям, культуре, суверенитету народов.

Стремление расколоть международный лагерь социализма породило лживую проповедь «национального коммунизма». Задаче порабощения народов служат расистские теории, переплетающиеся ныне с мальтузианством и социальным дарвинизмом, теории, проповедующие обусловленность исторического развития человечества биологическими законами.

Буржуазный национализм коренится в частной собственности на средства производства, которая разъединяет людей, ставит их в отношения господства и подчинения, в отношения конкуренции, вражды, межнациональной розни. Основу пролетарского интернационализма в условиях капиталистического строя составляют международные интересы рабочего класса. В странах социализма пролетарский интернационализм поднимается на новую, более высокую ступень и зиждется на общественной собственности на средства производства, создающей единство, общность коренных интересов трудящихся, независимо от национальной принадлежности. В социалистическом укладе заложены все условия для крепкой дружбы народов, и, наоборот, эта дружба является одним из условий укрепления и развития социалистического общества, одной из могучих движущих сил этого общества.

Пролетарский интернационализм воплощает в себе не только общность интересов всех народов, но и уважение к национальным особенностям, традициям, суверенитету каждой национальности. Социалистический интернационализм нельзя поэтому оторвать от советского патриотизма, от патриотизма народов социалистического лагеря, от подлинного патриотизма всех народов мира. Это две стороны единой идеологии, органически соединяющей в себе и гордость за свой народ и уважение ко всем народам, ибо каждый народ, каждая нация вносит или внесет свой вклад в дело построения коммунистического общества во всем мире.

Политическое, экономическое, культурное сотрудничество народов организуется Коммунистической партией на основе объективных условий. Сотрудничество наций в социалистическом обществе является одним из выражений социалистических производственных отношений.

За сравнительно короткий срок бывшие окраины царской России коренным образом изменили свой облик, превратились в советские социалистические индустриально-колхозные республики. Народы нашей страны вырастили свои кадры рабочего класса, интеллигенции, подняли на новую, высшую ступень свою культуру.

В ликвидации наследия прошлого — неравенства наций, в развитии промышленности, сельского хозяйства, национальной культуры огромную помощь оказал всем народам нашей страны великий русский народ. История человечества знает немало случаев, когда большие нации угнетали, порабощали или даже полностью истребляли соседние малые нации. Но история человечества до победы Октября не знала такого случая, когда бы великий народ оказывал малым народам громадную и бескорыстную помощь во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Такую помощь мог оказать только народ, свергший эксплуататоров, руководимый революционным рабочим классом и его партией, вожди которого задолго до революции разработали и в ожесточенной борьбе отстаивали научную революционную программу в национальном вопросе.

* * *

Ярким показателем благотворного действия национальной политики нашей партии является Советская Литва.

После великого Октябрьского переворота литовский народ решительно пошел по советскому пути. В 1918 году в Литве победила Совет-

ская власть. Но интервенты и местная буржуазия задушили молодую Советскую Литовскую республику и установили диктатуру буржуазии, просуществовавшую свыше двух десятилетий. Своей главной задачей в области идеологии буржуазные националисты ставили разжигание вражды и недоверия к русскому народу. Искажая историю, взваливая на русский народ ответственность за царскую политику угнетения народов, буржуазные националисты сумели отравить ядом шовинизма определенные слои населения, в особенности учащейся молодежи и интеллигенции.

Годы Советской власти — это годы преодоления влияния буржуазно-националистической идеологии, годы укрепления и развития дружбы литовского народа с русским народом. Убеждаясь на своем опыте в благотворной силе союза и братства с русским народом, трудящиеся Литвы с презрением отвергают происки буржуазных националистов, все теснее сплачиваются вокруг интернационалистического знамени Коммунистической партии Советского Союза.

Вместе со всеми народами нашей страны литовский народ боролся в годы Великой Отечественной войны. В послевоенный период трудящиеся Литвы, как и все народы нашей страны, самоотверженно борются за дальнейшее укрепление советской Родины.

Идеологи буржуазии утверждали, что Литва должна остаться аграрной республикой, без своей промышленности. Несостоятельность этого требования, обрекавшего Литву на отсталость и зависимость от империалистов, убедительно показала советская действительность. За годы Советской власти трудящиеся Литвы создали новые отрасли промышленности, которых не знала буржуазная Литва: судостроение, производство турбин, металлорежущих станков, электромоторов, электросчетчиков, измерительных приборов, производство цемента. О темпах развития промышленности в Литве красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1957 году промышленное производство республики выросло по сравнению с довоенным 1940 годом почти в 7 раз. При этом заслуживает внимания тот факт, что за этот же период промышленность всего Советского Союза возросла в 4 раза. Это свидетельствует о том, что Литве, как молодой советской республике с менее развитой промышленностью, оказывают помощь братские республики, союзное правительство, обеспечивая более быстрый рост ее промышленности.

После первой мировой войны (в условиях господства буржуазии) довоенный уровень промышленности был достигнут только в 1935 году, то есть более чем через 15 лет, а в условиях Советской власти уровень довоенного 1940 года был достигнут уже в 1948 году, то есть через 3 года после окончания войны, несмотря на то, что разрушений было несравненно больше.

Победа колхозного строя, на путь которого стало литовское крестьянство по примеру старших республик, раскрывает перед сельским хозяйством Литвы широкие возможности для повышения урожайности, увеличения поголовья скота и повышения его продуктивности, для подъема благосостояния трудящихся, повышения культуры села.

Буржуазные идеологи немало говорили о литовской культуре, но в действительности при господстве буржуазии трудящиеся Литвы были обречены на отсталость и темноту. В Советской Литве впервые созданы условия для приобщения широких масс трудящихся к культуре и образованию. Достаточно указать на громадное развитие здесь высшего образования. В Австрии на 8 миллионов населения имеется 20 тысяч студентов, а в Литве на неполных 3 миллиона — 24 тысячи студентов. За годы Советской власти в Литве создана Академия наук, широкое развитие получила научно-исследовательская работа.

Трудящиеся Литвы подвергались беспощадному ограблению со стороны капиталистов и помещиков в годы власти буржуазии. В досоветский

период рабочий класс нищал как относительно, так и абсолютно. Жестокой эксплуатации подвергалось трудящееся крестьянство. Иностранные империалисты, превратившие Литву в свой сырьевой придаток, все сильнее разоряли ее народ.

Годы Советской власти — это годы подъема жизненного уровня трудящихся Литвы. Несмотря на трудности послевоенного времени, несмотря на то, что громадное строительство, происходящее в республике, требует больших капиталовложений, благосостояние трудящихся неуклонно повышается.

Широкое участие трудящихся в социалистическом строительстве, разоблачение буржуазно-националистической идеологии, пропаганда идей марксизма-ленинизма — все это обеспечило коренные изменения в сознании трудящихся Литвы. Литовский народ все теснее сплачивается вокруг Коммунистической партии и советского правительства, в сознании народа утвердились идеи братства и дружбы народов, идеи советского патриотизма, идеи коммунизма.

Литовский народ добился успехов в короткий срок, и этим он обязан братским народам. Если, например, для индустриализации и коллективизации в старших республиках потребовалось примерно полтора десятка лет, то в Литве эта задача была осуществлена за 4—5 лет.

Литовский народ в годы власти буржуазии был бесправен, а его «независимость» призрачной: она служила ширмой для прикрытия экономической, политической и культурной зависимости буржуазной Литвы от империалистов Запада, в первую очередь от американско-английских империалистов.

Подлинную государственность литовский народ обрел только после свержения господства буржуазии и после восстановления Советской власти в Литве, когда народ сам стал вершителем своей судьбы.

Подчеркивая значение социалистического строя, В. И. Ленин указывал, что, «базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней». Ленин учил, что для устранения национального гнета необходимо еще демократическое устройство государства. «Перестроив капитализм в социализм, пролетариат, — указывал Ленин, — создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* «только» — «только»! — при полном проведении демократии во всех областях... На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия...» (Соч., т. 22, стр. 311). Уже Народный сейм Литвы (1940 г.) был выразителем дум и чаяний народа, он принял исторические решения о национализации земли, крупной промышленности, об установлении Советской власти и о вступлении Литвы в Советский Союз. В Верховный Совет республики на основе тайного, равного, всеобщего голосования литовский народ выбирает своих лучших сынов и дочерей — представителей рабочих, крестьян и интеллигенции. Десятки тысяч трудящихся участвуют в работе местных Советов, в которые их избирает народ. На равных правах со всеми народами СССР литовский народ избирает своих представителей в верховные органы власти СССР — в Совет Союза и Совет Национальностей, где они вместе с представителями братских народов участвуют в управлении государством.

Оплотом советской государственности литовского народа, как и всех народов нашей страны, является могучий Советский Союз — многонациональное государство трудящихся, где нет эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных, где утвердилось полное равноправие рас и наций.

На XX съезде КПСС, как в отчетном докладе, так и в прениях, была подчеркнута важность дальнейшего укрепления государственности союзных республик. Взятый XX съездом курс нашел выражение в решениях советского правительства. VI сессия Верховного Совета СССР четвертого

созыва (февраль 1957 года) приняла ряд решений, направленных на дальнейшее развитие суверенитета социалистических наций нашей страны. Это закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятие гражданского, уголовного и процессуального кодексов, закон об отнесении к ведению союзных республик вопросов областного, краевого административно-территориального устройства. Постановлением Совета Национальностей Верховного Совета СССР в целях дальнейшего улучшения народнохозяйственного планирования и всестороннего учета запросов союзных республик, обеспечения более правильного разрешения вопросов хозяйственного и социально-культурного строительства республик в соответствии с их экономическими, национальными и другими особенностями была образована Экономическая комиссия Совета Национальностей.

Заботой о дальнейшем укреплении дружбы народов СССР проникнуты решения VII сессии Верховного Совета СССР (май 1957 года) о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. В докладе тов. Н. С. Хрущева справедливо указывалось, что перестройка управления промышленностью и строительством наряду с огромным экономическим значением имеет и первостепенное политическое значение, так как знаменует собой новый крупный шаг в проведении ленинской национальной политики, подготовленный всем ходом социалистического строительства. «Широкие права, предоставляемые республикам в хозяйственном строительстве,— говорил товарищ Хрущев,— будут способствовать еще большему развитию инициативы и творческой активности масс, расцвету материальных и духовных сил всех наций и народностей Советского Союза, дальнейшему укреплению дружбы между народами нашей страны».

В борьбе за дальнейшее укрепление многонационального Советского государства большое значение имеет политика партии в области воспитания национальных кадров. Чем больше в каждой республике национальных кадров, воспитанных в духе интернационализма, тем успешнее проходит вовлечение народных масс в строительство коммунизма.

Не менее важное значение для укрепления Советского многонационального государства имеет дальнейшее развитие советской демократии, укрепление советских органов, их связи с массами, укрепление социалистической законности.

* * *

Условием успеха идеологии интернационализма является соблюдение ленинского указания о том, что интернационалистическое воспитание рабочего класса не может быть одинаковым в разных нациях. Ленин понимал эту задачу как двуединую, которая по-разному должна проводиться среди трудящихся бывшей угнетенной и бывшей угнетающей нации. В своем «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» в 1919 году Ленин требовал от украинских коммунистов борьбы с мелкобуржуазными, мелкохозяйственными, национальными предрассудками, против соглашательства со «своей» национальной буржуазией.

От великорусских коммунистов Ленин требовал осторожности и терпения в преодолении недоверия, годами воспитанного угнетением, требовал решительно выкорчевывать «позорные и поганые предрассудки великорусского шовинизма» (Соч., т. 30, стр. 271).

С тех пор, как Ленин написал эти слова, прошло много лет. Тем не менее задачи, выдвинутые Лениным, не потеряли своего значения. Если обязанность русских коммунистов — ставить во главу угла борьбу с великодержавным шовинизмом, то первейшая задача коммунистов других национальностей — борьба с местным шовинизмом, национализмом, за воспитание всех ранее угнетенных народов своей страны в духе братства и

дружбы между ними, в духе братства и дружбы с великой русской нацией, заслуги которой в революционной борьбе рабочих и крестьян, в национально-освободительной борьбе всех народов бывшей России носят всемирно-исторический характер.

Несмотря на победу идеологии дружбы народов в нашей стране, пережитки буржуазного национализма еще дают себя знать в той или иной мере, и партийные организации вынуждены неустанно вести борьбу против этих пережитков. Так, например, IX съезд Компартии Литвы (январь 1956 года) вновь поставил перед партийной организацией республики задачу усиления борьбы против пережитков буржуазной идеологии, в частности, против остатков национализма, против остатков буржуазных взглядов в науке, против эстетства, формализма, безыдейности в литературе и искусстве и т. п.

Пережитки буржуазного национализма могут проявляться в остатках недоверия к братским народам, в недооценке силы и значения дружбы и союза народов СССР, в местничестве, в противопоставлении интересов республики общесоюзным интересам или наоборот. Победа социализма в нашей стране покончила с фактическим неравенством наций, создала полную общность их коренных жизненных интересов. Но общность интересов народов СССР, отсутствие антагонистических противоречий между ними вовсе не означают ликвидации всяких различий и особенностей между нациями в стране социализма. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду товарищ Хрущев говорил: «Социализм не только не уничтожает национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей».

Национальные особенности и различия обуславливают собою существование специфических интересов отдельных наций и национальных республик. Эти интересы находятся в единстве с общесоюзными интересами, между ними нет и не может быть антагонизма. Осуществление ленинской национальной политики требует правильного сочетания общих классовых интересов пролетариата со специфическими интересами каждой нации. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран подчеркнуто, что «игнорирование национальных особенностей пролетарской партией непременно ведет ее к отрыву от жизни, от масс, непременно наносит ущерб делу социализма, и наоборот, преувеличение роли этих особенностей и отход от всеобщей истины марксизма-ленинизма о социалистической революции и социалистическом строительстве под предлогом национальных особенностей также непременно наносит ущерб делу социализма». Своей политикой Коммунистическая партия обеспечивает правильное сочетание общесоюзных интересов и специфических интересов отдельных республик, успешно преодолевая временные, неантагонистические противоречия, которые могут возникнуть в области этих отношений. Партия учитывает необходимость сочетания общих и местных интересов при решении вопросов о размещении производительных сил в стране, о порядке планирования и т. п.

Примером правильного сочетания общесоюзных и республиканских интересов является политика партии в отношении освоения целинных и залежных земель. Коммунистическая партия решила в короткий срок увеличить производство зерна за счет освоения целинных земель. Не может быть сомнения в том, что увеличение зерна необходимо как всему Советскому Союзу, так и каждой республике. Освоение целинных земель потребовало преимущественного выделения техники и капиталовложений для этих земель и временного сокращения поставок этой техники для тех республик, где нет целинных земель. Как известно, выпускавшиеся в 1954 и 1955 годах гусеничные тракторы, плуги, сеялки направлялись главным образом на новые земли.

Уже сейчас мы видим, какие благоприятные результаты дала эта политика сочетания общесоюзных и республиканских интересов стране в

целом и каждой республике в отдельности. Об этом убедительно свидетельствует и пример Литовской ССР. В результате значительного увеличения производства зерна в стране создалась возможность заменить для Литовской ССР, где преобладает мясо-молочное производство, зернопоставки поставками мяса и молока. В 1957 году колхозы ЛССР могли вместо зерна поставлять молоко и мясо. Это дало возможность колхозам, оставляя у себя зерно, увеличивать производство мяса и молока и тем самым улучшать снабжение городов республики молоком и мясом. Более того, центральные органы выделили в 1957 году концентрированных кормов для республики в 2,6 раза больше, чем в 1955 году. Только эти корма (не считая большого количества кормов, остающихся в колхозах в результате полной замены зернопоставок молоком и мясом) дают возможность увеличить в республике производство молока на 18—20%, а производство мяса — на 8—10%. А теперь благодаря увеличению производства зерна на целинных землях возникла возможность полной замены для колхозов Литовской ССР обязательных поставок зерна, что позволяет еще более увеличить в Литве производство молока и мяса.

Таким образом, урожай на целинных землях оказал исключительно благотворное влияние и на экономику Литовской республики. Решение общесоюзной проблемы явилось одновременно решением и республиканской проблемы. Жизнь еще раз подтвердила единство коренных интересов Советского Союза и отдельных республик.

В борьбе за победу коммунизма в нашей стране решающее значение имеют общесоюзные интересы, и это предопределяет их преимущественное положение при решении вопроса об их сочетании с местными. Правильное сочетание республиканских интересов с интересами всего Советского Союза определяется марксистско-ленинским принципом оценки национальных требований под углом зрения классовых интересов пролетариата. Местный национализм может проявляться в недооценке общесоюзных интересов, в недостаточной мобилизации внутренних ресурсов республики на укрепление всего Советского Союза.

То, что подобная опасность, о которой говорили и другие участники сессии, реально существует, подтверждает практика работы в национальных республиках. Так, например, отдельные руководящие работники в ЛССР подверглись критике за то, что трудности в работе они пытались разрешать не за счет раскрытия и введения в действие местных ресурсов, а только за счет помощи со стороны союзного правительства.

Пережитки буржуазного национализма могут сказываться в особенности чувствительно в работе с кадрами. Коммунистическая партия стремится воспитать в национальных республиках местные советские кадры. Однако на первых порах, когда таких кадров еще мало, одни братские республики помогают другим кадрами, и эта помощь является одним из видов самой ценной помощи, которую старшие братские республики оказывают более молодым республикам. Такая помощь способствует более быстрому росту национальных кадров, распространению драгоценного опыта социалистического строительства.

Трудящиеся на своем опыте убеждаются в значении братской помощи и взаимопомощи во всех областях, однако некоторое недоверие к инонациональным кадрам еще имеется. Это выражается в противопоставлении кадров разной национальности, в необъективной оценке инонациональных работников, в неправильном обобщении их отдельных ошибок. Партия провозглашает лозунг о выдвижении национальных кадров, а буржуазные националисты или люди, поддавшиеся влиянию буржуазно-националистической идеологии, пытаются вести политику дискриминации кадров по национальному признаку. Именно так поступал враг народа Берия, который одной из главных форм своей диверсии в национальных республиках избрал противопоставление кадров разных национальностей. Преодо-

лению недоверия к кадрам из братских республик мешают недостаточно активная забота о росте национальных кадров, недостаточная забота об их выдвижении. За подобные ошибки, например, в ЛССР подвергались критике работники некоторых союзных и союзно-республиканских ведомств — Министерства связи, Министерства путей сообщения и др.

Буржуазно-националистические пережитки могут сказываться также и в недооценке важности изучения и освоения опыта братских республик, в пренебрежительном отношении к этому опыту. В исторической науке пережитки буржуазного национализма проявляются в недостаточном освещении значения совместной борьбы братских народов за социальное и национальное освобождение.

Понятно, что взаимопомощь народов является выражением интернационального долга, сотрудничества братских наций во имя единой интернациональной цели. Между тем в отдельных работах это сотрудничество иногда изображается как своеобразная филантропия, без подчеркивания единства и общности борьбы всех народов Советского Союза.

Дружба народов нашей страны имеет большие исторические традиции. Совместная борьба за национальное и социальное освобождение скреплена кровью лучших сынов народов СССР. Происки угнетателей ослабляли эту дружбу, но не могли ее свести на нет. Правильное, марксистское освещение прогрессивных традиций совместной борьбы и дружбы народов нашей страны имеет огромное воспитательное значение.

К сожалению, значение некоторых научных работ, направленных на воспитание трудящихся в духе братства и дружбы народов, снижается такими недостатками, как затушевывание противоречий развития общества, односторонний подбор фактов, схематизм. Так, например, некоторые советские историки, правильно изображая историческую дружбу наших народов в прошлом, воздерживаются от разоблачения политики царизма, антинародной политики феодалов, становясь на путь лакировки истории. Подобные взгляды глубоко ошибочны и снижают действенность многих исторических работ, направленных на отображение исторических корней дружбы народов, ибо нельзя показывать эту дружбу, не разоблачая ее врагов.

Пережитки буржуазного национализма сказываются в примиренческом отношении к буржуазным националистам, в отсутствии бдительности по отношению к ним. В 1957 году, например, Бюро ЦК КП Литвы подвергло резкой критике отдельных руководящих работников высших школ республики за недостаточную борьбу против чуждых влияний и их носителей. «Аполитичность» нередко является прикрытием для такого примиренчества. В историографической и литературоведческой науке подобные пережитки нашли выражение в переоценке значения буржуазии и буржуазных деятелей, в их идеализации, в проникновении антинаучных буржуазных «теорий» бесклассовости и безбуржуазности нации в условиях капитализма, теорий единства буржуазной нации, «единого потока» и т. п.

VI съезд Коммунистической партии Литвы (февраль 1949 года) подверг резкой критике тех, которые изображали идеологию и практику буржуазии в Литве конца XIX века как полностью прогрессивную, притом надклассовую, а ее вождей — как патриотов, выразителей интересов народа. Тем не менее подобные ошибки еще не изжиты в идейной жизни республики. Недавно республиканская печать в Литве была, например, вынуждена подвергнуть резкой критике отдельных литераторов, которые в мемуарной литературе, в литературной критике идеализировали деятельность буржуазных националистов в период революции 1905 года, пытались изобразить их как народных борцов. Ученый совет Вильнюсского государственного университета отверг диссертацию «Художественное творчество Винцаса Кудирки», в которой принижалось значение национально-

освободительного движения в Литве и возвеличивалась деятельность либеральной буржуазии.

Общественность в Литве подвергла критике либретто оперы «Сукилеляй» («Повстанцы») за недостаточность показа совместной борьбы русского, литовского и польского народов против царизма, а также влияния русских передовых деятелей на восстание 1863 года в Литве, за преувеличение национального момента и недостаточное отображение социальных моментов восстания.

Пережитки буржуазного национализма сквозят в неправильных взглядах на советскую государственность, на Советское многонациональное государство, на суверенность социалистических наций в условиях советского государственного строя. Советская власть обеспечивает развитие государственности всех народов нашей страны.

Вовлечение все более широких слоев трудящихся в управление государством, развитие и укрепление Советского многонационального государства убеждают в преимуществах советского строя, советской демократии. Но остатки буржуазных взглядов на государственность социалистических наций еще кое-где сохраняются. Это проявляется в идеализации буржуазного государства, в лакировке капиталистической действительности, в умалении достижений Советской власти, в преувеличении недостатков и трудностей роста.

Пережитки буржуазного национализма проявляются также в преувеличении местной, национальной специфики и преуменьшении значения положений, общих для развития всего Советского Союза. Нельзя, конечно, отрицать, что общие положения должны применяться в условиях национальной республики с учетом их специфики, в соответствии с конкретными условиями. Требование учесть национальную специфику ни в коем случае не может считаться проявлением национализма. Однако преувеличение, абсолютизирование национальной специфики, игнорирование или недостаточный учет положений, общих для всего Советского Союза, характерны для буржуазных националистов. Так, например, в свое время некоторые представители интеллигенции в Литве доказывали невозможность создания колхозов в Литве, где особенностью крестьянства является будто бы природный индивидуализм, связанный с хуторской системой. Победа колхозного строя в Литве разоблачила подобные вымыслы как кулацкие и националистические.

С пережитками буржуазного национализма тесно связаны, как уже отмечено, и остатки буржуазного космополитизма. Под воздействием империалистов идеи космополитизма распространяют и представители буржуазии малых наций. Так, в Литве идеология космополитизма распространялась буржуазией, которая стремилась привить трудящимся низкопоклонство перед капиталистическим Западом. Рьяным распространителем космополитизма являлась и является реакционная часть католического духовенства. Растленная идеология космополитизма особенно использовалась буржуазными националистами в Литве в годы гитлеровской оккупации. К этому буржуазных националистов побуждал союз с гитлеровцами.

Пережитки космополитизма сказались в ЛССР в особенности в идеологической борьбе, в критике и искусствоведении, где они проявились в преклонении перед буржуазной культурой Запада, в недооценке культуры народов Советского Союза, в том числе и литовского народа, в умалении произведений, пропагандирующих идеи советского патриотизма.

В условиях молодой Советской Литовской республики пережитки космополитизма особенно тесно смыкаются с пережитками буржуазного национализма, порой же националистические тенденции прикрываются мнимой борьбой против космополитизма. Партийная организация Литовской ССР оценила как пережиток буржуазного национализма попытки объявить космополитами людей, боровшихся против национальной огра-

ниченности, за укрепление связей с русской культурой и культурой других народов СССР, за воспитание трудящихся в духе подлинно советского патриотизма, в духе пролетарского интернационализма.

Пережитком буржуазной идеологии является лжепатриотизм, огульно отвергающий все передовое, что достигнуто наукой, культурой, искусством за рубежом. Противопоставляющий себя космополитизму, он является на деле разновидностью буржуазного национализма, использующего в своих целях и космополитизм. Так же обстоит дело и с национальным нигилизмом, который выражается в отрицании или принижении национальной культуры, огульном охаивании национального прошлого, в непризнании демократических элементов в национальной культуре. В Литве, например, некоторые работники идеологического фронта под маской критики буржуазии стали на путь охаивания и полного отрицания всех достижений литовского народа, литовской творческой интеллигенции за годы власти буржуазии. Несмотря на кажущуюся противоположность буржуазному национализму, национальный нигилизм буржуазен, ибо в его основе, как и в основе буржуазного национализма, лежит презрение к культуре народа, трудящихся.

* * *

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет обеспечивают правильное проведение ленинской национальной политики. Однако в практической деятельности отдельные работники могут допускать и допускают ошибки. В. И. Ленин не раз указывал на величайшую опасность подобных ошибок: «...Ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства... своими товарищами пролетариями» (журнал «Коммунист» № 9 за 1956 год, стр. 25). Ленин указывал и на величайший вред малейших возрождений великодержавного шовинизма хотя бы в мелочах. Нарушения национальной политики могут вести к оживлению пережитков буржуазного национализма. Пренебрежительное отношение к национальной культуре, к прогрессивным национальным традициям, к государственному суверенитету наций льет воду на мельницу буржуазных националистов, способствует усилению остатков национального недоверия, националистических предрассудков.

Говоря о развитии национальной культуры, следует особо отметить ее важнейший элемент — национальный язык. В «Проекте резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине» Ленин требовал «на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя руссификаторским попыткам оттеснить украинский язык на второй план, превращая его в орудие коммунистического просвещения трудовых масс» (Соч., т. 30, стр. 142). В своих записках «К вопросу о национальностях или об «автономизации» Ленин требовал «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно» (журнал «Коммунист» № 9 за 1956 год, стр. 25). За годы Советской власти в союзных республиках сделано много в области развития национальных языков, однако нельзя не видеть, что еще не полностью изжито пренебрежительное отношение к национальному языку, к праву трудящихся союзных республик объясняться на родном языке в любом учреждении своей республики. Подобные ошибки наносят серьезный вред интернациональному воспитанию трудящихся. За них подвергались критике в Литве отдельные работники союзных и союзно-республиканских учреждений, которые вели переписку с населением не на национальном языке, не всегда

обеспечивали возможность литовским трудящимся обращаться в учреждения на родном языке.

Пережитки национализма, как показывает практика, могут проявляться и вопреки субъективному стремлению их носителей проводить политику Коммунистической партии.

В конце 1956 года Бюро ЦК КП Литвы осудило публичное выступление одного из руководящих республиканских работников, который, подвергая критике некоторые недостатки в практическом осуществлении национальной политики, делал это крикливо, однобоко, в оскорбительной форме. Такая критика не помогала устранять недостатки, а, наоборот, была на руку националистическим элементам. Подобные ошибки могут причинить немало вреда. Необходимо всегда отличать неосознательных, отсталых, ошибающихся людей от закоренелых врагов, носителей буржуазно-националистической идеологии. Борьба против пережитков национализма, против остатков националистической идеологии носит, конечно, антагонистический характер. Что же касается людей, зараженных пережитками буржуазного национализма, то отношение к ним должно быть дифференцированным. Честных советских людей, у которых националистические пережитки проявляются как результат навыков, прошлых ошибочных взглядов, недиалектического мышления, партия терпеливо воспитывает. Против злостных, активных буржуазных националистов Советское государство вынуждено применять меры принуждения.

Советская литература и искусство немало сделали для воспитания трудящихся в духе братства и дружбы народов. Как и вся многонациональная советская литература, литовская литература имеет богатую традицию борьбы против пережитков буржуазного национализма, за идеологию равенства и братства наций, за дружбу и сотрудничество с русским народом, с другими народами нашей страны.

Благородными идеями дружбы и братства народов проникнуты произведения писателя-коммуниста Пятраса Цвирки, неустанного борца за торжество интернационализма. Много произведений П. Цвирки посвящено отображению братских чувств трудящихся разных наций, разоблачению шовинизма, воспитанию любви и преданности к великой советской Родине. В одном из лучших своих рассказов, «Семена братства», П. Цвирка создал замечательный образ русского офицера, обращающегося с глубоко человечными словами сочувствия и утешения к литовцам и латышам, отступавшим от озверелых гитлеровцев.

Любимая поэтесса литовского народа Саломея Нерис прославляет в своих произведениях нерушимый союз народов нашей страны, оплот свободы каждого из них. В своем стихотворении «Капля янтаря» она пишет:

С братским хором в небо голубое
Песнь Литвы взвывается, сбросив узы,
Никогда Литве не быть рабою
За щитом Советского Союза!

Советские писатели приумножают традиции укрепления дружбы народов нашей страны, но нельзя не видеть, что перед литовской советской литературой стоит задача дальнейшего усиления борьбы за укрепление дружбы народов. Указание ЦК КПСС в приветствии Второму съезду советских писателей, что «в литературе не находит должного отражения борьба с пережитками капитализма в сознании людей», остается и ныне исключительно важным и актуальным для советских писателей всех народов нашей страны.

Следует при этом отметить, что в борьбе против пережитков главное внимание в литературе нередко уделяется разоблачению врагов, намеренно обманывающих трудящихся, прислужников империалистов. Часто упускаются те пережитки, которые проявляются у людей честных, у тружеников, поддерживающих политику Советской власти, но еще не пре-

одолевших полностью влияния чуждой идеологии, заблуждающихся. В литературных произведениях иногда дело изображается так, будто существуют только закоренелые буржуазные националисты, с одной стороны, и противостоящие им идеальные люди — с другой. Примерно такая линия проводится в пьесе литовского драматурга А. Грицюса «Горячее лето». Это живо написанная и нужная пьеса, воспитывающая трудящихся в духе советской идеологии, разоблачающая вредительскую деятельность осколков вражеских классов. Однако ей присущ тот недостаток, что все действующие лица разделены на врагов, замаскированных и пытающихся обмануть советских людей, и на людей, полностью свободных от влияния пережитков. Подобный упрощенный подход уводит в сторону от борьбы против пережитков наиболее распространенных, преодоление которых особенно важно с точки зрения задач коммунистического воспитания масс. Задача литературы — не замалчивать подобные пережитки, а бороться с ними, показывать, как в процессе строительства социализма советские люди освобождаются от наследия прошлого, воспитываются в духе интернационализма.

Большим недостатком некоторых литературных произведений являются попытки изображать преодоление пережитков как дело легкое, простое. Нет нужды доказывать, что в действительности преодоление пережитков — дело значительной сложности, что это процесс, который происходит в упорной борьбе.

* * *

Много лет тому назад В. И. Ленин выразил пожелание, чтобы коммунистам России и Украины удалось «терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистские происки всякой буржуазии, националистские предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций» (Соч., т. 30, стр. 273). Это пожелание относится ко всем народам нашей страны. Выполняя завет своего великого вождя, трудящиеся Советского Союза под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета создали невиданный по своей прочности и силе союз всех наций Советской страны. Практика, в особенности практика молодых советских республик, убедительно показывает, что пережитки буржуазного национализма преодолимы в условиях советского социалистического общества и что они успешно преодолеваются в результате борьбы против них. Люди, в свое время одурманенные буржуазными националистами, освобождаются в процессе социалистического строительства от пережитков прошлого, становятся активными, сознательными участниками борьбы за победу коммунизма. Не может быть никакого сомнения, что народы СССР до конца выполнят завет великого Ленина и еще больше укрепят свою дружбу — залог успешного продвижения вперед, по пути к коммунизму.

Расчлененность формы как основное свойство понятия

А. А. ВЕТРОВ

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить отношение, существующее между представлением и понятием, и оценить (исключительно с точки зрения этого отношения), насколько полно бытующее в нашей литературе определение понятия как отражения существенных признаков предмета. При этом речь идет не о том, чтобы дать теорию понятия, ибо это предполагало бы рассмотрение его места в системе знания как раз отвлеченно от его отношения к представлению, а о том, чтобы оценить то или иное определение специфики понятия лишь со стороны отношения понятия к предшествующей, чувственной ступени отражения.

Правильное понимание взаимоотношения представления и понятия имеет не только чисто логическое, но и гносеологическое значение, ибо оно тесно связано с такими принципиально важными гносеологическими проблемами, как проблемы связи чувственного и рационального в познании, сущности мышления, способа отражения в понятии действительности и т. д.

Начнем наш анализ с разъяснения факта, твердо установленного психологией (и, как это ни странно, оспариваемого некоторыми нашими философами). Я имею в виду существование общих представлений.

Как известно, представление отличается от ощущения тем, что в первом случае предмет отсутствует, он не воздействует непосредственно на наши органы чувств. Однако представлению свойственны некоторые черты, сближающие его с ощущением и заставляющие рассматривать его как форму чувственного, а не рационального познания. Это прежде всего чувственность, наглядность, образность. Всякое представление есть чувственный, наглядный образ того или другого предмета.

Если представление предполагает наглядность, то на первый взгляд может показаться, что существуют только единичные представления, представления об индивидуальных предметах, которые когда-то воздействовали на наши органы чувств и образ которых воспроизводится нашей памятью. Однако в действительности существование общих представлений — такой же непреложный факт, как и существование единичных представлений. Чтобы убедиться в этом, достаточно самого элементарного анализа того, что происходит в нашем сознании, когда мы слышим слова о чувственно воспринимаемых вещах. Так, например, услышав слово «овчарка», мы воспроизводим образ овчарки. Конечно, может случиться, что в сознании появится образ какой-то определенной овчарки. Это будет единичное представление. Но чаще всего возникает такой образ, относительно которого мы не скажем, что это образ овчарки, которую мы раньше видели. В этом образе на первом плане признаки, общие ряду овчарок; признаки же, свойственные отдельным экземплярам, или совсем отсутствуют (например, белое пятно на черной шерсти), или отступают на задний план и не являются предметом нашего внимания (например, та или иная их величина и т. п.). Это и есть общее представление.

Подтверждение того, что имеются общие представления, мы находим в простом самонаблюдении. Здесь не требуется сложных доказательств, состоящих из многих умозаключений. Обратите внимание на то, что возникает в вашем сознании, когда вы слышите слова «овчарка», «человек», «автомобиль марки «Победа», «парта», и т. д., и т. п., и вы без труда обнаружите наглядный образ не того или другого единичного предмета, а образ овчарки вообще, автомобиля марки «Победа» вообще, парты вообще и т. д.

Момент всеобщности, безусловно, свойствен и представлениям. Разумеется, пределы обобщения, достигаемого в общих представлениях, ограничены. Утверждение, что уже в представлениях содержится всеобщность, совсем не означает, что всякое обобщение может быть осуществлено в рамках представления. Например, можно иметь наглядный образ овчарки вообще, но едва ли возможно в представлении воспроизвести образ собаки вообще, ибо этот образ всегда окажется обобщенным образом овчарки или бульдога и т. д. Точно так же мы в силах представить человека вообще (то есть иметь обобщенный образ человека, а не того или иного встречавшегося лица), но воссоздание образа животного вообще, живого существа не может быть достигнуто в представлении. Я уже не говорю о тех случаях, когда вещь не доступна чувственному восприятию и когда, следовательно, общее представление вообще не может служить средством познания.

Ошибка Локка заключалась, в частности, в том, что он рассматривал способность представления как безграничную, полагая, будто общее представление достаточно не только для того, чтобы образовать идею человека, но и для того, чтобы перейти затем к идеям животного, живого существа вообще и т. д. (см. Дж. Локк «Опыт о человеческом разуме». М. 1898, стр. 406—407).

Правда, имеется средство преодолеть в известной мере ограниченность той степени обобщения, которая характерна для общих представлений. Хотя мы и не способны воссоздать в представлении наглядный образ, например, животного вообще, и наше обобщение не может идти на стадии представления дальше обобщенных образов человека, тигра, слона и т. д., все же в нашей обыденной практике мышления мы связываем со словом «животное» определенный чувственный образ. Им обычно является обобщенный образ той группы животных, с которыми чаще всего сталкивался в своем личном опыте тот или иной человек.

Хотя таким путем и расширяется сфера использования общих представлений, однако ограниченность общих представлений все же не преодолевается, ибо, во-первых, все-таки невозможно познать с помощью ряда отдельных обобщенных образов, связываемых с одним и тем же словом, вещи, которые вообще не могут быть чувственно восприняты, а во-вторых, значение слова, раскрываемое посредством множества обобщенных образов, которые к тому же являются различными у разных людей, оказывается неопределенным и весьма далеким от той точности, какая составляет необходимое условие правильного познания объективного мира.

Обобщенное отражение действительности в представлениях возможно, следовательно, лишь в известных пределах, которые зависят от особенностей отдельных, конкретных случаев. За этими пределами общее представление как форма познания становится недостаточным, и появляется другая форма познания — понятие.

Таким образом, неправильно было бы преувеличивать значение момента всеобщности в представлении. Но столь же ошибочным было бы и отрицать обобщенность представлений. Кроме того, всякое представление является опосредованным отражением действительности, поскольку оно образуется на базе ощущений и восприятий и только при их помощи, при их посредстве становится образом предмета.

В итоге, следовательно, оказывается, что моменты всеобщности и опосредованности присущи уже представлению. Они поэтому не могут быть, как думают некоторые, отличительными признаками понятия. Всеобщность и опосредованность, бесспорно, свойственны понятию, но они еще не выражают специфической сущности понятия, не отличают его от представления. Различие между этими двумя формами познания нужно искать в другом. В чем же именно?

Иногда утверждают, что отличие понятия от представления обусловлено тем, что в них отражается, а именно: в представлении даны как существенные, так и несущественные признаки предметов и явлений, а в понятии — только существенные. Однако подобное понимание совсем не выявляет специфики понятия и по этой причине вступает в противоречие с очень простыми фактами, известными из нашего повседневного жизненного опыта.

Допустим, например, что кто-нибудь на вопрос: «Что такое трактор?» — отвечает: «Трактор есть самоходный двигатель для тяги сельскохозяйственных и иных орудий». Так как в этом определении отражены существенные признаки предмета, мы должны сказать, согласно названной выше точке зрения, что у человека, предложившего это определение, имеется понятие о тракторе. Это, безусловно, правильно, и едва ли кто-либо не согласится с этими разъяснениями. Но допустим, далее, что на тот же вопрос дается другой ответ: «Трактор есть самоходный двигатель на гусеничном ходу для тяги сельскохозяйственных и иных орудий». Данное определение, как нетрудно это видеть, неправильно, ибо здесь ошибочно указан несущественный признак трактора (гусеничный ход), который у предмета, называемого трактором, может и отсутствовать. С точки зрения авторов, проводящих различие между представлением и понятием по тому, что в них отражается (существенные и несущественные признаки или одни только существенные), человек, давший неправильное определение, становится обладателем уже не понятия, а представления.

Если вдуматься в существо дела, ошибочность этого взгляда становится совершенно очевидной. Получается, что переход от одной ступени познания к другой обуславливается просто ошибкой размышляющего человека. Когда он правильно определял, что такое трактор, он имел о нем понятие и, следовательно, находился на ступени рационального познания. Стоило ему допустить ошибку в определении предмета, как его знание о нем сразу же стало представлением и перешло, таким образом, на ступень чувственного познания. По меньшей мере странно возмозможность использования различных форм познания, относящихся к разным ступеням познания, ставить в зависимость от случайного промаха. Представление не потому является формой чувственного знания, а понятие — формой рационального знания, что человек в одном случае допускает ошибку, а в другом дает правильное определение. Различие здесь более существенное, и связано оно не с тем, что человек то ошибается, то мыслит правильно, а с особой природой самих форм познания. Ошибки возможны и на ступени рационального познания. Включение в число мыслимых признаков предмета его несущественных признаков не отбрасывает нас на другую ступень. Мы остаемся в пределах той же ступени познания, только получаем неправильное понятие (но все же понятие).

Использование в практике нашего мышления выражений «неправильное понятие» и «правильное понятие» далеко не случайно. Оно выражает тот факт, что отличие представления от понятия и обратно — понятия от представления — состоит не в том, какие признаки в них отражаются — существенные или несущественные. Как в представлении, так и в понятии могут быть даны и существенные и несущественные признаки. Суть дела не в том, что отражается, а в том, как отражается. Хотя и в понятии

можно иногда обнаружить несущественные признаки, включаемые в него по ошибке, тем не менее оно все же не становится от этого представлением, поскольку понятие и н а ч е отражает признаки предмета в сравнении с представлением.

Чем же различаются ф о р м а, с п о с о б отражения признаков предметов и явлений в понятии и в представлении?

Рассмотрим вначале представление.

В нашей обыденной практике мы часто употребляем такие слова, как «стол», «стул», «газета», «книга» и т. п. Но спросите человека, который всегда употребляет эти слова по назначению, что такое стол, стул, газета и т. д. Попросите его перечислить признаки предметов, которые он имеет в виду, пользуясь перечисленными словами, и он испытает затруднение. Почему это происходит? Да потому, что в повседневной жизни за словами обычно стоят общие представления — наглядные образы предметов, в которых отсутствует еще расчленение отдельных признаков. Когда мы имеем дело с общим представлением, то перед нашим мысленным взором возникает единый, целостный образ, в котором наглядно даны в слитной, нерасчлененной форме признаки предмета или явления. В этом случае мы еще не выделяем отдельных признаков, не берем их в отвлечении друг от друга, все они выступают одновременно в едином, чувственно воспринимаемом образе. Этим-то и характеризуется стадия представления. Такого знания оказывается вполне достаточно в повседневной практике. Даже не умея перечислить признаков «газеты», «стола», «стула», «книги» и т. п., мы прекрасно обходимся этими словами и не смешиваем один предмет с другим. Обычно перед нами и не встает задача указывать признаки соответствующих предметов, и мы руководствуемся знанием, заключенным в слитном, нерасчлененном образе. Когда же перед нами такая задача специально ставится, мы впервые начинаем выделять отдельные признаки и тем самым образуем понятие о предмете.

Например, никто не затруднится правильно употребить слово «газета», если речь идет об обозначении этим словом «Правды», «Комсомольской правды», «Советской России» и т. д. Здесь будет достаточным обобщенный образ газеты. Но если нас спросят, является ли газетой, скажем, сводка Совинформбюро, издававшаяся в годы Великой Отечественной войны, мы сразу же почувствуем недостаточность не расчлененного на признаки, слитого в один чувственный образ знания о предмете, не сумеем правильно ответить на вопрос. В этом случае общее представление перестает удовлетворительно выполнять роль средства познания. Как же мы преодолеваем вставшую перед нами трудность? Мы пытаемся перечислить признаки газеты, то есть образовать понятие, с тем чтобы на этой основе решить вопрос о том, что представляли собой сводки Совинформбюро. Если сводка Совинформбюро обладает всеми перечисленными признаками, то это газета; если же хотя бы один из признаков отсутствует, то сводку Совинформбюро нельзя отнести в класс газет.

Из изложенного ясно, что понятие со стороны формы представляет собою р а с ч л е н е н н о е н а п р и з н а к и знание о предмете. Когда мы указываем отдельные признаки предметов или явлений, о которых прежде у нас имелось лишь слитное, нерасчлененное наглядное знание в форме чувственного образа, мы переходим от представления к понятию. Не случайно сравнение, анализ, абстрагирование, синтез и т. д. фигурируют в качестве приемов образования понятий. Чтобы получить понятие, необходимо расчленить образ предмета на составляющие его признаки и связать их определенным образом. Для этого нужно предметы сравнивать друг с другом, анализировать их признаки, выделять последние и т. д. Самый характер приемов образования понятия указывает на то, что понятие предполагает расчленение признаков, раздельное перечисление их в определенной связи. Если мы умеем указать раздельно, один за другим, признаки пред-

мета, мы обладаем понятием; если же мы этого не в состоянии сделать, мы находимся на стадии представления.

Разумеется, перечисляя признаки, можно ошибиться и принять, например, несущественный признак за существенный. Придем ли мы в этом случае к понятию? Да, придем, ибо мы уже применяем приемы образования понятий (сравниваем, анализируем, синтезируем и т. д.) и с их помощью расчленяем предмет на образующие его признаки. Но это понятие будет неправильным, поскольку мы допустили ошибку. Тем не менее такое знание все же сохраняет характер понятия, ибо сущностью последнего является определенная форма, определенный способ отражения действительности, заключающийся в расчленении признаков, в их выделении и в определенной связи между ними (например, связь родо-видовой структуры определения).

После сказанного можно раскрыть сущность ошибки, которую совершают авторы, определяющие понятие как мысль о существенных признаках предмета.

Поскольку перечисленные в понятии признаки могут соответствовать объективной реальности, но могут и неправильно отражать ее, постольку понятия бывают правильными и неправильными. Они правильны тогда, когда складываются из одних существенных признаков, каждый из которых необходим, а все вместе достаточны для раскрытия специфики какого-либо предмета или явления. Понятия неправильны тогда, когда в них, например, указываются несущественные признаки. Определение понятия как мысли о существенных признаках предмета является, следовательно, слишком узким, поскольку оно имеет в виду лишь правильные понятия. Это определение говорит только о том, что отражается, и нисколько не раскрывает специфики понятия, того, как, каким способом отражаются в понятии любые признаки — будь они существенные или несущественные. Речь идет в нем о том, каким должно быть содержание правильного понятия, а не о том, какова форма понятия вообще, каков способ отражения объекта в понятии, в чем суть понятийного мышления в его отличии от представлений. А суть эта заключается, как мы уже показали, в том, что получение понятия связано с расчленением, выделением и перечислением в определенной связи признаков предмета, что осуществляется с помощью приемов сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования и т. д. Связь между элементами (признаками) определения, посредством которого вводится понятие, мы здесь не характеризуем, ибо задача статьи состоит в том, чтобы указать на момент расчлененности понятия в его отличии от представления.

Эта особенность понятия является ведущей, определяющей все остальные его свойства. Возьмем, например, такое свойство понятия, как нечувственность, ненаглядность. Почему содержание понятия не может быть воспроизведено с помощью чувственного, наглядного образа? Да именно потому, что в понятии признаки предмета мыслятся расчлененными, выделенными, а сущностью чувственно воспринимаемого образа как раз и является слитность, нерасчлененность отдельных признаков.

Чувственный образ хорошо передает содержание представления, выступая как воплощение этого содержания. Но он бессилен воспроизвести момент расчлененности, присущей всякому понятию. Поэтому хотя в тот момент, когда мы мыслим понятие, в нашем сознании и могут находиться чувственные образы (чаще всего общие представления), они не передают того, что составляет специфику понятия, — форму расчлененности, и вследствие этого никогда не способны выполнять роль понятий. Думать, как это делал, например, Локк, будто понятие и есть общее представление, значит совершенно не замечать специфики понятия, как особой формы познания действительности.

Ненаглядный характер понятия, имеющий своим источником форму расчлененности, дает нам возможность познавать такие связи и отноше-

ния объективного мира, которые вообще не могут быть отражены посредством органов чувств. Значит, и такая особенность понятия, как способность служить орудием познания недоступных восприятию вещей и отношений, определяется в конечном счете формой расчлененности. Расчленяя предмет на признаки, выделяя их каждый в отдельности и познавая предмет через расчлененные признаки, мы получаем понятие, лишенное элемента чувственности. А последнее, в свою очередь, составляет основу для раскрытия нечувственных связей и отношений.

Таким образом, основным свойством понятия является форма расчлененности. Познавая предметы с помощью понятия, мы отражаем их некоторым вполне определенным и специфическим способом, мы выделяем отдельные признаки и, перечисляя их, раскрываем природу познаваемого объекта. Именно это и отличает понятие от представления, в котором знание о предмете дано в нерасчлененной чувственно-наглядной форме.

Наше понимание отношения, существующего между представлением и понятием, было бы далеко не полно изложено, если бы мы не обратили внимания еще на одну сторону дела.

Образование понятия предполагает, что признаки соответствующего предмета выделены и перечислены. Например, мы обладаем понятием параболы, если знаем, что парабола является кривой второго порядка, представляющей сечение прямого кругового конуса плоскостью, параллельной одной из образующих. Но ведь те элементы, какими мы пользуемся для того, чтобы раскрыть понятие параболы (кривая второго порядка, сечение, прямой круговой конус, плоскость, параллельность и т. д.), в свою очередь, могут быть как общими представлениями, так и понятиями. Например, можно иметь обобщенный образ прямого кругового конуса и опираться именно на него при определении параболы, не умея перечислить признаков, общих всем прямым круговым конусам.

Если среди элементов, посредством которых мы раскрываем содержание понятия, указывая признаки предмета, имеется хотя бы один, являющийся общим представлением, в принципе разложимым на признаки, но нами еще не разложенным, то это означает, что процесс определения понятия еще не завершен. Соответствующее, например, слову «парабола» мысленное образование представляет собою понятие, поскольку расчлененность уже налицо (допустим, мы перечисляем признаки «быть кривой второго порядка», «являться результатом сечения прямого кругового конуса» и т. д.). Но оно пока еще не полностью определено, если расчленение не доведено до конца и если в качестве хотя бы одного из элементов определения берется не разлагаемое на отдельные признаки общее представление (например, прямого кругового конуса).

Следовательно, если мы хотим иметь полностью определенное понятие о каком-либо объекте (в нашем примере о параболе), то те мысленные образования, которые составляют определение, в свою очередь, должны быть осмыслены через признаки, то есть мы должны уметь дать определения кривой второго порядка, сечения, прямого кругового конуса и т. д., а также тех элементов, которые будут входить в указанные определения (кривой, конуса и т. п.).

Совершенно очевидно, что процесс определения (перечисления признаков) не может продолжаться до бесконечности. В конце концов мы всегда дойдем до последних, далее неопределимых элементов, из которых будут состоять последние определения. Чем же эти элементы являются?

Они неопределимы, следовательно, они неразложимы на признаки, которые можно было бы перечислить. Но если за словом, обладающим определенным значением, стоит неразложимое на признаки образование, то очевидно, что последнее является не чем иным, как представлением, — точнее, общим представлением, поскольку речь идет о раскрытии содержания общих понятий. Ведь никакая другая форма знания о предмете.

кроме чувственного, не расчлененного на признаки образа и нечувственного понятия, предполагающего расчленение признаков, неизвестна. Значение слова может раскрываться или через понятие, или через представление (в том числе и общее). Другого способа не существует. Если поэтому слово обладает значением, а последнее не может быть разложено на отдельные элементы, признаки, то есть не может быть понятием, то остается одна-единственная возможность — это значение воплощается в представлении.

Какую бы область знания мы ни взяли, мы всегда обнаружим те последние элементы (общие представления), на которых все держится и к которым сводятся все более поздние мысленные образования. В обыденной жизни, например, мы не раскрываем посредством перечисления признаков содержания тех мысленных образований, в которых отражаются простые свойства вещей (белизна, твердость, сладость и т. п.). Знание о них имеет поэтому форму общего представления, а не понятия. И если бы ребенок не приобрел этих общих представлений, то он был бы лишен возможности образовать самые элементарные понятия об окружающих его вещах, которые опираются на какие-то элементы, ставшие нам уже известными на основе представлений.

Чтобы окончательно сформулировать вывод, обобщающий изложенный материал, изобразим процесс определения понятия, приводящий нас в конце концов к общим представлениям, в схематической форме.

Пусть мы слышим слово *А*. Если мы желаем образовать понятие о предмете, обозначаемом этим словом (а не ограничиться одним общим представлением), мы обязаны перечислить признаки, свойственные этому предмету. Предположим, что в результате перечисления получается: *А* есть *БВГ*, то есть понятие *А* раскрывается через признаки *Б*, *В* и *Г*. Если из элементов, составляющих определение, хотя бы один является для нас общим представлением, которое мы еще не смогли разложить на признаки, мы будем иметь дело хотя и с понятием, но с понятием не полностью определенным. Получение полностью определенного понятия об *А* предполагает дальнейшее разложение элементов определения, то есть *Б*, *В* и *Г*. Допустим, что мы получаем как результат перечисления признаков явлений *Б*, *В* и *Г* еще ряд определений: *Б* есть *ДЕ*, *В* есть *ЖЗ*, *Г* есть *ИК*. В этом случае элементы первого определения оказываются, в свою очередь, осмысленными через более простые элементы, выступающие как признаки признаков. Если мысленные образования *Д*, *Е*, *Ж*, *З*, *И* и *К* опять-таки еще сложны, мы должны перечислить их признаки, дав новые определения, и т. д. От особенностей каждого конкретного случая, от большей или меньшей сложности исходного понятия *А* зависит то, какое число ступеней определения приводит нас к последним элементам. Но что к ним мы в конце концов придем, это не вызывает ни малейших сомнений. А так как этими последними простыми и далее неразложимыми элементами могут быть только общие представления, то это означает, что, раскрывая содержание понятия, а затем элементов, образующих его определение, и т. д., мы доходим в конце концов до общих представлений.

Теперь мы вплотную подошли к обобщающему выводу.

Понятие о предмете *А* не является непосредственно общим представлением, ибо понятие имеет своей необходимой предпосылкой мысленное расчленение предмета на признаки *Б*, *В*, *Г* и т. д., а общее представление (если оно только вообще возможно) такого мысленного расчленения не содержит, оно заключает в себе признаки *Б*, *В* и *Г* в форме слитного чувственного образа. Но в то же время мы убеждаемся в том, что понятие в конечном счете все же сводится при логическом его анализе к общим представлениям, которые выступают в качестве последних элементов.

Ограниченный сенсуализм, например, в лице Локка, не понимал того,

что понятие обладает определенной спецификой, не позволяющей рассматривать его как общее представление. Прежние сенсуалисты были правы, когда они пытались проследить связи понятия с общим представлением, но они глубоко ошибались, непосредственно отождествляя то и другое.

Если ограниченный сенсуализм превращал в абсолют момент связи, существующей между понятием и представлением, то прежний рационализм, наоборот, раздувал другую черточку познания, а именно момент специфики понятия. Исходя из того непреложного факта, что понятия не являются общими представлениями, прежние рационалисты вообще отрывали понятие от представления, ошибочно полагая, будто существуют такие понятия, которые не имеют основы в чувственном опыте (в представлениях) и которые являются либо врожденными, либо априорными. При этом идеалистические рационалисты (например, Кассирер) при доказательстве своей точки зрения спекулируют на трудностях выявления всех ступеней, ведущих от какого-нибудь абстрактного понятия (особенно математического) к общим представлениям, истолковывая этот факт как принципиальную невозможность выведения по крайней мере некоторых понятий из представлений в логическом анализе.

Лишь логика, опирающаяся на марксистско-ленинскую теорию отражения, преодолевает крайности прежнего сенсуализма и рационализма в учении о понятии и представлении. Понятия, отличаясь от представлений, все же имеют в качестве своих последних элементов именно представления, хотя в некоторых случаях бывает и нелегко сразу, без особого исследования установить те промежуточные звенья, которые связывают понятие с представлением.

Как известно, положение о том, что единственным источником наших знаний являются ощущения, отстаивали и сенсуалисты прошлого, как материалисты (Гоббс, Локк), так и идеалисты (Беркли, Юм, махисты), но часто они вкладывали в него ложный смысл. Например, у Юма формула «все наши знания из ощущений» выступала как обоснование агностицизма, ибо она понималась таким образом, что все наши знания не посредственно проистекают из ощущений и что, следовательно, мы можем познавать лишь то, что доступно нашим органам чувств, а сущность вещей, поскольку она неуловима восприятием, от нас всегда ускользает.

На деле формула «все знания из ощущений» имеет не тот смысл, будто все познается не посредственно ощущениями, восприятиями, а разум не играет существенной роли в познании. Она означает, что в конечном счете знания, добытые при помощи разума, логического мышления, имеют свою основу в ощущениях, и именно по этой причине и в этом смысле ощущения в конечном итоге составляют единственный источник наших знаний.

Значит, положение о том, что ощущения суть единственный источник наших знаний, и положение, утверждающее, что существует и разумное познание действительности, вполне совместимы.

Марксизм не отождествляет разумное познание с чувственным, и этим он преодолевает крайность ограниченного сенсуализма. С другой стороны, марксизм и не отрывает разумное познание от чувственного, понимая, что разумное в конечном счете сводится к чувственному как к своей последней основе; этим самым преодолевается крайность прежнего рационализма.

Таков важнейший гносеологический вывод из рассмотрения проблемы представления и понятия.

Идеи Октябрьской революции и современная культура

Продолжаем печатать статьи зарубежных писателей о значении Октябрьской революции для развития литературы и искусства их стран.

Академик Михай БЕНЮК (Румыния). Значение той или иной литературы в общем развитии мировой литературы определяется тем влиянием, какое она оказывает на людей. В этом отношении советская литература занимает ныне центральное место в мире. Новым является путь, по которому пошли советские писатели в своем творчестве, опирающемся на метод социалистического реализма, и влияние его выражается в мобилизации масс не только в Советском Союзе, но и в международном плане на борьбу за социальное переустройство.

Всякая попытка постичь советскую литературу в отрыве от русской, которая, в свою очередь, была связана со всемирной литературой, рискует остаться на поверхности фактов. Реализм Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Некрасова, Щедрина, Гончарова, Чехова, глубоко социальный по существу, становится социалистическим у Горького, Маяковского, Фурманова, Серафимовича, Алексея Толстого, Шолохова, Федина, Фадеева, Эренбурга, Леонова, когда он оплодотворяется знанием перспективы социального развития, совершающегося в ходе борьбы рабочего класса и крестьянства, руководимого Коммунистической партией.

Иными словами, не легко понять такое явление, как советская литература, не постигнув во всей глубине общественно-исторического процесса, вследствие которого исчезли Чичиковы, Обломы, Варламовы и на их место пришли Левинсоны и Давыдовы. И уж никак невозможно уразуметь это явление, если не учитывать того, что в ходе исторического развития русская поэзия, проза, драма, критика от Пушкина и до последних новинок в витринах советских книжных магазинов являла собой не только правдивое, многостороннее, страстное отображение социальной действительности, но и участие писателей в исторических событиях, в преобразовании жизни, в поисках путей осуществления идеалов передового человечества. Непрестанными, полными напряжения и тревоги поисками правды, сознанием своего долга служить народу, человечеству проникнуты все произведения русских писателей XIX века. А писатели XX века во главе с Горьким, взяв из их рук факел, освещавший во тьме путь, ведущий к сердцу народа, превратили эти искания в борьбу за приближение завоевания рабочим классом в союзе с крестьянством власти политической, экономической и культурной. Это был путь прямого продолжателя Маркса и Энгельса — путь Ленина, претворившего в жизнь их идеи.

В 1904 году умер Чехов, последний классик русского реализма, а в 1906 году Горький опубликовал повесть «Мать», первое зрелое произведение социалистического реализма, значение которого отметил В. И. Ленин.

Немногие, конечно, в то время предвидели подлинную траекторию в будущее повести «Мать», а ее быстрое распространение во всем мире не было надлежащим образом оценено.

Русская литература благодаря своим классикам занимает уже свыше восьмидесяти лет значительное место в мировой литературе.

И все же трудно себе представить, что кто-либо в Европе понимал,

что Горький, восшедший по ступеням русской литературы до самых ее вершин, заложил краеугольный камень новой, советской литературы.

Понимание того, что возникло новое литературное явление, основанное на новом художественном методе — методе социалистического реализма, стало выкристаллизовываться гораздо позже, лишь после Октябрьской революции 1917 года, ибо Октябрьская революция, открывшая новую эру в истории человечества, произвела и в мире искусства и литературы коренные изменения. За сравнительно короткое время в литературе появились имена, которые привлекли всеобщее внимание. Это свидетельствует о том, что существовали скрытые силы, которые только и ждали наступления благоприятных условий для того, чтобы развернуться. Теперь, когда исполнилось сорок лет с тех пор, как Советская власть утвердилась на одной шестой части земного шара, никто, кроме желающих сознательно исказить факты, не станет отрицать всемирного значения произведений таких поэтов и прозаиков, как Маяковский, Шолохов, Есенин, Фурманов, Алексей Толстой, Эренбург, Федин, Фадеев, Гладков, Серафимович, Корнейчук, Полевой, и многих других советских писателей. Поэтическая деятельность Маяковского, Есенина развивалась в дореволюционный период; «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Разгром» и «Молодая гвардия» Фадеева, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Цемент» и «Энергия» Гладкова, «Чапаев» Фурманова, «Как закалялась сталь» Островского, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Хождение по мукам» Алексея Толстого и многие другие замечательные произведения были написаны после революции и о Советском Союзе. И все эти произведения были новыми не только по материалу, но и по миропониманию их авторов, по творческому методу — методу социалистического реализма. Сначала буржуазная критика приняла в штыки советскую литературу, сегодня ее яростные нападки направлены не против произведений советских писателей, а против социалистического реализма как художественного метода. Достаточно взглянуть на страницы литературных журналов или газет буржуазной Франции, Италии, Англии, не говоря уже о США, как сразу же встретишь пропитанные желчью, злопыхательские нападки на социалистический реализм. «Шолохов, да; если это социалистический реализм, извольте, мы согласны,— говорят они,— но социалистический реализм — это же измышление Сталина!» Это можно понимать только в том смысле, что отрицать сегодня литературное значение Эренбурга, Шолохова или Островского — значит выставять себя на посмешище.

Как бы ни отрицали враги коммунизма советскую литературу, она не перестанет существовать и воздействовать на читательские массы, на писателей других стран. Все это прекрасно знают клеветники, потому они и не пытаются выступать против произведений советской литературы, а направляют свои атаки против метода советской литературы — против социалистического реализма. Метод этот существовал еще до того, как получил свое наименование, подобно тому, как ребенок зарождается и живет до присвоения ему имени. До появления понятия «социалистический реализм» существовало уже немало крупных литературных произведений, написанных в духе социалистического реализма. И если повесть «Мать» является первым крупным произведением, проникнутым принципами научного социализма, то родоначальником социалистического реализма можно без колебаний назвать «Интернационал» — гимн пролетариев всех стран. Еще в прошлом веке эта песня горячо призывала угнетенных сплотить свои ряды. Идеями, духом «Интернационала» проникнута вся литература социалистического реализма. Вот почему буржуазная пропаганда направляет свои удары не против Шолохова или Эренбурга, а именно против социалистического реализма.

Еще в начале нынешнего столетия Ленин показал неизбежную связь между искусством и политикой, необходимость для писателя открыто

стать на сторону одной из борющихся общественных сил. От писателя, ставшего на сторону народа, требуется не только правдивость, но и глубокое знание жизни, понимание процессов социального развития, что достигается в наше время в полной мере только на основе марксистско-ленинской теории.

О том, что литература, проникнутая таким сознанием, существует и что ее читают во всем мире, свидетельствуют произведения советских писателей и всех передовых писателей мира. Что такая литература не ведет к униформизму, нетрудно убедиться, сопоставив произведения, например, Горького с произведениями Алексея Толстого, Шолохова и Эренбурга, Маяковского и Есенина, Островского и Федина и т. д. Разве не достаточно разнообразия талантов? Ведь никто, в конце концов, не может претендовать на писание романов или стихов без таланта. Социалистический реализм — творческий метод, основанный на определенном подходе к действительности, но он не в силах одарить никого талантом. Однако можно с уверенностью утверждать, что талант, опирающийся на метод социалистического реализма, создает самую передовую литературу нашего времени и вместе с тем литературу будущего.

Развитие социалистического реализма как творческого метода не закончено и никогда не закончится, потому что он будет развиваться вместе с жизнью и марксистско-ленинским мировоззрением, лежащим в его основе. Социалистический реализм не должен быть наивной фотокопией действительности, выкрашенной в красный цвет. В основе метода социалистического реализма лежит глубокое знание жизни, об этом свидетельствуют лучшие произведения советских писателей. Маяковский ни в поэзии, ни в драматургии никогда не ограничивался фотографическим отображением наблюдаемой действительности. Он использовал гиперболу, образы, неожиданные по оригинальности, поразительные по революционному пафосу. Разве от этого Маяковский стал в меньшей мере связанным с социалистическим реализмом? Как раз наоборот, именно он является поэтом Октября, создавшим художественный образ Ленина, истинным поэтом Великой революции! И разве Шолохов описывает степь так, как ее описывали раньше другие, например, Чехов, а разве Твардовский, этот продолжатель реализма Пушкина и Некрасова, похож на кого-нибудь из своих современников? Так же неповторимы лучшие произведения советских писателей; в каждом из них отразились особые народные традиции, стиль, темперамент, но все они проникнуты революционным духом и идеалами коммунизма. Разумеется, и в советской литературе есть немало неудачных, бескровных, бледных или слишком розовых произведений, но повинен в этом отнюдь не метод социалистического реализма, а отсутствие таланта у авторов этих произведений или неглубокое знание ими непрерывно развивающейся жизни. Писателей бесталанных, неумелых, лишенных дарования, но обуреваемых желанием выдвинуться и завоевать симпатии, к сожалению, можно встретить и в условиях социализма. Но не они представляют советскую литературу.

Лучшие произведения советской литературы оказали прямое или косвенное влияние на всю мировую литературу: прямое в том смысле, что многие писатели последовали примеру советской литературы и, став на позиции разоблачения эксплуатации человека в капиталистическом мире, начали выступать в своих произведениях за коммунизм; косвенное в том смысле, что многие писатели уделяют все больше внимания вопросам эксплуатации, социальной несправедливости, не определяя, однако, более точно своих боевых позиций. Вне всякого сомнения, что Арагон идет по пути социалистического реализма, используя опыт французской литературы. И нельзя сказать, что Хемингуэй совсем чужд этому пути, хотя он часто шагает в сторону и его публичные выступления подчас противоречат глубокому смыслу его творчества. Несомненно, что и Анна Зегерс идет путем социалистического реализма. Разумеется, особенности худо-

жественного творчества различны у разных писателей; даже если объекты и направления остаются одними и теми же, особенности творчества находятся в зависимости от специфических условий каждой страны. И, конечно, труднее создавать произведения социалистического реализма в Лондоне или в Чикаго, чем в Москве или в Ленинграде. В капиталистических странах настоящий момент особенно неблагоприятен для прогрессивной литературной деятельности, а тем более для создания литературы, служащей делу социализма.

В современной международной обстановке американская и западно-европейская реакция предпринимает новое наступление против марксистско-ленинской идеологии и против какой бы то ни было культурной, художественной или литературной деятельности антикапиталистического характера. Писателей в социалистических странах совсем не удивляет ложь, которая обрушивается на социалистический мир. Удивляет нас только то, что дезинформация преуспевает иногда даже и в отношении людей, которые, казалось бы, прочно стоят на марксистских позициях, таких, как, например, итальянский писатель Васко Пратолини. Под влиянием этой дезинформации В. Пратолини заявил о своей независимости от «политической и культурной линии Итальянской коммунистической партии» (см. июльский номер журнала «Темпо Презенте» за 1957 год). По-видимому, Пратолини не отдает себе отчета в том, какую дань он платит Маккарти, с которым он вряд ли хотел бы солидаризироваться. В таком же положении оказались и некоторые другие писатели.

Что же касается итальянского писателя Витторини, который в том же журнале поносит социалистический реализм, то он глубоко ошибается, утверждая, что писатель имеет полномочия, что-то вроде неограниченного мандата, быть представителем общества. Все общество он ни в коем случае не может представлять, так как общество его страны неоднородно; он может представлять или лагерь Даллеса и Ватикана, или итальянского пролетариата.

У писателей, которые получили сведения о событиях в Венгрии из мюнхенского варианта «Свободной Европы», вышло искаженное представление. Эти писатели должны были бы подумать о том, что Венгрии угрожало восстановление хортистского режима с благословения кардинала Миндсенти. До сих пор я не слышал ни одного голоса в клеветнической печати капиталистических стран против кардинала Миндсенти, возвестившего венгерскому народу о возвращении помещиков к власти. Однако венгерский народ не пришел в восторг от этой вести, он поднялся против Миндсенти, в защиту своих социальных завоеваний и национальной независимости. Обо всем этом не думают те, кто сегодня стал рабом лживых измышлений «Свободной Европы», орудующей в Мюнхене на нью-йоркские деньги.

Литература прошлого не обращалась к массам, она предназначалась для ограниченного круга читателей. Трудящиеся массы, те, которые производят все блага жизни, редко находили место в этой литературе, да и читателями они не были. Когда свершилась Октябрьская революция, Ленин поставил вопрос о создании литературы для миллионов трудящихся. Советская литература, а также все литературы, которые идут по пути социалистического реализма, считают своей задачей помогать трудящимся всего мира в борьбе за лучшую жизнь. В странах, где власть принадлежит народу, литература помогает людям осознать уже достигнутое и защищать его от посягательств эксплуататоров. Вот почему капиталисты ненавидят литературу социалистического реализма, и вот почему она непрестанно приобретает все новых и новых читателей на всем земном шаре. Литература социалистического реализма является художественным выражением непрестанно возрастающих во всем мире революционных сил трудящихся масс.

* * *

Советская литература оказала сильнейшее влияние на развитие румынской литературы. После освобождения нашей страны от гитлеровцев в 1944 году советскими войсками и румынской армией совместно с партизанами-патриотами и коммунистами социалистический реализм стал главным путем развития новой румынской литературы. Связь с русской революционной литературой установилась, собственно говоря, значительно раньше. Так, Горький был известен у нас еще до первой мировой войны; его повесть «Мать» была переведена на румынский язык в 1910 году. А между двумя мировыми войнами румынская общественность ознакомилась, хотя и в недостаточно полных, а нередко и неточных переводах, с творчеством Блока, Есенина, Маяковского, Гладкова, Шолохова и других советских писателей. Реакционные румынские власти всячески противодействовали проникновению в страну советской литературы, а издатели лишь из чисто коммерческих соображений брались за переводы произведений советских писателей, которые пользовались большим спросом. Обычно эти переводы были неполными, как, например, «Тихий Дон» Шолохова.

И тем не менее влияние советской литературы было значительным. Нет сомнения, что румынские писатели испытали влияние Горького, которое явилось как бы продолжением влияния русской классической литературы. Пушкина в Румынии знали по переводам еще в сороковых годах XIX века; имена Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Чехова, Короленко, Куприна также были хорошо известны румынским читателям. Такие крупные румынские писатели и критики, как Одебеску, Эминеску, Доброджану-Геря, Караджале, сделали очень много для ознакомления румынских читателей с классической русской литературой. Знакомство с советской литературой тормозилось буржуазным правительством Румынии. В течение почти четверти века в школе, армии, печати, повсюду, где только было возможно, велась яростная антисоветская пропаганда.

После 1920 года вышли в свет «Мать» Горького, «Цемент» Гладкова в переводе Иона Пас, поэмы «Двенадцать» и «Скифы» Блока, стихи Есенина; румынские читатели познакомились с романом Николая Островского «Как закалялась сталь», с некоторыми стихотворениями Маяковского. В таких изданиях, как «Синие рубашки», «Сегодня», «Новая страна», «Свободное слово», появились отдельные статьи и очерки о Маяковском, однако все это носило случайный характер; информация о советской литературе была весьма ограниченной.

Но даже и при таком положении, в условиях преследования со стороны органов сигуранцы, влияние советской литературы на румынскую литературу не прекращалось. Влияние советской литературы, в частности горьковского творчества, испытал Александру Сахия, первый румынский прозаик, произведения которого были проникнуты революционным пролетарским духом. О влиянии Горького свидетельствует творчество А. Корня и других писателей. Исследования в этом направлении начались только недавно. Особое внимание в этом отношении следует обратить на поэзию, в которой после 1930 года появляется все больше революционных мотивов. Заметно влияние поэзии Есенина на молодых поэтов, которые благодаря этому противились формализму и герметизму и обращались к темам народной жизни, прямо и непосредственно выражали свои чувства и мысли.

Настоящая полноценная связь с советской литературой устанавливается у румынских литераторов лишь после 23 августа 1944 года, после свержения фашистской диктатуры Антонеску и перехода Румынии на сторону союзников, воевавших против гитлеровской Германии. Эта связь выразилась как в многочисленных переводах произведений советской лите-

ратуры на румынский язык, так и в частых встречах советских и румынских писателей. Разумеется, развитие румынской литературы после освобождения основывается на коренных изменениях, происшедших в социальной жизни страны. Но точно так же, как нельзя себе представить народно-демократическую Румынию и построение социализма в нашей стране без братского содружества с советским народом и без экономической и технической помощи СССР, нельзя представить себе быстрое развитие нашей литературы после освобождения без восприятия нашими писателями социалистического реализма как основного метода художественного творчества. Советская литература дала нам не модели для копирования, а метод, которому можно следовать, учитывая специфические для Румынии условия. В теоретическом отношении мы многому научились у советских писателей и критиков, воспользовавшись их положительным опытом, изучив совершенные ими ошибки.

Было бы неправильным утверждать, что с социалистическим реализмом мы познакомились только после освобождения. О социалистическом реализме нам говорил еще до войны Александру Сахия, который принимал участие в Первом съезде советских писателей в 1934 году. А первые ростки социалистического реализма в румынской литературе мы находим во многих литературных произведениях, написанных после второй мировой войны. Немало румынских писателей было связано с рабочим движением; среди них были и члены коммунистической партии, и беспартийные, проникнутые идеями марксизма, и вообще антифашисты, и в их произведениях задолго до освобождения отражалась жизнь в революционной перспективе ее развития. Некоторые из этих писателей вели подпольную работу в мрачные 1930—1940 годы, когда фашизм в Румынии пользовался открытой поддержкой со стороны буржуазного государства, гитлеровского Берлина и Рима Муссолини. Писатели старшего поколения, такие, как Садовяну, книги которого предавались сожжению на площадях членами железной гвардии, как Тудор Аргези, которого заключили в лагерь за антигитлеровские выступления, Виктор Ефтимииу, который даже в тех условиях высказывал свои просоветские симпатии, Г. Кэлинеску, который умел проводить демократические и революционные идеи в своих статьях, несмотря на фашистский режим, и другие, не капитулировали перед профашистским правительством, готовившимся вовлечь наш народ в войну рядом с гитлеровской Германией против СССР.

Все эти писатели представляли силы демократической прогрессивной литературы. Благодаря этим передовым художникам слова в Румынии оказалось возможным начать новую литературную жизнь сразу же после 23 августа 1944 года, намного раньше изгнания короля и образования республики. В состав первого комитета, выбранного после освобождения старым Обществом писателей, вошли виднейшие румынские писатели. Все лучшие силы нашей литературы организовались в единый фронт для того, чтобы поддержать мероприятия коммунистической партии, которая играла решающую роль в жизни нашей страны, несмотря на противодействие так называемых исторических партий.

И с полной уверенностью можно сказать, что социалистический реализм, этот широкий, но вместе с тем и самый трудный путь подлинно демократической литературы, был с воодушевлением выбран писателями Румынии — и старшего и младшего поколения — как основной метод их творческой работы.

Что дал социалистический реализм румынским писателям и тем самым новой румынской литературе и что вообще дало применение ленинских принципов в области литературной деятельности? Прежде всего социалистический реализм дал румынской литературе произведения, проникнутые революционной перспективой, любовью к жизни, верой в нее, верой в силы человека. Социалистический реализм внес дух обновления в литературную атмосферу, присущий социалистическому миру оптимизм.

Применение ленинских принципов в области литературы дало народным массам широкую возможность освоения культурного наследства, освоения всего того наиболее ценного, что создала румынская литература прошлого, что представляет ценность во всех других литературах мира.

В рамки настоящей статьи не входит рассмотрение вопроса о том, как в Румынии решался вопрос об освоении культурного наследия. Все же нельзя не отметить, что Гомер, Шекспир, Вийон, Диккенс, Гёте, Виктор Гюго, не говоря уже о Толстом, Чехове и Горьком, получили в нашей стране такое распространение, которое свидетельствует о том, что культура в Румынии стала действительно достоянием масс. Так, например, «Одиссея» Гомера была издана в 1956 году тиражом в 24 тысячи экземпляров, все поэтическое творчество Вийона — в 18 тысяч экземпляров. Не менее красноречивы цифры переводов произведений русской классической и советской литературы. За тринадцать лет со дня освобождения в Румынской Народной Республике было издано 23 произведения Пушкина общим тиражом в 245 тысяч экземпляров, 28 произведений Льва Толстого общим тиражом свыше полумиллиона экземпляров. Произведения Чехова изданы в количестве 265 тысяч экземпляров. Из творчества Горького издано 48 произведений, общий тираж которых достиг рекордной цифры в 758 тысяч экземпляров. Повесть «Мать» выходит седьмым изданием; романы Алексея Толстого изданы тиражом в 383 тысячи экземпляров. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (в шести изданиях) вышел в количестве 200 тысяч экземпляров, и, наконец, «Поднятая целина» М. Шолохова (в шести изданиях) — тиражом в 183 тысячи экземпляров. Всего начиная с 1944 года и до настоящего времени было издано около 2 500 произведений русской и советской литературы общим тиражом свыше 26 миллионов экземпляров.

Лучшие переводы, в частности в области поэзии, были удостоены государственных премий: так, например, перевод Чичероне Теодореску поэмы «Василий Теркин» А. Твардовского, перевод Жеорже Лесня романа «Евгений Онегин» А. Пушкина, перевод М. Р. Параскивеску поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», переводы А. Филипиде поэм и стихотворений Лермонтова и других произведений. И все это в стране, имеющей 17 миллионов населения, где до освобождения царила чуть ли не сплошная неграмотность. Характерно, что все эти книги, если не поторопиться приобрести их тотчас после выхода в свет, будут раскуплены. Еще большие успехи были достигнуты в издании румынских классиков: Эминеску, Караджале, Кожбука, Крянги и т. д., — произведения которых получили такое огромное распространение в школах, домах культуры, в личных библиотеках трудящихся, о каком ни один из них не смел и мечтать.

Наибольшие успехи достигнуты в произведениях румынских писателей, следующих методу социалистического реализма. Идеи социализма вошли в плоть и кровь писателей, участвующих вместе со всем народом в строительстве новой жизни. Марксистско-ленинская теория помогает им ориентироваться в процессах исторического развития, видеть перспективу движения нашего народа к социализму, глубже понимать общественные преобразования, происходящие в нашей стране, и правдиво отражать их в своем творчестве. А видя, что у нас сделано в экономическом и культурном отношении для трудящихся, нельзя не преисполниться законным чувством патриотической гордости достигнутыми победами.

Марксистско-ленинская теория, связь с жизнью, дискуссии по вопросам литературы и непрерывный многосторонний контакт с советской литературой привели к глубокому освоению метода социалистического реализма и к непрерывному обогащению нашей литературы новыми произведениями, все шире и полнее отражающими жизнь. Кругозор писателей расширился, чувство ответственности перед читателями возросло, возросла также требовательность писателя к самому себе, к своим произведе-

ниям, требовательность, которая служит залогом достижения высокого уровня художественного творчества.

Что мог дать социалистический реализм таким писателям, как Садовяну или Аргези, спросит какой-нибудь скептик, знающий, что этим исполинам румынской литературы в момент освобождения перевалило уже за шестой десяток. Поэт Александру Тома, например, был связан с рабочим движением еще в тридцатых годах, и вполне понятно, что в его стихах находили отражение социалистические идеи. Михаил Садовяну, крупнейший мастер румынского языка нашего времени, известен своим демократизмом, любовью к народу еще по первым произведениям, вышедшим накануне русской революции 1905 года, однако никогда он не имел прямого контакта с революционным рабочим движением. Теперь и в его творчестве произошли значительные изменения. Идет ли речь о его новом романе «Митря Кокор», в котором и тематика и художественный метод связаны с нарождающимся социализмом, или о переписанных им заново старых вещах, например, о романе «Никоарэ Подкоавэ», — везде на первом плане историческая функция народа, показывается острая классовая борьба, которая в его творчестве предшествовавшего периода даже в таких блестящих произведениях, как, например, «Балтапул», лишь угадывалась.

В творчестве крупнейшего румынского поэта нашего времени Тудора Аргези чувствуется влияние новых идей, нового, материалистического мировоззрения (сборник «Песнь человеку»). Революционным пафосом дышат его поэмы и книги, например, «1907 год», равно как и многие стихотворения сборника «Пестрые стихи»; их нельзя себе представить в прежнем творчестве Аргези, они рождены нашим временем, временем социалистического строительства.

Горьковским пафосом проникнуты роман Захария Станку «Босой» и его публицистические статьи. Идеи социализма лежат в основе творчества покойного Камила Петреску, создавшего в своем романе «Человек среди людей» образ революционного демократа 1848 года Николая Бэлческу.

Во всю ширь расправил крылья талант Еусебиу Камилара, которому удастся теперь более полно, чем раньше, описывать жизнь своего народа, подходить к самой сути социальных вопросов, волновавших крестьянство как во время войны (см. роман «Тьма»), так и в эпоху послевоенного возрождения села. Развивается талант Иона Кэлугэру, автора первого произведения новой румынской литературы о жизни рабочего класса. В его романе «Сталь и хлеб» описаны сталелитейщики и металлурги Хунедоары.

Освобождение румынского народа, установление народной власти и влияние советской литературы вызвали необычайный рост талантов, какого никогда не знала наша литература. Декадентские школы душили реалистические таланты, склонные к правдивости, к изображению конкретных фактов и здоровым идеям. После освобождения эти поэты и писатели нашли себя, сформировались в настоящих художников, проявляющих большую наблюдательность и осведомленность в народной жизни.

Среди крупнейших представителей румынской прозы видное место занимает Марин Преда, чье творчество развивается в направлении социалистического реализма. Его роман «Морометы» дает широкую картину жизни крестьянства в капитализирующейся деревне. Одним из самых сложных талантов, выдвинувшихся после освобождения, является молодой прозаик Петру Думитриу, автор романов «Семейная хроника», «Водный путь», «Буревестник». Петру Думитриу любит говорить о бальзаковской преемственности своего литературного развития, однако гордится художественным мастерством, которое он почерпнул у Шолохова.

Большие изменения произошли в румынской поэзии. Старое поколение поэтов покинуло свой замкнутый мир «башен из слоновой кости» и обратилось к жизни родного народа, обогатив свое творчество темами

родины, ее героического прошлого, борьбы народа против врагов, препятствующих строительству новой жизни. Творчество молодых поэтов, сформировавшихся после освобождения, проникнуто гражданским пафосом, пафосом социалистического строительства. Школой молодых поэтов новой Румынии были не только лучшие демократические традиции нашей классической поэзии и богатое поэтическое народное творчество, но также упорный переводческий труд, в котором основное место занимали переводы произведений Блока, Есенина, Маяковского, Твардовского, Исаковского, Щипачева и других советских поэтов.

Наша современная драматургия, как и поэзия, крепко связана с жизнью народа, его успехами и борьбой. Свою реалистическую традицию она ведет от творчества Караджале, а также драматургии Горького, Тренева, Лавренева, Леонова, Корнейчука.

Наша литературная критика, вооруженная марксистской теорией, также выросла, сплотив в своих рядах критиков младшего и старшего поколений.

То, что создано в литературе нашей страны после освобождения, может быть, и не очень велико, но оно свидетельствует о новом направлении развития литературы, тесно связанной с жизнью народа. Не только молодые писатели, сформировавшиеся после освобождения, но и писатели старшего поколения пришли к убеждению, что правильно понятый метод социалистического реализма открывает новые возможности для развития литературы. За истекшие тринадцать лет у нас выросли и воспитались новые люди с социалистическим сознанием, и в первых рядах идут писатели.

В сознании каждого из нас глубоко запечатлелись слова, произнесенные от имени КПСС Н. С. Хрущевым на приеме писателей, о том, что писатели — верные помощники партии, способные еще больше вдохновить народ на решение величественных задач, стоящих перед страной.

Сузанна Катарина ПРИЧАРД (Австралия). Великая Октябрьская революция в России, без сомнения, оказала огромное влияние на развитие мировой литературы.

В течение столетий образ социализма вдохновлял воображение людей на создание утопических схем и тщетных экспериментов. Революция в России превратила социальные мечты в реальность.

Это была триумфальная победа рабочих борцов, которые верили, что социализм должен практически стать политической и экономической системой, обеспечивающей хорошую жизнь народу, трудящимся любой нации.

Мы знаем, эта победа была достигнута ценой титанической борьбы плохо вооруженных, голодных, необученных рабочих, крестьян, солдат и матросов против царских генералов и их приспешников, против иностранных интервентов, против блокады и голода в стране, разоренной войной. Но свершилось чудо. Следуя принципам марксизма, трудящиеся России под руководством В. И. Ленина и большевистской партии создали социалистическое государство.

Помню, в 1933 году я видела в Сибири крестьян, празднующих свою победу. Вечером они возвращались с колхозных полей и пели:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боя взять Приморье —
Белой армии оплот.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города...

Свержение царизма и буржуазного строя было не только политическим событием. Это было рождением социалистического мира, пробудившим многих писателей в других странах от неясных мечтаний о «счастливой жизни», о том, как устранить несправедливости, от которых страдают трудящиеся капиталистического мира.

В те первые бурные годы революционного подъема и реконструкции Максим Горький с гордостью и радостью писал о победах своего народа. Горький был признан литературными критиками Европы и Америки великим писателем.

Его воспринимали как буревестника революции. Написанная им еще до революции поэма о буревестнике, который гордо вызывал на борьбу бушующий ветер и бурное море, определила его собственный путь. Она была призывом ко всем мужчинам и женщинам готовиться к великой борьбе, через которую пройдут все страны. Литературный гений Максима Горького был обращен не только к русскому народу. Его художественное творчество, вся его деятельность оказали влияние на мировую литературу. Горький направлял внимание писателей всех стран на реальные нужды народа, на необходимость проникновения в задачи будущего. Он учил нас понимать значение стачек и забастовок рабочих как части великого процесса социального развития.

Горький подчеркивал героическое значение этой борьбы для общего прогресса, происходящего во всех странах. Он первым сказал, что «социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он собразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» («О литературе», стр. 718. 1953).

Молодой социалистической России выразили свои симпатии и оказали поддержку самые замечательные писатели мира. Среди них был Бернард Шоу, Анри Барбюс, Ромен Роллан, Андерсен-Нексе, Генрих Манн.

Анатоль Франс, выдающийся французский писатель, получив Нобелевскую премию, пожертвовал ее в помощь пострадавшим от блокады и голода в России. Позднее Теодор Драйзер писал: «Рабочие и крестьяне всего мира, а также большая часть интеллигенции против войн и империализма. Я приветствую Советский Союз, приступивший к выполнению второго пятилетнего плана, возвещающего уничтожение классов. Это новая и единственно важная страница в современной истории человечества».

В ранние годы Советской власти раздался поэтический голос, удививший и взволновавший писателей всех стран. Это был голос В. Маяковского, блестящего молодого поэта, который в своих ликующих стихах дал новое, живое выражение энтузиазма мужчин и женщин, строящих социализм.

Поэма Маяковского «Хорошо!» была подлинным поэтическим открытием нового мира. Его «Приказ по армии искусств» вызвал горячие споры. Маяковский писал, обращаясь к изысканным поэтам, погрязшим в тривиальном:

Как Вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
 надо
 кастетом
кроиться миру в черепе!

Для австралийских писателей до 1917 года социализм был лишь мечтой. Не многие имели такое представление о социализме, как Генри

Герберт Лоусон и Том Коллинз, чьи произведения ясно говорят о необходимости создания социальной системы, основанной на использовании естественных богатств нашей страны в интересах трудящихся масс, социальной системы, при которой собственность и власть находились бы в руках рабочих, так же как богатства, производимые их трудом.

Английский социалист Фрэнсис Адамс, живший позднее в Австралии, писал:

Уверяю Вас, что такое дело, как наше,
Никогда не потерпит поражения,
Это воля большинства.
Так же неизбежно, как Солнце
Сменяет на небе Луну,
Наше дело одержит победу.

Генри Лоусон написал произведение «Красные поднимаются», опубликованное в сиднейском «Рабочем» в 1893 году.

Том Коллинз, автор знаменитого произведения «Такова жизнь», осуждающего существующий у нас социальный строй, писал: «Наилучший из возможных миров остается под наихудшим из возможных управлений». Он относился к плутократии как к «превосходно устроившемуся паразиту, захватывающему все желанные вещи, которые может произвести мир».

Бернард О'Доуд прочитал в 1909 году лекцию «Воинствующая поэзия». Уже первые его поэмы были проникнуты революционной страстностью и верой в социалистическую философию. Фенли Морис испытал на себе влияние этих выдающихся национальных австралийских писателей прошлого поколения.

Если среди лучших австралийских писателей прошлого поколения была сильна лишь тенденция к социализму, то русская революция 1917 года и рождение Союза Советских Социалистических Республик вдохновили молодое поколение австралийских писателей не только надеждой, но и уверенностью в том, что новая жизнь может быть построена. Это был смелый подход к проблемам нового времени.

Фенли Морис ответил на призыв В. Маяковского в своей поэме «Смелость» (1920):

Смелость! Прошлое мертво!
Свергнем и убьем монархов.
Долго терпевшие массы обретут
Мир и лучшее будущее.
Смелость! Разрушим тюрьмы
И отшвырнем скипетры.
Выдвинем своих вождей,
И народ пойдет вперед.

В 1908 году, будучи молодой журналисткой, я встретила в Париже с русскими политическими эмигрантами, они рассказали мне о том, что происходит в России, то есть о борьбе, которую ведут там социалисты. Я была тогда настолько несведущей в вопросах социалистического движения, что все это мне показалось несбыточной мечтой. Но несколько лет спустя, когда в России действительно произошла революция, я была потрясена тем, что мечты моих старых русских друзей оказались явью. Немедленно я приступила к изучению марксизма и стала убеждаться, что теория, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, теория научного социализма, указывает единственно реальный путь уничтожения несправедливостей и нужды, от которых страдают трудящиеся в капиталистическом мире. Моя жизнь и работа осветились новым пониманием действительности, и я стала активным членом Коммунистической партии Австралии. С восхищением, вызываемым энергией и жизнеутверждающей силой их произведений, читала я Максима Горького и Владимира Маяковского. Затем появились «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгром» А. Фадеева и другие

романы советских писателей, которые свидетельствовали о рождении и развитии новой литературы — литературы социалистического реализма.

Эта литература развивалась благодаря вдохновенной творческой способности писателей воплощать в поэтические формы повседневный опыт простых людей и народные рассказы о прошлом, благодаря тому, что культура советского народа опиралась в своих творческих исканиях на все лучшее, созданное историей человечества.

Торжество социализма в СССР выразилось и в силе социалистического реализма в произведениях таких писателей, как М. Шолохов, А. Фадеев, К. Симонов, Б. Полевой, И. Эренбург. Он глубоко затронул писателей других стран, стремящихся отразить радость и скорбь своих народов, их борьбу за национальную независимость, демократические права, мир и дружбу между всеми народами.

Многие из самых выдающихся писателей мира, известные своим критическим реализмом, обнаруживают в жизни своих народов социалистические тенденции. Из этих писателей прежде всего нужно назвать удостоенного Нобелевской премии Халлдора Лакснесса (Исландия), Анну Зегерс, Лиона Фейхтвангера, Стефана Гейма (Германия), Джека Линдсея, Джемса Бэрка и Джеймса Олдриджа (Англия), Луи Арагона (Франция), Митчела Уилсона (США), Жоржи Амаду (Бразилия) и многих других.

Ни одна страна мира не имеет таких возможностей издания произведений своих писателей и писателей других стран, как Советский Союз.

Прогрессивные писатели всех стран узнают о произведениях друг друга главным образом из журналов и газет Советского Союза.

Что знали бы мы, австралийцы, о поэтах, писателях и драматургах Чили, Японии, Китая, Бразилии, Вьетнама, Индии, даже Дании, если бы мы не читали переводов их произведений в советских журналах?

Да разве только это! Писатели капиталистических стран, которые не могут опубликовать своих произведений на родине, часто публикуют их в Советском Союзе большими тиражами. Писатели, книги которых на родине издаются подпольно, продаются тайком «из-под прилавка», широко издаются в Советском Союзе и переводятся на многие языки.

Издательство Китая выпускает переводы классиков «от Аристофана до Золя». Недавно оно объявило: «Мы с гордостью сообщаем, что среди книг, выпускаемых издательством, есть перевод новеллы американского писателя Альберта Мальца «Длинный день короткой жизни». Эта новелла еще не опубликована на родине автора, так как он не мог найти для нее издателя».

Торжество революции и установление социализма в СССР явились толчком к образованию коммунистических партий во многих странах. Коммунистические партии всех стран всегда были заинтересованы как в поддержке национальных стремлений своих народов, так и в содействии интернациональной дружбе между народами. Великие литераторы всегда отражали жизнь народа, его надежды и борьбу. Коммунистические партии во всех странах воодушевляют молодых писателей на создание произведений, посвященных важнейшим проблемам народной жизни, жизни рабочего класса.

К несчастью, в капиталистических странах существует очень мало возможностей издавать произведения, посвященные этим проблемам. И все же в Австралии некоторые произведения писателей, рассказывающие правду о народной жизни, преодолев все барьеры, дошли до тех, для кого они предназначались. Так были изданы произведения Фрэнка Харди, в частности его новелла «Сила без славы», «Черный Карго», а также рассказы Джона Моррисона.

Австралийское общество книги охотно публикует произведения социалистического реализма, которые без его содействия не были бы изданы. Но его издательские возможности часто зависят непосредственно от

читателей — от средств, которые могут дать читатели, интересующиеся прогрессивными идеями.

Я думаю, что нередко читательские вкусы в нашей стране извращаются дешевой, сенсационной сентиментальной макулатурой, которой наводнены журналы и книжные лавки. Это один из примеров того, как капиталистическая система лишает рабочий класс всего хорошего, правдивого и прекрасного.

В социалистических странах — в СССР, в народно-демократических странах Европы, в народном Китае — лучшие произведения современных писателей, классиков мировой литературы и народного творчества — все лучшее из литературного наследия человечества доступно для рабочих, книги продаются по цене, которую в состоянии уплатить каждый рабочий. Воспитание читателей в этих странах считается столь же необходимым, как и воспитание писателей. В. И. Ленин подчеркивал, что культура — это правда людей. И читатели и писатели должны получить возможность узнать все, что создало человечество ценного в области литературы. Это вооружит нашу интеллигенцию мужеством, необходимым для деятельности во имя радостной жизни для всех.

Социализм дает эти знания всем. В социалистических странах литература заботливо выращивается и поощряется как высшее проявление человеческого разума. Писатели и читатели соединены в этих странах общностью мыслей и чувств. Капитализм же стремится разрушить, разорвать эти связи.

После сорока лет тяжелых испытаний Союз Советских Социалистических Республик показал миру, сколь велика сила социализма в борьбе за мир и благосостояние людей.

Философские взгляды А. А. Иовского

(Из истории борьбы за материализм в русском естествознании первой трети XIX века)

Л. А. КОГАН

I

20—30-е годы XIX века — один из наименее исследованных периодов в истории русской философии. В буржуазной историко-философской литературе он изображается как период безраздельного господства идеализма — в основном шеллингианского толка. Такая точка зрения характерна не только для старых работ А. Введенского, Э. Радлова, Г. Шпета и Б. Яковенко, но и для новейших откровений зарубежных историков русской философии, таких, как Н. Лосский, В. Зеньковский и другие.

Если в отношении предшествующего периода — XVIII века, а также более позднего времени — 40—60-х годов XIX века — восстановлена историческая правда и разбиты фальсификаторские и клеветнические измышления, то в отношении первой трети XIX века подобная работа в полной мере еще не проделана. Надо решительно покончить с легендой о том, что 20—30-е годы XIX века были периодом, когда передовые люди России якобы отказались от материалистических заветов предшествующего поколения и наступил перерыв в развитии русского материализма.

Как ни тяжелы были условия николаевской реакции, как ни пытались царские сатрапы — магницкие и рунич — уничтожить малейшие проблески живой творческой мысли, передовые русские люди и в этих условиях настойчиво продолжали прокладывать дорогу прогрессивным, материалистическим идеям в науке и философии, отстаивали и развивали традицию, идущую от Ломоносова и Радищева.

Эта животворная традиция никогда не прерывалась. Ее основными продолжателями в рассматриваемый нами период были декабристы. Большую роль в борьбе за передовую науку и материализм сыграли и русские естествоиспытатели 20—30-х годов XIX века — последователи Ломоносова, ведущие профессора Московского, Петербургского, Харьковского и Казанского университетов, Московской и Петербургской медико-хирургической академии и т. д. Передовая философская мысль России первой трети XIX века явилась связующим звеном между Ломоносовым, Радищевым и основоположниками революционно-демократического мировоззрения 40—60-х годов XIX века. Продолжателем этой славной традиции был и Александр Алексеевич Иовский — профессор химии, преподаватель Московского университета.

А. А. Иовский родился 29 августа 1796 года в г. Острогожске, Воронежской губернии, в семье священника. Окончив университет и получив степень доктора медицины, он отправился в 1823 году в научную командировку, в которой пробыл три года. Он посетил Берлин, Вену, Прагу, много работал во Фрейбурге, Париже и Лондоне, слушал лекции и производил опыты в лабораториях Лампадиуса, Гей-Люссака, Дюлонга, Фарадея, Деви и других ученых. Знакомство с достижениями мировой науки сыграло большую роль в формировании его материалистических взглядов¹.

¹ Документальным отражением учебной и научно-исследовательской работы А. А. Иовского являются его неопубликованные письма — отчеты Совету Московского университета за 1823—1826 годы, посылаемые из Фрейбурга, Вены, Парижа.

В 1826 году Иовский вернулся на родину и поступил в качестве преподавателя в Московский университет, где проработал более двадцати лет. Расцвет его деятельности относится к третьему и отчасти четвертому десятилетиям XIX века. В это время Иовский написал свои основные работы: «О важности химических исследований в кругу наук и искусств» (1827), «Химические уравнения» (1827), «Опыт руководства к познанию внутреннего строения и образования земного шара» (1828), «Обозрение медицинских систем в начале XIX столетия» (1828), «О животном магнетизме» (1828—1829), «О химических соединениях» (1829), «О химических пропорциях» (1835), «Начертание общей фармакологии» (1835), «Начертания фармации» (1838).

Одной из главных заслуг А. А. Иовского перед русской наукой является издание им журнала «Вестник естественных наук и медицины», выходившего в 1828—1832 годы. Этот журнал сыграл большую роль в пропаганде достижений науки, в сплочении прогрессивных ученых России, в борьбе с идеализмом. Значительная часть статей, помещенных в «Вестнике», была написана самим редактором — А. А. Иовским.

Иовский всегда стремился связывать свою теоретическую деятельность с жизнью. Наряду с научной и преподавательской работой в университете он занимался журналистикой и врачебной практикой, участвовал в работе Московского общества испытателей природы.

* * *

Философские и научные воззрения Иовского сформировались под влиянием философии предшествующих эпох и достижений естествознания в России и в Западной Европе. Из древних философов он высоко ценил Эмпедокла и особенно Гераклита, которого называл отцом греческой философии, а из материалистов нового времени — Бэкона и Локка. Он хорошо знал немецкую идеалистическую философию и главным образом труды Шеллинга.

Вслед за Ломоносовым Иовский выступил против положения Лейбница о духовных, непротяженных частицах — монадах, из которых якобы построен мир. Лейбниц утверждал, пишет Иовский, что атомы не имеют никакого протяжения. «Сколько ложных заключений проистекли из такого мнения» («Ученые записки императорского Московского университета». Октябрь 1835 года, стр. 77). Иовский был атомистом. Все тела, полагал он, состоят из простых веществ, или начал, которые, в свою очередь, образуются из мельчайших частиц материи — атомов. Атомы занимают определенное положение в пространстве, имеют объем, вес, плотность и форму. Эти частицы соединяются между собою в постоянных пропорциях. От их сочетаний происходят все химические соединения. Таков, по Иовскому, дух современной философии химии (см. журнал «Московский телеграф» № 15 за 1827 год, стр. 259).

Ценность атомистической теории Иовский видел в том, что она является наиболее совершенным по сравнению с другими теориями орудием познания материи. «Излагая анализы по атомистической системе, мы приобретаем гораздо яснейшее понятие о свойстве состава и особливо о различиях, каковые представляют вещества, образовавшиеся из одинаковых начал, но в различных содержаниях» (А. И о в с к и й «Химические уравнения», 1827, стр. 101—102).

Однако механическая атомистика не могла полностью удовлетворить Иовского. Он не разделял ее исходного положения — о неделимости атома. По его мнению, атомы сложны по своей структуре и, несмотря на малый размер, разделяются на свои начала, соотношение которых нужно изучить. «Ежели мы,— писал он,— хотим принять конечное деление частей целого вещества,—...то такому делению противоречит опыт, ибо самая малейшая частица может явно разделена быть еще более, на

еще меньшую частицу; но наши орудия недостаточны для сего. Мы видим возможность, но не можем привести ее в действие. Ежели же примем конечное деление в составных частях вещества, то и в сем случае должны обвинять недостаток в наших аналитических средствах, а не дальнейшее неделение составных частей. Притом, при всем богатом запасе химических исследований мы еще так бедны в познании составных частей веществ, что даже можем сказать, что мы исследовали природу в ее составе еще и так и сяк, через пятое и десятое ее составных частей» («Вестник естественных наук и медицины» № 6—7 за 1829 год, стр. 73—74).

Иовский подошел здесь к пониманию того, что атом не является последним кирпичиком мироздания, к выводу о неисчерпаемости материи. Правда, этот вывод нес еще на себе печать натурфилософской умозрительности и был лишь догадкой. Но в то время он и не мог быть иным.

Проницательность Иовского сказалась и в том, что он возражал против рассмотрения связей между атомами как внешнего соприкосновения неизменных частиц. «Не должно думать, чтобы соединения атома к атому были постоянно весьма непременимы» (А. И о в с к и й «Начальные основания химии». Часть вторая. Издание второе. М. 1832, стр. 98).

Но, отталкиваясь от этих правильных догадок, Иовский делал иногда ошибочные выводы, идущие по линии отрицания существования атомов. Это было уступкой идеализму. Корень этой ошибки в неумении диалектически подойти к данному вопросу. Поскольку положения о неделимости и неизменности атомов рассматривались в то время как незыблемые принципы атомизма, Иовский полагал, что эта проблема должна решаться в плане альтернативы: либо атом неделим и неизменен, либо его как особой частицы, обладающей определенными свойствами, вообще не существует. Подойти исторически к учению об атомах и понять, что углубление наших знаний об их структуре и свойствах подтверждает их объективное существование, он не смог.

Сильной стороной воззрений Иовского как ученого-материалиста является признание им неразрывности вещества и движения (или, как он говорил, силы). Следуя Ломоносову и Радищеву, Иовский утверждал, что движение не является чем-то посторонним для материи, а внутренне ей присуще. В философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев писал: «Безрассудный! Когда зришь в превыспренность и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно и движение ей не-сродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромное подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымешь вон? ...Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень» («Избранные философские сочинения». 1949, стр. 324—325). Иовский так же, как и Радищев, признавал активность материи. «...Мы не можем вообразить себе,— писал он,— чтобы находились произведения природы, кои не были бы одарены силою» («Вестник естественных наук и медицины». Декабрь 1828 года, стр. 359). «Нет вещества без силы и нет силы без вещества в видимой нами природе» (там же, № 1 за 1831 год, стр. 7).

Особенно большое внимание Иовский уделял физической и химической формам движения. В соответствии с этим физика и химия рассматривались им как основополагающие отрасли знания. Он считал, что минералогия — это минеральная физика и химия, ботаника — растительная, а зоология — животная физика и химия. Медицина является применением минеральной, растительной и животной физики и химии к организму жи-

вотных и человека. Стремление Иовского раскрыть значение законов физики и химии для всех наук о природе и показать на этой основе взаимосвязь наук свидетельствует о том, что его искания в этой области шли по материалистическому пути. Но Иовский не всегда учитывал специфику различных форм движения материи. В этом сказалась механистичность его воззрений. Механистичность проявляется и в его стремлении свести многообразие природы к нескольким «простым началам». И все же, будучи передовым естествоиспытателем своего времени, Иовский не мог удовлетвориться узкими рамками метафизики.

Иовский признавал изменяемость природы. «Наблюдение показывает,— писал он,— что в природе всегдашняя изменяемость: отселе всегдашняя деятельность природы. Однообразия нет» («Начертание общей фармакологии, изданное Александром Иовским». М. 1835, стр. 25). «Время все изменяет» («Вестник естественных наук и медицины», 1828, декабрь, стр. 415). «Тела находятся в непрерывном состоянии преобразования» (там же, 1831, № 10, стр. 174). Из этого, заключает он, для науки следует вывод, что «природу надобно наблюдать во всех ее изменениях» («Магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических». Часть I, № 111. М. 1827, стр. 197).

Применяя этот вывод к наиболее близкой ему области — химии, Иовский отмечал многосложную изменяемость, характеризующую химические соединения. Изменения, говорил он, происходят даже в самых простых началах. Одни вещества, изменяясь, порождают другие. Тот же вывод он распространял и на геологию, ставя вслед за Ломоносовым вопрос об образовании и истории земного шара. В противоположность «нептунизму», игнорировавшему значение внутренних процессов в образовании земной коры и отрицавшему ее изменения, Иовский объяснял появление руд изменениями земного шара, химическими преобразованиями составляющих его элементов. «...И первый период,— отмечал он, полемизируя с «нептунистами»,— произошел не по механическому осадку из жидкости, но по действию преобразования начал... Все развивалось и преобразовывалось от самых простых своих начал» (А. И о в с к и й «Опыт руководства к познанию внутреннего строения и образования земного шара». М. 1828, стр. 34). Объяснением геологических изменений химическими процессами, происходящими в «толщах» земли, Иовский внес свой вклад в дело создания новой науки — геохимии. Принцип изменяемости применялся им и при решении вопроса о горючих полезных ископаемых. Как и Ломоносов, он признавал их органическое происхождение. Он полагал, что каменный уголь и торф образуются из растений в результате тех изменений, которым они подвергались.

Диалектичность мышления Иовского обнаруживается и в его отношении к противоречиям в природе. Ссылаясь на Гераклита, Иовский писал: «Принимаем с древними противоположную напряженность между двумя началами» («Начальные основания химии». Часть I. Издание второе. 1827, стр. 20). Ход рассуждения Иовского таков: каждое явление раздваивается на противоположные начала. Отношение этих начал есть противоречие или противоположная напряженность. По мере нарастания этой напряженности происходит соединение и разложение веществ. Без нее невозможно образование сложного вещества. Этот закон имеет всеобщий характер. «Закон, который отражается во всей природе,— подчеркивает Иовский,— и именно: разделение одного начала на два новые, которые по силе своих противоположных напряженностей, сливаясь, представляют осложненное вещество со свойственной ему новой напряженностью» («Вестник естественных наук и медицины» № 8—9 за 1829 год, стр. 482). «Таковое проявление двух противоположных начал по причине их всеобщего источника имеет место при всех явлениях природы. Соединение веществ, образование нового и разрушение прежнего состава печатлется действием сих противоположностей» (там же, стр. 302—303).

Характерными проявлениями закона противоречия (противоположной напряженности) Иовский считал притяжение и отталкивание, положительное и отрицательное электричество и, наконец, жизнь. Человеческий организм носит в себе начало своего разрушения. Жизнь и смерть — это два конца одной цепи.

* * *

В работах Иовского встречаются упоминания о боге. Его учение, как и многие другие учения того времени, несвободно от деистической непоследовательности. Но деистические высказывания Иовского были средством прикрытия его материалистических воззрений.

Иовский считал, что природа существует до и независимо от человеческого сознания. Имея в виду первоначальное состояние нашей планеты, он говорил: «...Мысль человеческая еще не могла существовать во время появления сего первозданного периода» («Опыт руководства к познанию внутреннего строения и образования земного шара». М. 1828, стр. 27). Как же появилась у материи способность ощущать и мыслить? Ключ к решению этой проблемы Иовский искал в единстве и внутренней активности природы. Он не видел пропасти между неорганической и органической материей. «Рассуждая о происхождении земли,— писал он,— исследуя различные слои, ее составляющие, мы найдем, что образование неорганических тел должно предшествовать образованию тел органических. Действительно, прежде нежели мы встретим какие-либо следы животных или растений, мы замечаем гранит, гнейс и пр. совершенно уже образованными» («Вестник естественных наук и медицины». Декабрь 1828 года, стр. 361).

Мертвой природы не существует. Вся природа, как органическая, так и неорганическая, внутренне активна и в этом смысле жива. «Все живет, и в самом изменении и в самом видимом разрушении является новая жизнь. Так называемая неорудная (неорганическая.— Л. К.) природа, которую весьма неправильно определяют на вечную мертвенность, не исключена из законов всеобщей жизни» (А. Иовский «Начальные основания химии». М. 1827, стр. 55). Но эта жизнь проявляется по-разному. Вначале она существует в скрытом виде. Затем она постепенно и все более полно обнаруживается в явлениях органической природы. Переходом от неорганического к органическому является «совершенное образование кристалла» («Вестник естественных наук и медицины» № 6—7 за 1829 год, стр. 86). Различие между растениями и животными также не абсолютно. Они отличаются друг от друга лишь до известных пределов.

Иовский был не одинок в отрицании мертвенности природы. Такого же взгляда придерживались и некоторые другие современные ему ученые, в том числе выдающиеся русские материалисты-естествоиспытатели И. Е. Дядьковский и А. М. Филомафитский.

Связь живых организмов с окружающей природой прослеживалась Иовским не только генетически, в плане их возникновения, порождения, но и в современном их состоянии. Отправления органов нашего тела, писал он, зависят от влияния окружающей среды (см. «Начертание общей фармакологии, изданное Александром Иовским». М. 1836, стр. 23). Разнообразием этих влияний Иовский объяснял и различный состав тел.

Человек, как высшая форма биологического организма, по мнению Иовского, есть часть природы. Без изучения природы нельзя понять и человеческий дух.

Что же представляет собой этот дух (душа)? Идеалисты, замечал с иронией Иовский, помещают душу между богом и чувствительностью (см. «Вестник естественных наук и медицины» № 9—12 за 1832 год, стр. 35). Душа же есть не что иное, как мышление человека. Он считал,

что непосредственным носителем мышления, «обиталищем души», является головной мозг. Опираясь на работы Флуранса и других физиологов, Иовский утверждал, что мозг — это орган чувствительности, мышления, страстей и движений. В нем образуются мысли. Иовский подчеркивал зависимость души от тела, зависимость мышления от мозга и нервной системы. Еще в своей диссертации он отмечал «преобладающее значение нервов» («Dissertatio Medico-chemica de Acidis, Quae oxygenio carent...» А. I o v s k y «Typis Universitatis Caesareae. 1822, стр. II). «Расстройство болезненное, — писал он, — изменяет свойства душевные» («Молва», 1833, № 154, ч. VI, стр. 704). Так, резкое нарушение нормальной деятельности сердца сказывается на кровообращении и затрудняет работу мозга. Расстройство же мозга прелятствует «здравомыслию» (см. «Вестник естественных наук и медицины». Октябрь 1828 года, стр. 194). Все, что касается чувств, действует и на душу. Таким образом, заключал Иовский, «все то, что действует на мозг, оказывает действия свои на мысль: механические давления, раны, воспаления и т. п. отражаются в душе» (там же, стр. 193). «По отнятии мозга всякое чувствование, всякое ощущение теряется»¹ (там же, № 8 за 1829 год, стр. 399).

* * *

Борьба с идеализмом в естествознании, пагубно влияющим на науку, — одна из наиболее ярких страниц в деятельности Иовского. Иовский не считал идеализм случайным заблуждением того или иного философа. Его истоки он видел прежде всего в ограниченности, неполноте и односторонности наших знаний. При первом своем пробуждении человеческий ум был беден наблюдениями и опытом. Но этот «младенчествующий» ум испытывал сильные влияния извне, со стороны непонятных ему явлений природы. Бессильный объяснить эти явления, понять их причины, он наделял их сверхъестественными силами, одухотворял их. Иовский считал, что между различными сторонами познавательной деятельности должно существовать гармоническое единство, при котором все эти стороны развиваются равномерно и взаимно дополняют друг друга. Если же одна из них вытесняет другую, то необходимая пропорция нарушается и это ведет к фантастическому искажению картины мира, к идеализму. Так бывает, например, тогда, когда воображение берет верх над другими способностями и рассудок, покоренный воображением, становится «игранием мечтаний». В этом случае он довольствуется одними «призраками» («Вестник естественных наук и медицины» № 1 за 1828 год, стр. 35). К таким призракам, продуктам необузданного воображения, Иовский относил идеализм.

Одной из причин, породивших идеализм, Иовский считал абсолютизацию общих понятий. Мы окружены непрерывно сменяющимися явлениями и стараемся свести их к единому началу, «сделать из всего одно общее и под сие общее подводить все, открываемое созерцанием» (там же, № 1, стр. 34—35). Так возникают отвлеченные понятия. Но отрыв их от действительности ведет к идеализму. «Собравши определенное число положительных очевидностей, — пишет Иовский, — вместо того, чтобы поверять их, ... бросились, так сказать, без оглядки к удовлетворению легкой наклонности своей, которая увлекает человека к отвлеченностям... Отселе явилась метафизика (Иовский употребляет это понятие как синоним идеализма. — Л. К.), чудовищная совокупность бреда, порожденного больным воображением энтузиастов, чуждых познания самых простых законов физики» (там же, № 9—12 за 1832 год, стр. 71).

¹ См. близкое по духу высказывание Радищева: «...Понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок» («Избранные философские сочинения», 1949, стр. 279).

Таковы, по Иовскому, истоки идеализма.

Как видим, он не остановился на точке зрения материалистов XVIII века, считавших, что идеалистические представления являются плодом невежества и обмана, а сделал попытку уяснить теоретико-познавательные истоки идеализма.

Основным направлением, с которым Иовскому пришлось бороться, была немецкая идеалистическая натурфилософия конца XVIII — начала XIX века. В числе работ натурфилософского направления, на которые ссылается и которые критикует Иовский, мы встречаем сочинения Шеллинга, Вагнера, Шуберта, Вильбранда, Венде и других авторов. Свойственное идеализму мистическое извращение картины мира Иовский характеризует как «худое, извороченное учение браминов» («Начальные основания химии». М. 1827, стр. 119).

Идеалистическая натурфилософия, утверждал Иовский,— враг точных наблюдений и исследований. Поэтому она не является научной теорией.

Идеалистическая натурфилософия идет от выдуманного ею общего (абсолют, мировой дух и т. п.) к частному, вместо того, чтобы идти от фактов к выводам. Она отрывает общее от частного.

Для натурфилософов-идеалистов характерна оторванность от опытного естествознания и вытекающий отсюда дилетантизм. Эти философы претендуют на знание природы, не изучав ее. «...Они подводят всю природу под свои законы; они судят о всем, не учившись ничему... Они, не готовясь, на все готовы. В самом же деле нет ничего страннее тех притязаний, которые они обнаруживают во всяком случае... Незнакомые с естественными науками, они не затрудняются объяснить ход целой природы; знакомые с наукой о человеке, они легко объясняют и жизнь, и смерть, и отправления во время жизни, и изменения по смерти. Поверхностное наблюдение, первый рассказанный опыт есть уже для них такой якорь, который приковывает их мысль беспощадно. Для них не нужно то, чтобы наблюдения выражались в предмете, чтобы опыт был строгим следствием из предшествовавших изысканий, им нужно только, чтобы их умствование подкреплялось какою-либо обольстительною формою... Таковой способ умствования... не может никак принят быть в медицине» («Вестник естественных наук и медицины», 1828, ноябрь, стр. 249—250).

Критика Иовским натурфилософского идеализма была направлена не только против Шеллинга, Окена и других западноевропейских философов и ученых-идеалистов, но и против их русских единомышленников, против идеализма вообще. Иовский решительно выступал против попыток русских идеалистов внедрить идеализм в естествознание. В этой связи заслуживает внимания критика им Д. М. Велланского — старейшего представителя идеалистической натурфилософии в России. В феврале 1831 года Иовский поместил в своем журнале проспект лекций по общей физике, составленный Велланским, а в последующих номерах дал критический разбор ряда его высказываний по философским вопросам естествознания. «Судя по помещенным в... журналах отрывкам о физике почтенного академика,— писал он,— мы должны сказать откровенно, что те отрывки были не из общей физики, но из физической поэзии» («Вестник естественных наук и медицины» № 12 за 1831 год, стр. 177). Велланский отрицательно относился к опытному методу в естествознании, объявляя его французским изобретением. В условиях того времени подобная аттестация могла отпугнуть немало «благонамеренных» читателей, поскольку она указывала на связь опытного естествознания с французским материализмом. Иовский решительно встал на защиту опытного естествознания, ссылаясь при этом на авторитет Бэкона. «Бессмертный Бэкон,— писал он,— положил первые основания физики настоящего времени... Он первый, бросив смелый взгляд на совокупность человеческих познаний, указал истинный *метод* изучать природу; он первый научил

употреблению трех великих средств, необходимых при таковом изучении, кои суть: наблюдение, опыт и вычисление» (там же, № 3, стр. 232). Что касается французов, на которых ссылался Велланский, то они являются преемниками и продолжателями метода Бэкона.

Ударом по идеализму, в частности по воззрениям Велланского, явилась также серия статей Иовского о «животном магнетизме». Иовский видел в «животном магнетизме», которым увлекался Велланский, модное суеверие. К духовным предкам современного «животного магнетизма» он относил александрийских неоплатоников, немецкого средневекового мистика Бёме и шведского мистика-теософа Сведенборга. Таков, говорил он, «оригинальный союз магнетизма с мистицизмом» («Вестник естественных наук и медицины». Май — июнь 1831 года, стр. 45).

* * *

Иовский верил в силы и возможности научного познания. Он считал, что, изучая какой-нибудь предмет, нельзя останавливаться на полпути, принимать достигнутый в данное время рубеж за окончательную границу. Надо «смотреть на предмет так, как он есть, и восходить уже по лестнице категорий дотоле, доколе можно, отвергнув все границы» («Вестник естественных наук и медицины» № 6—7 за 1829 год, стр. 70).

Но для того, чтобы успешно продвигаться по этому пути, нужно покончить с рядом предрассудков. Прежде всего необходимо отрешиться от слепой приверженности к старым, привычным, заученным формулам, догмам. «Должны ли мы поддерживаться на дряхлых раменах наших предшественников и собственную крепость сил источать бездействием?» — спрашивал он (А. Иовский «Опыт руководства к познанию внутреннего строения и образования земного шара». М. 1828, стр. 26). «Для чего с такою упорностью оставаться при тех мнениях, которые нам переданы еще в прошедшем столетии?.. По моему мнению, это совсем неуместная скромность почитать себя ниже предков» («Вестник естественных наук и медицины». Декабрь 1828 года, стр. 416).

Важным фактором научного прогресса Иовский считал живой обмен мнениями. Познание не требует полного единогласия между учеными по всем вопросам: «Всякая истина яснее открывается из двух или нескольких противных мнений» (там же, январь 1831 года, стр. 26).

Иовский отмечал большое значение для развития науки критики. Она содействует искоренению всего отжившего. Исходя из этого, Иовский осуждал «особого рода страсть защищать свои ошибки, удаляя от себя всячески изыскательные рассуждения» (там же, июнь — июль 1829 года, стр. 104). Но, признавая большую роль критики в познании, он подчеркивал в то же время, что эта критика может выполнять свою роль лишь при условии строгой научности, принципиальности: «Критика совершенствует науку, ежели только она не выходит за пределы науки; следовательно, мера ее есть самая наука» («Московский телеграф» № 1 за 1827 год, ч. XVI, стр. 266—267).

Основой научного познания являются, по мнению Иовского, наблюдение, исследование и опыт. На эту основу должны опираться теоретические обобщения, выводы. Все эти элементы познания взаимно дополняют друг друга. История свидетельствует, что именно на этой основе возникла современная наука и передовая, материалистическая философия (Иовский называет ее опытной). Став только на этот путь, естествознание и философия могут идти к общей цели — к постижению истины: «На сем только пути встречается та философия, которая доводит до последствий, благодетельных для человечества. Сия философия была философией гениев последнего столетия; она указала физикам и химикам надлежащую их стезю; она в настоящее время одушевляет ученых во всех странах, озаряет их светом своим при важных их трудах и образует между ними новую,

никогда не разрушимую общественную связь» («Вестник естественных наук и медицины» № 6—7 за 1829 год, стр. 102).

Для того, чтобы знать природу, надо судить о ней не понаслышке, а быть ее «самовидцем», то есть видеть, слышать, осязать ее предметы, вообще ощущать их как можно полнее. «Умствовать» же об этих предметах, замкнувшись в кабинете и не проводя над ними никаких наблюдений,— это значит уподобиться тем средневековым схоластам, которые философствовали о том, сколько чертей может поместиться на булавоочной головке (см. «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических». Часть I, № III, 1827, стр. 197).

Иовский считал, что важнейшую роль в познании играет опыт. В понятие опыта он включал научные эксперименты, открытия, изобретения, применение науки в производстве. Еще в начале своей преподавательской деятельности он предлагал «занять студентов применением химии к искусствам» (Архив Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Дела Медицинского факультета за 1826 год. Дело № 187. Под словом «искусства» здесь имеются в виду различные отрасли производства). Позднее Иовский подчеркивал как одну из важнейших задач своего журнала необходимость сближения теории естественных наук с их практическим применением, с новейшими открытиями. В использовании науки в «общественном быту» он видел торжество человеческого ума. «Изобретение,— писал Иовский,— является владычицею над стихиями и даже над упорностью природы. Электричество, воздух, огонь, вода делаются его послушными орудиями... Тысячи деятельностей рожают тысячи представлений, которые порождают множество новых мыслей» («О важности химических исследований в кругу наук и искусств». М. 1827, стр. 5—6). Развитие техники, применение и усовершенствование различного оборудования на производстве являются средством проверки теории, доказательством ее правильности. Истинна лишь та теория, которая «не разноголосит» с наблюдениями и исследованиями. «Всякое умственное предположение поверяется на опыте» («Вестник естественных наук и медицины» № 7—8 за 1831 год, стр. 174).

В свете всего сказанного рассмотрим отношение Иовского к спору между рационалистами и эмпириками. Он считал, что опытное познание и эмпиризм не одно и то же. Научно поставленный опыт предполагает целеустремленную деятельность, руководимую теорией. Эмпиризм же чужд и враждебен науке и находится в ближайшем родстве с невежеством. Эмпиризм означает движение на ощупь, в потемках; он цепляется за случайные факты и первые попавшиеся произвольные предположения. Это слепой вожатый. Характерная черта эмпиризма состоит в том, что он является противником нового, восстает против усовершенствования наук и искусств. Эмпиризм — немыслящий, безотчетный навык, непитаемая пища для рассудка. Опыт же является элементом научного познания. Его путь освещается мышлением, теорией. Поэтому нельзя смешивать эмпиризм и опыт.

Идя по стопам Ломоносова, Иовский ратовал за единство чувственного и логического познания. Наука, утверждал он, исходит из фактов и основывается на них, но не сводится к одним только фактам. Факты, собранные ею, должны быть сведены к определенному единству. «Ум человеческий,— писал Иовский,— сначала стремится за собранием событий (factum), потом старается сии события соединить для построения великого здания науки и сближает сии события, сравнивает их, из сравнения выводит следствия и таким образом создает науку. События сами по себе составляют уже основание науки, но они не могут сами по себе составить самую науку. Чтобы построить и дать надлежащий вид сему зданию — науке, надобно, чтобы события, подобно радиусам, легко распределялись около одной точки; чтобы все они легко оканчивались в сей одной точке, в едином центре» (там же, № 12 за 1831 год, стр. 189). Таким объединя-

ющим началом, центром, вокруг которого группируются факты, является теория. Без теоретического осмысления фактов нет науки. Истинная теория, не противоречащая наблюдениям и исследованиям, является необходимым условием успешной практической деятельности.

В том же духе Иовский, продолжая традицию Ломоносова, решал и вопрос о гипотезе. Он различал два вида гипотез — научные и антинаучные. Первые возникают из потребностей развития науки, опираются на накопленные знания и создают новый взгляд на предмет, открывают новый путь к исследованиям. Эти гипотезы являются результатом умственной обработки данных опыта, формой теоретического мышления, средством предвидения. Другой вид гипотез — беспочвенные, надуманные, мечтательные предположения. Такие предположения отличаются нередко невежественностью. Они не только не вытекают из опыта, но являются попыткой обойти и подменить его. Это метеоры, после появления которых становится еще темнее. Их время в науке прошло. Такого рода гипотезы Иовский отвергал как произвольные домыслы.

Высказывания Иовского по вопросам теории познания рождали у читателей веру в свои силы, стремление дерзать в науке и неустанно идти вперед. «Не будем робки,— призывал Иовский,— не будем думать, что здесь уже конец всему; что идти далее уже невозможно» («Вестник естественных наук и медицины» № 1 за 1831 год, стр. 10).

* * *

Над чем бы Иовский ни трудился, о чем бы он ни писал, на первом плане у него стояли интересы родины. Он неустанно заботился о преодолении экономической и культурной отсталости России, ратовал за ее промышленное развитие. Каждое достижение русского ученого, каждый шаг родной страны по пути научного и технического прогресса он встречал с горячим одобрением и радостью. «Благо наук,— писал он,— есть благо народа» (там же, октябрь 1828 года, стр. 185). Иовский утверждал, что «уважение к Отечеству — есть высшее добро; уважение к соотечественникам — есть первая добродетель» («Вестник естественных наук и медицины», декабрь 1828 года, стр. 472). Подвиг и отличный труд соотечественника доставляли ему большое удовольствие. «Отчего это?» — спрашивал он себя и отвечал: «Оттого, что этот подвиг, этот труд моего соотечественника. Справедливо ли это? Мне кажется, справедливо, ибо всякое отличное дело моего соотечественника необходимо принадлежит мне, делает честь и мне столько же, как бы я сам произвел это дело» (там же, стр. 471).

Деятельность Иовского как ученого и пропагандиста достижений русской и мировой науки, его неустанная борьба с идеализмом имели большое прогрессивное значение. Как и другие передовые ученые первой трети XIX века — Лобачевский, Осиповский, Перевошиков, Дядьковский, Лебедев, Глебов, Филомафитский,— он содействовал поддержанию и развитию материалистической традиции в России.

На страницах созданного им «Вестника естественных наук и медицины» выступал молодой Герцен, печатались статьи К. В. Лебедева, А. Л. Ловецкого, Г. И. Сокольского и других видных ученых. В этом журнале начал публиковать свои работы и Н. И. Пирогов, ставший позднее знаменитым хирургом.

Деятельность Иовского, его страстная, неутомимая борьба с идеализмом была одним из элементов, постепенное накопление которых способствовало более быстрому развитию отечественного естествознания в 40—60-е годы XIX века и подготовило крупнейший скачок в развитии русской философии — появление материализма русских революционных демократов.

В. И. Ленин и философские вопросы современной физики

М. Э. ОМЕЛЬЯНОВСКИЙ

В. И. Ленин, развивая марксизм в эпоху империализма и социалистической революции, не мог пройти мимо процессов, протекавших в физике, где в начале XX столетия закладывались основы того гигантского научного и технического переворота, который в наши дни определяется словами «атомный век». Как известно, философский анализ развития новой физики на материале ее начального этапа был осуществлен Лениным в его знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм». И после создания этой книги вопросы новой физики привлекали внимание Ленина. Об этом свидетельствуют прежде всего его «Философские тетради», основная тема которых — теория материалистической диалектики — неразрывно связана с философскими выводами и обобщениями современной физики, а также программная статья «О значении воинствующего материализма», где поставлены существенные вопросы, относящиеся к диалектическому материализму и естествознанию.

«Новейшая революция в естествознании» (Ленин), начавшаяся в связи с открытиями электронов и радиоактивности на рубеже нашего века и продолжающаяся по настоящее время, все развитие физики в нашу эпоху, или «атомный век», воплощают в физической науке ленинские философские идеи в той же мере, в какой все развитие человеческого общества в XX веке от капитализма к социализму является торжеством ленинизма в экономической, политической и идеологической областях жизни. Когда «Материализм и эмпириокритицизм» был написан, новая физика делала лишь первые шаги в своем развитии: теория относительности и квантовая теория — ведущие физические теории нашего века — только формировались, атомная и ядерная физика только намечалась. Но никто из ученых того времени не постиг так глубоко и верно духа новой физики, как Ленин. «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость

всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи...», — писал Ленин (Соч., т. 14, стр. 268) задолго до открытия так называемых элементарных частиц и их превращений, задолго до того времени, когда физики освоились с мыслью об относительности физических законов и теорий, физической картины мира.

Ленин раскрыл философское содержание революции в физике нашего столетия, дал диалектико-материалистическое истолкование этой революции, показал вместе с тем неправильность идеалистических выводов из нее, выяснил тормозящее влияние идеализма и метафизики на развитие современной науки. Ленин показал также, что единственно верной философией, которая соответствует новой физике, является диалектический материализм.

I

Если со времени научной революции XVI—XVII веков, приведшей к синтезу Ньютона, развитие физики до XX века проходило относительно плавно и носило в общем эволюционный характер, то в нашу эпоху это развитие протекает скачкообразно, в определенном отношении катастрофически для прежних теорий; новые теории, ломающие и вытесняющие старые, создаются и развиваются в течение одного — двух десятков лет, чтобы быть, в свою очередь, сломленными и вытесненными новейшими. Из конфликта классической физики и проблемы излучения родилась знаменитая квантовая гипотеза Планка, ее видоизменение и развитие привели к фотонам Эйнштейна и теории атома Бора, а из последних выросла современная квантовая физика, включающая квантовую механику и квантовую теорию поля. Из конфликта классической механики и теории электромагнетизма Максвелла возникла другая важнейшая теория современной фи-

зики — теория относительности. Открытие корпускулярных свойств света и волновых свойств вещества, открытие целой плеяды элементарных частиц (электрона и протона, нейтрона, позитрона, нейтрино, положительных, отрицательных и нейтральных мезонов различной массы, гиперонов, а в самое последнее время — антипротона и антинейтрона), число которых растет, словно насмехаясь над метафизическими умами, определение состава атомного ядра, открытие искусственной радиоактивности, трансурановых элементов, превращения частиц вещества в свет и обратно, открытие деления атомного ядра и цепной реакции, наконец, промышленное использование атомной энергии, значение которого для развития культуры и техники трудно переоценить, — таковы вехи движения вперед современной физики.

Важнейшая черта развития физической науки с конца XIX века — это невиданный в прежние эпохи прогресс, крутая ломка старых основных положений и понятий, создание новых теорий и концепций, настолько, казалось бы, «диких» и «непонятных», что на них зачастую нет и намека в старой физике. В современной физике не существует неизблемых схем: если на заре новой физики ученые с трудом расставались с классическими представлениями (это особенно бросается в глаза у Планка и Лоренца, а также в определенном отношении у Эйнштейна), то сейчас едва ли найдется физик, который будет настаивать на том, что современные теории составляют навсегда данное основание всей физики; и вместе с тем современная физика не отбрасывает вытесненные теории, они становятся частным, предельным случаем новых теорий. В новой физике особо важное и своеобразное развитие получило применение математики, которая (будучи в старой физике преимущественно средством для получения количественных выводов) в новой физике приобрела громадное эвристическое значение. Это придало современным теориям, казалось бы, абстрактно-символический характер, далекий на первый взгляд от «наглядности» и «понятности» теории классической физики.

Все эти черты, характеризующие развитие физики со времени открытия рентгеновских лучей и радиоактивности (1895—1896), означают, что физической науке нашего времени нельзя обойтись без новых философских выводов и обобщений.

Физика — и этот факт широко известен — на протяжении всей своей истории неразрывно была связана с философией. В наше время эта всегдашняя связь физического знания и философии приобрела качественно-своеобразный характер, резко

отличающий новую физику от состояния физической науки в прошедшие эпохи, несмотря на определенное сходство. Старая физика стихийно принимала материалистическую теорию познания; другими словами, идеалистические влияния на теории старой физики не проникали глубоко в содержание науки и были объективно данью господствующей идеологии эксплуататорского строя. В XX веке в физике капиталистических стран широкое распространение получила идеалистическая и агностическая теория познания, сначала в форме позитивизма Маха, а затем логического позитивизма и подобных философских течений. Возник и развился «физический» идеализм, с точки зрения которого идеалистические воззрения стали, по сути дела, рассматриваться не как некоторая философская трактовка содержания науки, а как часть этого содержания, как органический элемент самой науки. Следующие причины определили такое положение вещей.

Старой физике с ее казавшейся раз навсегда данной концепцией пространства, времени, силы и массы отвечал механический материализм с его постоянными атомами, сведением законов развития материи к законам механики, с вечными истинами и т. п. Правда, ограниченности механического материализма сказывались и на старой физике, особенно во второй половине XIX века, когда были открыты законы сохранения и превращения энергии Джоулем, Майером и Гельмгольцем, периодический закон Менделеева, были совершены открытия Фарадея и на их основе создана электромагнитная теория. Классическая немецкая философия XIX века в силу своей идеалистической природы не могла дать правильных ответов на вопросы, которые ставило развитие естествознания. Эти ответы мог дать только диалектический материализм, созданный Марксом и Энгельсом как наука об общих законах развития природы, общества и мышления. Энгельс, философски обобщив достижения естествознания своего времени в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», призвал ученых к сознательному применению диалектического материализма для разрешения трудностей и противоречий в естествознании.

В конце XIX века, когда сложился империализм, означающий господство реакции по всей линии экономических, политических и идеологических вопросов, социальные условия развития физики резко изменились. В обстановке империалистической реакции революция в естествознании, крутая ломка новыми открытиями устаревших научных законов и теорий не могли не привести к росту идеалистических настроений среди естествоиспытателей. Метафизический, механический материализм не

соответствовал новой физике, хотя отдельные ученые и цеплялись за механистские догмы, а диалектического материализма — философии, адекватной новой физике, — ученые не знали; в итоге революция в физике была воспринята многими из них как крушение материализма и победа агностицизма и идеализма. Впервые это было отмечено Лениным. «Новая физика, — читаем мы в «Материализме и эмпириокритицизме», — свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка» (Соч., т. 14, стр. 248—249).

В связи с приведенными словами Ленина находится его характеристика кризиса современной физики. Этот кризис — важнейший элемент «новейшей революции в естествознании», и мы должны напомнить соответствующие ленинские формулировки.

«...В философском отношении, — пишет Ленин, — суть «кризиса современной физики» состоит в том, что старая физика видела в своих теориях... отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им» (там же, стр. 243).

Вместе с тем Ленин глубоко и всесторонне разрабатывает мысль, что новые открытия и теории физики представляют дальнейшее расширение наших знаний о природе, являются победой науки и подтверждают истинность материализма. С этой точки зрения уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся у известной школы физиков, есть «временный зигзаг, переходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего к р у т о й л о м к о й старых установившихся понятий» (там же, стр. 291).

Ленин никогда и нигде не выражал сомнения в том, что кризис в современной физике будет преодолен и ученые достигнут новых гигантских успехов в познании природы. «Материалистический основной дух физики, — пишет он, — как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (там же, стр. 292).

Спрашивается, верно ли для настоящего времени то, что писал Ленин о кризисе новой физики в 1908 году?

Со времени выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма» прошло около полувека, в течение которого в теоретическом содержании физики происходили новые существенные изменения. Классическая концепция пространства, времени, массы и силы была окончательно сломлена; на место основных понятий классических теорий стали понятия теории относительности и квантовой механики. Хотя физическая теория не имеет до сих пор единой, подобной синтезу Ньютона, концепции для всей физики, которая охватила бы мир внутри атома и колоссальные области Вселенной, но физики освоились с мыслью, что эта будущая синтетическая концепция всей современной физики, и по содержанию и по характеру несомненно радикально отличная от концепции Ньютона, вместе с тем не может рассматриваться как нечто раз навсегда данное.

За прошедшие годы — целую эпоху войн и революций, изменивших лицо нашей планеты, — во многих странах преобразовалась коренным образом и социальная основа науки, существенно изменилась и философская атмосфера, в которой развивается естествознание. Предвидение Ленина о том, что диалектический материализм победит кризис современной физики, полностью сбылось. Под непосредственным влиянием марксизма-ленинизма выросла передовая советская наука, философской основой которой является диалектический материализм. Диалектический материализм проникает в науку и в странах народной демократии, где успешно решаются задачи социалистического строительства. Он распространяется также среди прогрессивных ученых капиталистических стран. В последнее время все большее число ученых в различных капиталистических странах выступает против идеалистических воззрений в физике. Среди зарубежной интеллигенции происходят существенные идеологические сдвиги.

Коренные, решающие изменения, происшедшие за последние пятьдесят лет в жизни общества и в состоянии науки, только подчеркивают углубление и усиление кризиса современной физики в капиталистических странах, состоящего, по Ленину, «в отступлении ее от прямого, решительного и бесповоротного признания объективной ценности ее теории» (там же).

Кризис физики XX века выражает в одной отрасли науки одну из многих сторон упадка империалистического реакционного мира, упадка, связанного с общим кризисом капитализма. Теперь, когда социализм стал мировой системой и сосуществует с капитализмом, борьба в идеологической области принимает зачастую особенно острые формы. Это находит свое выражение и в фи-

философских вопросах физики. Позитивизм, идеи которого разделяются многими ведущими физиками в капиталистических странах, в последнее время активизировался как никогда, еще острее подчеркивая свой субъективизм и индетерминизм, заключая связи с теологическими группировками, проповедуя возврат к платонизму и другим обскурантистским идеалистическим системам старых времен. Если после первой мировой войны модные философские направления в капиталистических странах для поддержания реакционной идеологии хватались (без всякого на то основания) за теорию относительности Эйнштейна, то в последнее время для этого используется (также без какой-либо разумной причины) квантовая механика с ее соотношением неопределенностей и своеобразными статистическими законами. Появилось немало позитивистских трудов наукообразного характера вроде книг Ф. Франка «Между физикой и философией» (1941), А. Марха «Физическое познание и его границы» (1955), Г. Рейхенбаха «Философские основы квантовой механики» (1949), П. Феврие «Детерминизм и индетерминизм» (1955) или «Размышления физика» П. Бриджмена (1955), в которых «доказывается» в той или иной форме несостоятельность материализма и детерминизма. Намного увеличилось количество популярной литературы, направленной против материализма; примером в данном случае может служить «Немецкая энциклопедия Ровольта», в которой участвуют видные естествоиспытатели. В физических журналах и сборниках, опубликованных за последние годы в капиталистических странах, выступают со статьями Гейзенберг, Паули, Борн, Бриджмен, Шредингер и другие известные ученые, так или иначе подчеркивая с новой стороны те или другие старые идеалистические и агностические утверждения. В швейцарском журнале «Dialectica» печатаются статьи против применимости диалектического материализма к естествознанию¹. Ф. Франк, Г. Маргенау и другие видные представители современного позитивизма, вопреки фактам, отказывают марксистской философии в положительной роли в разработке теоретических проблем естествознания². Таких примеров сколько угодно в современной зарубежной литературе по философским вопросам физики.

Вместе с тем современный «физический» идеализм не представляет собой чего-то совершенно однородного. Необходимо отличать философов-профессионалов (таких, как, скажем, Ф. Франк, Г. Рейхенбах, Г. Маргенау в США или известный английский позитивист Г. Дингл) от физиков, которые высказываются по философским вопросам своей науки: Борна, Бриджмена, Бора, Шредингера, Гейзенберга и др. Несомненно, что теоретическое мышление физика-идеалиста, когда он относится к природе как физик, не совпадает с его теоретическим мышлением, когда он пытается высказать определенные философские идеи по поводу этого отношения. Такой физик, наблюдая, например, туманные следы в камере Вильсона, будет относиться к электрону (о котором свидетельствуют эти следы) как к объективной реальности, забывая свою «философию», отбрасывая прочь, скажем, взгляды на реальность Франка, называвшего электрон совокупностью физических величин, вводимых нами для установления принципов, из которых мы можем логически заключить о показаниях стрелки измерительного прибора.

Когда речь идет о философских взглядах и о высказываниях современных физиков, разделяющих те или другие идеалистические идеи, шаблонный подход не дает ничего. Паули, например, находит более чем странную аналогию между «бессознательным» и понятием «поля» в физике³, а Гейзенберг усматривает сущность понятия материи в сведении к математике, не видя никакого принципиального различия между философией Платона и «философией» современной квантовой физики⁴. Борн, напротив, всячески поддерживает тезис: «Кто думает, что единственно важная реальность есть духовное, не должен заниматься естествознанием»⁵. Одновременно он защищает индетерминизм в физике, пытаясь подвести индетерминистскую основу даже под классическую механику.

На воззрениях крупнейших современных физиков капиталистических стран сказывается их незнание диалектического материализма, объясняемое той социальной обстановкой, в которой они живут. На это указывал в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин; он же обратил внимание на то, что «физические» идеалисты колеб-

¹ См., например, E. Walter «Der Begriff der Dialektik im Marxismus». «Dialectica», 1947, Vol. I, N 1.

² См. Ph. Frank «Between physics and Philosophy». Cambridge — Massachusetts. 1941, p. 139—150; H. Margenau «The Nature of physical Reality. A philosophy of modern physics». New York—Toronto—London. 1950, pp. 20—24.

³ См. W. Pauli «Naturwissenschaftliche und erkenntnistheoretische Aspekte der Ideen vom Unbewussten». «Dialectica». 1954, Vol. 8, № 4, S. 283.

⁴ См. W. Heisenberg «Plato und die moderne Physik». «Festschrift für Emil Prätorius». 1954, Inselverlag.

⁵ M. Born «Physik und Metaphysik». «Naturwissenschaftliche Rundschau», 1955, H. 8, S. 301.

лются, в сущности, между идеализмом и диалектическим материализмом (см. Соч., т. 14, стр. 296). Эти указания Ленина весьма важны для анализа мировоззрения естествоиспытателей нашей эпохи. Логика вещей приводила и приводит в определенных случаях выдающихся физиков вплотную к диалектическому материализму. Порою их взгляды на отдельные, имеющие философский характер вопросы современной физики совпадают с точкой зрения диалектического материализма. Это можно проследить у Эйнштейна, Бора, Гейзенберга, Борна и у других современных физиков, на чем мы дальше остановимся. Вместе с тем незнание или игнорирование материалистической диалектики этими физиками проявляется в их философских идеалистических высказываниях, в позитивистском изложении и трактовке теорий современной физики.

Новый момент борьбы материализма и идеализма в физике в последние годы характеризуется еще тем, что все более растет число зарубежных ученых, открыто выступающих против субъективизма, индетерминизма, позитивизма, за детерминизм, материалистическую философию, диалектический материализм в физической науке, поддерживая здесь полностью советских ученых. Широко известны имена покойного П. Ланжевена, Дж. Бернала, Л. де Бройля, которые выступили против «интеллектуального разврата» (Ланжевен) позитивистских школ в физике. К ним присоединились физики младшего поколения: Д. Бом, Ж. Вижье, Л. Яноши и др.

Таким образом, кризис физики, который исследовал Ленин, существует и по сей день в капиталистических странах. Он углубился в своем содержании, принял новые формы, выражающие острую, как никогда раньше, борьбу материалистических и идеалистических тенденций в физике на ее современной, в тесном смысле этого слова, ступени развития. С этим кризисом не следует только смешивать те трудности (большого или малого масштаба), которые неизбежно испытывает наука и которые по-своему свидетельствуют о том, что наука, так сказать, готовится к новому взлету. Именно такую трудность (прежде всего принципиального характера) испытывает сейчас квантовая физика, решая проблему создания теории элементарных частиц. В борьбе за материализм в современной физике ученым, сознательно руководствующимся диалектическим материализмом, принадлежит ведущая роль.

Новая физика всем существом своих открытий и теорий отводит в своем развитии философскому мышлению особую важную роль. Она соединила в высшем синтезе

такие, казалось бы, непримиримые, с точки зрения классической физики, понятия, как пространственные и временные характеристики движущихся тел, свет и вещество, волновые и корпускулярные свойства материи, пространственные свойства и совершающиеся в пространстве материальные процессы, динамические и статистические закономерности. Перечень этот можно умножить. Современная физика продемонстрировала с поражающей убедительностью относительный характер всякого научного положения о строении и свойствах материи, вскрыла отсутствие абсолютных граней в природе, показала относительность физических теорий. Всем своим содержанием новая физика поставила задачу: найти ту философию и тот метод, которые адекватны ее открытиям и теориям.

Такой единственной философией и таким единственным методом, подчеркивал Ленин, является диалектический материализм. О диалектике как философии современного естествознания говорят сейчас и те ученые, которые не знают диалектического материализма и даже по своим философским воззрениям чужды и враждебны ему. Например, знаменитый швейцарский физик Паули согласен охарактеризовать как «диалектическое», по его словам, ту «совместную игру» взаимоисключающих сторон, о которой говорит так называемая копенгагенская интерпретация квантовой механики¹. Журнал «Dialectica», о котором упоминалось выше, публикует немало статей, свидетельствующих, по сути дела, о том, что современная наука не может обойтись без диалектики (хотя авторы этих статей чужаются диалектического материализма и не в состоянии усмотреть в нем той философии естествознания, которую они ищут)².

Новая физика поставила важнейшие философские вопросы, относящиеся к проблеме объективной реальности, причинности и необходимости, пространства и времени. Мы ограничимся разбором лишь первой проблемы, вокруг которой развернулась особенно острая борьба между материализмом и идеализмом в современной литературе по философским вопросам физики.

¹ См. W. Pauli «Wahrscheinlichkeit und Physik». «Dialectica», 1954, Vol. 8, N 2, p. 118.

² См., например, K. Miescher «Einheit in der Gegensätzlichkeit als eine Grundlage unseres Wesens und unserer Erkenntnis», «Dialectica», 1948, Vol. 2, № 1. См. также многочисленные статьи Ф. Гансета и других авторов в журнале «Dialectica» за 1947—1956 годы.

II

Развитое Лениным учение диалектического материализма о материи дает необходимую принципиальную основу для понимания всего философского содержания открытий и теорий новой физики. Существуют ли какие бы то ни было раз навсегда данные элементы, абсолютная субстанция, неизменная сущность вещей и т. п.? Попытка найти их — наиболее характерная черта всякой метафизической философии. Механический материализм, в частности, видел в материи некую абсолютную неизменную субстанцию, и естествоиспытатели XVIII—XIX вв. под материей обычно понимали неизменные мельчайшие частицы, движущиеся по законам классической механики.

Диалектический материализм не признает существования неизменных элементов, абсолютной неизменной субстанции, отрицает неизменную сущность всех вещей. «Сущность» вещей или «субстанция», — пишет Ленин, — то же относительно; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека» (Соч., т. 14, стр. 249).

Для диалектического материализма неизменно только одно: признание внешнего мира, существующего независимо от сознания людей. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности» в том смысле, в каком это представляет метафизическая и идеалистическая философия, для диалектического материализма не существует. В соответствии с этим Ленин формулирует свое знаменитое определение материи: «...объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (там же, стр. 248). Из этого определения, в котором резюмируется материалистическое решение основного вопроса философии и диалектика, вытекают огромные следствия, относящиеся не только к проблеме реальности, но и к проблеме причинности и закономерности, пространства и времени и другим философским проблемам в физике.

Не только макроскопические тела, молекулы, атомы, которые были так или иначе известны классической физике, но также атомные ядра, электроны и другие элементарные частицы, различные физические поля (электромагнитное, ядерное и др.), исследуемые современной физикой, — все они существуют независимо от человеческого сознания, отражаясь в физиче-

ских понятиях, теориях. Они объективная реальность, материя и доказывают своими свойствами, что ни одна из этих форм материи не исчерпывает материи в целом.

Ленин подчеркивал бесконечность природы, неисчерпаемость материи, относительность ее свойств. Раскрывая действительное содержание утверждения об исчезновении материи, которое выдвигалось физиками на рубеже нашего века в связи с открытиями того времени, Ленин писал: «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже: исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо **единственное** «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство **быть объективной реальностью**, существовать вне нашего сознания» (Соч., т. 14, стр. 247).

Развитие атомной и ядерной физики полностью подтверждает эти ленинские положения. Современные представления об элементарных частицах — это в известной мере атомистическая картина строения материи, угаданная еще мыслителями древности и сформулированная в виде научной гипотезы естествознанием XVIII—XIX веков, но с огромной поправкой на замечательные экспериментальные открытия современной физики, коренным образом изменившие прежние воззрения.

В отличие от атомистики древних философов, атомистики естествознания XIX века, а также от представлений об электронах, протонах и других элементарных частицах квантовой механики элементарные частицы в действительности не являются неизменными простейшими элементами. Они могут превращаться друг в друга в процессе взаимодействия, порождаться или поглощаться различными соединениями взаимодействующих частиц, как это доказано соответствующими экспериментами. Не существует никаких неизменных первичных элементов материи. Взаимная превращаемость элементарных частиц, возможность рождения и исчезновения их — это совершенно новая и важнейшая черта современной атомистики. Квантовая теория поля в какой-то мере учитывает эту основную черту современной атомистики, поскольку она, в отличие от квантовой механики, рассматривает число частиц как переменную, что позволяет ей глубже связать поля и частицы, нежели это может делать кванто-

вая механика. Соответственно по-новому — не так, как в классической физике, — ставятся вопросы о структуре частицы, самотождественности частицы и т. д. Диалектический материализм с его учением о материи открывает широкую дорогу для решения этих вопросов, представляющих собой новую веху в познании объективной реальности.

В зарубежной литературе по философским вопросам физики распространена, однако, противоположная точка зрения. Австрийский физик А. Марх, например, посвящает последние свои работы доказательству того, что развитие новой физики — это будто бы процесс «десубстанциализации» элементарных частиц, которые представляют собой (что, по Марху, якобы вытекает из квантовой теории) чистые формы, «безсубстанциональные» структуры, «исчерпывающе описываемые только посредством понятий математики»¹. Отсюда он делает вывод, что «дух материализма» и «материалистический образ мышления» в современной физике «терпят крушение»².

Почему пришел Марх к таким заключениям? Во-первых, он повторяет довольно распространенную среди буржуазных ученых ошибку, отождествляя философский материализм с механистическим учением об атомах как мельчайших телесных частицах, движущихся в пустом пространстве³. Во-вторых, он под субстанцией понимает то же, что и метафизическая философия, иначе говоря, то, что всегда остается постоянным, «тем же самым» и т. п., являясь только «носителем» свойств, которые «укреплены на субстанции, как платье на вешалке»⁴. Но «субстанция» оказалась «относительной» — это доказала новая физика, так как ни атомы, ни электроны и другие элементарные частицы, ни «масса поля», ни волновые и ни корпускулярные свойства материи не являются извечно данными неизменными абсолютными первоначальными в смысле метафизики. До этого Марху не было дела, отсюда и его философские заключения. На самом же деле «десубстанциализация» элементарных частиц означает лишь то, что электроны и другие элементарные частицы — это не частицы классической механики, а объекты другой природы; свойства этих новых

объектов и отражает квантовая теория. Короче, «десубстанциализация» элементарных частиц, если пользоваться выражением Марха, — это свидетельство того, что диалектический материализм законно вошел в физическую картину мира.

Вопрос об объективной реальности привлек в последние годы пристальное внимание многих видных зарубежных физиков. В этой связи укажем на статьи М. Борна, В. Гейзенберга, В. Паули, Л. Розенфельда (1953—1956)⁵. Для всех этих авторов, несмотря на существенные порой различия их личных философских воззрений, характерно стремление найти некую постоянную основу того, что наблюдает физик или непосредственно или посредством различных экспериментальных устройств. Все они так или иначе, кто очень решительно и ясно (Борн), кто довольно неопределенно и расплывчато (Гейзенберг, Паули), выступают против современного позитивизма. Так, например, М. Борн — один из создателей современной квантовой механики, который дал общепринятую теперь статистическую трактовку важнейшего ее понятия — волновой функции, считает, что каждый воспринимаемый нами предмет является «под бесчисленными аспектами; понятие предмета есть инвариант всех этих аспектов»⁶.

Эту свою идею Борн развивает в нескольких планах: он связывает ее с признанием существования объективного внешнего мира и, полемизируя с представителями логического позитивизма, подходит к содержанию современных физических теорий главным образом со стороны синтеза применяемых в них понятий. На этом примере (хотя Борн и не проводит последовательно материалистической точки зрения и делает серьезные уступки идеализму) можно наглядно проследить правоту ленинской мысли о неистребимости стихийного естествонаучного материализма физиков, увидеть, как стихийное убеждение ученого в существовании внешнего мира берет верх над ухищрениями современной идеалистической и агностической философии, в том числе логического позитивизма.

⁵ См. статьи Борна в «Physikalische Blätter» за 1954—1955 гг., упомянутые выше работы Паули и Гейзенберга (в том числе его книгу «Философские проблемы атомной физики», вышедшую в 1953 году на русском языке), а также статью Л. Розенфельда «Strife about complementarity» в «Science progress», 1953, vol. XLI, N 163.

⁶ М. Борн «Die statistische Deutung der Quantenmechanik». «Physikalische Blätter», 1955, N. 5, S. 202.

¹ A. March «Das neue Denken der modernen Physik». Hamburg, 1957, S. 120. См. его же «Die physikalische Erkenntnis und ihre Grenzen». Braunschweig, 1955, SS. 50—62.

² Там же, стр. 122.

³ См. там же, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 120.

Логический позитивизм толкает естествоиспытателей к отрицанию внешнего мира. Американский философ Г. Маргенау, например, в своей книге «Природа физической реальности» (1950), отметив, что в естествознании неискоренима «потребность в реальности», пытается доказать, что положение о «существовании класса реальных вещей... в романском смысле» (у Маргенау слово «романский» соответствует слову «материалистический», которое он старается не употреблять) можно принять только в предварительной форме и что более тщательный анализ заставляет признать участие субъективного опыта в образовании не только представлений о вещах объективного мира, но и самих этих вещей.

«То, что не реально в романском смысле,— утверждает Маргенау,— вполне может быть реальным в этом последнем смысле... бог, согласно такой версии, реален для тех, кто в него верит»¹. В науке автор находит примеры реальностей такого рода во «флогистоне», «светоносном эфире» и «расширяющейся вселенной», в которую «мы все верим сейчас»².

Борн резко возражает логическим позитивистам. «Ученый,— говорит Борн,— обязан быть реалистом. Он в своих чувственных впечатлениях должен видеть больше, чем галлюцинации, именно извещения о реальном внешнем мире»³.

Прекрасное выражение получает у Борна также и тот факт, что логический позитивизм — философия реакционная, чуждая физике.

«Разве приборы из стали, стекла и т. д.,— говорит Борн,— не часть самого по себе (an sich) существующего внешнего материального мира? Разве они, как и электроны, атомы, поля,— только абстрактные идеи, в которых нуждаются, чтобы предсказывать феномены?.. Здесь предлагается род крайнего субъективизма, который можно было бы назвать «физический солипсизм»⁴.

Однако Борн не может последовательно провести материалистическую точку зрения, когда он переходит к вопросам, требующим применения принципа относительности нашего знания; в этом проявляются слабые стороны стихийного материализма.

Борн не согласен с трактовкой реаль-

ности логическими позитивистами, в соответствии с которой понятие реальности применяется к атомам, электронам и т. п. в другом смысле, нежели к воспринимаемым вещам, или же запрещается его применение (как, например, у английского позитивиста Г. Дингла). Но ультрамикроскоп позволяет наблюдать коллоидные частицы, электронный микроскоп — даже большие молекулы. Где «кончается теперь макроскопическая действительность, в которой живет экспериментатор, и где начинается мир атомов, из которого идея действительности, как иллюзия, изгнана?» — спрашивает Борн, и это его возражение логическим позитивистам совершенно справедливо.

Хотя не существует границы, установленной позитивизмом между «миром атомов» и «макроскопической действительностью», все же они отличаются друг от друга, как это доказала современная физика. Борн задает вопрос, может ли современное естествознание «дать определение понятия действительности, которое имеет общие черты с «действительностью» крестьянина, ремесленника, купца, банкира, солдата»⁵. Он решает его положительно, но вместе с тем незаметно для себя переходит на ту точку зрения, что «действительность» создается в процессе познавательной деятельности человека.

Приводя пример из «донаучной» области, Борн говорит, что когда человек видит собаку, сидящей возле него, или прыгающей вокруг, или исчезающей вдали, то все эти различные восприятия объединяются в подсознании, как одна и та же собака. Он предлагает выразить это следующим образом: «сказать, что рассудок (Verstand) конституирует через бессознательный процесс «инварианты восприятия» и они суть то, что простой человек называет «реальными вещами»⁶.

То же, по мнению Борна, делает и наука, но делает на более высокой ступени, используя при этом приборы. Здесь «разнообразные наблюдения также связаны некоторыми неизменными чертами — инвариантами, которые, правда, отличаются от инвариантов обычного восприятия, но тем не менее являются указателями вещей, объектов и частиц»⁷. В теории относительности, например, такой реальностью является интервал — инвариант пространственного и временного аспектов, в квантовой механике — электроны и другие атомные объекты представляют инварианты корпускулярного и вол-

¹ H. Margenau «The Nature of physical reality. A philosophy of modern physics». New York—Toronto—London, 1950, p. 9.

² Там же, стр. 9.

³ M. Born «Physik und Metaphysik». «Naturwissenschaftliche Rundschau», 1955, H. 8, S. 301.

⁴ M. Born «Physikalische Wirklichkeit». «Physikalische Blätter», 1954, H. 2, S. 50.

⁵ Там же, стр. 52, 51.

⁶ «Naturwissenschaftliche Rundschau», 1955, H. 8, S. 300.

⁷ Там же.

нового аспектов, что позволяет приписать им реальность.

В этих соображениях Борна, несомненно, чувствуется признание диалектического характера физических реальностей. Но стихийный материализм не в состоянии решить вопроса, требующего диалектического подхода к познанию материального мира. «Все грани в природе,— писал Ленин,— условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи,— но это нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т. е. продуктом нашего ума» (Соч., т. 14, стр. 268). Именно такому идеалистическому пониманию материи Борн и открывает дверь, отождествляя понятие «объективной реальности» с математическим понятием «инварианта» наперекор своему убеждению в существовании внешнего мира.

Ярчайшим показателем того значения, которое имеет для современной физики диалектический материализм, особенно развитое Лениным учение о материи, может служить квантовая механика.

Эта физическая теория движения материи на ее атомном уровне выросла на основе открытия двуединой корпускулярно-волновой природы атомных объектов. Теории атома, которые так или иначе не считались с этим (первоначальная теория «волнового пакета» Шредингера или идея «волны-пилота» Л. де Бройля), не соответствовали фактам и были отброшены развитием физики. Сама материя, то есть вещество и поле, не есть ни частицы, ни волны в смысле классической физики, ни смесь их; она обладает одновременно свойствами частиц и волн. Эту диалектическую позицию подчеркивали многие ученые¹, но с особой выпуклостью она выражена и проведена в работах С. И. Вавилова².

Такой диалектической позиции полностью отвечает квантовая механика, имеющая дело с материальными процес-

сами, при исследовании которых нельзя отвлекаться ни от корпускулярной, ни от волновой стороны материи (как это делают классические теории). Свойство симметрии квантового математического аппарата, специфика квантовых величин, соотношение неопределенностей и другие соотношения и законы квантовой механики — все они отражают объективную реальность, атомные частицы с их двуедиными корпускулярно-волновыми свойствами.

С реальной диалектикой волновых и корпускулярных свойств материи не следила так называемая копенгагенская интерпретация квантовой механики. Согласно этой интерпретации, сочетание корпускулярных и волновых понятий недопустимо из-за их противоречивости. Остаются только понятия классической теории, и, чтобы их применять без противоречия для описания атомных явлений, необходимо признать принципиально неконтролируемое взаимодействие между атомным объектом и прибором.

Понятие принципиальной неконтролируемости — душа копенгагенской интерпретации — приводит к отрицанию реальности величин, характеризующих атомный объект независимо от измеряющих его приборов, взаимному исключению при описании поведения атомного объекта понятий пространства и времени, с одной стороны, и принципа причинности, с другой, и т. д.

Копенгагенская интерпретация с ее идеалистической тенденцией подверглась серьезной критике физиками и философами-материалистами (см. работы С. И. Вавилова, П. Ланжевена, Д. И. Блохинцева, В. А. Фока, А. Д. Александрова, Я. П. Терлецкого, Д. Бома, Л. де Бройля, Ж. Вижье, М. Корнфорта и многих других). Из последних работ в этом отношении представляет большой интерес статья В. А. Фока «Критика взглядов Бора на квантовую механику», опубликованная в 1955 году в «Чехословацком физическом журнале»³.

В. А. Фок отмечает, что Бор ставит с самого начала неразрешимую задачу: проследить за одновременными изменениями координаты и импульса микрообъекта, оставаясь до конца верным классической механике. Когда же оказывается, что это невозможно, то такой результат приписывается не волновым свойствам материи, а наличию, будто бы неконтролируемого взаимодействия между объектом и прибором.

В. А. Фок делает вывод, что понятие

¹ См., например, Д. С. Рождественский «Анализ спектров и спектральный анализ». «Успехи физических наук», т. XVI, вып. 7 за 1936 год; И. Е. Тамм «Новые принципы статистической механики Бозе — Эйнштейна в связи с вопросом о физической природе материи». «Успехи физических наук», т. VI, вып. 2 за 1926 год; Д. И. Блохинцев «Основы квантовой механики». М. 1949; Heber-Weber «Grundlagen der modernen Quantenphysik». Teil I, Leipzig, 1956.

² См. С. И. Вавилов «Микроструктура света» (1950) и «Глаз и солнце» (1956), а также его статьи по философским вопросам физики.

³ «Чехословацкий физический журнал», 5, № 4, 1955.

«принципиальной неконтролируемости» должно быть оставлено как неправильное. Оно было нужно Бору только для того, чтобы прикрыть логическую неувязку, происходящую от использования понятий классической механики вне их области применимости.

В последнее время многие представители копенгагенской интерпретации в какой-то мере стали отходить от своих прежних взглядов на квантовую механику.

Так, например, Паули, высказываясь против позитивизма, говорит, что сам он «мыслит математически» и не разделяет субъективистских взглядов на квантовую механику таких авторов, как П. Иордан. Паули считает, что основное в квантовой механике — это ее математический аспект, и видит в сведении к математике возможность разрешения ее противоречий¹.

Особый интерес представляют последние высказывания Бора по философским вопросам квантовой механики. Как сообщил В. А. Фок, Бор в недавней беседе с ним высказался в том духе, что термин «неконтролируемость» необязателен для обозначения основных особенностей квантовой теории. Дальше Бор сказал, что квантовая механика описывает именно свойства атомов, а не то, что «совершается в приборах», и поэтому термин «дополнительность» — известный термин копенгагенской интерпретации — означает ситуацию, сложившуюся в квантовой механике благодаря ограниченному применению описания посредством понятий классической физики.

Бор делает, таким образом, определенный шаг в сторону от субъективистских воззрений на квантовую механику. Благодаря отказу от термина «неконтролируемость» становится, строго говоря, яснее, что вкладывает Бор, как физик, в понятие «дополнительность».

Точно так же Гейзенберг в статье «Развитие интерпретации квантовой теории» (1955)² не пользуется термином «неконтролируемость». Он говорит о «дополнительности» математического представления атомных явлений и их физического знания, высказывает важную мысль об объективном характере вероятности, рассматривая, однако, понятие «объективности» скорее с позиции объективного идеализма.

Копенгагенская интерпретация — превосходная иллюстрация глубокой правиль-

ности слов Ленина: «Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики» (Соч., т. 14, стр. 248—249). Смешивая понятие объективной реальности с представлениями о ней классической теории, физики копенгагенской школы из открытия волновых и одновременно корпускулярных свойств атомных объектов сделали ошибочный вывод о необходимости пересмотра понятия объективной реальности, скатываясь к ее отрицанию. Одновременно нельзя не отметить колебаний физиков копенгагенской школы между идеализмом и диалектическим материализмом; в рассуждениях этих физиков о «дополнительности» волны и частицы, импульса и координаты и т. п. несомненно известный подход к источнику диалектики — единству противоположностей, который, однако, у многих из них теряется в идеалистических песках.

Условие познания всех явлений природы такими, каковы они суть, без субъективистских и прочих идеалистических добавлений, — это познание их как единства противоположностей. Эта ленинская мысль находит свое выражение также в решении проблемы реальности в квантовой механике.

III

Современная физика, как явствует из приведенного материала и огромного количества других данных, на которых нет возможности остановиться, давно уже идет по пути материалистической диалектики. Взаимоисключающие и сливающиеся в единое корпускулярные и волновые свойства атомных процессов, слияние целого и составляющих его частей, отрицание неизменности физических тел и реальностей, признание связи, переходов, единства различных и противоположных тенденций в явлениях, релятивизация кажущихся неизменными физических понятий, отрицание раз навсегда данной физической схемы и синтезирование взаимоисключающих друг друга теорий, сочетание в законах и понятиях физики математической формы теории и физического ее содержания — таковы некоторые черты современной физики, отмечающие с той или другой стороны ее диалектический характер.

Признание этих черт ставит перед философским мышлением существенную задачу. Философское мышление именно потому, что оно в системе своих понятий стремится охватить весь мир в его бесконечной сложности и вечном развитии, не может удовлетворяться познанием только отдельных аспектов или черт природы и теории природы; оно строит синтетическую

¹ См. W. Pauli «Warscheinlichkeit und Physik». «Dialektica», 1954, Vol. 8, № 2, SS. 118, 121—122.

² W. Heisenberg «The Development of the Interpretation of the Quantum Theorie». — In: «Niels Bohr and the Development of Physics». London, 1955.

целостную систему, в которой та или другая черта, найденная наукой, находит свое место. Соответственно философское мышление обогащается новым положительным содержанием, и одновременно научные понятия приобретают необходимую общность для охвата действительности.

Метафизическая философия с застывшими категориями и положениями не соответствует современному естествознанию. Необходимость перехода от мышления в расщепленных, постоянных категориях к диалектическому мышлению в «текущих» категориях находит у физиков, далеких от диалектического материализма, то или другое выражение в работах и высказываниях по вопросам диалектики, о которых упоминалось выше; в частности, эта необходимость выражается также в многочисленных попытках создания так называемой трехзначной логики, согласно которой, кроме суждения *A* и суждения не-*A*, существует на тех же логических правах третье, промежуточное суждение. Трехзначная логика не выходит за рамки расщепленных категорий, и поэтому не случайно физики Бор, Паули и другие ученые высказываются против трехзначной логики, хотя позитивисты-философы (Рейхенбах, например) считают ее адекватной содержанию квантовой механики¹.

Единственно возможным и необходимым способом мышления, логикой, соответствующей современной физике, является материалистическая диалектика. Ленин доказал это, и все философские труды Ленина, в которых говорится о новой физике, подчеркивают изложенную мысль. В этом отношении особо важное значение имеют «Философские тетради» Ленина, в которых разрабатывается теория марксистской диалектики, то есть теория логики, главной частью которой является учение о единстве противоположностей.

Не существует неизменных вещей и неизменных понятий. Всякая вещь (явление) находится во многих различных отношениях к другим вещам (явлениям), что отражается в движении понятий. Каждой вещи, явлению, процессу присущи внутренне противоречивые тенденции и стороны; развертывание этих противоречивых сторон или противоположностей, переходы друг в друга, бесконечный процесс раскрытия новых сторон, переход от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности, переход от одной формы связи к другой, более глубокой и общей, повторение в высшей стадии черт и т. д. низшей и возврат якобы к старому — так

Ленин понимает развитие (см. «Философские тетради», 1947, стр. 192—193).

Соответственно и понятия должны быть гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны переходами, едины в противоположностях — только тогда они могут адекватно отражать вечно развивающийся материальный мир. Современная физика с ее понятиями, теориями, картиной мира развивается именно в этом направлении. Физики, знающие диалектический материализм, придерживаются сознательно этой линии и сознательно с большим или меньшим успехом реализуют ее в своих теоретических построениях. У других физиков, создающих современные теории и не знающих диалектического материализма, эта линия осуществляется зигзагами на манер движения броуновской частицы: она то блеснет, то потеряется в тумане, часто густом, идеалистических и метафизических воззрений. Мы это видим у Борна, Бора и других виднейших физиков современности. Это можно проследить в рассуждениях Эйнштейна, когда он рассматривает относительность одновременности, пространственно-временной континуум, эквивалентность массы и энергии, тождество инерции и гравитации.

Стихийное движение современной физики к диалектике в условиях империалистической реакции сопряжено с «физическим» идеализмом. Это показал Ленин, проанализировав сущность и значение «физического» идеализма. «Шатание мысли» в вопросе об объективности физики — в этом Ленин усматривает суть «физического» идеализма — порождается, во-первых, математизацией физики и, во-вторых, принципом релятивизма, относительности нашего знания. Этот принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий, при незнании диалектики, подчеркивает Ленин, неминуемо ведет к идеализму. Вместе с тем отказ физики от догматизации той или другой теоретической схемы (например, концепции Ньютона), принятой в классической физике, знаменовал собой огромный прогресс научного мышления. Это явствует из определения диалектики, которое сформулировано Лениным как «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» (Соч., т. 19, стр. 4).

То же, *mutatis mutandis*, надо сказать и о математизации физики. Взаимное проникновение физики и математики — выдающийся прогресс науки. В математическом аппарате квантовой механики, например, отражаются двуединые корпускуляр-

¹ См. в этой связи журнал «Dialectica», 1948, v. 2, № 7/8, Editorial.

но-волновые свойства атомных объектов, которые в обычных условиях не действуют непосредственно на органы чувств человека, а воспринимаются человеком только через показания приборов. И это, как мы видели у представителей копенгагенской школы, порождает забвение материи учеными. Материальный мир растворяется в математических соотношениях. «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки», — пишет Ленин, подводя итог своего разбора «математизации физики» как причины «физического» идеализма. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантовская идея: разум предписывает законы природе» (Соч., т. 14, стр. 294). Все это, написанное Лениным в 1908 году, остается правильным и для современного этапа развития новой физики.

При переходах физической науки в область атомных явлений и субатомную область, при переходе ее к миру звездных систем и галактик, при синтезировании достигнутых знаний о макро- и микрокосмосе необходима бесконечная гибкость теоретического мышления. Предельно сжатый, глубочайшего содержания ленинский фрагмент «К вопросу о диалектике», подытоживающий основное, сказанное Лениным в «Философских тетрадах», ясно показывает, что такая бесконечная гибкость присуща только диалектическому философскому мышлению.

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей... есть суть... диалектики» («Философские тетради», стр. 327).

«Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей» (там же).

Все это написано Лениным как бы специально для новой физики, для разрешения ее философских вопросов.

Современный позитивизм, как и субъективизм и софистика вообще, возвел относительность, релятивное в метафизический абсолют; для него относительное только относительно и не связано с абсолютным. Реальность, согласно этому взгляду на относительное, не существует вне и независимо от субъекта. Ленин отмечает, что различие между релятивным и абсолютным относительно. Для объективной диалектики в отличие от субъективизма и агностицизма в релятивном есть абсолютное (см. там же, стр. 328).

Релятивизация понятий, происходящая в физике, — большой философский вопрос, с которым не могут справиться физики, игнорирующие диалектику. Для физиков,

клонящихся к идеализму, эта релятивизация означает разрыв с абсолютным и объективным, превращение абсолютного и объективного в нечто потустороннее опыту и физическому знанию, означает субъективизацию опыта и физического знания. Для диалектического материализма в относительном раскрывается абсолютное; каждое научное открытие и каждая научная теория, будучи относительными, представляют шаг вперед в познании объективной, абсолютной истины, в познании объективной реальности. Другими словами, релятивизация понятий, теорий означает все более тесную связь опыта и знания с объективной действительностью.

Понятия должны быть гибкие, подвижные, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях. Только в этом случае они охватывают, отражают материальный мир. В противном случае неизбежен разрыв с объективным миром. Под таким углом в связи с новыми открытиями и происходит ломка основных понятий и положений физики, которая создает новую синтетическую картину мироздания. В этой синтетической картине должны будут исчезать односторонности, свойственные отдельным физическим теориям и частям физики, и вместе с тем сами теории сохраняют свое соответствующее объективной реальности содержание и получают высшую целостность. Новейшая физика идет к высочайшему синтезу теории относительности и квантовой механики, физики поля и физики вещества, идет к картине мира, теории, которая должна обнять мир сверхмалых расстояний и мир гигантских масштабов. И только диалектика позволяет наметить философский путь правильного решения возникающего при создании этого грандиозного синтеза многочисленных сложнейших проблем.

«Диалектика как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie, к процессу и развитию познания» (там же, стр. 330). В этих словах Ленина с поразительной точностью охарактеризована та философия, которая необходима современной физике.

Необходимость руководствоваться диалектикой при разборе принципиальных проблем современной физики выступает особенно рельефно, когда рассматривается вопрос о так называемых элементарных частицах. Бесконечность материи вглубь,

о которой говорил Ленин,— это не вечное повторение одного и того же (например, законов, которые управляют движущейся материей на ее макроскопическом уровне, или тех законов, которые управляют движущейся материей на ее атомном уровне). Бесконечность материи вглубь складывается из конечных сущностей разного порядка, причем переходы одной сущности к другой, более глубокой, а от этой к еще более глубокой и т. д., без конца представляют переходы количества в качество и обратно.

С точки зрения этих соображений проникновение физики в субатомную область может означать необходимость радикального изменения установленных прежде основных физических понятий и законов, создания новой физической теории, коренным образом отличной от сейчас существующих. Симптомом необходимости такого изменения в данном случае являются противоречия и трудности, которые характеризуют состояние теории элементарных частиц и которые связаны прежде всего с тем, что для создания этой теории используются установленные ныне физические понятия и положения. Например, из теории относительности следует, что электроны и другие элементарные частицы представляют собой точечные образования. Но отсюда совсем не вытекает, что элементарные частицы в самом деле не имеют размера, структуры и т. д. (в связи с допущением точечности частиц в физической теории возникают фундаментальные трудности — появляются расходящиеся выражения вместо наблюдаемых в опыте определенных значений ряда величин). Отсюда вытекает другое, а именно то, что для решения вопроса о протяженности, структуре и т. д. элементарной частицы вообще неправомерно привлекать теорию относительности, что теория относительности может быть применена (при прочих соответствующих условиях) только там, где можно не принимать во внимание размеры элементарных частиц (например, в атомной области). Как известно, релятивистская квантовая механика (в какой-то мере преодолевающая ограниченности теории относительности и квантовой механики) недостаточна, чтобы решить проблему теории элементарных частиц. При переходе к субатомной области необходимы новые физические основные понятия и положения. На этом пути развития ядерной физики в последнее время достигнут определенный прогресс: в работах Л. Д. Ландау и его сотрудников по взаимодействию элементарных частиц выдвинут новый подход к решению важнейших проблем современной ядерной физики, причем в его основе лежит идея протяженных (а не точечных, как принято

в ныне существующей теории) элементарных частиц.

Очень возможно, что для субатомной области необходим новый пересмотр понятий, относящихся к непрерывности и прерывности в физике. Квантовая механика этот пересмотр совершила применительно к веществу (не учитывая факта взаимопревращаемости элементарных частиц), но пространственные и временные понятия сохранили в квантовой механике (как и в классической физике) свой непрерывный характер. Нельзя с уверенностью утверждать, что для субатомной области достаточны те пространственные и временные понятия, которые с удовлетворительной полнотой отражали пространственные и временные свойства материи на ее макроскопическом и атомном уровне. Элемент прерывности (сливаясь с непрерывностью) должен войти в пространственно-временные понятия, относящиеся к субатомной области. В частности, понятие координаты частицы — одно из основных понятий физики — должно при этом подвергнуться глубокому изменению.

«Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» (В. И. Ленин «Философские тетради», стр. 241). Эта ленинская мысль проливает свет на запутанную метафизиками и идеалистами проблему прерывности и непрерывности пространства и времени.

Диалектическая тенденция, возникнув в физике прошлых эпох, широко распространяется в современной физике в целом и во всех ее разделах, утверждаясь в ее святой святых — в теоретических основаниях. Этой стихийной диалектической тенденции полностью соответствует диалектический материализм, который в борьбе с идеалистическими и агностическими воззрениями все глубже проникает в физику, решая философские вопросы, выдвигаемые новыми открытиями и связанной с ними крутой ломкой установившихся основных понятий и теорий.

Диалектический материализм не признает никакой неизменности, кроме одной: отражения человеческим сознанием (когда последнее существует) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. В этом корни безграничной гибкости, присущей диалектическому материализму, той безграничной гибкости, которая определяет адекватность диалектического материализма как философии и метода непрестанно изменяющемуся содержанию новой физики. Истинность всего этого была доказана Лениным на материале еще начального этапа развития новой физики. Найденные Лениным истина и ее до-

казательства не устареют никогда и будут получать в дальнейшем развитии физической науки новые и новые подтверждения.

* * *

Решения XX съезда нашей партии об улучшении и усилении идеологической работы требуют творческого применения революционной теории, ее дальнейшего развития в борьбе за коммунизм. Они обязывают советских философов разрабатывать вопросы марксистско-ленинской философии в связи с практикой коммунистического строительства, достижениями современной науки, задачами борьбы против реакционной идеалистической философии. Указание партии о творческом применении марксистской теории особенно важно для полной победы диалектического материализма в современном естествознании, ибо диалектический материализм является философским фундаментом науки, и основная масса советских естествоиспытателей в своей научной деятельности руководствуется марксистско-ленинской философией, сознательно способствуя ее развитию.

При исследовании философских вопросов естествознания центральное место должно быть отведено разработке ленинского философского наследия и ленинскому этапу в развитии марксистской философии. Ленин философски осветил перспективы развития современного естествознания. Весь ход развития современного естествознания в работах советских ученых и передовых деятелей науки зарубежных стран осущест-

вляется под плодотворным воздействием марксистской философии, поднятой Лениным на высшую ступень.

Только марксизм-ленинизм открывает перед учеными путь к действительному прогрессу науки, к использованию ее достижений на благо человечества. Исторически закономерен тот факт, что именно наша страна, построившая социалистическое общество, оказалась впереди капиталистических стран в использовании атомной энергии для удовлетворения потребностей народного хозяйства и что именно советская наука, техника и социалистическая индустрия успешным запуском первых искусственных спутников Земли положили начало новой эпохе в области знания о Земле и космосе.

Труды Ленина дали ученым мощное оружие для познания и изменения мира. Однако в нашей литературе явно недостаточно раскрывается роль ленинских идей в развитии современного естествознания. Необходимо устранить этот серьезный пробел. Важнейшей задачей является также осуществление намеченной Лениным программы по дальнейшей разработке теории диалектики, вопросов теории познания и логики диалектического материализма. В этом чрезвычайно нуждается современное естествознание, которое, в свою очередь, предоставляет для выполнения указанной задачи богатейший материал.

Труды Ленина — огромная творческая сила, и она должна быть полностью использована советскими учеными в борьбе за торжество коммунизма.

Философское значение открытия новых частиц вещества в химии XX века

Р. В. КРИВОКОРЫТОВА

Атомистика, учение о дискретном строении материи, как известно, имеет многовековую историю. Практическое применение идеи дискретности вещества в химии и физике дало основу для перехода от эмпирического описания к теоретическому объяснению химических и физических процессов, к раскрытию их сущности. Вместе с тем оно показало, что первоначальное представление о существовании только одной формы дискретности вещества — атомов — является недостаточным для объяснения целого ряда явлений. Уже в середине XIX века прочно утвердились представления о существовании еще одной формы дискретности — молекул. В дальнейшем было открыто существование электрически заряженных частиц — ионов, затем — свободных радикалов. Особенно важную роль сыграло открытие физикой в конце XIX — начале XX века частиц более мелких, чем атомы, — электронов, протонов и других «элементарных» частиц. С другой стороны, химией XX века, особенно в результате успешного развития коллоидной химии и химии высокомолекулярных соединений, в тесной связи с другими разделами химии и с физикой были открыты частицы более крупные, чем обычные молекулы, — мицеллы и макромолекулы.

Таким образом, в результате успехов химии и физики было установлено качественное многообразие форм дискретности вещества, открыто существование частиц как более мелких, чем атомы, так и более крупных, чем молекулы.

В нашей литературе по философским вопросам естествознания до сих пор не уделялось достаточного внимания раскрытию значения частиц более крупных, чем обычные молекулы. Между тем открытие мицелл и макромолекул, как и открытие «элементарных» частиц, имеет большое мировоззренческое значение. Прежде всего оно сыграло важную роль в борьбе за материализм в естествознании, в доказательстве реальности атомов и молекул. Кроме того, открытие мицелл и макромолекул способствует все большей конкретизации идеи развития материи, дальнейшему раскрытию диалектики природы.

Настоящая статья является попыткой хотя бы в некоторой степени осветить эти вопросы. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, коротко остановимся на характеристике свойств мицелл и макромолекул.

Со стороны чисто внешней, количественной, особенности указанных частиц состоят прежде всего в том, что они во много раз крупнее обычных молекул и по своим размерам и массе занимают промежуточное положение между обычными молекулами, имеющими размеры порядка 10^{-8} см, и частицами вещества, еще видимыми в микроскоп (10^{-3} см и больше).

Специфические особенности мицелл неразрывно связаны с существованием высокодисперсных гетерогенных (коллоидных) систем, где вследствие малых размеров частиц диспергированного (измельченного) вещества (10^{-4} — 10^{-7} см) необычайно возрастает поверхность их сопри-

косновения со средой, в которой они распределены. Расчеты показывают, что она может достигать сотен квадратных сантиметров на грамм диспергированного вещества. Молекулы поверхностного слоя, как известно, находятся в особых условиях по сравнению с «глубинными» молекулами, у которых межмолекулярные силы насыщены за счет взаимодействия с окружающими их такими же молекулами. У поверхностных же молекул из-за ненасыщенности их силового поля создаются совершенно иные возможности химических и физических взаимодействий, у них появляется избыток свободной энергии. Вследствие этого высокодисперсные системы становятся крайне неустойчивыми, в них возникают процессы, направленные к уменьшению поверхности, к укрупнению частиц и в конечном счете — к полному выпадению их в осадок. Устойчивость такой системы, то есть существование самих коллоидных частиц, обеспечивается при наличии на их поверхности молекул или ионов другого вещества, сильнее взаимодействующего со средой, что способствует созданию вокруг коллоидной частицы сольватной оболочки из молекул среды, предотвращающей слипание с другими такими же частицами. Адсорбция ионов на поверхности частицы вызывает возникновение электрического заряда, что также является одним из факторов устойчивости коллоидных систем и существования мицелл.

Одновременное совместное действие процессов разрушения и стабилизации является внутренним специфическим противоречием существования коллоидных частиц (мицелл), определяющим их качественные особенности и отличия от других дискретных форм вещества.

Таким образом, мицеллы — это не просто мелкие, определенных размеров кусочки какого-либо мелкоизмельченного вещества, а сложные, качественно специфические образования, построенные из других, более мелких частиц (атомов, молекул, ионов). Помимо ядра, представляющего собой чаще всего ультрамикроскопических размеров кристаллик или каплю диспергированного вещества, мицелла имеет на поверхности этого ядра слой ионов или молекул стабилизирующих веществ, сольватную оболочку из молекул вещества окружающей ее дисперсионной среды; она электрически заряжена и окружена слоем противоположно заряженных ионов.

Особенности другого вида частиц — макромолекул — обусловлены тем, что если обычные молекулы лишь в редких случаях содержат более 30—40 атомов, то макромолекулы построены из сотен и тысяч атомов. Вещества, имеющие такие молекулы-гиганты, называются высокомолекулярными (каучук, крахмал, белки, целлюлоза и др.). Характерной особенностью макромолекул является то, что они построены по принципу многократного повторения одинаковых или разных звеньев; каждое такое звено состоит из нескольких структурно связанных групп атомов, например, в макромолекуле натурального каучука до нескольких тысяч раз повторяется звено: $\text{—H}_2\text{C—C=CH—CH}_2\text{—}$,

полистирола, широко применяемого в качестве пластмассы, повторяется другая группа: $\text{—CH}_2\text{—CH—}$. По форме макромолекулы чаще всего

представляют собой длинные, более или менее разветвленные цепочки. Кроме линейных макромолекул, существуют сетчатые (трех- и двухмерные, образуемые из ряда связанных между собой длинных цепей). Цепи макромолекул образуются не только из атомов углерода, но и из других элементов (Si, O, N, S и др.).

Колебания атомов и атомных групп, имеющие место и в обычных молекулах, с увеличением числа атомов, образующих цепочки макромолекул, становятся причиной их гибкости, способности в зависимости от условий значительно изменять свою форму (в пределе — от вытянутой

нити до свернутого клубка). Вследствие этого макромолекулы являются довольно гибкими, подвижными, динамическими системами атомов по сравнению с относительно статичными молекулами низкомолекулярных веществ.

С большой длиной и величиной макромолекул, с их гибкостью связаны такие ценные в практическом отношении свойства высокомолекулярных материалов, как эластичность, механическая прочность, способность к образованию нитей, пленок и др. Благодаря этим свойствам практическое применение высокомолекулярных веществ необычайно широко (резина, пластмассы, волокна и др.). Такие высокомолекулярные вещества, как белки, крахмал, играют существенную роль в жизнедеятельности растений и животных.

У длинной и гибкой макромолекулы отдельные ее части, звенья, не переставая быть связанными в единое целое (в общую молекулу), могут до известной степени самостоятельно участвовать в разнообразных химических и физических процессах как отдельные, небольшие молекулы. Так, при кристаллизации одна макромолекула может участвовать в образовании нескольких кристаллов и одновременно отдельными своими частями находиться в области аморфной. Следовательно, макромолекула, оставаясь цельной молекулой, в то же время может вести себя как совокупность большого числа относительно самостоятельных групп атомов или небольших молекул. Число этих групп достаточно велико и подчиняется статистическим закономерностям как совокупность движущихся частиц.

Такой двойственный характер поведения макромолекул обнаруживается не только в процессах кристаллизации, но и при растворении, в отношении к механическим деформациям и другим физическим и химическим воздействиям — всюду имеет место наложение двух процессов: процессов, обусловленных движением и действием макромолекулы как целого, и процессов, обусловленных движением и действием отдельных ее частей, звеньев. Двойственный, внутренне противоречивый характер макромолекул представляет собою их специфическую особенность и определяет их качественное отличие от молекул низкомолекулярных веществ, возникающее вследствие количественного роста составных частей молекулы. Представления о двойственном характере свойств макромолекул особенно развиваются в работах акад. В. А. Каргина и его школы (см., например, В. А. Каргин и Г. Л. Слонимский «О кристаллическом строении полимеров». «Успехи химии», т. XXIV, вып. 7 за 1955 год).

Макромолекулы, оставаясь молекулами, имеют в то же время ряд свойств, по отношению к которым само понятие «молекула» и другие понятия из области молекулярного учения (молекулярный вес, температура плавления и др.) уже неприменимы в их обычном смысле и получают специфический оттенок. Известно, что на химических и физических свойствах высокомолекулярных веществ не отражается заметным образом изменение числа звеньев в макромолекуле на два, три и больше (напомним, что каждое такое звено содержит иногда по 10—15 атомов), тогда как увеличение или уменьшение числа атомов в молекуле любого низкомолекулярного вещества влечет за собой резкие изменения его химических и физических свойств. Известны также трехмерные макромолекулы, в которых часто весь кусок вещества представляет собой как бы одну гигантскую «молекулу».

Открытие мицелл и макромолекул — крупный вклад химии XX века в общее учение о строении материи.

Большую роль в исследовании специфических особенностей этих новых дискретных форм вещества сыграли работы советских ученых (Н. П. Пескова, В. А. Каргина, А. В. Думанского, П. А. Ребиндера, С. М. Липатова и др.). Долгое время в химии игнорировалось качественное различие между мицеллами и макромолекулами. Обе эти формы ве-

щества, поскольку они имеют одинаковую величину, считались коллоидными частицами. В зарубежной науке еще и сейчас господствуют такие представления (подобные взгляды развивает, например, немецкий химик Г. Штаудингер). Советские ученые способствовали выяснению качественного своеобразия этих новых видов частиц вещества не только своими экспериментальными исследованиями, но и критикой механистических ошибок тех исследователей, которые эти различия игнорировали.

* * *

Оценивая философскую сторону открытия рассмотренных выше частиц прежде всего с точки зрения борьбы материализма и идеализма в естествознании, следует отметить, что исследование этих новых частиц материи впервые дало одно из самых убедительных доказательств реального существования атомов и молекул.

В прежних достижениях физики и химии имелось немало косвенных доказательств дискретного строения вещества (закон кратных отношений, закон постоянства состава химических соединений, теория химического строения, кинетическая теория газов, периодический закон и др.), поэтому, несмотря на то, что непосредственно наблюдать атомы и молекулы не удавалось, их реальность у большинства естествоиспытателей не вызывала сомнения. Однако до конца XIX века не были еще найдены непосредственные доказательства дискретного строения вещества, и атомно-молекулярное учение, несмотря на все его успехи, все еще оставалось гипотезой.

Атомизм, основанный на признании реальности мельчайших частиц вещества и их познаваемости, всегда играл важную роль в материалистическом объяснении природы, поэтому вокруг вопроса о дискретности вещества издавна шла острая борьба между материализмом и идеализмом, не прекращающаяся и по сей день.

На рубеже XIX и XX веков, в период начавшейся революционной ломки старых, привычных представлений о строении вещества, среди химиков и физиков появились скептики, поставившие под сомнение реальность атомов и молекул. Эти скептики заявляли, что при изучении физических и химических явлений вполне можно обойтись без атомов и молекул, ограничиваясь чистым описанием этих явлений и прибегая лишь к установлению формально-математических соотношений между ними. Огромные успехи термодинамики, достигнутые еще в XIX веке, открывали, казалось бы, к этому путь. Они были использованы идеалистами как мнимое свидетельство произвольности атомно-молекулярных воззрений; сделать это было тем легче, что атомов и молекул никто не видел.

Ярыми противниками атомистики, связанной с признанием объективного характера и познаваемости форм дискретности вещества, выступили «энергетики», махисты и прочие «физические» идеалисты. Вместе с недостатками старой, механистической атомистики они отбрасывали самое понятие материи, рассматривая противоречия между новыми открытиями и прежними атомно-молекулярными воззрениями как «победу над научным материализмом».

Вильгельм Оствальд в своих многочисленных книгах и учебниках, ратуя за химию без атомов и молекул, пытался показать, что «все общие и частные законы химии и физики могут быть приведены к одной общей форме, в которой определяемый данным законом процесс явится в виде превращения или, общее говоря, соотношения имеющих форм энергии» (В. О с т в а л ь д «Основания теоретической химии». М. 1902, стр. 183).

Махисты также отрицали объективную реальность атомов и молекул, видя в них лишь «рабочую гипотезу», то есть произвольно созданные человеческим умом приемы ради «удобства» описания явлений и «экономию мышления».

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» вскрыл идеалистическую и агностическую суть махизма и «энергетизма» в их борьбе против атомистики.

Ленин указывал, что вся совокупность естественнонаучных достижений, как старых, так и новых, не оставляет сомнения в реальности атомов и молекул и что материализм неизбежно победит в естествознании. Это предвидение Ленина вскоре же блестяще оправдалось: в течение 1908—1911 годов реальное существование атомов и молекул получило настолько убедительные экспериментальные доказательства, что даже противники атомистики вынуждены были это признать и тем самым расписаться в своем поражении.

Среди этих доказательств исключительно важное место занимают проведенные как раз в это время исследования движения коллоидных частиц.

Коллоидная химия принесла не только дальнейшее развитие атомистики, связанное с открытием новых дискретных форм вещества — мицелл и макромолекул, — но и доказательство реальности других частиц — атомов и молекул. Всем этим она прямо способствовала утверждению материалистических взглядов в химии и физике и во всем современном естествознании. Большую роль в этом деле сыграло изобретение ультрамикроскопа, который значительно расширил границы и возможности исследования строения вещества. С помощью ультрамикроскопа стало возможным наблюдать частицы, имеющие размеры порядка нескольких миллимикрон (10^{-6} см).

Наблюдение движения коллоидных частиц с помощью ультрамикроскопа прежде всего наталкивало на мысль, что эти частицы играют в коллоидных растворах такую же роль, как молекулы растворенного вещества в обычных растворах. В 80-х годах XIX века Раулем и Вант-Гоффом была доказана приложимость молекулярно-кинетической теории газов к растворам. Естественно, возник вопрос, будет ли она применима к коллоидным растворам, что открывало возможность наглядной проверки истинности молекулярно-кинетической теории, представлений о реальном существовании атомов и молекул, их тепловом движении при непосредственном наблюдении видимого движения коллоидных частиц.

Экспериментальная проверка применимости молекулярно-кинетических представлений к коллоидным растворам, проведенная в начале XX века в коллоидной химии, заложила прочные основы учения о коллоидах; вместе с тем эти исследования явились одной из самых замечательных страниц в истории атомистики.

Наиболее ярким и убедительным доказательством объективности атомно-молекулярного учения явилось определение в этих исследованиях численного значения одной из важнейших констант химии и физики, числа Авогадро (N), обозначающего количество молекул в грамм-молекуле (соответственно — атомов в грамм-атоме) вещества. Число N фигурирует почти во всех уравнениях молекулярно-кинетической теории; зная его, можно определить абсолютный вес одной молекулы данного вещества, а значит, и вес отдельных атомов, входящих в нее.

Классическими в этом отношении явились опыты Ж. Перрена. Перрен нашел, что частицы в коллоидных растворах не просто беспорядочно падают под действием силы тяжести, а располагаются на различной глубине по строго определенному закону, тождественному закону распределения газовых молекул на различной высоте (так называемый барометрический закон). Зная радиус частиц, он по формуле барометрического закона вычислил число Авогадро (его значение колебалось от $65 \cdot 10^{22}$ до $72 \cdot 10^{22}$ и хорошо совпадало со значением N , которое давала молекулярно-кинетическая теория — $60 \cdot 10^{22}$).

Теперь, писал Перрен, «становится весьма трудным от-

рицать объективную реальность молекул» (Ж. Перрен «Атомы». М. 1924, стр. 116).

Наглядной, убедительной проверкой истинности молекулярно-кинетической теории явилось также исследование броуновского движения коллоидных частиц. Объяснение этого казавшегося вначале загадочным явления дала молекулярно-кинетическая теория, определив его как следствие теплового движения недоступных непосредственному наблюдению атомов и молекул. Изобретение ультрамикроскопа необычайно усилило интерес к исследованию броуновского движения, которое в коллоидных системах, ввиду малой величины взвешенных частиц, становится особенно заметным и оживленным; это наталкивало на мысль, что оно не только является следствием теплового движения молекул среды, их ударов о частицы, но и само следует законам молекулярно-кинетической теории.

В 1905—1906 годах А. Эйнштейн и М. Смолуховский независимо друг от друга разработали теорию броуновского движения, исходя из признания его полной аналогии с тепловым движением молекул.

Экспериментальная проверка этой теории, проведенная на объектах коллоидной химии, была исключительно многообразной и разносторонней (Ж. Перрен, Т. Сведберг и др.). В опытах при непосредственном наблюдении движения коллоидных частиц наглядно обнаруживались все явления, предсказанные теорией: хаотичность движения, наличие диффузии, пропорциональность между средним квадратом смещения частицы и временем наблюдения, равенство средних значений энергии вращения и энергии поступательного движения, равенство средней кинетической энергии движущихся частиц при одинаковой температуре и т. д. (подробнее об этом см. статью В. Краевского «Борьба Мариана Смолуховского за научную атомистику» в «Вопросах философии» № 4 за 1956 год). Нас же сейчас интересует главным образом то обстоятельство, что исследование одних частиц может служить прямым доказательством реальности других дискретных форм вещества, а тем самым — доказательством объективности основ атомно-молекулярных воззрений вообще. Было доказано, что коллоидные частицы в этом явлении ведут себя как обычные атомы и молекулы, находящиеся в тепловом движении. «Нам стало видимым и движение молекул,— писал Перрен.— Броуновское движение есть его точное воспроизведение, или, еще точнее, это настоящее молекулярное движение, так же как инфракрасные лучи суть световые лучи» («Атомы», стр. 116).

В этих исследованиях было также определено число Авогадро. Основываясь на формуле А. Эйнштейна, выведенной для поступательного среднего перемещения частицы, Перрен в опытах с эмульсией гуммигута и мастики нашел число N равным в среднем $68,8 \cdot 10^{22}$. Перрену удалось экспериментально подтвердить правильность формулы Эйнштейна, выведенной для диффузии, что также привело к идентичному определению числа N ($69 \cdot 10^{22}$). Эйнштейн в своей теории дал также формулу для вращательного броуновского движения. Перрену удалось наблюдать это явление на капельках мастики и также подсчитать число N ($65 \cdot 10^{22}$). Аналогичные данные были получены Т. Сведбергом, который с помощью ультрамикроскопа исследовал броуновское движение коллоидных частиц (в коллоидном растворе золота в воде и др.).

Исследования самых различных свойств коллоидных систем привели независимыми путями к одной и той же (в пределах ошибок опыта) величине числа N ($65 \cdot 10^{22}$ — $72 \cdot 10^{22}$). Аналогичные результаты определения значения N были получены при исследовании других вновь открытых дискретных форм вещества, более мелких, чем атомы, — α -частиц, электронов и др., при исследовании явлений опалесценции, радиоактивности, ионизации газов, в результате определения заряда электрона и т. д.

Таким образом, число Авогадро было определено различными и неза-

висимыми друг от друга способами на самых разнообразных объектах; тем самым было доказано существование как самих атомов и молекул, так и других частиц материи, более мелких, чем атомы, и более крупных, чем молекулы, ибо совпадение результатов определения числа N , полученных независимо друг от друга экспериментальным путем при исследовании различных видов частиц вещества, есть прямое доказательство реальности всех этих частиц. Определение числа N явилось практической, причем строго количественной проверкой истинности молекулярно-кинетической теории, оно еще раз блестяще показало мощь человеческого разума, его способность познавать мир и в том числе и мельчайшие частицы материи, несмотря на их недоступность непосредственному восприятию и наблюдению.

В результате всех этих достижений идея дискретного строения материи — атомистика — перестала быть только гипотезой, а превратилась во всесторонне обоснованную научную теорию, имеющую твердо доказанное объективное содержание.

Знаменательно, что после рассмотренных выше исследований по определению числа N даже такие убежденные противники атомистики, как Вильгельм Оствальд, вынуждены были открыто признать свое поражение. В трех изданиях «Основ физической химии» он пытался изложить химию без атомов и молекул и тем доказать ненужность атомистики. Но в четвертом издании он впервые ввел главу о коллоидах, а также рассмотрел явления ионизации газов и радиоактивности, на основании чего уже в предисловии к этому изданию своей книги он вынужден был заявить: «Я убедился, что мы недавно получили экспериментальные доказательства прерывной или зернистой природы вещества, тщетно искавшиеся атомистической гипотезой в продолжение столетий и даже тысячелетий... Вместе с тем атомистическая гипотеза поднялась до степени научно-обоснованной теории» («Основы физической химии». Спб. 1911, стр. VII).

Аналогичные заявления были сделаны также Пирсоном и Пуанкаре, выступавшими в свое время против признания реальности атомов и молекул (см. статью П. Юшкевича «Борьба за физическое мировоззрение». «Русские записки» № 8 за 1915 год, стр. 45—46).

Так бесславно закончились наскоки «энергетиков» и махистов на атомистику и материализм в вопросах строения вещества.

Сейчас, когда с помощью электронного микроскопа можно видеть крупные молекулы и тем более макромолекулы высокомолекулярных веществ, реальность атомов и молекул ни у кого больше не вызывает сомнения. Но полвека тому назад доказательство объективной значимости атомистических воззрений, добытое при изучении новых, только что открытых тогда дискретных видов вещества, и прежде всего коллоидных частиц, имело решающее значение для всего последующего развития химии и физики и лежавшей в их основе атомистики; это доказательство имело вместе с тем решающее значение и для борьбы против разного рода идеалистических шатаний. Оно принесло с собою торжество атомно-молекулярного учения, что явилось крупной победой материализма в естествознании.

* * *

Значение открытия мицелл и макромолекул не ограничивается только той ролью, которую они сыграли в борьбе за материализм в естествознании, в доказательстве объективной значимости атомно-молекулярного учения.

Установление качественного многообразия дискретных форм вещества, и в частности открытие коллоидных частиц и макромолекул, явилось вместе с тем одним из моментов раскрытия диалектики природы, дальнейшей конкретизации идеи развития материи.

Еще в первой половине прошлого столетия в естествознании все настойчивее начал пробивать себе дорогу диалектический взгляд на природу, связанный с идеей развития и всеобщей связи явлений. Все происходящее в природе обнаруживало себя как результат движения и развития материи, причем качественно различные области природы оказывались звеньями, ступенями ее развития, возникшими исторически друг за другом. Достижения естествознания XIX века позволили Ф. Энгельсу показать общую картину диалектического развития природы — от газовой туманности до человека, — представив это развитие как последовательное усложнение материи, возникновение качественно новых видов ее, новых форм ее движения.

Развитие атомистики, открытие, помимо атомов, большого числа других видов частиц вещества внесло существенный вклад в обоснование диалектического материализма.

«Новая атомистика... — писал Энгельс, — не утверждает, будто материя только дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела) являются различными узловыми точками, которые обуславливают различные качественные формы существования всеобщей материи...» («Диалектика природы», 1953, стр. 236).

Открытие новых дискретных форм вещества, последовавшее после смерти Энгельса, полностью подтвердило его идеи и способствовало углублению диалектического содержания новой атомистики, прежде всего конкретизации идеи развития материи. В этом отношении открытие мицелл и макромолекул имело весьма существенное значение.

Мицеллы с их специфическими свойствами являются качественно новой, более высокой ступенью развития и усложнения веществ по сравнению с более мелкими, более простыми частицами — молекулами, ионами и др.

Представляя собой определенным образом организованный сложный комплекс из более мелких частиц, мицеллы имеют так называемую физическую поверхность раздела со средой, каковой нет у отдельных атомов, молекул и т. д. В связи с этим появляются качественно новые отношения частицы и среды по сравнению с теми, которые существуют, например, в растворе между молекулами растворенного вещества и растворителя. Эти качественно новые отношения компонентов дисперсной системы имеют своими предпосылками обычные межмолекулярные взаимодействия, взаимодействия заряженных частиц (ионов), но представляют более сложную форму их проявления. Отсюда «отзывчивость» коллоидных частиц на действие разного рода химических и физических факторов (например, температуры, электролитов и др.), гораздо более многообразная и дифференцированная, чем у молекул, ионов. Именно эта большая «гибкость» и разнообразие физико-химического поведения, появление у мицелл качественно новых свойств и взаимодействий по сравнению с молекулами и ионами и определяют важную роль коллоидных систем в процессах жизнедеятельности. Известно, что протоплазма, кровь, лимфа и др. являются сложными системами коллоидного характера.

Все более разностороннее изучение особенностей мицелл способствовало более глубокому раскрытию связей коллоидов с другими физико-химическими и биологическими явлениями, а благодаря этому — выяснению места и роли коллоидов в общем развитии материи. Ряд свойств коллоидных систем сближает их и с обычными растворами и с грубыми суспензиями (такими, например, как взвесь песка или глины в воде). Исследование коллоидных систем, содержащих частицы, средние по своим размерам между молекулами и частицами грубых суспензий, вскрыло промежуточное звено, позволяющее установить связь, до тех пор незаметную, между самыми разнообразными дисперсными системами, широко распространенными в природе и изучавшимися до этого совершенно независимо в

разных отраслях естествознания (разнообразные растворы, суспензии, эмульсии и т. д.). Не случайно первые попытки дать общую классификацию всех этих систем, содержащих диспергированное вещество как в виде отдельных молекул, ионов, так и в виде более или менее крупных частиц, появились именно в коллоидной химии (Зигмонди, Вольфганг Оствальд и др.).

Это раскрытие внутреннего единства дисперсных систем явилось огромным теоретическим обобщением, значение которого выходит далеко за рамки собственно коллоидной химии.

Однако эта взаимосвязь в работах Зигмонди, Вольфганга Оствальда и др. получила односторонне-механистическое истолкование. Общность разнообразных дисперсных систем была представлена как количественно непрерывный ряд увеличения размеров частиц диспергированного вещества, начинающийся обычными растворами (ионы, молекулы), за которыми следуют коллоидные системы (мицеллы), и завершающийся грубо-дисперсными системами. В этом ряду дисперсных систем происходит, по мнению названных исследователей, постепенное, непрерывное изменение свойств по мере роста размеров частиц. Тем самым отрицались качественные различия между молекулами и коллоидными частицами, а различия между коллоидными системами и обычными растворами сводились лишь к чисто количественным, чем затушевывалось действительное диалектическое содержание вскрытой взаимосвязи различных дисперсных систем и лежащей в ее основе идеи развития, качественного усложнения дискретных видов вещества.

Изучение особенностей коллоидных систем показало, что разнообразные виды дисперсных систем не только взаимосвязаны и имеют общие свойства, но и представляют собой как бы отдельные ступени в общем ряду качественно усложняющихся форм вещества, начиная от простейших гомогенных систем с их обычными межмолекулярными отношениями до сложных систем живого вещества с их многообразием физико-химических и биологических взаимодействий. Коллоидные системы представляют собой, по сути дела, связующее, промежуточное звено при переходе от простейших физико-химических систем (обычных растворов) к чрезвычайно сложным дисперсным системам биологического характера.

Как и мицеллы, макромолекулы с их специфическими особенностями являются по сравнению с молекулами низкомолекулярных веществ качественно новой ступенью развития и усложнения свойств молекул, обусловленной количественным ростом числа их составных частей, особой ступенью развития и усложнения вещества.

Появление специфических для макромолекул свойств имело огромное значение в процессе развития от неживой материи к живой. Об этом говорит хотя бы тот факт, что белки — эта важнейшая основа жизненных процессов — являются высокомолекулярными веществами. Макромолекулы целлюлозы образуют прочный каркас ствола дерева или стебля растения. Только вследствие способности макромолекул значительно изменять свою форму (гибкость и эластичность макромолекулярных веществ) организм приобретает возможность непосредственно превращать химическую энергию в механическую (например, при сокращении мышц).

Среди всех других высокомолекулярных веществ белки занимают совершенно особое место. Их роль в процессах жизнедеятельности была известна уже давно, и неоднократно делались попытки получить «живую молекулу» белка простым синтезом. Изучение высокомолекулярных веществ и коллоидных систем позволило глубже и конкретнее раскрыть роль белка в жизни организмов, а также в процессе возникновения жизни. Известно, что белки отличаются среди всех других веществ многообразием функциональных химических групп, что и обуславливает возможность их взаимодействия с самыми разнообразными веществами. Это многооб-

разие функций и своего рода гибкость химического поведения, выражающаяся в способности белков своеобразно и дифференцированно реагировать на присутствие тех или иных веществ в окружающей среде, еще не исчерпывают всех особенностей белков и характеризуют их больше со стороны чисто химической. Роль белков в процессах жизнедеятельности обусловлена, кроме того, и их макромолекулярной природой. Только в макромолекуле, где отдельные части приобретают известную самостоятельность химического и физического поведения (но без нарушения единства и устойчивости всей молекулы), становятся возможными те постоянные и разнообразные химические и физические процессы, которые происходят в живом белке, при сохранении прочности связи отдельных его частей и устойчивости всего образования в целом. Сочетание лабильности, гибкости, многообразия химических и физико-химических взаимодействий с устойчивостью, целостностью, прочностью всего образования составляет необходимое условие жизнедеятельности; одной из предпосылок такого сочетания в природе явилось образование макромолекул белков. Именно физико-химические особенности макромолекул в сочетании с многообразием их химических функций обуславливают устойчивость белковых комплексов в различных биологических образованиях при сохранении в то же время способности к постоянному взаимодействию с самыми разнообразными веществами, к постоянному обновлению и изменению.

Роль белков в процессах жизнедеятельности не исчерпывается только указанными их особенностями. Белки в большей степени, чем все другие вещества, склонны к образованию разного рода ассоциатов; у них необычайно ярко выражена склонность к образованию коллоидных растворов с присущими им особенностями микрогетерогенных систем. Белки легко образуют коллоидные растворы не только при взаимодействии с другими веществами, но и сами макромолекулы многих белков (так называемых глобулярных белков) при свертывании образуют частицы — глобулы, в известной мере сходные по своим свойствам (поверхностным свойствам, заряду и др.) с мицеллами. Глобулы белков, в которых свойства одного вида частиц — макромолекул — тесно переплетаются со свойствами другого вида — мицелл, являются наглядным примером отсутствия резких, абсолютно непреодолимых граней между различными дискретными формами вещества.

Можно сказать, что особая роль белков в возникновении жизни и в процессах жизнедеятельности в значительной степени обусловлена тем, что они (наряду с многообразием функциональных групп) удачно сочетают в себе особенности, обусловленные макромолекулярным строением и способностью к образованию коллоидных систем.

Современные представления о происхождении жизни неразрывно связываются с образованием коллоидных систем, высокомолекулярных веществ и их растворов. Как бы ни различались мнения отдельных ученых о месте зарождения первых форм жизни (суша или океан) и о деталях этого процесса, все признают в качестве необходимой предпосылки возникновения жизни образование в воде белковых коллоидных систем. Данные современного естествознания дают все основания утверждать, что образование коллоидных частиц (мицелл) и макромолекул было существенным моментом в переходе от обычной молекулярной формы вещества к простейшим образованиям живого вещества, следовательно, в переходе от химической и физической форм движения к биологической.

Открытие коллоидных частиц и макромолекул, изучение их особенностей позволило значительно углубить и конкретизировать представления о развитии материи, переходе от неживой природы к живой, то есть о возникновении жизни; оно показало, какую роль в этом процессе играет образование дисперсных систем вещества и их качественное усложнение от простого молекулярного раствора до протоплазмы живой клетки; оно показало также роль укрупнения молекул, появления у отдельной моле-

кулы новых свойств, обусловленных ее величиной (длиной) и многообразием функциональных групп.

Изучение разнообразных неорганических коллоидных систем, неорганических высокомолекулярных веществ позволяет сделать вывод, что специфические особенности мицелл и макромолекул сыграли огромную роль и в развитии неживой природы. Возможно, что процессы агрегации в газовой туманности, которые привели к образованию тел солнечной системы, шли также через образование коллоидных частиц — мицелл. Процесс перехода вещества от распыленного, рассеянного состояния к конденсированному независимо от условий, в которых он протекает, обязательно имеет стадию образования микроскопических и ультрамикроскопических частиц. Современные космогонические концепции придают большое значение образованию твердых частиц вещества в виде пыли. Несомненно, что в процессах агрегации в газопылевом облаке, представление о котором составляет основу современных космогонических гипотез, вполне определенную роль играли особенности коллоидных систем, их свойства, обусловленные микрогетерогенностью, взаимодействия, связанные с существованием коллоидных частиц. Образование таких частиц было одной из существенных предпосылок для перехода от микрочастиц, от атомов и молекул к макротелам вселенной, следовательно, было важным этапом развития всей неорганической природы.

Широкое распространение в природе неорганических полимеров, цепочки макромолекул которых образованы соединениями таких химических элементов, как, например, сера, кремний, алюминий и др., дает основание полагать, что усложнение молекулярной формы вещества, образование макромолекул тоже играло, очевидно, далеко не последнюю роль в развитии неживой природы. В частности, образование плоских (двухмерных) и сетчатых (трехмерных) макромолекул, как систем малоподвижных, подобных кристаллическим, несомненно, могло быть одной из форм перехода от молекул к макротелам неорганического мира.

И в дальнейшей эволюции неорганической природы коллоидные частицы и макромолекулы играли важную роль. Многие геологические и метеорологические процессы связаны с особенностями коллоидных систем, с их образованием и разрушением. Почвы, природные воды, многие горные породы, туманы, дымы и др. представляют собой разнообразные коллоидные системы. Обладая большой эффективной адсорбционной способностью, мельчайшие частицы ила, силикатов создавали благоприятные условия для концентрации целого ряда веществ на их поверхности. В случае адсорбции ненасыщенных органических веществ это могло способствовать их полимеризации, приводящей к образованию макромолекул, к образованию белков, создавая существенные предпосылки для возникновения жизни.

В свое время Энгельс указывал на тот неоспоримый факт, что материя «расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами масс... Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу. Дело не меняется оттого, что мы находим промежуточные звенья между отдельными группами: так, например, между массами солнечной системы и земными массами мы встречаем астероиды... метеориты и т. д.; так, между земными массами и молекулами мы встречаем в органическом мире клетку. Эти промежуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков и м е н н о п о т о м у, что она складывается сплошь из скачков» («Диалектика природы», стр. 217).

Коллоидные частицы и макромолекулы служат новым подтверждением этой замечательной мысли.

Открытие химией XX века коллоидных частиц и макромолекул позволило ученым проникнуть в новую, весьма своеобразную область, кото-

рая, по выражению Вольфганга Оствальда, долгое время оставалась для естествоиспытателей «миром обойденных величин». Это явилось одним из ярких доказательств неисчерпаемости качественных форм материи, которая обнаруживается при движении познания не только «в глубь материи», в сторону открытия все более и более мелких частиц («элементарные» частицы ядра атомов), но также и в сторону открытия дискретных видов вещества, более крупных, чем обычные молекулы, вплоть до частиц, лежащих на грани микро- и макропроцессов. Такими частицами являются мицеллы и макромолекулы.

Именно это промежуточное положение коллоидных частиц и макромолекул между микрообразованиями (атомы, молекулы и др.) и простейшими макрообразованиями как живой, так и неживой природы определяет особое значение их открытия для дальнейшей конкретизации представлений о развитии материи.

Особенности мицелл и макромолекул имеют своими предпосылками свойства других, более мелких и простых частиц (атомов, молекул, ионов и др.), но вместе с тем они представляют собой более высокую, качественно новую ступень развития материи и, в свою очередь, являются основой для возникновения еще более сложных образований вещества, играющих уже важную роль в процессах жизнедеятельности. Открытие мицелл и макромолекул, изучение их особенностей еще раз показало, что различные дискретные формы органически взаимосвязаны друг с другом, они едины в своем развитии, будучи отдельными «узловыми точками» развития материи, идущего от простого к сложному, от низшего к высшему.

Итак, открытие коллоидной химией и химией высокомолекулярных соединений новых дискретных видов вещества — мицелл и макромолекул — является важным естественнонаучным обоснованием диалектического материализма. Оно сыграло большую роль в борьбе за материализм в естествознании, против «энергетизма» и махизма, в утверждении атомно-молекулярного учения. Вместе с тем открытие этих частиц способствует дальнейшей конкретизации представлений о неисчерпаемости качественных форм материи, о бесконечности и скачкообразности ее развития, о единстве мира. Достижения учения о коллоидах и макромолекулярной химии способствуют конкретизации и углублению идеи развития материи, вскрывая особенности и отдельные формы развития вещества в переходе от микроявлений к макроявлениям, от неживой природы к живой. Эти достижения являются звеном в раскрытии диалектики природы, осуществляемом всем естествознанием.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О противоречиях в развитии социалистического общества

Являются ли противоречия движущей силой социалистического общества?

Дискуссия о противоречиях при социализме, которая уже два года продолжается на страницах журнала «Вопросы философии», с самого начала привлекла внимание не только профессиональных философов. Очевидно, за ее ходом внимательно следят не только в нашей стране, но и за рубежом, в первую очередь в братских народно-демократических государствах.

За время дискуссии помещено значительное количество статей, в которых обсуждается и выясняется теоретический вопрос о характере противоречий при социализме, имеющий первостепенное практическое значение. Причем, как правило, в появившихся до сих пор статьях само собой подразумевалось, что при социализме действуют специфические (неантагонистические) противоречия, которые являются движущей силой развития первой ступени новой общественно-экономической формации.

Но опубликованная в 1957 году в третьем номере журнала статья В. П. Рожина и В. П. Тугаринова «О противоречиях и движущих силах» подвергла сомнению указанный выше тезис. В известной мере это же можно сказать и в отношении статьи Е. Т. Лукиной «Не противоречия, а преодоление их движет вперед», опубликованной там же.

Мы остановимся только на первой статье. Приняв воинствующую позу, ее авторы устрашающе заявили: «...Мы намерены прежде всего подвергнуть критике кажущуюся многим авторам бесспорной и безапелляционной мысль о том, что одни лишь противоречия являются источником и движущей силой всякого развития...» Тут же, переходя к доказательствам, В. П. Рожин и В. П. Тугаринов приступили к расправе с главным «виновником» противоречий — законом единства и «борьбы» противоположностей. Чтобы умалить его значимость, они его определили как «прежде всего теоретический аналог, обобщение и сколок с капиталистической действительности».

Можно ли с этим согласиться, верно ли это?

Закон единства и «борьбы» противоположностей, проявляясь на каждой ступени развития общества (поскольку речь идет в данном случае о нем) в специфической форме, отнюдь не является слепком только с одной какой-либо формации, а равно одного какого-либо природного явления. Утверждать, что он есть слепок с капиталистического общества, — значит ставить под сомнение его всеобщий характер. В конце концов авторы статьи пишут, что этот закон является всеобщим законом развития как общества, так и природы и признают его действие (осуществление, как они выражаются) при социализме.

Свои рассуждения В. П. Рожин и В. П. Тугаринов пытаются подкрепить общей ссылкой на классиков марксизма, поэтому мы считаем не лишним конкретно сослаться на авторитет последних по вопросу о месте и роли противоречий в процессе развития.

Энгельс в подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» пишет: «...Движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение...» (издание 1951 года, стр. 328). В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», как известно, наряду с характеристикой разных сторон пролетарского учения в сжатой форме излагает марксово и собственное понимание диалектики; он говорит о противоречии, столкновении различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества, как о внутренних импульсах к развитию (см. Соч., т. 21, стр. 38). Это же самое утверждает выдающийся марксист нашего времени тов. Мао Цзэ-дун. Вот выдержка из его работы «Относительно противоречия»: «Коренная причина развития вещей находится не вне, а внутри вещей, в противоречивой природе, внутренне присущей самим вещам. Любая вещь и явлению внутренне присущи противоречия. Они-то и порождают движение и развитие вещей. Противоречия, внутренне присущие вещам и явлениям, служат коренной причиной их развития,

тогда как взаимная связь и взаимодействие одной вещи или явления с другими вещами или явлениями представляют собой причины второго порядка» (Избранные произведения, т. 2, стр. 412).

Что характерно для вышеприведенных положений? То, что в них источником всякого движения, движущей силой развития утверждается противоречие, и только одно оно. Всегда, когда упоминается противоречие, с ним обязательно связывается развитие, движение. Иначе и быть не может. Недавно в опубликованных в нашей печати выступлениях Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» говорится, что «в жизни, в действительности наряду с положительным всегда существует и отрицательное». Это положительное и отрицательное также составляют одно из диалектических противоречий в жизни, и борьба между ними наряду с другими факторами содействует продвижению вперед советского общества.

Подвергнув критике действие основного закона диалектики — единства и «борьбы» противоположностей, — В. П. Рожин и В. П. Тугаринов выставили следующий тезис: «Источником силы и могущества социалистического лагеря являются не внутренние противоречия, а единство и сплоченность всех его сил». Прежде всего обратим внимание на одно обстоятельство: авторы статьи здесь совершили подмену предмета обсуждения. Разве одно и то же — вопрос о противоречиях как источниках развития и вопрос об источниках силы и могущества чего-либо? Нам кажется, не одно и то же.

Для доказательств тезиса, что социалистическое общество развивается не вследствие развертывания и преодоления присущих ему специфических противоречий, что не они, по крайней мере, являются движущими силами развития, эти товарищи рассуждают дальше в таком духе: «Разве дружно, без внутренних противоречий работающий коллектив работников в любой отрасли советской жизни менее способен к развитию, чем раздираемый противоречиями и неполадками?»

Если иметь в виду серьезные противоречия, диалектические конфликты (а не разуметь под последними беспринципные житейские склоки и дразги), то без них не бывает реального коллектива. Коллектив без таких противоречий — фикция. В любом коллективе бывают неизбежно отстающие и передовые работники, более сознательные и менее сознательные, люди с меньшим опытом и большим и т. д. Наконец, живые люди — это всегда люди с различными мнениями, взглядами, способами подхода к решению общих задач. Все это неизбежно порождает деловые трения, спо-

ры, критику и т. д., заставляя коллектив все время находиться в движении.

В доказательство своего основного тезиса авторы приводят другой аргумент, но и он также бьет мимо цели. В. П. Рожин и В. П. Тугаринов спрашивают инакомыслящих: «Разве единство Коммунистической партии Советского Союза не является величайшей силой развития нашего общества?» Да. Коммунистическая партия Советского Союза есть величайшая движущая сила нашего общества, и не только нашего, — она пользуется огромным авторитетом у всех коммунистических и рабочих партий, является величайшей движущей силой нашей эпохи.

Но почему наша партия является таковой? Тут следует напомнить товарищам их собственные слова: «Во всех сферах жизни нашего социалистического общества, начиная с производства и кончая сознанием людей, идет борьба народа под руководством партии за преодоление противоречий». Преодоление противоречий, которое совершается в нашем обществе под руководством партии, и есть выражение нашего движения вперед. Авторы говорят о единстве партии для того, чтобы посрамить противоречия. Так ли это на самом деле? Партия сильна, она является величайшей движущей силой советского общества потому, что она есть образец разрешения присущих ей (как и всему существующему) противоречий, выражением которых является постоянная борьба за единство рядов против элементов раскола, за высокую сознательность и идейность членов партии, против безыдейности, хвостизма и т. д.

«Если бы противоречия играли только положительную роль, тогда не было бы необходимости вести борьбу за их разрешение». Это не что иное, как понимание противоречия как чего-то внешнего, привнесенного извне в вещь, явление. Ставить вопрос о положительности или отрицательности объективного в таком смысле неверно, ненаучно. Это дурной субъективизм. Говорить о «тормозящем» влиянии противоречия равносильно тому, что мы стали бы ругать закон всемирного тяготения за то, что он не дает нам возможности без аппарата передвигаться по воздуху.

«В нашей литературе иногда всякое различие зачислялось в ранг противоречий, что является, конечно, неправильным», — пишут В. П. Рожин и В. П. Тугаринов. С этим нельзя не согласиться. Но вряд ли можно согласиться с авторами, когда они не склонны на нынешнем этапе развития советского общества видеть противоречия (неантагонистические) между городом и деревней на том основании, что «объективно развитие нашего города и деревни идет по пути коммунизма». Разве это аргумент?

В конце концов авторы и сами признают наличие противоречий в этой области, когда говорят, что, «конечно, между рабочими и крестьянами могут возникать противоречия, например, в отношениях на колхозном рынке, но они не составляют главной линии отношений между ними». Согласимся, что это так. А если эти противоречия не составляют главной, основной линии отношений, то разве на них можно махнуть рукой? К тому же авторы статьи не указывают первостепенной причины возникающих противоречий между рабочими и крестьянами — различный уровень обобществления производства в промышленности и сельском хозяйстве, обходят вопрос о различном уровне социалистической сознательности и т. п. А это такие явления, которые порождают неантагонистические противоречия, не сводимые только к отношениям на рынке. Они затрагивают все общество, требуют особых мер для своего разрешения со стороны социалистического государства, со стороны его руководящей силы — рабочего класса, возглавляемого Коммунистической партией. Грандиозная борьба советского народа под руководством Коммунистической партии за ликвидацию отставания сельского хозяйства, за его подъем на качественно новую ступень есть борьба за разрешение противоречий в данной области.

По нашему мнению, товарищи соригинальничали, отказавшись от разделяемого «многими авторами» утверждения, что, ликвидировав, разрешив антагонизмы, порожденные капитализмом, мы еще имеем противоречия между городом и деревней, но принципиально иные, постоянное разрешение которых выражает поступательное движение общества к коммунизму.

В. П. Рожин и В. П. Тугаринов оспаривают положение, высказанное в статье Ц. А. Степаняна, что противоречие между растущими потребностями и достигнутым уровнем развития производства при социализме является основным противоречием. Оспаривание этого положения — дело вполне закономерное в ходе дискуссии. Но они идут дальше, утверждая, что указанное противоречие не является вообще источником и движущей силой развития социалистического общества, собственно, даже отрицают само его наличие. В доказательство они нехотят ссылаться на совершенно правильное положение, что капиталистическое общество характеризуется глубоким противоречием между производством и потреблением, так как узкая база народного потребления, падение платежеспособного спроса трудящихся является преградой, непреодолимым препятствием на пути развития капиталистического производства, в то время как при социализме рост покупательной способности трудящих-

ся обгоняет рост производства, содействуя тем самым развитию социалистического производства.

Действительно, социализм преодолел, снял свойственное капитализму антагонистическое противоречие между производством и потреблением и дает полный простор развитию потребностей нашего общества, его людей, так что рост потребностей обгоняет в данный момент развитие быстро растущего производства. Утверждать, что это не является огромной движущей силой в нашем развитии, — значит ломиться в открытую дверь. Каждодневно наше общество ощущает на себе это новое, неантагонистическое противоречие между производством и потреблением, и каждодневно своей исполинской, героической деятельностью в экономической и духовной областях оно разрешает его.

Итак, старое противоречие как таковое исчезло, сошло со сцены, оно стало другим и потому и по-другому разрешается.

Вывод же В. П. Рожина и В. П. Тугаринова таков: «Нам думается, что нельзя признать правильным взгляд, возводящий противоречия в развитии социалистического общества в ранг движущих сил. В нашем социалистическом обществе действуют такие движущие силы, как союз рабочего класса с крестьянством, морально-политическое единство советского общества, дружба народов, советский патриотизм, критика и самокритика, социалистическое соревнование и т. д. Это такие общественные силы, которые облегчают нашему обществу удовлетворять назревшие потребности, преодолевать противоречия, трудности и недостатки в работе и тем самым двигают, толкают вперед наше общество. Эти общественные силы проявляются не сами по себе, а через деятельность миллионов советских людей».

Рассмотрим этот вывод. Присущие советскому обществу закономерности, на которые указывают эти товарищи, выражают, как известно, коренные преимущества социализма перед капитализмом, но они вовсе не исключают признания противоречий как движущих сил развития новой экономической формации. В. П. Рожин и В. П. Тугаринов признают, что эти новые общественные силы — союз рабочего класса и крестьянства, морально-политическое единство народа и т. д. — служат преодолению противоречий, трудностей, недостатков и тем самым толкают вперед наше общество. Но они не хотят сказать или не видят, что обуславливающим, побудительным моментом этих сил как раз и являются те внутренние противоречия в развитии нового общества, о которых они говорят и которые отказываются зачислить, употребляя их терминологию, в ранг движущих сил.

С другой стороны, разве сами эти общественные силы совсем свободны от всяких противоречий? Взять хотя бы союз рабочих и крестьян. Наличие здесь известных противоречий, которые, думается, мы верно называем различиями, побуждает нас заботиться о постоянном совершенствовании этого союза как орудия в строительстве коммунизма, принимать политические, экономические и другие меры для его укрепления. Если бы дружба народов и морально-политическое единство были абсолютны, можно было бы не заботиться об их дальнейшем укреплении.

Заключительные строки статьи В. П. Рожина и В. П. Тугаринова уже явно противоречат первоначальным утверждениям авторов. Они пишут, что «объективные противоречия нашего общества постоянно и необходимо побуждают партию и народ к новым и новым действиям, и в этом смысле (!) они являются источником развития. Но не сами по себе противоречия двигают наше общество вперед, а советские люди, руководимые партией».

А разве признанием неантагонистических противоречий в качестве движущих сил развития социалистического общества утверждается нечто противоположное? Разве научное положение, что антагонистические противоречия в классовых обществах являются движущей пружиной этих социальных организмов, не имеет в виду реальных носителей этих противоречий — пролетариев и буржуа, их различные действия, взаимоотношения между собой, сутью которых является постоянная борьба?

Решающая роль в прогрессивном движении нашего общества по пути к коммунизму принадлежит народу, руководимому партией, пишут эти товарищи. Да, совершенно верно. Но нельзя забывать того, что народ заставляют шевелиться, действовать, совершать героические дела, преодолевать трудности именно противоречия его бытия, его существования. И счастье нашего народа состоит в том, что в этом движении по пути к коммунизму им руководит самая

закаленная марксистская партия, которая способна познавать характер любых противоречий и на этой основе придавать движению небывало быстрый темп, избегать излишних зигзагов.

Авторы, конечно, совершенно правы, когда они выступают против фаталистического взгляда на противоречия или отождествления их с различного рода недостатками в нашей работе, трудностями и т. д.

* * *

Критика В. П. Рожиним и В. П. Тугариновым утверждения «многих авторов», которым кажется «бесспорной и безапелляционной мыслью о том, что одни лишь противоречия являются источником и движущей силой всякого развития», бьет мимо цели и, по существу, неправильна.

Они отрывают диалектическое противоречие как одно из главных, коренных свойств и движущих сил всего сущего от других сторон диалектического процесса развития и метафизически противопоставляют одно другому.

Эти товарищи понимают противоречия крайне абстрактно, представляют себе их не как имманентные свойства конкретных вещей, явлений (в данном случае общественных), а отрывают их от того, чему они присущи. В. П. Рожин и В. П. Тугаринов немало говорят о наличии объективных противоречий в нашем обществе, но не предприняли ни одной попытки конкретно определить, что это за противоречия, указать их характер, место и т. д.

Субъективизм авторов данной статьи сквозит и в том, что противоречия они рассматривают как нечто зазорное, принижающее наше общество, тормозящее его развитие.

В статье не поднимается вопрос о внешних противоречиях СССР с капиталистическим миром, и мы отнюдь не упрекаем в этом авторов, но рассмотрение его или хотя бы учет, вероятно, заставили бы взглянуть иначе на всю данную проблему.

Ф. К. ШОРИКОВ (г. Ирбит)

Об источниках развития производительных сил

Нельзя не согласиться с автором статьи «О противоречиях в развитии производительных сил» («Вопросы философии» № 4 за 1957 год) А. И. Крыловым в том, что вопрос об источниках развития производительных сил является до сих пор слабо освещенным и спорным, нуждающимся в дальнейшей разработке.

Достоинством статьи А. И. Крылова является то, что в ней высказан ряд интересных и правильных соображений. Однако общая концепция А. И. Крылова, по-

нимание им источников и движущих сил материального производства не может не вызвать серьезных возражений.

Существо взглядов А. И. Крылова сводится к следующим основным положениям: коренной причиной развития производительных сил является сам процесс труда, процесс борьбы человека с природой. Противоречие между человеческим обществом и природой преодолевается в ходе производственной деятельности людей и является основным источником развития производ-

ства в любых экономических условиях. Производственные отношения влияют на развитие производства, ускоряя либо замедляя его, однако не они, а процесс труда, процесс взаимодействия человека с природой является основным и постоянным источником развития производства.

А. И. Крылов прав в том отношении, что труд является постоянным и необходимым условием жизни человека. Он прав и в том, что «только в процессе труда, в процессе активного воздействия на природу человек может заметить недостатки своих орудий производства, ограниченность своей техники и затем улучшить ее или создать в корне новую, высшую технику» (стр. 179). Развитие и совершенствование орудий труда действительно может осуществляться людьми только в процессе труда, но это отнюдь не значит, что сам труд является в любых экономических условиях непосредственной движущей силой производства.

Маркс, как известно, считал не только возможным, но и необходимым исследовать некоторые всеобщие признаки и определения производства. Он считал разумным выделение некоторых общих признаков, характеризующих всякий труд, независимо от его общественной формы, ибо эти общие моменты, будучи зафиксированы мышлением, избавляют нас от повторений.

Однако Маркс тут же указывал: «...Так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 178). А. И. Крылов, забыв об этом предостережении Маркса, как раз пытается понять движущие силы и источники развития производства любой исторической эпохи путем выделения всеобщих моментов, характеризующих всякое производство. Такой подход лишает его возможности правильно решить поставленную им проблему.

К чему, по существу, сводится вопрос о причинах развития производительных сил? Он неизбежно сводится к вопросу о том, почему люди развивают производство, совершенствуют орудия труда (ясно, что орудия труда развиваются не сами, помимо действия людей, — их развивают люди).

Самым общим ответом на этот вопрос будет следующий: люди развивают производство, руководствуясь своими интересами, своими выгодами. С этим ответом, видимо, согласится и А. И. Крылов. Но если следовать его концепции, то получается, что люди всегда развивают производство,

руководствуясь стремлением увеличить свое господство над силами природы, усилить и укрепить средства воздействия на нее, полнее удовлетворить свои потребности. Так ли это? Во всех ли общественных формациях непосредственной движущей силой производства являются эти интересы и стремления людей?

Стоит обратиться к рассмотрению капиталистического производства, чтобы увидеть, что непосредственная цель капиталистического производства, сила, приводящая его в движение, отнюдь не есть стремление людей к господству над природой, к удовлетворению своих потребностей.

Маркс блестяще показал в своих исследованиях, что основной силой, движущей производство в буржуазном обществе, является капитал; что непосредственной целью производства при капитализме является не потребительная стоимость, не продукт, как таковой, и даже не стоимость, а прибавочная стоимость; что труд, с точки зрения капиталистического производства, считается производительным лишь постольку, поскольку он производит прибавочную стоимость.

Согласно марксистскому пониманию, капиталисты не потому развивают и совершенствуют производство, что стремятся укрепить господство человечества над природой, а потому, что это приносит им прибавочную стоимость. Для извлечения прибавочной стоимости капиталисты, как правило, вынуждены развивать производство, совершенствовать орудия труда и т. п. Значит, непосредственная движущая сила и источник развития производства коренятся в экономических отношениях. Но эта движущая сила реализуется лишь через преодоление противоречия между человеком и природой, через борьбу человечества с природой, хотя сама по себе эта борьба отнюдь не является непосредственной движущей силой развития капиталистического производства.

Уже на основании сказанного легко понять основную ошибку А. И. Крылова. Его основная ошибка состоит в том, что он, анализируя деятельность людей по изменению производства, абстрагируется от их общественного бытия, игнорирует их экономическое положение и обусловленные этим положением интересы. У А. И. Крылова развивает и совершенствует производство абстрактный, внеисторический человек, лишенный каких-либо общественных связей. Отношение людей к природе рассматривается им вне и независимо от их отношения друг к другу. Но это закрывает дорогу к правильному пониманию движущих сил развития производства.

Коренные причины развития производительных сил могут быть поняты лишь на основе изучения экономических отношений людей в каждой формации.

Только изучая специфику экономических отношений в каждой общественной формации, мы можем понять специфические интересы людей, которые и выступают как непосредственная движущая сила их деятельности, в том числе и деятельности по улучшению и развитию производства.

Почему, например, люди развивали и совершенствовали орудия труда в условиях первобытно-общинного строя? Потому, что это облегчало их труд, содействовало более полному удовлетворению их потребностей. Однако тот факт, что именно таковы были интересы членов первобытной общины, был обусловлен существовавшими тогда экономическими отношениями, которые создавали общую заинтересованность всех членов общины в развитии производства (необходимо иметь в виду, что общность интересов людей в то время ограничивалась узкими рамками отдельной общины; интересы же различных общин часто резко противоречили друг другу, и в этом проявляется одно из существенных отличий первобытно-общинного строя от социалистического).

Почему развивалось производство в условиях рабовладельческого хозяйства? Здесь мы уже видим, что непосредственный производитель, раб, абсолютно не заинтересован в развитии производства. Орудия труда для раба являются ненавистными орудиями жестокой эксплуатации. В развитии производства заинтересован рабовладелец, поскольку новые орудия труда способствуют созданию большего количества потребительных стоимостей, которые могут быть использованы им, его семьей и т. п. (мы сейчас отвлекаемся от действия закона стоимости и товарно-денежных отношений, которые в ту эпоху оказывали, несомненно, значительное влияние на рабовладельческие хозяйства). Противоречие между людьми и природой присутствует и здесь, но оно преодолевается людьми, исходя из иных интересов, иных побуждений, определяемых изменившимися экономическими отношениями.

То же можно сказать и о феодализме, капитализме, социалистическом обществе. При социализме непосредственной движущей силой производства является заинтересованность всех производителей в наиболее полном удовлетворении их материальных и культурных потребностей, и этот факт определяется изменившимися коренным образом экономическими условиями, в которых осуществляется производство. При социализме действительно на пер-

вый план выступает конечная цель всякого производства — удовлетворение потребностей людей. А. И. Крылов правильно указывает (стр. 178), что конечной целью производства всегда является удовлетворение потребностей людей. Это выражается в том факте, что любое производство всегда есть производство потребительных стоимостей. Но эта конечная цель становится непосредственной целью производства только при определенных экономических условиях, когда нет частной собственности на средства производства, нет антагонистических классов, нет разрушительного действия стихийных законов товарно-капиталистического хозяйства, когда процесс производства сознательно регулируется людьми, исходя из их общих интересов и в соответствии с действием объективных экономических законов.

Из сказанного следует, что в не анализе экономических отношений нельзя понять подлинные причины развития производства в той или иной общественной формации. Поэтому, на наш взгляд, формула И. В. Сталина, согласно которой новые производственные отношения являются «главным двигателем» производительных сил, является вполне правильной и марксистской, хотя и нуждается (как и всякая общая формула) в конкретизации и расшифровке.

И напротив, мнение А. И. Крылова, согласно которому роль производственных отношений сводится лишь к ускорителю или тормозу в развитии производства, а основной причиной развития производства является сам процесс труда, процесс борьбы человека с природой, нельзя, на наш взгляд, признать правильным.

Остановимся теперь на некоторых других аргументах А. И. Крылова.

Прежде всего о пресловутом «заколдованном круге». Аргумент, конечно, серьезный, но при одном условии: если этот «заколдованный круг» действительно имеет место. С нашей точки зрения, никакого «заколдованного круга» во взаимоотношениях производительных сил и производственных отношений нет и не может быть. «Заколдованный круг» появился бы в том случае, если бы, исходя из изложенной нами точки зрения, получалось, что производственные отношения определяют характер развития производительных сил, пути и тенденции их развития. Но на самом деле этого нет.

Следует различать два вопроса. 1. Вопрос о том, как развиваются производительные силы, то есть каковы пути, тенденции и направления их развития, от чего зависят и чем определяются эти пути и направления. На этот вопрос производственные отношения дать ответа не могут.

Пути и направления развития производительных сил всецело определяются уже достигнутым их уровнем и состоянием. Люди не свободны в выборе путей и направлений развития производства, они не могут изменить их. При решении этого вопроса мы действительно можем абстрагироваться от экономических отношений, рассматривая лишь процесс воздействия людей на природу, процесс развития и совершенствования производительных сил. Так, например, автоматизация производства на данной ступени его развития является технической необходимостью, диктуемой самим уровнем развития техники и науки, обслуживающей производство. Поэтому автоматизация сейчас вводится и капиталистическими монополиями и нашим, социалистическим государством. 2. Вопрос о том, почему люди развивают производство, из каких интересов и побуждений они исходят, делая это.

На этот вопрос можно правильно ответить, только проанализировав экономические отношения людей, выяснив, в чьих руках находятся средства производства, каковы экономические законы, действующие в данной системе производственных отношений, какие классы заинтересованы в развитии производства и т. п. Вопрос о том, почему развиваются производительные силы, является вопросом о непосредственной цели производства. А эта непосредственная цель производства в каждой формации определяется характером экономических отношений.

Таким образом, «заколдованного круга» не существует. Производительные силы определяют собой характер производственных отношений, тогда как производственные отношения определяют не характер, не направление развития производительных сил, а непосредственную причину, источник, темпы их развития. Развитие производительных сил осуществляют люди, исходя из интересов и побуждений, различных по своему содержанию и вытекающих из их экономических отношений.

Еще один аргумент А. И. Крылова: доказательство, отпавляющееся от категорий «форма и содержание».

А. И. Крылов считает, что отрицание самодвижения производительных сил приводит к тому, что «собственная движущая сила производства, к сожалению... переносится лишь в сферу его экономической формы» (стр. 177). Получается-де как у Аристотеля: форма активна, содержание пассивно.

Надо прежде всего сказать, что методологически неправильным является сам подход, когда конкретные, специфические проблемы пытаются решить, лишь исходя

из абстрактного оперирования всеобщими категориями. Кроме того, само понимание формы А. И. Крыловым несколько странное. С его точки зрения получается, что раз экономические отношения являются формой, то они представляют собой чисто внешние границы, рамки, в которых осуществляется самодвижение производительных сил. Эти рамки могут оказаться узкими — тогда они тормозят движение; они могут оказаться достаточными — тогда они дают простор разворачиванию движущих сил, тающихся в самом содержании. Между тем форма в марксистском понимании не есть нечто внешнее по отношению к содержанию, она есть организация, структура самого содержания. Следовательно, считая производственные отношения формой, мы рассматриваем их не как внешние рамки развития производительных сил, а как связи, характеризующие внутреннюю организацию, или, лучше сказать, закон развития производительных сил.

В этой связи хочется остановиться на одном аргументе, часто используемом сторонниками так называемого «самодвижения» производительных сил. Некоторые товарищи рассуждают следующим образом: исходя из диалектической концепции развития, источник развития должен находиться в самом движущемся объекте; в данном случае развивающимся объектом являются производительные силы; следовательно, основной источник развития должен находиться в самих производительных силах. Всех, кто возражает против такой постановки вопроса, они зачисляют в лагерь механистов и метафизиков.

Товарищи, рассуждающие таким образом, забывают, что марксистская диалектика говорит о «самодвижении» отнюдь не применительно к отдельному, единичному предмету, а о самодвижении единого, того, что составляет единство, неразрывную взаимосвязь, целостность. В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин пишет о «раздвоении единого», а не единичного как источнике самодвижения всех процессов мира. В общем методологическом плане Ленин подчеркивает мысль о том, что источник развития находится в самой материи, а не вне ее. Но «самодвижение» материи не может быть понято вне учета неразрывных взаимосвязей и зависимостей, присущих процессам материального мира. И поэтому в ходе конкретного исследования тех или иных форм движения материи нам приходится неизбежно решать вопрос о том, какую именно связь (зависимость) объектов (сторон) материального мира мы рассматриваем как единое, целостное, как развивающееся по специфическим внутренним законам единство. Иначе говоря, одним из важных вопросов каждой науки яв-

дается вопрос о том, каковы те связи и взаимодействия исследуемых объектов, которые необходимы для выявления причин и источников движения этих объектов. Этот вопрос не может быть правильно решен априорно, из всеобщих дефиниций и абстрактных рассуждений, хотя бы и ультра«диалектических». Этот вопрос решается только на основе и в процессе конкретного исследования, которое будет тем успешнее, чем более научной является методология исследователя. Приведем некоторые примеры для пояснения сказанного.

Когда ученые-биологи пытаются выяснить наиболее общие закономерности развития живых организмов, перед ними встает вопрос: что является источником развития живых организмов, их движения от низшего к высшему? Внутренние связи самого организма? Или взаимодействие организма со средой? Исходя из абстрактных псевдодиалектических рассуждений, приведенных выше, источник развития организма надо обязательно искать в нем самом. Так и делали, как известно, вейсманисты и мортанисты. Научная сила мичуринской биологии в том и состоит, что она исходит не из априорных конструкций, а из исследования действительного процесса развития организмов, исследования, которое убедительно доказало, что развитие организма нельзя понять и объяснить вне взаимодействия со средой, потому что организм и среда представляют собою нечто единое, неразрывное, целостное.

То же самое можно сказать и о развитии человеческого общества. Известно, что многие мыслители до Маркса рассматривали человеческое общество как простое соединение отдельных людей, как «механический агрегат индивидов». В качестве субъекта истории, ее первоосновы, в качестве своего рода «атома» общественной жизни у них выступал отдельный человек. Сущность человеческого общества они пытались понять, исходя из сущности отдельного человека. Но это оказалось невозможным. Оказалось, что субъектом истории является общество, а не отдельный, изолированный индивид, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, а представляет собой совокупность общественных отношений. Таким образом, оказалось, что деятельность и сознание отдельных людей могут быть объяснены, только исходя из анализа общественных связей между людьми.

Так же методологически несостоятельны и попытки объяснить развитие производительных сил как их «самодвижение», игнорируя экономические условия, в которых осуществляется это развитие. К. Маркс всегда подчеркивал, что отношение людей к природе существует только через посредство их общественных связей и от-

ношений. Поэтому развитие производства материальных благ может быть объяснено лишь с учетом общественного бытия людей, экономических условий их деятельности. Никакого отступления от марксистской диалектики в таком понимании нет и не может быть.

В заключение нельзя не отметить, что взгляды А. И. Крылова не отличаются особой ясностью и последовательностью, а формулировки — точностью. Так, в конце статьи А. И. Крылова говорится, что «сам процесс труда, процесс активного воздействия людей на природу, процесс их борьбы является основным, хотя далеко не единственным источником развития производства, таящимся в самих производительных силах» (разрядка моя. — Д. У.).

Выше же (стр. 178) содержится утверждение, что борьба с природой «была и остается одним из основных (разрядка моя. — Д. У.) источников развития производительных сил». Естественно, что постановка вопроса в одном случае существенно отличается от постановки его в другом случае, и остается неясным, какова же точка зрения автора.

Нет ясности и еще в одном важном вопросе. А. И. Крылов пытается в ходе всей своей статьи доказать, что существуют источники развития производства, «содержащиеся в самих производительных силах». Таким источником развития производства автор статьи считает процесс труда, процесс борьбы человека с природой. Но разве не ясно, что труд, то есть воздействие человека на природу, нельзя считать тем, что «содержится в производительных силах»? Ведь труд есть процесс воздействия производительных сил (то есть орудий труда и людей, обладающих производственными навыками и приводящих эти орудия труда в действие) на природу. Следовательно, необходимой стороной всякого процесса труда являются не только производительные силы, но и природа, которая выступает как предмет труда¹. Выходит, что считать труд источником развития производства, «содержащимся в самих производительных силах», по меньшей мере неточно. Надо надеяться, что обсуждение вопроса об источниках развития производительных сил на страницах журнала «Вопросы философии» поможет выявить различные точки зрения и что в ходе дискуссии удастся сделать шаг вперед в разработке этой важной проблемы.

Д. М. УГРИНОВИЧ

¹ Предмет труда может быть уже про- фильрован человеческим трудом, но в общем плане это нисколько не меняет того факта, что в процессе труда производительные силы воздействуют на природу.

Несколько замечаний

В 3-м номере журнала «Вопросы философии» за 1957 год была помещена статья ленинградцев В. П. Рожина и В. П. Тугаринова «О противоречиях и движущих силах». Авторы этой дискуссионной статьи утверждали, что при социализме борьба противоположностей не является единственным источником развития, что силы единства, общности людей тоже являются источником развития и даже более действенным, чем первый. В качестве доказательства приводился момент единства в диалектическом законе единства и «борьбы» противоположностей. Это и некоторые другие положения статьи, мне кажется, не могут не вызвать возражений.

Момент единства в законе единства и «борьбы» противоположностей никак не может означать их соответствия, их примиримости. Как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе противоречия не могут быть примиримы, а должны быть преодолены (независимо от того, идет ли речь об антагонистических или неантагонистических противоречиях), как вполне справедливо заметил Н. К. Стефанов в статье «К вопросу о характере неантагонистических противоречий» в том же номере журнала «Вопросы философии».

Момент единства в упомянутом законе имеет в виду невозможность существования той или иной стороны противоречия без другой. Капиталистическое накопление не существует без обнищания пролетариата. Понятие нового, прогрессивного не имеет значения вне связи со старым, отсталым. В социалистическом обществе не может быть гармонического единства между новаторством и консерватизмом. Поэтому ссылка на единство противоположностей в доказательство того, что в социалистическом обществе источником и движущей силой развития являются не только противоречия, но также силы гармонии, единства, общности людей, является крайне неудачной.

В. П. Рожин и В. П. Тугаринов не правы, когда они сомневаются во всеобщности положения, что нет и не может быть развития без противоречий. С другой стороны, никто не станет отрицать того, что движущими силами нашего общества являются морально-политическое единство, дружба народов, советский патриотизм и т. д. Авторы статьи, по-моему, смешивают понятия «источник» и «движущая сила». И в социалистическом обществе источником развития является борьба противоположностей. Народ разрешает возникающие противоречия, а движущими силами, содействующими разрешению этих противоречий, являются мо-

рально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм, руководство КПСС.

Если мы представим себе, что в какой-либо отрасли советской жизни нет противоречий, то это будет означать, что люди удовлетворены данным положением вещей, не нуждаются в его изменении, в развитии. Без противоречий нет и развития.

Когда же имеются противоречия, возникает необходимость их разрешения, тогда вступают в действие движущие силы советского общества, которые содействуют разрешению противоречий и этим продвигают советское общество на высший этап.

Тт. Рожин и Тугаринов не согласны с теми, кто относит к разряду противоречий недостатки в нашей работе и трудности нашего движения по пути к коммунизму. Конечно, нельзя возводить в разряд социальных противоречий неполадки внутри какого-либо коллектива или предприятия, но не следует забывать, что эти неполадки порождаются все-таки противоречиями общественного характера. Это может быть противоречие между растущими потребностями населения и достигнутым уровнем развития производства или противоречие между отсталым и передовым и т. п.

Как много неполадок и трудностей от недостатка жилой площади! Они порождены противоречием между темпами промышленного строительства, ростом городского населения (за последние 30 лет более чем в 3 раза), с одной стороны, и строительством жилищ — с другой. Советский народ не удовлетворен данным положением. Под руководством Коммунистической партии он приступает к разрешению этого противоречия, ставя своей целью в 10—12 лет покончить с недостатком в жилищах. Так будет достигнута новая ступень в развитии нашего общества по пути к коммунизму. Не приходится сомневаться в том, что советский народ, движимый силами единства и гармонии, свойственными социалистическому строю, успешно разрешит и эту задачу.

Противоречия в социалистическом обществе не следует затушевывать. Они существуют и являются источником развития, побуждая советский народ к их разрешению. А самоотверженность, с которой народ, руководимый Коммунистической партией, борется за их преодоление, еще более подчеркивает животворное значение движущих сил социалистического общества: морально-политического единства, дружбы народов, советского патриотизма, руководящей роли КПСС.

С. Л. МАНЬКОВСКИЙ (г. Львов)

Диалектический материализм и гегелевская концепция совпадения диалектики, логики и теории познания

Одной из наиболее глубоких и плодотворных идей философии Гегеля является идея совпадения диалектики, логики и гносеологии. Эта идея, исторически подготовленная предшествующим развитием диалектики, была, однако, высказана Гегелем в весьма абстрактной, туманной, идеалистически-мистифицированной форме, поскольку Гегель рассматривал окружающую человека действительность не как независимую от мышления объективную реальность, а само мышление не как специфически человеческую деятельность, а как деятельность «абсолютной идеи». Тем не менее В. И. Ленин неоднократно отмечал, что, несмотря на идеалистическую мистификацию, гегелевская постановка вышеуказанной проблемы является теоретически исходным пунктом для марксистского, диалектико-материалистического ее решения. Так, например, ссылаясь на введение к третьему отделу «Субъективной логики, или учения о понятии» и на соответствующие параграфы «Малой логики» (§§ 213—215), Ленин указывал, что здесь дано «едва ли не самое лучшее изложение диалектики. Здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» («Философские тетради», 1947, стр. 165).

Знакомясь с указанными Лениным страницами «Науки логики» и «Логики» Гегеля, мы видим, что речь здесь идет об «идее», которая определяется, как **«адекватное понятие, объективная истина или истина как таковая»** (Гегель, Соч., т. VI, стр. 214). Адекватным Гегель называет понятие, содержанием которого является не внешняя, материальная чувственно-воспринимаемая реальность, а само мышление. Гегель прав, когда подчеркивает, что в понятии выражается внутреннее, существенное. Правильно также требование изучения самого понятия, познающего мышления, исследования процесса познания. В этом же смысле Гегель употребляет понятие объективной истины, имея в виду совпадение объекта познания с понятием, то есть такой объект познания, который сам является мышлением. Само собой разумеется, что это совпадение познания с понятием независимо от сознания познающего человеческого субъекта, и в этом смысле гегелевское понятие объективной истины содержит рациональное зерно. Следует, однако, постоянно иметь в виду,

что с точки зрения Гегеля **«нечто истинно лишь постольку, поскольку оно есть идея»** (там же). И, разъясняя это свое положение, Гегель подчеркивает: «Реальность, не соответствующая понятию, есть только **явление**, субъективное, случайное, произвольное, которое не есть истина» (там же, стр. 216).

Впрочем, и это положение косвенно указывает на необходимость соответствия понятия реальности, отменяя номиналистическую, а также концептуалистическую трактовку понятия и научной абстракции вообще.

В. И. Ленин, конспектируя раздел об «Идее» из «Науки логики» Гегеля, показывает, что гегелевская «идея» представляет собой мистифицированное изображение истории человечества, которое благодаря своей практической деятельности и познанию все глубже и глубже познает и преобразует окружающий мир и свое собственное бытие. Материалистически перерабатывая положения Гегеля, В. И. Ленин писал: «Идея (читай: познание человека) есть совпадение (согласие) понятия и объективности («общее»). Это — во 1-х. Во 2-х, идея есть **отношение** для себя сущей (==якобы самостоятельной) субъективности (==человека) к **отличной** (от этой идеи) объективности.

Субъективность есть **стремление** уничтожить это отделение (идеи от объекта).

Познание есть **процесс** погружения в неорганическую природу (ума) ради подчинения ее власти субъекта и обобщения (познания общего в ее явлениях)... Совпадение мысли с объектом есть **процесс**. Мысль (==человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль» («Философские тетради», стр. 167).

В свете этих ленинских указаний становится понятно не только то, как Гегель мистифицирует реальную историю познания (и составляющую ее основу историю материальной деятельности человечества), но и то, что в этой гегелевской концепции представляет собой «рациональное зерно», критически воспринятое и развитое диалектическим материализмом. Гегель вскрыл внутреннее единство между так называемой онтологией (учением о бытии, о сущности мира) и логикой, а также гносеоло-

гией, подвергнув глубокой критике метафизическое разграничение (а иногда и противопоставление) этих философских дисциплин и показав, что в основе своей они совпадают, поскольку учение о познании есть вместе с тем также обобщенное учение о тех явлениях и закономерностях мира, которые познаются, обнаруживаются в ходе исторического процесса развития познания. Логика, в частности, не есть просто наука о субъективных формах и правилах человеческого мышления. Ее предмет не может быть оторван от того, что постигается в логических формах, а последние нельзя рассматривать как безразличные к воплощенному в них содержанию.

Гегель решительно критиковал тех, кто не видел в логических формах ничего, кроме формальных функций мышления, и ограничивался лишь описанием этих функций. Само собой разумеется, что эта критика относилась не только к Канту (хотя к нему она относилась, конечно, в наибольшей мере), но и ко всей традиционной, формальной логике, начиная с Аристотеля. Указывая на то, что описание форм мышления, безотносительно к их содержанию, составляет выдающуюся заслугу последнего, Гегель вместе с тем требовал дальнейшего изучения форм мысли, исследования логически обобщенного в них содержания. Прежде всего, учил Гегель, необходимо выяснить, в какой мере эти формальные функции мышления «сами по себе соответствуют истине». В этой связи Ленин, с одной стороны, указывает на идеалистическую неясность, недоговоренность, мистику в гегелевской постановке вопроса, а с другой стороны, отмечает, что Гегель пытался понять логические формы как квинтэссенцию, результат подытожения истории мысли. «В таком понимании,— говорит В. И. Ленин,— логика совпадает с теорией познания. Это вообще очень важный вопрос» («Философские тетради», стр. 150).

Следует вообще сказать, что вопрос о совпадении диалектики, логики и гносеологии рассматривался Гегелем преимущественно в связи с разработкой диалектической логики. Создавая метафизически замкнутую философскую систему, претендующую на постижение абсолютной истины в последней инстанции, Гегель, естественно, не ставил вопроса о том, что само мировоззрение, философское понимание мира и познания, являясь подытожением истории познания, никогда не может быть завершено, ибо история познания и объект познания беспредельны. Так же мало интересовало Гегеля исследование диалектики перехода от чувственного опыта к абстрактному теоретическому мышлению. Гегель, как писал В. И. Ленин, не понял

этого диалектического, скачкообразного перехода, и это было неизбежно, поскольку мышление, понимаемое Гегелем как объективная сущность, субстанция вещей, рассматривалось им как основа представления, созерцания, чувственного восприятия мира. «Во всех формах духа — в чувстве, в созерцании, как и в представлении,— мышление составляет основу» (Гегель, Соч., т. III, стр. 103).

Конечно, вопрос о совпадении диалектики, логики и гносеологии включает в себя также исследование соотношения между диалектическими закономерностями самой объективной действительности и закономерностями ее отражения в гносеологии и логике. Но эти вопросы, естественно возникающие на базе материалистического понимания природы и ее познания, были едва лишь намечены Гегелем. И тем не менее гегелевская постановка проблемы совпадения диалектики, логики и гносеологии явилась одним из самых выдающихся достижений домарксистской философии.

Гегель исходил из тождества бытия и мышления, понимая это тождество в духе объективного идеализма, то есть рассматривая мышление (поскольку оно содержит в себе все многообразие действительности) не столько как способность, присущую индивиду, сколько как первоисточник, первосущность всего существующего, которая в человеке, в человеческой истории достигает высшей ступени своего развития и самосознания. Все существующее, с точки зрения Гегеля, представляет собой проявление этого вездесущего, сверхчеловеческого мышления (или «абсолютной идеи»), которое оказывается не только субъектом, но и объектом (субъект — объект, по терминологии Гегеля), не только знанием (и притом абсолютным), но и предметом познания, предметом философии.

Нельзя, конечно, отрицать, что изучение законов познания, мышления является одной из основных задач философии. Однако гегелевское идеалистическое понимание предмета философии неизбежно вело к мистификации им же самим поставленной проблемы совпадения диалектики, логики и гносеологии. Ярким примером этого может служить гегелевское понимание перехода от абстрактного к конкретному. Гегель правильно указывал, что развитие научного познания происходит от абстрактного, одностороннего, неполного знания, предполагающего расчленение рассматриваемого объекта на отдельные части, стороны и изучение каждой из них в отдельности, к конкретному знанию, в котором объединяются в единстве уже изученные отдельные, отвлеченные от целого стороны или части изучаемого объекта. «Конкрет-

ное, — писал Гегель, — есть единство различных определений, принципов; последнее, чтобы получить свое полное развитие и выступить со всей определенностью перед сознанием, должны быть сначала установлены и полностью развиты отдельно» (Hegel «Sämtliche Werke», Bd. 18, hrsg. von Glockner, S. 182).

Однако Гегель мистифицировал этот реальный познавательный процесс, придав ему онтологический характер, то есть изобразив переход от абстрактного к конкретному как возникновение и развитие самих вещей, как процесс самой действительности. Гегель, писал по этому поводу К. Маркс, ошибался, утверждая, будто «реальное следует понимать как результат себя в себе охватывающего (des sich in sich zusammenfassenden), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» (К. Маркс «К критике политической экономии», Госполитиздат, 1952, стр. 213—214).

В этих словах Маркса наглядно выражена противоположность диалектического материализма диалектическому идеализму в вопросе о совпадении диалектики, логики и гносеологии. По Гегелю, законы развития объективной действительности не существуют вне и независимо от «абсолютной идеи», то есть абсолютизированного мышления: объективная действительность растворяется Гегелем в этом сверхчеловеческом мышлении. И поскольку познание изображается Гегелем не только как субъективный, совершаемый человеком процесс, но вместе с тем и как онтологическая сущность объективного мира, постольку онтология у него не посредственно сливается с логикой и гносеологией. Вместо конкретного единства диалектики, логики, теории познания, единства, не исключającego определенного различия (достаточно вспомнить то, что Энгельс говорил о различии между объективной и субъективной диалектикой), получается полное тождество, в котором исчезает различие между субъектом и объектом, мышлением и бытием, отражением и объективной реальностью.

Между тем сложность вопроса о совпадении диалектики, логики и гносеологии заключается, в частности, в этих указанных выше различиях, в том, что законы бытия не могут быть выведены из мышления; они лишь отражаются в мышлении в присущих ему логических формах, категориях и т. д. Из того, что мышление,

наука отражают, познают формы существования материи, никоим образом, конечно, не следует, что эти формы бытия материи (например, движение, время, пространство) проистекают из мышления, порождены им. Научное решение проблемы совпадения диалектики, логики, гносеологии обязано в полной мере учесть специфику процесса познания как отражения внешнего мира в сознании человека, которое в отличие от мифической «абсолютной идеи» исторически ограничено, существует во времени и в пространстве и познает окружающую действительность прежде всего потому, что она воздействует на органы чувств человека.

Гегель, конечно, понимал, что чувственные восприятия являются непосредственной связью человека с окружающими его внешними материальными предметами. Соответственно этому Гегель оценивал эмпиризм как необходимый момент процесса познания. Однако Гегель отождествлял эмпиризм и сенсуализм с метафизическим пониманием процесса познания, а непосредственное чувственное отношение человека к внешнему миру рассматривал как видимость, которую необходимо разоблачить. Так, в начале «Феноменологии духа» Гегель, как известно, анализирует чувственное отношение субъекта к предмету, который, как это представляется субъекту, «существует независимо от того, знают ли его или нет; он остается, если его и не знают, но знания нет, если нет предмета» («Феноменология духа», 1913, стр. 44). Однако дальнейший анализ так называемой чувственной достоверности приводит Гегеля к выводу, что предмет чувственного восприятия не есть что-то определенное, а, напротив, что он есть неопределенное «это», «здесь», «теперь», которое может быть отнесено к любому предмету и прежде всего указывает на существование субъекта. «Ее истина (истина чувственной достоверности. — Т. О.), — говорит Гегель, — заключается в предмете, как **моем** предмете, или в том, что **думают** о нем: он есть, потому что я знаю о нем» (там же, стр. 45).

Таким образом, существование предмета, независимого от сознания, объявляется видимостью, а материалистический сенсуализм характеризуется как точка зрения обывденного, чуждого философии сознания.

Отвергая материалистический сенсуализм, Гегель отрицал тем самым и теорию отражения. Понятие отражения (рефлексии) употреблялось Гегелем лишь для характеристики соотношения различных, обуславливающих друг друга, сторон сущности. В этом смысле Гегель говорил, что в сущности «все положено как некое **бытие**

рефлексии, бытие, которое отражается, видимо в другом, и в котором отражается, видимо другое» (Соч., т. I, стр. 195).

Это идеалистическое извращение понятия отражения объясняется у Гегеля тем, что познавательный процесс выступает в его философии как процесс, внутренне присущий самим вещам, природе, что опять-таки является идеалистическим извращением несомненного факта объективной необходимости познания как процесса, исторически обусловленного развитием природы, человека, общества и неотделимого от породившей его материальной действительности. Однако совершенно очевидно, что, с точки зрения Гегеля, не понятия или представления являются отражениями материальных предметов, а, наоборот, материальные предметы суть «отражения» понятия. Именно поэтому в своей «Философии природы» Гегель стремился «найти в этом внешнем бытии лишь зеркало нас самих, увидеть в природе свободный рефлекс духа...» (Соч., т. II, стр. 549—550). Он прямо утверждал: «Образы природы суть только образы понятия, но в стихии внешнего бытия...» (там же, стр. 549).

Эти гегелевские положения наглядно говорят об отмеченном Лениным идейном родстве между идеализмом Гегеля и идеализмом Платона, у которого материальные вещи являются бледными, несовершенными, искаженными образами потусторонних идей, понятий.

Отмечая отрицательное отношение Гегеля к материалистическому сенсуализму, к материалистической теории отражения, что, несомненно, делало невозможным научную разработку вопроса о совпадении диалектики, логики и гносеологии, мы должны вместе с тем со всей определенностью отличать объективное содержание философии Гегеля от ее субъективной формы изложения. Дело в том, что благодаря диалектическому пониманию форм мышления Гегель ближе, чем предшествующие мыслители, подошел к уяснению их действительного отношения к объективной действительности. Прежде всего Гегель покончил с тем традиционным представлением, согласно которому логика есть учение об одних лишь субъективных формах мышления. Выступая против кантовского понимания логических форм как априорных и, следовательно, субъективных, Гегель стихийно подошел к правильному пониманию логических отношений, как форм отражения объективной реальности, хотя и выразил это сугубо идеалистически.

Ярким примером этого может быть известное положение Гегеля о том, что все вещи представляют собой умозаклучения. Приводя это на первый взгляд совершенно нелепое положение, В. И. Ленин заме-

чает: «Очень хорошо! Самые обычные логические «фигуры» — (все сие в § о «первой фигуре заключения») суть школьно размазанные, *sit venia verbo*, самые обычные отношения вещей» («Философские тетради», стр. 152). Несколько ниже, в том же конспекте «Науки логики», характеризуя гегелевский переход от умозаклучения по аналогии к умозаклучению необходимости, В. И. Ленин писал: «Гегель действительно **доказал**, что логические формы и законы не пустая оболочка, а **отражение** объективного мира. Вернее, не доказал, а **гениально угадал**» («Философские тетради», стр. 155).

Таким образом, хотя Гегель и отвергал материалистический принцип отражения в гносеологии, он стихийно приходил к выводам, подтверждающим и развивающим этот принцип применительно к труднейшему вопросу о формах мышления, об их отношении к формам бытия.

Выступая против субъективистского, формалистического истолкования логических форм, получившего наиболее яркое выражение в философии Канта, Гегель не ограничивал логические формы одними лишь суждениями, умозаклучениями и т. п. Как известно, он весьма широко понимал формы мышления, относя к ним все наиболее общие понятия, категории, отражающие наиболее общие и существенные связи и отношения между явлениями. Именно поэтому Гегель включил в свою логику понятия количества, качества, меры, сущности, противоречия, основания, явления, видимости, причинности, действительности, необходимости, свободы и т. д. При этом, в отличие от Канта, который также занимался в своей трансцендентальной аналитике такого рода понятиями, Гегель рассматривал все эти категории не как априорные, субъективные формы человеческого мышления, а как определения самих вещей, независимых от человеческого произвола. Гегель также включил в свою логику понятия механического и химического процессов, жизни, целесообразной деятельности.

Таким образом, Гегель ставил своей задачей анализ движения и взаимоотношения всех категорий науки, поскольку логика должна быть наукой «о знании в полном объеме своего развития». Ленин считал это определение логики гениальным. Столь же высоко оценивал В. И. Ленин включение в логику категории жизни и гегелевскую постановку вопроса о месте практики в диалектической логике. Без этих категорий диалектическая логика не может отразить прогрессивного развития, которое с необходимостью приводит к возникновению жизни, человека, целесообразной практической деятельности, познания

Конечно, не следует забывать, что, включая в логику так называемые онтологические категории, Гегель не ограничивался одной лишь постановкой проблематики диалектической логики, но вместе с тем обосновывал свою систему абсолютного идеализма, превращающего действительную историю в историю самопознания, саморазвития понятия, в котором якобы проявляется и сознает самое себя пресловутая «абсолютная идея». Разоблачая гегелевскую мистификацию объективной действительности и ее отражения в сознании людей в ходе исторического развития процесса познания, марксистско-ленинская философия материалистически решает вопрос о диалектическом отношении между объективным историческим процессом и процессом познания. С этих позиций оценивает диалектический материализм положения Гегеля о связи, взаимопревращении, движении, развитии понятий.

Характеризуя основные проблемы диалектической логики, В. И. Ленин писал: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковы понятия, законы etc. (мышление, наука — «логическая идея») и **охватывают** условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» («Философские тетради», стр. 156).

Но если научное познание объективной действительности не может быть непосредственным ее отражением, если оно неизбежно носит опосредованный характер, то отсюда, конечно, следует, что научные знания всегда представляют собой определенные ступени развития познания, переход от незнания к знанию, от одного знания к другому, более глубокому. Это означает также, что всякое знание должно рассматриваться в отношении к другому, предшествующему знанию, ибо познание любого объекта науки есть результат ее собственного развития. То же относится и к категориям, которые представляют собой логически обобщенное содержание исторически развивающегося познания. Но история познания беспредельна, поэтому и категории как логические формы всеобщности должны изменяться, развиваться. Даже эмпирические открытия тех или иных объектов в географии, астрономии и других науках являются в конечном счете результатом развития этих наук. Тем более это относится к основным понятиям той или иной науки, в особенности же философии. Само собой разумеется, что понятие атома или молекулы предполагает прежде всего

объективное существование этих материальных частиц, ибо оно, это понятие, отражает объективный факт существования атомов и молекул. Но столь же очевидно, что научное отражение данного объективного факта является следствием исторически развивающегося познания. В этом смысле современное научное понятие атома или молекулы является итогом истории познания.

Критически перерабатывая диалектику Гегеля, Ленин постоянно подчеркивал, что существующее на данном этапе развития научное понимание объективной действительности является вместе с тем подытожением истории познания реального мира, истории наук и многообразной практической деятельности людей. Именно в силу исторического развития познания, без чего оно не может правильно отражать внешнюю действительность, научное, диалектико-материалистическое миропонимание является вместе с тем и научным пониманием процесса познания. Так, например, история физики не только исторически раскрывает свой объект и дает его научное понимание; она раскрывает вместе с тем процесс познания физических законов и его особенности, возникновение и развитие категорий физики, взаимосвязь этих категорий и т. д.

Теория познания с точки зрения диалектического материализма не может быть не чем иным, кроме как подытожением истории познания, истории наук и практической деятельности людей, ибо только благодаря такому подытожению действительной истории, реального опыта познания могут быть решены коренные гносеологические проблемы, не говоря уже о тех вопросах теории познания, сама постановка которых непосредственно связана с определенными этапами развития научного познания и общественной практики.

Этим, собственно, и отличается теория познания диалектического материализма от психологического учения о познании, которое занимается исследованием соответствующих психических функций человека, а не изучением совершаемого человечеством исторического процесса перехода от незнания к знанию, от одного знания к другому, более глубокому. Диалектический материализм, конечно, не может игнорировать данные психологии и в особенности данные психологического учения о познании, имеющие громадное значение для диалектико-материалистической гносеологии. Однако отсюда, несомненно, следует, что изложение гносеологии диалектического материализма нельзя превращать в пересказ психологического учения об ощущении, восприятии, мышлении, как это

сплошь и рядом делается во многих популярных брошюрах и статьях по теории познания.

То, что говорилось о теории познания, относится и к диалектической логике, категории которой представляют собой узловые пункты, основные ступени исторического процесса познания. Этот процесс подытоживается диалектической логикой с точки зрения выявляющихся и развивающихся в нем логических форм и категорий и их отношения друг к другу. Отсюда, правда, не следует делать вывод, что для диалектического материализма не существует специфических философских проблем материалистической диалектики как теории развития объективного мира, специфических проблем диалектической логики и теории познания. Однако эти специфические проблемы существуют лишь в рамках общего единства, поскольку одни и те же общие законы развития определяют материальные процессы и их идеальное отражение в познании, поскольку категории, отражающие наиболее общие связи и отношения объективной действительности, являются вместе с тем также категориями логики и гносеологии диалектического материализма. Эту последнюю сторону подчеркивал Ленин в «Философских тетрадах», материалистически истолковывая рациональные моменты в гегелевской идеалистической концепции развития как самопознания.

Таким образом, единство диалектики, логики, гносеологии не есть мертвое, абстрактное тождество, лишенное различий. И говоря вслед за Лениным, что не надо трех слов для обозначения одного и того же, мы имеем в виду лишь то, что диалектика, диалектический материализм есть не только учение о наиболее общих законах развития объективного мира, но вместе с тем и гносеология и логика.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин, материалистически перерабатывая гегелевскую концепцию закона, подчеркивает объективность закона как вне и независимо от сознания существующего отношения сущностей, а с другой стороны, столь же решительно указывает, что понятие закона, познание законов действительности есть определенная ступень исторически развивающегося познания, далеко не исчерпывающая познания явлений и существенных отношений вообще. Это значит, что любой закон науки, скажем, закон физики или химии, выражает объективные реальные существенные отношения, но выражает их относительно, соответственно имеющимся объективным условиям познания, и представляет собой, следовательно, хотя и объективную, но относительную истину, то есть определенную ступень, ко-

торой достигает познание и которую оно в дальнейшем должно превзойти.

Материалистически истолковывая гегелевскую концепцию причинности, Ленин в отличие от Гегеля указывал, что причина и действие — реальные моменты всеобщей связи явлений природы и общества. Подчеркивая рациональное в гегелевском понимании причинности, Ленин отмечал, что каузальность лишь односторонне, неполно, отрывочно выражает всесторонний, всеобъемлющий характер мировой связи явлений. «Каузальность, обычно нами понимаемая, — писал Ленин, — есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи» («Философские тетради», стр. 136).

Эта характеристика каждой категории с точки зрения ее объективно-диалектического содержания и с точки зрения гносеологической, как определенной ступени в процессе познания, наглядно характеризует применение диалектическим материализмом принципа единства диалектики, логики и теории познания. Совершенно очевидно, что в таком своем применении этот принцип означает подлинно диалектический подход к изучению действительности и самого процесса познания, подход, исключающий всякий догматизм и какую бы то ни было абсолютизацию достигнутых результатов познания, всякие уступки абсолютному релятивизму, субъективизму, агностицизму.

Однако этим не исчерпывается применение вышеуказанного принципа, поскольку задача заключается не только в том, чтобы, вскрыв объективное содержание данной категории, подчеркнуть ее относительность как ступеньки познания, но и в том, чтобы действительно определить ее место среди других категорий, ее отношение к этим категориям. Когда речь идет, например, о категории причинности, следует определить ее отношение к таким категориям, как необходимость, взаимодействие, основание и т. д. Равным образом мало указать, что категория «действительность» имеет такое-то объективное содержание и является определенной ступенью в процессе углубления познания. Для того, чтобы эта объективно-диалектическая и гносеологическая характеристика была научно правильной, следует показать, в каком отношении находится категория действительности не только к категории возможности, но и к таким категориям, как существование, необходимость, явление и сущность, противоречие, развитие и т. д.

Анализируя отношение между категориями, а тем самым определенную систему

категорий, находящихся в отношениях координации и субординации, мы неизбежно должны рассматривать движение понятий, их взаимопереходы, то есть формулировать понятия диалектически, не как застывшие, а как подвижные, гибкие, способные переходить в другие понятия. Недостаточно, следовательно, рассматривать категории лишь с точки зрения их взаимной связи, взаимозависимости. Необходимо и к категориям подходить с точки зрения движения, изменения, развития. Поэтому, материалистически истолковывая идеалистическое учение Гегеля о саморазвитии понятия, Ленин писал: «Диалектика вообще есть «чистое движение мысли в понятиях» (т. е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения **движения** понятий, их связи, их взаимопереходов)» («Философские тетради», стр. 237).

Весьма характерно, что диалектическое требование подвижности, изменчивости, короче говоря, диалектичности понятий, Ленин рассматривал как последовательное проведение принципов материализма в гносеологии и логике, ибо материализм, как известно, требует соответствия сознания бытию, отражения сознанием, мышлением, понятиями бытия, которое диалектично по самой своей природе. Как известно, метафизический материализм не мог последовательно провести этот принцип отражения в гносеологии. Что же касается Гегеля, то он в извращенной, идеалистической форме вскрыл единство движения в мышлении (в понятиях) и в бытии. В этом смысле Энгельс говорил, что философия Гегеля — поставленный на голову материализм. И Ленин в «Философских тетрадах» именно в связи с гегелевским учением о понятии подчеркивает правильность и глубину этой мысли Энгельса.

Указывая на значение гегелевского положения о движении понятий, Ленин отмечает, что последовательное проведение материалистического принципа отражения неизбежно приводит к этому положению: «...Если **все** развивается, то относится ли сие к самым общим **понятиям** и **категориям** мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» («Философские тетради», стр. 239).

Ленин видит заслугу Гегеля не только в том, что он доказал объективность и существенность внутренних противоречий,

всеобщий и существенный характер движения, изменения, развития, гениально угадал наиболее общие законы развития, но и в том, что он сумел выразить эту объективную диалектику в логике понятий, то есть дать диалектическую логику. Ведь начиная с древнегреческой философии многие философы, обнаруживая противоречия движения или процесса познания, приходили к метафизическому отрицанию движения, к агностицизму, к иррационализму. Конспектируя «Историю философии» Гегеля и рассматривая знаменитые апории Зенона Элейского, Ленин с полным основанием отмечает: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий» (там же, стр. 240). Гегель ответил на данный вопрос, поставленный еще античностью. Этим ответом было создание диалектической логики, обоснование единства диалектики, логики и теории познания.

Известно, что система Гегеля в противоположность его методу носила консервативный, догматический характер. В своей логике, философии природы, философии духа Гегель претендовал фактически на исчерпание всего человеческого знания, во всяком случае в отношении его принципов, теоретических основ. И это неизбежно вытекало из исходных положений абсолютного идеализма, поскольку история познания (и вся история вообще) сводилась в конечном счете к постепенному осознанию «абсолютной идеи» своей собственной сущности и всего заключающегося в ней — вне времени и пространства — богатства и многообразия развития.

Не трудно понять, что противоречие между методом и системой в гегелевской философии прямо и непосредственно указывало на то, что Гегель не мог последовательно провести в рамках своего философского учения сформулированный им принцип тождества диалектики, логики и теории познания. Ведь с точки зрения этого принципа всякое знание (будь оно даже абсолютной истиной) должно рассматриваться как определенная ступень в историческом развитии, а категории, посредством которых познается и формулируется то или иное содержание, должны соотноситься с другими категориями, то есть также оцениваться как определенные ступени в развитии познания. Между тем у Гегеля познание и развитие завершаются абсолютным знанием, поскольку «абсолютная идея» постигает самое себя, а тем самым и свое «отчуждение», «инобытие» и т. д.

Необходимо, далее, отметить, что Гегель в силу принятого им идеалистического исходного пункта, а также следуя давно установившейся философской традиции, реши-

тельно противопоставлял философию другим наукам, утверждая, что только философия имеет своим единственным предметом истину, в то время как в других науках истина не существует в чистом виде и как бы оказывается на втором плане по сравнению с другими, не относящимися к истине соображениями, претензиями, намерениями. Естественно поэтому, что Гегель противопоставлял естествознанию философию природы, истории как науке — философию истории, правоведению — философию права и т. д. По мнению Гегеля, только в философии (вернее, только в идеалистической спекулятивной философии), поскольку в ней имеет место анализ понятий и предметом познания является процесс мышления, происходит диалектический процесс познания; что же касается других наук, в особенности же тех, которые имеют дело с материальными объектами, то они по самой своей природе недиалектичны. Соответственно этому Гегель считал, что совпадение диалектики, логики и гносеологии имеет место лишь в философии, и то лишь постольку, поскольку предметом ее является мышление, познание. Это, конечно, было грубой ошибкой, неизбежной для идеалистической спекулятивной философии.

В противоположность гегелевской философии диалектический материализм последовательно проводит принцип единства диалектики, логики и гносеологии в философии. Проведение этого принципа в философии означает не только отказ от догматизма и догматических претензий на абсолютное знание и абсолютную истину в последней инстанции, но и положительную разработку, развитие, обогащение, уточнение и конкретизацию всех без исключения положений, законов, категорий диалектического и исторического материализма. Именно поэтому диалектический материализм не является наукой наук, противостоящей другим, якобы «конечным» и ограниченным наукам. Как и все науки, диалектический материализм развивается, обогащается новыми данными, углубляет, уточняет, конкретизирует свои положения и выводы.

Еще более важным является то, что марксистско-ленинская философия требует проведения принципа единства диалектики, логики и теории познания во всех науках без исключения. В. И. Ленин говорит: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» («Философские тетради», стр. 122). Это значит, что любое положение, понятие, закон в любой науке должны рассматриваться, во-первых, с точки зрения их объективного содержания

(отражение объективной реальности); во-вторых, гносеологически, как определенный этап развития познания, как переход от одного знания к другому, более глубокому; в-третьих, с точки зрения диалектической логики, анализирующей взаимосвязь и движение категорий, независимо от того, являются ли они общезначимыми философскими категориями или же основными понятиями какой-либо отдельной науки, такими, как масса, инерция, скорость, ускорение в механике.

Так, например, положение Галилея о том, что скорость падающего тела не зависит от его формы и массы, правильно, поскольку оно абстрагируется от среды, в которой происходит падение тела. Это положение классической механики, хотя и имевшее в виду падение тела в безвоздушном пространстве, является приблизительно верным отражением реального процесса падения тел, как оно происходит в природе. Известно, что данный закон Галилей вывел опытным путем, бросая вниз различные предметы с знаменитой наклонной башни в Пизе. Однако современная аэродинамика рассматривает галилеевский закон падения тел лишь как определенную ступень в познании этого процесса, поскольку ей приходится учитывать и тяжесть, и форму падающего предмета, и, наконец, среду, состояние атмосферы, то есть все те факторы, которые игнорировались классической механикой.

Так исторически развивается познание определенной закономерности и обобщение, подытоживание исторического процесса познания, изучение связанных с этим процессом категорий классической механики и свойственных им отношений координации и субординации, наглядно раскрывается существо диалектико-материалистического применения принципа единства диалектики, логики и гносеологии в специальных областях знаний. С этой же точки зрения должны быть рассмотрены отношения между евклидовой и неевклидовой геометрией, классической и современной, квантовой механикой как ступенями исторически развивающегося процесса познания. Так, если в классической механике категории массы и скорости выступают как не связанные друг с другом, не имеющие друг к другу никакого отношения, то в квантовой механике они, напротив, неразрывно друг с другом связаны.

Вопрос о применении принципа единства диалектики, логики, гносеологии к специальным областям знания, поставленный В. И. Лениным в «Философских тетрадах», открывает величайшие перспективы перед познанием в любой отрасли науки. Исходя из этой точки зрения, Ленин еще в «Ма-

териализме и эмпириокритицизме» указывал, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Гениальное ленинское философское понятие материи также теоретически основывается на этом диалектическом понимании природы объекта и его научного познания, поскольку Ленин подчеркивает, что любое естественнонаучное учение о материи не исчерпывает всех ее свойств, а является определенной ступенью развития познания материи, которая неизбежно подвергнется отрицанию в диалектическом смысле этого слова последующими результатами познания. Отсюда следует, что понятие материи, действительно охватывающее все ее состояния и свойства, в том числе и те, которые еще неизвестны науке, может быть лишь гносеологическим понятием, гносеологической категорией. Последнее, конечно, несколько не исключает необходимости указания в философском учении о материи всех тех ее атрибутов (движение, существование в пространстве и времени, молекулярная, атомистическая структура и т. п.), на которые указывает развивающееся естествознание.

Итак, материалистически разрабатывая принцип единства диалектики, логики и гносеологии, Ленин в противоположность Гегелю показывает необходимость проведения этого принципа в каждой науке. Отмечая, что «Наука логики» Гегеля является обобщением истории мысли, Ленин подчеркивает, что закономерности, характеризующие общий ход всего человеческого познания, всей науки вообще, имеют место и в каждой отдельной науке, например, в естествознании, политической экономии, истории. «Чрезвычайно благодарной,— указывает Ленин,— кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на истории отдельных наук» («Философские тетради», стр. 214).

В этом плане необходимо понимать и известное указание Ленина о том, что в «Капитале» Маркса применена к одной науке — политической экономии — диалектика, логика и теория познания. «Маркс,— указывает В. И. Ленин,— применил диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономии» (там же, стр. 153). Достаточно сравнить диалектико-материалистическую, строго

историческую трактовку экономических категорий (труд, стоимость, капитал, деньги и т. д.), которую дает Маркс в своем «Капитале», с той трактовкой этих категорий, которую мы находим у классиков английской политической экономии, чтобы стало вполне очевидно, что означает применение принципа единства диалектики, логики и теории познания к политической экономии.

И именно потому, что «Капитал» Маркса является величайшим образцом такого рода диалектико-материалистического исследования, благодарной задачей для нас, советских философов, является изучение и популяризация этого образца, исследование в нем диалектики, логики и гносеологии, которые представляют собой нечто единое, именно материалистическую диалектику в ее творческом развитии и конкретном научном применении. Решение поставленной Лениным задачи необходимо как для развития диалектического материализма, так и для развития всех других наук, для преодоления тех метафизических трудностей, которые и по сей день в известной мере тормозят их развитие, для осознания их проблематики и общих путей ее исследования. Этого требовал Ленин, это является одним из его заветов в области философии. Достаточно напомнить в этой связи ленинский план дальнейшей разработки теории познания диалектического материализма, изложенный в «Философских тетрадях». Ленин, как известно, указывал на необходимость диалектико-материалистического подытожения и анализа истории философии, истории отдельных наук, истории умственного развития ребенка и животных, истории языка, психологии, физиологии органов чувств, истории познания вообще. Перечислив ряд научных дисциплин, развитие которых в первую очередь должно быть подытожено диалектическим материализмом, Ленин указывал: «Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (стр. 297). В этих словах Ленина намечена великая программа научно-исследовательской работы, выполнение которой является жизненной необходимостью для марксистско-ленинской философии.

Т. И. ОЙЗЕРМАН

К вопросу о национальном своеобразии искусства

Вплоть до конца XVIII века как идеалистическая, так и материалистическая эстетика не уделяла внимания особенностям художественного творчества различных народов, считая их неправомерным отступлением от единых для всего чело-

вечества законов искусства. Объясняется это, во-первых, относительной неразвитостью самих наций и их национального самосознания и, во-вторых, господством метафизических принципов мышления в философии и науке этой эпохи.

Завершение процесса формирования буржуазных наций в главных европейских странах, развитие национального самосознания народов, связанное, например в России, с Отечественной войной 1812 года, и становление диалектического метода в философии и эстетике неизбежно должны были в корне изменить отношение к проблеме национального своеобразия искусства. Действительно, в начале XIX века в Германии, во Франции, в России эстетика романтизма не только ставит этот вопрос, но и делает его одним из центральных в теории искусства. В этом состоит неоспоримая историческая заслуга эстетики романтизма, несмотря на то, что она не дала и не могла дать научного решения проблемы.

В последующем развитии эстетики XIX—XX веков можно выделить два основных и прямо противоположных по своему существу подхода к исследованию национального своеобразия искусства. Один из них приобретал все более откровенный расистский характер. Так, уже в теории искусства Ипполита Тэна значительную роль играет расовый момент. Генрих Вёльфлин в последний период своей деятельности выдвинул явно расистскую концепцию развития искусства. В эпоху империализма влияние фашистской идеологии в крупнейших капиталистических странах обусловило все более широкое распространение в эстетике расистских и космополитических концепций, извращающих действительную сущность вопроса о национальном содержании искусства.

Иной подход к решению интересующей нас проблемы был свойствен представителям прогрессивного направления эстетики XIX века в странах Западной Европы и в России. Яснее всего он проявился в эстетическом учении русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова — и в критических статьях их последователей — В. В. Стасова, И. Н. Крамского, А. Н. Серова.

Наиболее обстоятельно вопрос о национальном своеобразии искусства был исследован В. Г. Белинским. Не вдаваясь сейчас в детальное рассмотрение того, как решал он этот вопрос в разные периоды своей деятельности, отметим лишь, что для Белинского проблема национального своеобразия искусства была теснейшим образом связана с проблемой народности искусства — вплоть до того, что самые термины «народность» и «национальность» использовались им обычно как синонимы. Правда, русскому языку в прошлом столетии вообще не была свойственна отчетливая дифференциация этих терминов (см., например, их истолкование у Даля). Но в

эстетике Белинского это имело принципиальное теоретическое значение, ибо он исходил в своих взглядах на искусство как раз из утверждения неразрывной связи его национальной самобытности и его демократизма, причем конкретным художественным выражением этой связи основоположник русской революционно-демократической эстетики считал реализм.

Но еще два момента во взглядах Белинского на существо рассматриваемой нами проблемы имеют для нас сегодня особый интерес: это, во-первых, истинно диалектическое понимание взаимоотношения национального и общечеловеческого, интернационального в искусстве и, во-вторых, утверждение, что национальное своеобразие искусства проявляется и в его содержании и в его форме.

Все эти положения эстетики Белинского были развиты в дальнейшем Чернышевским и Добролюбовым, которые еще более последовательно раскрывали революционный смысл такого понимания «народности» литературы и искусства.

Однако учение русской революционно-демократической эстетики о национальном своеобразии искусства при всей его глубине не могло дать последовательно-научного решения этой проблемы, так как опиралось оно на идеалистическое в основе своей понимание истории человеческого общества. Только марксизм создал истинно-научное, диалектико-материалистическое учение о нации и тем самым позволил эстетике сделать новый шаг в истолковании национального своеобразия искусства.

Стремясь использовать эти возможности, советские ученые освещали вопрос о национальном своеобразии литературы и искусства с позиций ленинского учения о «двух нациях» в каждой нации и «двух культурах» в каждой национальной культуре в эпоху капитализма и руководствовались формулой И. В. Сталина, согласно которой советская культура является социалистической по содержанию и национальной по форме. Важнейшим завоеванием нашей науки об искусстве явилось, таким образом, то, что она раскрыла взаимосвязь национального и классового, национального и интернационального. Однако в этом направлении сделаны еще только первые шаги. До сих пор остается неясным, в чем конкретно проявляется в искусстве его национальное своеобразие, как конкретно выражается в нем диалектика национального, классового и общечеловеческого, интернационального. Решению этих задач препятствовало, в частности, механическое применение к искусству положения о социалистическом содержании и национальной форме советской культуры, ибо представление, будто искусство является на-

циональным только по форме, запутывало теоретиков и сбивало с толку художников.

Перенос на искусство ту совершенно правильную характеристику, которую И. В. Сталин дал культуре, наши теоретики исходили из того, что искусство является составной частью культуры. Однако при этом упускалось из виду, что далеко не всегда мы имеем право переносить на часть какого-то явления ту характеристику, которая дается целому. Ведь наука, например, является такой же частью культуры, как и искусство, но никто не станет утверждать, что физика или математика национальны по форме и классовой по содержанию. Это соображение заставляет заключить, что возможность или невозможность применения тех или иных определений культуры, взятой как целое, в основных ее закономерностях, к различным частям культуры должна определяться не формально-логическими рассуждениями, а исследованием сущности каждого данного раздела культуры во всем его своеобразии¹.

В последнее время в ряде статей, опубликованных, например, в журналах «Коммунист» и «Дружба народов», было отмечено, что нельзя сводить вопрос о национальном своеобразии искусства только к национальным особенностям его формы, так как и в содержании искусства проявляются национально-специфические моменты. Проблема эта крайне важна и нуждается в специальном рассмотрении. В данной статье и делается попытка выяснить, в каких же сторонах искусства выявляется его национальное своеобразие и как связано в нем национальное и классовое, национальное и интернациональное.

* * *

Обратимся прежде всего к рассмотрению под этим углом зрения содержания искусства. Обладает ли оно национальным своеобразием?

Поскольку искусство является отражением жизни и одновременно ее истолкованием, осмыслением и оценкой, постольку его содержание имеет две стороны — объективную и субъективную. Содержание искусства целостно, однако научное исследование допускает расчленение целого на составляющие его части. Поэтому мы начнем с рассмотрения того, что называют «жизненным содержанием» искусства.

На протяжении длительного исторического процесса формирования и развития

наций жизнь каждого народа приобретала целый ряд черт, отличающих ее от жизни других народов. Отражая жизнь, искусство запечатлевает в своем содержании эту ее национальную конкретность. Если мы сравним «Дон-Кихота», «Мертвые души», «Утраченные иллюзии» и «Ярмарку тщеславия», то станет очевидным, что исходные различия между этими произведениями состоят в особом жизненном содержании каждого из них. Именно так ставил вопрос Чернышевский, говоря, например, о значении «Евгения Онегина» и «Минны фон Барнгельм». Это были, утверждал он, первые произведения в истории русской и немецкой литератур «с содержанием, взятым из национальной жизни» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., Гослитиздат, т. IV, 1948, стр. 150).

Действительно, те проблемы, которые ставит в своих произведениях художник, всегда выдвигаются жизнью данного народа, особенностями общественного развития страны в данную эпоху. Разумеется, проблемы эти могут быть созвучны и жизни других народов; они могут захватывать общие вопросы жизни человека, отношений между людьми, отношений человека к природе, и художественные произведения, в которых они поставлены, могут представлять живой интерес для людей многих стран и эпох. Именно таково содержание великих произведений искусства, создаваемых гениями. Но бесспорно и то, что любая проблема, имеющая самое широкое значение, ставится по-своему в жизни каждого народа.

Так, противоречия, свойственные характеру Печорина или Рудина, были присущи, конечно, не только представителям русской дворянской интеллигенции. Разрыв между тем, на что человек способен, и тем что он делает, между возвышенными замыслами и мелкими поступками, между духовной силой и практическим бессилием встречается повсеместно. Во многих странах художники обращали внимание на эту коллизию и раскрывали ее в своих произведениях. Но только в русской литературе первой половины XIX века проблема эта привлекала внимание всех крупных писателей. Объяснение этому мы можем найти только в особенностях общественного развития России.

Тема Дон-Жуана общечеловеческая. Но нетрудно увидеть особую трактовку этой темы в произведениях Мольера, Байрона и Пушкина, в каждом случае национально-своеобразную, отражающую особенности национального развития трех различных народов.

Октябрьская революция с особой остротой выдвинула проблему раскрепощения женщины. Процесс раскрепощения интенсивно развертывался и в центре России, и

¹ Редакция считает, что автор без достаточного основания отрицает правильность положения о социалистическом содержании и национальной форме советского искусства.

на Кавказе, и в Средней Азии, однако он по-разному протекал и имел разную степень остроты в различных советских республиках. Закономерно поэтому, что картина С. Чуйкова «Дочь Советской Киргизии» имеет ряд общих черт с женскими образами, созданными в 20-е годы Н. Касаткиным и Г. Ряжским, но вместе с тем она во многом от них отличается. И дело тут не только в том, что героиня Чуйкова — девочка-киргизка, национальный облик которой блестяще изображен живописцем. Дело в том, что духовное содержание созданного Чуйковым образа национально определено. Эпическая монументальность этого образа порождена историей народа, дочери которого веками терпели бесправие национальное, социальное и женское в особых исторических формах и потому с особенной гордостью переживают свое освобождение в эпоху социализма.

Уже из этих примеров можно сделать вывод, что глубокое проникновение художника в национальное содержание изображаемой жизни придает национальное своеобразие и содержанию его произведений. В этом смысле весьма поучителен анализ драматургии Г. Ибсена, который проделал Ф. Энгельс. «Норвежский крестьянин, — писал он П. Эрнсту, — **никогда не был крепостным**, и это обстоятельство — как в Кастилии — накладывает свою печать на все развитие. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — **настоящий человек** по сравнению с жалким немецким мещанином. Точно так же норвежская женщина из мелкобуржуазной среды стоит неизмеримо выше немецкой мещанки. И каковы бы ни были недостатки ибсеновских драм, в них все же отображен — хотя и маленький, среднебуржуазный, — но неизмеримо выше немецкого стоящий мир, в котором люди еще обладают характером, способны к инициативе и действуют самостоятельно, хотя часто и причудливо с точки зрения иноземного наблюдателя» («К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», 1938, стр. 30).

Именно эта диалектическая связь национального и интернационального, общечеловеческого, преломленного через общественное бытие и сознание различных классов, позволяет понять, почему та или иная национальная школа искусства может получить мировое признание. Вспомним ленинское учение о взаимоотношении общего и отдельного. Ленин показывает, что общее существует всегда в отдельном, но что в то же время отдельное богаче общего, полнокровнее, конкретнее. Это значит, что национально-самобытное и выражает общечеловеческое и обогащает его какими-то особыми гранями, неповторимыми, свойствами лишь ему моментами. Каждая

национальная культура решает общечеловеческие проблемы и вместе с тем вносит в общечеловеческую культуру нечто свое, представляющее интерес для всех народов. Мировое значение творчества Л. Толстого В. И. Ленин объяснял тем, что в произведениях Толстого отобразилось национальное своеобразие русской революции. Иными словами, Л. Толстой показал народам всего мира, как общественные противоречия, имеющие общечеловеческое значение, развивались в своеобразных российских условиях, и этим он обогатил опыт мирового освободительного движения и мировой культуры.

Поскольку национальная определенность содержания искусства зависит от способности художника раскрыть проявление общечеловеческого в национально-конкретном, постольку естественно, что наиболее последовательно эту задачу решает искусство реалистическое. Ведь именно реализм стремится к изображению жизни во всей конкретности ее социально-исторического и национального бытия. В высшей степени показательно, что история реализма в литературе и искусстве каждой страны неразрывно связана со стремлением отразить реальную жизнь своего народа. Именно в этом направлении пробивал себе дорогу реалистический метод и в новеллистике эпохи Возрождения, и в испанском «плутовском» романе XVI века, и во французском «комическом» романе XVII века, и в голландской живописи XVII века, и в английской литературе XVIII века, и, наконец, в реалистической литературе, драматургии, живописи и музыке XIX века во всех европейских странах.

На эту неразрывную связь национального характера искусства и реализма неоднократно указывал Белинский. «Жизнь всякого народа, — писал он, — проявляется в своих, ей одной свойственных, формах, следовательно, если изображение жизни **верно**, то и **народно**» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295). «...Наша народность, — писал он в другой статье, — **состоит в верности изображения картин русской жизни**» (там же, стр. 94). По мнению Чернышевского, «полнейшее влияние народности» на литературу проявляется прежде всего в том, что «степень внимания, обращаемого литературой на те или другие предметы, соразмеряется со степенью важности, какую имеют эти предметы в народной жизни; потому литература занимается преимущественно изучением своего родного быта» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, 1947, стр. 655).

Чернышевский говорит «преимущественно», так как содержание искусства может обладать национальным характером.

и в тех случаях, когда художник не изображает реальную жизнь своего народа, а обращается к вымышленным, мифологическим или даже иноземным сюжетам. Герцен, например, проникательно распознал связь картины К. Брюллова «Последний день Помпеи» с трагической «петербургской атмосферой». Нельзя понимать эту его мысль прямолинейно. Картина Брюллова не аллегорическое изображение русской жизни эпохи николаевской реакции. Речь здесь идет лишь о том, что именно гнетущая атмосфера русской жизни навела художника на главную мысль его картины, что, может быть, было не осознано им самим. В равной мере в «Явлении Христа народу» А. Иванова и в картине И. Крамского «Христос в пустыне» ставились проблемы, порожденные русской жизнью, ее противоречиями, особенностями ее политического и идейного развития.

Таким образом, содержание искусства может обладать национальным своеобразием — более или менее ярко выраженным — и тогда, когда художник не воссоздает непосредственно картину жизни своего народа. Почему же и каким образом это происходит? Частично мы на этот вопрос уже ответили. Чтобы ответить на него полнее, нужно обратиться к анализу другой стороны содержания искусства — к тем мыслям и чувствам, суждениям и оценкам, взглядам и идеям, которые вкладывает художник в свои творения.

* * *

А. С. Пушкин писал о народности литературы: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что понимает он под словом народность».

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения».

Таким образом, Пушкин справедливо отмечает, что свести национальный характер литературы к национальному своеобразием ее тем или языка невозможно. Хотя Шекспир, Лопе де Вега, Кальдерон, Ариосто и Расин часто изображают жизнь других народов, «мудрено однако же, — замечает Пушкин, — у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности». С другой стороны, продолжает Пушкин, в «Россиаде» и в «Петриаде» нет ничего народного, «кроме имен».

Что же считал Пушкин определяющим критерием народности литературы? Разумеется, он не отрицал необходимости русского языка и важности изображения рус-

ской жизни в русской литературе, но главным, по его мнению, является «образ мыслей и чувствований», свойственный русскому, как и всякому иному народу, составляющий его «особенную физиономию» и отражающийся в «зеркале поэзии» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. VII, 1949, стр. 38—39).

Эти мысли Пушкина разделял и развивал Гоголь. «...Истинная национальность, — писал он в заметке «Несколько слов о Пушкине», — состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, 1952, т. VIII, стр. 51).

Беликие русские художники и мыслители единодушно говорили об искусстве, национальном по своему духу, по своей сути, по своему содержанию прежде всего. Главный критерий национального своеобразием искусства они видели в выражении художником национального характера, духовного склада своего народа, независимо от того, что бы он в своих произведениях ни изображал.

Что же представляет собой национальный характер народа, психический склад нации? И почему его выражение имеет такое большее значение для искусства?

Марксизм признает общность духовного склада одним из существенных признаков нации. Но в отличие от идеалистической и расистской социологий, считающих национальный характер народа чем-то извечным и неизменным, выводимым из так называемого «национального духа» «расовой крови» и «расовой души», марксизм рассматривает психический склад нации как исторически складывающуюся и изменяющуюся совокупность определенных духовных черт, вырабатывающихся у каждого народа в ходе его практической жизнедеятельности в зависимости от конкретных исторических — материальных, экономических, социально-бытовых и политических — условий его жизни.

В искусстве духовный склад нации проявляется с особой яркостью и силой, проявляется необходимо, всегда и во всех случаях, потому что любой предмет реального мира, отображаемый и познаваемый художником, преломляется через его идейно-эмоциональное отношение к миру, окрашивается его мыслями и чувствами, становится носителем его настроений и переживаний. В произведении искусства перед нами предстает не только кусок жизни, показанный художником, но и сам

художник во всей полноте его духовного мира, как человек, как гражданин, как личность, как представитель своего народа, живой носитель его национального характера.

Такова одна из важнейших особенностей художественного творчества, одно из характернейших отличий искусства от науки. Об этом отличии искусства от науки И. Крамской писал некогда И. Репину: «Что ни говорите, а искусство не наука, оно только тогда сильно, когда национально» («Переписка И. Н. Крамского». Изд. «Искусство». М. 1954, т. 2, стр. 341).

Выраженный в произведениях искусства, национальный характер народа составляет существенную грань идейно-эмоционального содержания этих произведений, а тем самым определяет и многие особенности их художественной формы.

Возьмем, например, такую черту духовного склада нации, как чувство юмора. Оно, бесспорно, свойственно каждому народу. Однако это чувство весьма своеобразно у различных народов — по окраске, по тембру, по интенсивности. На это обратил в свое время внимание еще Гоголь, заметивший: «Что такое наш Фонвизин? Это не Мольер, не Шеридан, не Бомарше, не Гольдони. Юмор его не нем[ецкий], не английский, не французский» (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 539). Продолжим мысль Гоголя, сопоставим юмор Чехова и Франса, Диккенса и Гейне, Гашека и Хьюза, Лассилы и Лакснеса, Твена и Шолом-Алейхема — насколько неповторимо своеобразным является он в каждом случае! Как остро чувствуем мы выраженные в произведениях этих писателей национальные особенности юмора русского и галльского, английского и немецкого, чешского и негритянского, финского и исландского, американского и еврейского! Сравним творчество замечательных современных рисовальщиков-юмористов — француза Эффеля, датчанина Бидструпа, чеха Лада. Как отчетливо сказываются и в этом виде искусства национальная самобытность и неповторимость юмора народов, представленных этими художниками!

Нелегко найти подходящие слова для точного определения своеобразия юмора каждого народа, и все же мы явственно ощущаем обаяние галльского юмора, искрящегося неиссякающим остроумием, всегда изящного и нередко фривольного, тонкость английского юмора, скрывающегося обычно за внешней серьезностью и невозмутимостью, прелесть юмора чешского с его лукавым добродушием, грустную теплоту негритянского юмора, ироническую душевность юмора еврейского и т. п. В высшей степени показательно, что художественная культура многих народов создала типичные образы носителей национального юмо-

ра; вспомним, например, Санчо Панса и Бола Брюньона, Швейка и Теркина.

Такова лишь одна грань национального своеобразия духовного склада народов. Но и все другие его грани — особенности мышления, темперамента, восприятия природы и т. д. — столь же самобытны и неповторимы. Необыкновенно метко охарактеризовал однажды Гоголь проявление духовного склада различных народов в их танцах. «Посмотрите, — писал он, — народные танцы являются в разных углах мира: испанец пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как тенберовский немец, русский не так, как француз, как азиат. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет, как малороссиянин, как славянин южный, как поляк, как финн: у одного танец говорящий — у другого бесчувственный; у одного бешеный, разгульный — у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый — у другого легкий, воздушный. Откуда родилось такое разнообразие танцев? Оно родилось из характера народа, его жизни и образа занятий. Народ, проводивший горделивую и бранную жизнь, выражает ту же гордость в своем танце; у народа беспечного и вольного та же безграничная воля и поэтическое самозабвение отражаются в танцах; народ климата пламенного оставил в своем национальном танце ту же негу, страсть и ревность» (там же, стр. 184—185).

Этот отрывок интересен не только мастерской характеристикой национальных особенностей и формы и содержания танца ряда народов, но и тем, как Гоголь объясняет отмеченные им особенности.

Но марксистская эстетика должна идти дальше. Исторический материализм, установивший, что общественное сознание людей является отражением их общественного бытия, объясняет с этих позиций преломление и проявление национального своеобразия в психологии и духовном облике разных классов данной нации и в создаваемой ими культуре.

Развитие каждого народа проходит этапы, общие для всей нации, но вместе с тем жизнедеятельность различных классов нации протекает по-разному, в зависимости от экономического и политического положения каждого из них. Соответственно и в духовной культуре каждого народа есть черты общенациональные и черты, разделяющие и даже противопоставляющие культуру различных классов. Эту-то диалектику и выражает марксистско-ленинское учение об общности психического склада нации и ее национальной культуры и одновременно о внутренней классовой противоречивости буржуазных наций и их национальных культур.

Для правильного понимания закономерностей исторического развития искусства необходимо исследовать борьбу прогрессивных и реакционных направлений, отражающих в конечном счете присущие эксплуататорскому обществу классовые антагонизмы. Так, решающее значение в истории русской художественной культуры конца XIX — начала XX века имела борьба реализма и декадентства, резко противопоставившая Чехова и Сологуба, Горького и Мережковского, Касаткина и Рериха. Но столкновение двух культур не ограничивалось борьбой различных художников или целых течений, оно порождало подчас острейшие внутренние противоречия в мировоззрении и творчестве многих деятелей искусства, например, В. Брюсова и А. Скрябина, Л. Андреева и М. Нестерова. Интернациональное единство творчества художников, представляющих самые различные нации, можно объяснить лишь их общей принадлежностью к определенным общественным классам. Так, пафос социалистической идейности объединяет в многонациональном советском искусстве творчество Твардовского и Бажана, Коласа и Турсун-заде, Гулиа и Рытхэу, а в мировом масштабе сближает творчество Шолохова и Арагона, Стиля и Амаду, Нексе и Хикмета и вместе с тем противопоставляет художников этого направления и всех представителей демократической художественной культуры представителям реакционного буржуазно-формалистического искусства, в каких бы странах они ни работали.

Рассматривая историю литературы и искусства в свете ленинского учения о «двух культурах в каждой национальной культуре», было бы, однако, неверно ограничиваться анализом классово-идеологической и эстетической борьбы между «двумя культурами», не показывая одновременно, в чем состояло ее национальное своеобразие в той или иной стране. Марксистская эстетика должна раскрывать в историко-художественном процессе диалектику классового и национального, национального и интернационального.

Вся сложность в том и состоит, чтобы выявить, скажем, в развитии романтизма не только глубочайшие различия между прогрессивными и реакционными его течениями, но и различия между прогрессивным романтизмом в Англии и в России, между реакционным романтизмом в Германии и во Франции. Именно потому, что в общественной жизни национальный характер народа не является одинаковым у всех классов данной нации, но своеобразно преломляется у каждого из них, и именно потому, с другой стороны, что интернациональная общность положения и интересов, идей и идеалов каждого класса не устра-

няет присущих ему в любой стране национальных особенностей, — именно поэтому и в искусстве мы имеем дело с проявлением национального в классовом и классового в национальном.

Но здесь следует отметить прежде всего весьма важную закономерность: чем более прогрессивно и демократично по своей идейной природе искусство, тем полнее и глубже выражено в нем его национальное своеобразие. И напротив, чем дальше заходит искусство по пути служения реакционным идеям, тем менее становится оно способным правильно и глубоко раскрыть национальный характер народа. Объясняется эта закономерность тем, что психический склад нации формируется на основе практической жизнедеятельности народных масс. Труд и связанный с ним особый уклад быта, освободительная борьба с иноземными и собственными угнетателями — такова та реальная почва, на которой вырастает национальный характер каждого народа. Нельзя, конечно, забывать о том, что народ всегда состоит из определенных классов, что взаимоотношения между трудящимися классами и классами эксплуататорскими имеют исторические формы и что в формировании духовного склада нации участвуют не только трудящиеся массы, но в той или иной мере все общество, вся нация. Однако именно народ является **основным** носителем лучших сторон духовного склада нации, и каждый человек усваивает духовный склад своей нации в той мере, в какой он близок народу по своему образу жизни, стремлениям, идеалам. То же самое можно сказать и о целых классах — достаточно вспомнить изменение роли буржуазии в истории наций и национальных культур.

Вот почему способность художника создавать произведения, национальные по своему духу, непосредственно зависит от его отношения к народу, к прогрессивным силам нации. Художник является выразителем психического склада народа не от рождения, не в силу действия неких биологически унаследованных задатков, а в результате общественного воспитания, полученного им в определенных, конкретных социально-исторических условиях. Именно поэтому история искусства знает немало случаев, когда художник вырастает духовно чуждым той нации, к которой он принадлежит по своему происхождению, и, наоборот, когда художник, переселившись из одной страны в другую, оказывается способным органически усвоить, вобрать в себя черты национального характера ее народа и в результате создавать произведения, воплощающие национальные особенности ее искусства (например, Кваренги).

Не «тайной крови» и не владением особыми «приемами» творчества определяется подлинно национальный характер творчества художника, а крепкой и прочной связью его со своим народом. Только тогда художник может быть носителем и выразителем национального характера своего народа, когда он ощущает родство с ним, является патриотом и гражданином, когда он, говоря словами Белинского, не только «симпатизирует» своему народу, но и является участником его жизни, поверенным его тайн.

Когда же реакционным общественным классам удастся воспитать художника-индивидуалиста, презрительно отворачивающегося от своего народа, они лишают его тем самым возможности чувствовать и желания выражать национальный характер народа. Достаточно беглого взгляда на произведения абстракционистов, супрематистов или леттристов, чтобы убедиться в том, насколько безродными, лишенными какого бы то ни было национального духа, космополитическими являются все эти уродливые плоды тлетворного влияния буржуазии на художественное творчество. Так космополитизм идет рука об руку в искусстве с формализмом. Причем сами формалисты отчетливо осознают космополитический характер своего «творчества» и откровенно провозглашают космополитизм своим эстетическим кредо.

Однако, если оставить в стороне все эти уродливые порождения эпохи империализма, приводящие к полному разрушению искусства, придется признать, что в художественной культуре каждой страны, несмотря на наличие в ней борьбы различных идейно-художественных течений, есть и известные черты общности, характерные для данной национальной школы и отличающие ее от других национальных художественных школ. Общность эта выражается не только в том, что, например, и Тургенев, и Гончаров, и Чернышевский, и Достоевский, и многие другие русские писатели XIX века при всем различии их политических и эстетических воззрений ставили в своих романах в 60-е годы одни и те же проблемы, подсказанные русской жизнью того времени, например проблему «нового человека». Хотя эта проблема, как известно, решалась ими по-разному, тем не менее они рассматривали ее, если можно так выразиться, в какой-то общей плоскости. Думается, что здесь-то и проявились некоторые национальные особенности русской художественной культуры, отразившие определенные черты национального характера русского народа. Эти национальные особенности русской художественной культуры кроются, на наш взгляд, в своеобразном сочетании глубокой

гуманности и душевности, обостренном интересе к внутреннему миру человека, его психологии, в нравственно-философском аспекте анализа человеческих отношений. При всем индивидуальном своеобразии творчества Л. Толстого и Ф. Достоевского, П. Чайковского и М. Мусоргского, И. Репина и М. Врубеля мы явственно ощущаем в созданных ими произведениях различных видов и жанров искусства напряженные, часто мучительные размышления о нравственных проблемах, о борьбе добра и зла в мире, в обществе и в сознании индивидуума.

Исследование литературы и искусства Франции, Италии, Германии и других стран показало бы, что им свойственны другие интересные особенности, выражающие своеобразие быта, жизни, психологического склада народа этих стран. Например, в художественной культуре французского народа пленяет тот своеобразный сплав прозрачной мысли, эмоциональной силы, тонкости и какой-то особой легкости, изящества, отточенности, какого нет ни у одного другого народа. Гастроли двух во многом очень разных французских театров в Советском Союзе позволили с необыкновенной отчетливостью увидеть, насколько национально-своеобразен и неповторим сценический образ во французском искусстве.

Мы видим, что национальное своеобразие искусства пронизывает все его содержание, обнаруживаясь и в тематической и в идейно-эмоциональной сторонах художественного содержания. Общечеловеческое, интернациональное, классовое раскрывается и в жизненном и в идейно-эмоциональном содержании искусства только через национально-конкретное, национально-неповторимое, национально-своеобразное. Иначе говоря, содержание искусства характеризуется диалектической связью национального и классового, национального и общечеловеческого.

* * *

Так решается вопрос о национальном своеобразии содержания искусства. Что касается формы искусства, то ее национальное своеобразие настолько очевидно, что не вызывает никаких сомнений. Однако нельзя не обратить внимания прежде всего на то, что в каждом виде искусства — в литературе, театре, музыке, живописи, архитектуре — национальное своеобразие художественной формы проявляется с разной степенью определенности и отчетливости. Соответственно весьма различным оказывается и значение национального своеобразия формы разных видов искусства в процессе их восприятия человеком.

Произведения литературы, «первоэлементом» которой, по выражению М. Горь-

кого, является язык, могут быть доступны читателю только тогда, когда он свободно владеет тем национальным языком, на котором эти произведения написаны. Для того, чтобы сделать произведения каждой национальной литературы доступными всему человечеству, необходимо переводить их с одного языка на другой. Такова огромная роль национального языка как элемента формы в литературе.

Иначе обстоит дело в драматическом и вокальном искусстве. Национальный язык и здесь является важным выразительным средством, но уже не единственным. Речевая выразительность сочетается здесь с «языком» физических действий актера, с мелодическим «языком», а эти элементы художественного «языка» общепонятны для всего человечества, они не требуют никакого «перевода», хотя определенная национальная окраска свойственна и им. Поэтому хотя и пьеса, и опера, и песня для полноты их восприятия также нуждаются в переводе на известный зрителям и слушателям язык, все же эстетическое восприятие произведений этих искусств, пусть неполное, возможно и тогда, когда мы не понимаем слов роли или арии. Советский зритель с интересом смотрел спектакли французского и английского драматических театров, даже когда не понимал текста, произносимого актерами. Зная содержание «Мещанина во дворянстве» и «Гамлета», он понимал игру актеров по выразительности их движений, жестов, мимики, по интонационной выразительности их речи. Еще более понятными и эстетически впечатляющими являются для нашего слушателя песни, исполняемые П. Робсоном или Н. Монтаном, ибо в музыке выразительное значение мелодии, ритма, интонации еще больше, чем мимики и жестов актеров в драматическом театре, однако полнота эстетического восприятия и в этих случаях доступна лишь человеку, понимающему текст исполняемых песен.

Если же мы перейдем к музыке инструментальной, к танцу, к изобразительным и прикладным искусствам, к архитектуре, то окажется, что в их форме вообще нет такого элемента, который требовал бы «перевода», то есть замены одних национально-неповторимых средств другими, эквивалентными по смыслу. Произведения этих искусств во всей своей полноте общедоступны людям всех национальностей, хотя ближе, роднее и понятней они всегда тому народу, который их создал.

Чем же объясняются эти различия в национальной определенности формы разных видов искусства?

Очевидно, тем, что в различных элементах художественной формы национальное своеобразие оказывается выраженным не

в одинаковой мере. Ведь когда мы говорим о форме искусства, мы имеем в виду всю его образную структуру, способ образного развития и выражения его духовного содержания, то есть совокупность целого ряда изобразительно-выразительных средств, начиная от сюжета и композиции и кончая материалом, в котором овеществляется художественное произведение. В этом многообразии элементов мы без труда можем найти такие, на которых лежит отчетливая печать национального своеобразия, но среди них есть и такие, в которых национальные особенности либо трудно уловимы, либо вообще полностью отсутствуют.

Ярко выраженный национальный характер имеют, например, язык в литературе, кинематографии, интонационный «язык» в музыке, пластические «интонации» в танце, орнаментальные мотивы в декоративном искусстве, приемы и средства архитектурного декора, и т. д., и т. п. Мы прекрасно представляем себе отличие языка русской литературы от языка французской, отличие интонаций русской песни от итальянской, отличие мотивов украинского орнамента от узбекского, отличие форм армянской архитектуры от китайской, но мы не знаем, что такое «русский рисунок», «испанская перспектива», «английские пропорции», «итальянская архитектоника», «грузинская композиция», «украинская гармония», хотя иногда известная печать национального своеобразия лежит и на этих элементах формы.

Следовательно, некоторые элементы художественной формы каждая национальная школа трактует по-своему, другие же трактуются одинаково в самых различных художественных культурах. Объясняется это тем, что форма искусства является отражением форм бытия и развития реального мира. Поэтому в тех случаях, когда тот или иной элемент формы отражает национально-своеобразное в формах человеческой жизни — внешность людей, особенности их речи, движений, быта и т. д., — он неизбежно получает более или менее ярко выраженную национальную окраску. Когда же речь идет об элементах художественной формы, отражающих закономерности самой природы и ее зрительного или слухового восприятия человеком, эти элементы формы получают всеобщий, а не национально-своеобразный характер, как, например рисунок, перспектива, светотень, композиция и т. д.

Рассмотрим с этой точки зрения такой важный элемент художественной формы, как сюжет. Представляя собой, по определению Горького, действие и взаимодействие героев произведения, сюжет является отражением поведения и взаимоотношений людей в реальной жизни. И точно так же, как в реальной жизни в человеческих

взаимоотношениях есть моменты общечеловеческие, классовые и моменты национально-своеобразные, так и в сюжетах романов, пьес, картин, кинофильмов нетрудно увидеть и общечеловеческие коллизии, столкновения, конфликты и такие, которые свойственны лишь определенным классам данной эпохи или данному народу. Так, например, художники всех европейских стран широко пользовались евангельскими сюжетами, в которых нет ничего национально-специфического, но одновременно они черпали сюжетные ситуации для своих картин и из реальной жизни своего народа. С другой стороны, коллизия, лежащая в основе сюжета картины Б. Иогансона «Допрос коммунистов», является одновременно и русской и интернациональной, международно-пролетарской.

Очевидно, что в форме искусства национально-своеобразное переплетается с общечеловеческим и что, следовательно, диалектика национального и общечеловеческого, свойственная содержанию искусства, свойственна и его форме. Противопоставлять в этом смысле форму содержанию как национальное классовому у нас нет никаких оснований.

Но диалектика национального и интернационального проявляется в искусстве не только в рассмотренном выше отношении. Другое, не менее важное, проявление этой диалектики состоит в том, что в истории искусства происходит непрерывный и все более интенсивный процесс превращения формальных достижений искусства каждого народа в общечеловеческое достояние. Правда, история искусства знает немало попыток ограничить действие этого процесса, отгородить искусство того или иного народа от завоеваний художественной культуры других народов, замкнуть его в рамки формальных средств и приемов, выработанных его собственной художественной традицией. Но все подобного рода попытки задерживали развитие искусства. И в истории советского искусства давали себя знать подобные тенденции, связанные всегда с буржуазно-националистическими и формалистически-стилизаторскими устремлениями некоторых деятелей искусства (например, бойчукистов на Украине в 20-е годы и некоторых им подобных художников и теоретиков в других республиках Советского Союза).

Между тем история русской художественной культуры, например, показывает, как русские художники начиная с XVIII века смело и широко вводили в литературу и театр, в музыку и архитектуру, живопись и скульптуру все лучшее из того, что было добыто многовековой историей мирового искусства. Однако национальное своеобразие русской художественной культуры при этом нисколько не утрачивалось.

Симфонический оркестр в отличие от оркестра русских народных инструментов не имеет специфически национального звучания, и формам построения симфонического произведения русские композиторы учились у классиков западноевропейской музыки, но это не помешало Глинке и Чайковскому создать истинно русские произведения музыкального искусства. Форма классического балета сложилась на Западе, но в этой форме получил свое блистательное развитие русский балет XIX века. В. Суриков и В. Серов писали свои картины, пользуясь теми же принципами рисунка, колорита и композиции, которые были свойственны всей европейской живописи.

И, напротив, там, где художники пытались замкнуть русское искусство в исконно русские формы и уберечь его от влияния иноземной культуры, — там обрывалось развитие искусства, начиналась реакционно-националистическая стилизация. Такой стилизацией в русской архитектуре и прикладных искусствах прошлого столетия были, например, направления, получившие иронические названия «тоновщины» и «ропетовщины» (от фамилий архитекторов Тона и Ропета), или «петушковый стиль», «стиль рюсс». Характерным примером такого рода архитектуры может служить петербургский «Храм на крови».

Подчеркнем, что, говоря о необходимости использования искусством одного народа художественных достижений других народов, мы имеем в виду освоение завоеваний прогрессивной художественной культуры. Вопрос о взаимоотношении различных национальных художественных культур недопустимо решать абстрактно. Борьба передовых русских художников и критиков XIX века против засилья «итальянщины» (как говорили в то время) в русской музыке, против начавшегося в конце века проникновения западного декадентства в русскую живопись была не менее прогрессивна, чем их борьба против ретроградных стремлений оторвать русское искусство от передовых достижений западноевропейского реалистического искусства.

И в наше время эта общая закономерность прогрессивного развития мировой художественной культуры остается в силе. История многонационального советского искусства показывает, насколько прогрессивным было освоение в республиках Средней Азии и Кавказа художественных принципов русской демократической литературы, станковой живописи, симфонической и оперной музыки, драматического театра, русского балета. Это освоение не убило национального своеобразия армянского, азербайджанского, узбекского искусства, как в свое время русская

художественная культура не утратила национального своеобразия, приобщившись к передовым достижениям искусства западноевропейского, потому что глубочайшая национальная природа поэзии С. Вургуня и М. Турсун-заде, живописи М. Сарьяна и М. Абдулаева, музыки А. Хачатуряна и Кара-Караева коренится в содержании создаваемых ими произведений, которое свободно использует для своего выражения и старые традиции национальной формы своего родного искусства и новые принципы трактовки формы, идущие от художественных культур братских народов.

Аналогичными путями развивается сегодня искусство освобожденного китайского народа. Классическая китайская опера выработала на протяжении столетий свою национально-неповторимую форму, но забота о ее сохранении и развитии не мешает современным мастерам китайского театра осваивать формы европейского театрального искусства, создавая и в них истинно национальные по духу художественные произведения. Подобные процессы происходят и в изобразительном искусстве Китая и в его архитектуре.

И в русском советском искусстве освоение опыта художественных культур других народов ни в коей мере нельзя считать завершенным. Советское искусство должно продолжать обогащать себя за счет всех тех новых художественных возможностей, которые открывает развитие искусства всех народов мира, ибо все они являются общечеловеческим достоянием, а не монопольным достоянием той или иной нации.

* * *

Таким образом, национальное своеобразие искусства выражается и в его содержании и в его форме. И одновременно как в содержании, так и в форме искусства мы имеем дело с диалектикой национального и общечеловеческого, национального и интернационального.

Эти положения одинаково применимы как к классическому художественному наследию, так и к советскому искусству. Однако здесь нужно указать и на ряд существеннейших отличий между советским искусством и искусством прошлых эпох в рассматриваемой плоскости.

Развитие наций в буржуазном обществе связано, как известно, с двумя прямо противоположными процессами: с одной стороны, с процессом консолидации наций и укрепления национального единства, с другой стороны, с процессом обострения классовых противоречий. Что касается социалистического общества, то его морально-политическое единство обуславливает немислимое в прошлом общенародное сплочение наций и создает условия для разви-

тия и процветания единой общенародной культуры каждой нации.

Это коренное отличие буржуазных и социалистических наций и их культур самым непосредственным образом влияет на судьбы национального искусства. Формирование национальных художественных школ происходило в классово-антагонистическом обществе в условиях ожесточенной борьбы с реакционной, антинародной идеологией и культурой, которая была, как указывал Ленин, господствующей культурой. Вспомним, например, какие силы стояли на пути Пушкина, Гоголя, натуральной школы в русской литературе, на пути Глинки, Даргомыжского, Мусоргского в русской музыке, на пути передвижников в русской живописи XIX века. Только в ту пору, когда дворянство, а затем буржуазия способствовали прогрессивному развитию общества, преследовали общенациональные цели, они участвовали в становлении национальных школ литературы и искусства. Но чем более реакционной становилась деятельность эксплуататорских классов, тем решительнее начинали они насаждать шовинизм и космополитизм в культуре и искусстве, делали все возможное, дабы помешать правильному выражению в искусстве национальных интересов и национального характера народных масс. В социалистическом же обществе государство и Коммунистическая партия создают все необходимые условия для того, чтобы все деятели искусства стояли как можно ближе к народу и чтобы искусство развивалось на основе единства социалистического и национального.

Вместе с тем в социалистическом обществе существенно меняются и взаимоотношения между нациями. Полное равноправие, дружба, сотрудничество и взаимопомощь среди социалистических наций являются одним из самых замечательных завоеваний эпохи социализма. Поэтому в социалистическом обществе сближение искусства различных народов осуществляется с такой последовательностью, как никогда ранее. Общность экономического и политического уклада жизни, единство идей и идеалов, эстетических убеждений и творческих принципов, пропаганда достижений каждой национальной школы среди всех социалистических наций — все это ведет к непрерывному укреплению интернациональных, общечеловеческих моментов и в содержании и в форме искусства эпохи социализма.

Из всего сказанного следуют два основных вывода, имеющих практическое значение для развития советской художественной культуры. Национальное своеобразие искусства достигается прежде всего и главным образом не формалистическими поисками неких специфических «нацио-

нальных приемов» творчества, не связанных с содержанием современной жизни и искусства, а правдивым и глубоким отражением жизни каждого народа во всей ее неповторимости. К советскому художнику в полной мере относятся слова В. И. Ленина, указавшего еще в 1920 году, что важнейшая задача Коммунистической партии и Советского государства — «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в **конкретных** подходах каждой страны к разрешению **единой** интернациональной задачи...» (В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 72).

Столь же диалектично следует ставить вопрос и по отношению к форме нашего искусства. Его прогрессивное развитие требует, с одной стороны, прекрасного знания и широкого использования сложившихся и популярных в народе традиций национального искусства, особенностей его художественного «языка», а с другой — развития и обогащения изобразительно-выразительных средств своего национального искусства за счет того, что создано худо-

жественной культурой всего человечества. Не замыкаться в кругу тех средств, которые отличают национальное искусство одного народа от искусства других народов, стремиться к богатству, а не к узости, не отрывать от прогрессивных национальных традиций, а развивать их применительно к новым условиям жизни, к новым отношениям, к новым историческим целям и задачам искусства, иначе говоря, ориентироваться на будущее — таково требование, предъявляемое историей, социализмом к советскому художнику.

Успешно решить обе задачи может лишь тот художник, который живет жизнью своего народа, ощущает себя его частицей, его сыном и его слугой. Не сторонний наблюдатель национальной жизни, не созерцатель, а только художник-патриот и гражданин, деятельный участник народной жизни и борьбы способен создавать истинно национальные творения. Воспитание такого типа художника — главный путь укрепления и развития многонациональных школ советского искусства.

М. С. КАГАН (Ленинград)

Образ великого мыслителя

В. Ф. АСМУС. *Декарт*. Госполитиздат, М. 1956. 370 стр.

Идеи великого французского ученого и философа Рене Декарта давно уже служат предметом многих книг и статей. Однако на русском языке совсем немного книг, освещающих его философские и естественнонаучные воззрения в целом. В сущности, их было всего три: работа Н. А. Любимова «Философия Декарта» (1886 г.), перевод I тома «Истории новой философии» Куно Фишера «Декарт, его жизнь, сочинения и учение» (1906 г.) и монография Б. Э. Быховского «Философия Декарта» (1940 г.). В настоящее время заслуживает внимания советской научной и философской общественности книга В. Ф. Асмуса «Декарт».

Автор избрал для своего исследования форму научной биографии мыслителя. Придерживаясь в основном хронологического принципа, он прослеживает формирование научных и философских идей Декарта, рисует его образ, отразивший противоречивый характер своей эпохи. Эта форма исследования позволила автору проследить многосторонние и сложные связи Декарта с культурой, наукой, философией того времени, его взаимоотношения с церковью и государством.

В. Ф. Асмус опирается в своем труде на вышедшую еще в 1691 году биографию Декарта, составленную Адрианом Байэ, и на биографию, написанную Шарлем Аданом в качестве заключительного (XII) тома последнего собрания сочинений мыслителя. Он использовал также все основные сочинения о Декарте, которые появились в XIX и XX веках. Но, конечно, главным источником труда В. Ф. Асмуса являются сочинения самого Декарта в наиболее полном издании Адана и Таннери. Особенно ценно для русского читателя использование автором многочисленных писем мыслителя, до сих пор, к сожалению, отсутствующих в русском переводе.

Одно из достоинств рецензируемой книги заключается в том, что характеристика социально-экономических и культурных особенностей эпохи Декарта, сформулированная в обобщенном виде во введении, в дальнейшем уточняется и дополняется в связи с характеристикой философских и научных взглядов мыслителя и конкретных фактов его биографии. В результате социально-экономический и культурный фон рассматриваемой эпохи воспринимается читателем в

органическом единстве с научно-философскими воззрениями и всей жизнью Декарта. Это выгодно отличает книгу В. Ф. Асмуса от ряда других наших историко-философских трудов, в которых характеристика эпохи, нередко весьма детальная, дается в отрыве от последующих глав.

Автор раскрывает противоречия, присущие эпохе Декарта и нашедшие отражение в его философии. Главное из них состояло в том, что французский абсолютизм, будучи заинтересован в развитии национальной промышленности и торговли, принимал достижения науки и технические изобретения лишь постольку, поскольку мог извлечь из них непосредственную выгоду, но отвергал вытекавшие из этих открытий новые мировоззренческие выводы, выступая сторонником прежнего неограниченного господства идеологии католической церкви.

Одним из проявлений этого противоречия был философский дуализм Декарта, сведение им бытия к двум субстанциям: материальной и духовной. Более того, вся деятельность Декарта оказалась раздвоенной. С одной стороны, философ выступил перед миром как смелый новатор, боровшийся за приближение науки и философии к жизни, за демократизацию науки. Он одним из первых стал писать свои научные труды на французском языке, а не на латинском, на котором писали средневековые схоласты, и прямо апеллировал к тем, кто в своей деятельности опирался на свой «естественный разум», а не на схоластическую премудрость. Автор приводит в своей книге любопытные факты, свидетельствующие о постоянном стремлении Декарта завязывать деловые отношения с искусными мастерами, практический опыт которых он высоко ценил. С другой стороны, Декарт, как дворянин, окончивший иезуитский коллеж, всемерно подчеркивал свою лояльность по отношению к господствовавшему во Франции режиму, католической церкви и ее идеологии. Важнейшие свои произведения — «Размышления о первой философии» и «Начала философии» — он пишет по-латыни, предназначенная их прежде всего для профессиональных философов и ученых. Характерно, что Декарт стремился добиться официального одобрения своих произведений со стороны Сорбонны — оплота схоластическо-католической учености и иезуитов. Он мечтал да-

же о том, чтобы «Начала философии», задуманные как учебник, излагавший его философскую систему, использовались в иезуитских учебных заведениях.

Такая двойственность позиции мыслителя объясняет и его поведение после осуждения Галилея, когда Декарт отказался печатать почти уже готовое свое сочинение «Мир», поскольку оно основывалось на гелиоцентрической теории. В отличие от ряда своих современников, например Кампанеллы, Мерсенна, Гассенди, выступивших с протестами против осуждения великого ученого и с открытой его поддержкой, Декарт отказался от прямой борьбы за свое мировоззрение, уклоняясь от всякого конфликта с богословами. В рецензируемой книге хорошо раскрываются сложные мотивы, которыми при этом руководствовался Декарт. Он не рассчитывал на удачный и тем более на победоносный исход открытой борьбы со схоластическим мировоззрением. Вместе с тем он не хотел отказаться от написания и опубликования таких работ, которые, не формулируя открыто принципов новой философии, давали бы образцы применения вытекавшего из нее метода к отдельным отраслям научного исследования. Такими произведениями и стали появившиеся в 1637 году «Диоптрика», «Метеоры» и «Геометрия», которым было предпослано «Рассуждение о методе».

Появление этих произведений привело к быстрому распространению философии Декарта в университетах Нидерландов, что весьма всполошило местных церковников. Избегав столкновения с католическими богословами, Декарт не смог избежать ожесточенной борьбы с протестантскими. В увлекательно написанной главе «Борьба Декарта с протестантскими богословами» автор описывает перипетии ожесточенной полемики философа, обнаружившего могучий талант полемиста, разившего противника силой аргументов и блеском остроумия, с «утрехтским папою» Гизбертом Воецием и инспирируемыми им лицами. Борьба эта, закончившаяся в общем благополучно для Декарта, все же нанесла ущерб преподаванию его философии в Голландии и выявила опасности, существовавшие для новаторских теорий даже в такой наиболее передовой тогда стране, как Голландия. Она же побудила мыслителя принять приглашение шведской королевы Христины. Эта поездка оказалась для него роковой. Он простудился и умер через несколько месяцев после своего приезда в Швецию.

Автор сообщает любопытный факт, относящийся ко времени пребывания Декарта в Швеции. Ученому предложили написать стихотворный сценарий для придворного балета по поводу только что заключенного тогда Вестфальского мира, завершившего 30-летнюю войну, опустошившую значительную часть Европы. В сценарии в той сцене, где появлялись калеки — жертвы войны, Декарт написал следующие строки:

Кто видит, как мы искалечены,
И думает, что война прекрасна
Или что война лучше мира,—
У того искалечены мозги.

В рецензируемой книге хорошо показана и многосторонняя деятельность Декарта в качестве ученого, четко выявлен тот вклад, который мыслитель внес в развитие различных отраслей научных знаний: математики, оптики, механики, астрономии, физиологии и психологии. Особенно удачны, на наш взгляд, очерки, посвященные Декарту-математику, Декарту-физиологу и Декарту — автору первой в новое время космогонической теории. В истории науки и философии имеется не много примеров такого тесного переплетения интенсивных и плодотворных научных изысканий с глубоким их философским осмыслением, какой представляет научно-философская деятельность Декарта. Автору, на наш взгляд, удалось в полной мере раскрыть эту связь, вытекающую из стремления мыслителя любой научный факт продумывать до его глубочайших теоретических основ, поднимать до вершин философского знания. Особенно значительные выводы для научно-философской методологии были сделаны Декартом, как известно, в связи с его математическими открытиями. В. Ф. Асмус дает в своем труде ценные разъяснения относительно сформулированного Декартом метода «всеобщей математики» и рационалистической дедукции как в его отличии от схоластической силлогистики (также носящей дедуктивный характер), так и по существу его содержания. Если силлогистика в лучшем случае могла служить логикой доказательства тех или иных истин, то Декарт стремился выработать такую дедуктивную методологию, которая являлась бы логикой открытия новых истин, достижения неизвестных до начала исследования результатов. Эту методологию философ и стремился создать на основе математики, понимая последнюю не только как науку о числах, но и как учение о порядке и мере. Тем самым Декарт произвел важное расширение понятия о математике по сравнению не только с античной, но и современной ему наукой. Если древняя математика оперировала лишь понятием числа (при этом почти всегда облеченного в геометрический образ), то новая поднялась до понятия функции, а потом и понятия множества (порядка). В выработке понятия о функции Декарту, заложившему основу современной алгебраической символики и создавшему аналитическую геометрию, принадлежат выдающиеся заслуги. Им же было намечено и понятие порядка. Автор приходит к выводу, что зародыши идей математической логики, развитых Лейбницем, можно обнаружить уже у Декарта.

Наибольшее внимание уделено в книге Декарту-философу. Рисуя жизненный путь мыслителя, автор прослеживает формирование и развитие его философских идей. Но при этом вряд ли можно согласиться, что уже зимой 1628—1629 годов в первом, в сущности, предварительном очерке своей философии (так и не увидевшем света), мыслитель сформулировал все те основные идеи своего философского учения: проблема сомнения и его преодоления, доказательство существования бога, ибо правдивость

бога, с точки зрения Декарта, гарантирует познаваемость мира, критерий ясности и отчетливости и другие идеи, сложившиеся в действительности лишь в процессе работы над «Рассуждением о методе» и в особенности над «Размышлениями о первой философии».

Заслуживает внимания научно обоснованная характеристика философского идеализма Декарта, вскрывающая его отличие от всех предшествующих форм идеализма. Античные, средневековые и современные Декарту формы идеализма представляли собой прежде всего учения об идеальном, духовном характере бытия. Для Декарта же первым вопросом философии был вопрос о возможности достоверного знания и о методе, посредством которого может быть достигнуто такое знание. Философия, согласно Декарту, должна ответить на вопрос, существует ли достоверное знание, могущее стать фундаментом всего здания науки, и каков метод, способный вести науку к вполне достоверным результатам. Знаменитое декартовское сомнение и его преодоление (*cogito ergo sum*) и задуманы философом как средство решения этой сложной задачи. Учение Декарта о *cogito* противоречиво. С одной стороны, оно направлено против довольно распространенных в это время скептических учений и схоластического псевдознания, для опровержения которого Декарт и выдвинул свое знаменитое учение о «естественном свете разума». Один из элементов последнего учения и составляло картезианское *cogito*. Но само по себе оно не выходило за пределы идеализма, а обосновывало лишь его новую форму. В. Ф. Асмус правильно выступает против тех идеалистов¹, которые, исходя из мысли Декарта о том, что достоверность существования внешнего мира может быть обоснована лишь на достоверности самой мысли, видят в Декарте основателя идеалистической философии нового времени и утверждают, что Декарт якобы считал вещи объективного мира по самому своему существу духовными, идеальными. В действительности Декарт посредством своего *cogito* стремился доказать отнюдь не идеальность вещей — вся его материалистическая физика опровергает такого рода домыслы, — а только то, что достоверное знание об этих вещах должно опираться на предварительно установленную достоверность существования мысли. Однако путь, избранный Декартом для доказательства существования вещей, является идеалистическим путем, поскольку он исходит из мысли и игнорирует критерий практики, неопровержимо убеждающий нас в таком существовании.

Вся система философских воззрений Декарта получила наиболее полное и отчетливое выражение в его произведении «Размышления о первой философии» и в полемике, возникшей вокруг этого произведения. В рецензируемой книге вопросам, поднимаемым в «Размышлениях», возраже-

ниях противников и ответах Декарта на эти возражения, посвящена специальная глава. Для советского читателя она представляет значительный интерес особенно в связи с тем, что до сих пор на русский язык, к сожалению, не переведены возражения, с которыми выступили теологи Катер, Бурден и Арно и виднейший тогда французский философ-материалист Гассенди, а также ответы Декарта. Между тем «Возражения» и «Ответы» представляют одну из наиболее ярких иллюстраций борения материалистических и идеалистических идей и, несомненно, одну из самых интересных страниц истории философии XVII века.

Теологи подвергли учение Декарта критике «справа». Арно, например, доказывал, что выдвигаемый Декартом критерий ясности и отчетливости имеет силу только для философского познания и недействителен при переходе из области науки в область веры и учений о нравственности. И хотя Декарт, опасаясь открытой борьбы с религией и церковниками, не затрагивал своей рационалистической критикой область религии и морали, все же в области теории он не хотел делать никаких уступок. Поэтому философ отверг аргументацию Арно и доказывал применимость найденного им критерия истинности — ясность и отчетливость понятий — и к области религии и морали, стремясь по-своему преодолеть концепцию «двойственной истины», распространенную еще в XVII веке.

Еще больший интерес представляют материалистические возражения Декарту со стороны Гоббса и Гассенди. Идеалистическому учению Декарта о самобытности мыслящей субстанции они противопоставляли материалистическую точку зрения, согласно которой субъектом мышления может быть только тело. Не менее решительно настаивали материалисты на чувственном, сенсуалистическом происхождении всех представлений и понятий и отрицали врожденность каких бы то ни было идей. Однако из-за метафизического характера материализма, с позиций которого развивали свою критику Гоббс и Гассенди, как убедительно доказывает автор, он не мог стать эффективным средством опровержения гносеологических принципов Декарта. Если Гоббс и Гассенди опередили Декарта в глубоком понимании зависимости всех наших понятий от опыта, от чувств и ощущений, то Декарт превосходил их пониманием громадного значения вопроса о достоверности знания для науки, изучающей мышление. Открытые Декартом в математическом знании признаки достоверности — всеобщность и необходимость — могут быть объяснены, по его убеждению, только признанием независимости достоверных истин от ощущений, от опыта. Если Гоббс с позиций метафизического номинализма сводил деятельность мышления к комбинированию имен, обозначающих по соглашению между людьми различные предметы и их свойства, то Декарт доказывал наличие в человеке способности непосредственно усматривать истину одним умом, не опирающимся на опыт и ощущение.

¹ Автор называет лишь Гегеля, хотя перечень таких идеалистов можно было бы значительно увеличить.

В рецензируемой книге уделяется значительное внимание проблеме непосредственного знания, которой придавали первостепенное значение многие философы XVII века. Решение этой проблемы Декарт пытался дать в своем учении об интуиции, идеалистический и метафизический характер которого убедительно раскрывается в книге. Вместе с тем в ней показывается противоположность декартовского понимания интуиции мистическому ее пониманию. Под интуицией, как известно, Декарт понимает прямое, непосредственное, не зависящее от опыта и от доказательств усмотрение истины умом.

Ни Гоббс, ни Гассенди, ни Декарт не убедили друг друга, и каждый остался на прежних позициях. Однако этот спор самых выдающихся мыслителей эпохи способствовал выяснению противоположных точек зрения, на которых стояли его участники. Такое выяснение было творческим и способствовало дальнейшему прогрессу науки и философии.

В. Ф. Асмус делает важное разъяснение относительно понимания Декартом врожденности некоторых основных идей. От Лейбница исходит упрощенное представление об этом учении Декарта, разделяемое до сих пор и многими советскими философами. Согласно этому представлению, человек уже рождается с готовыми идеями. Между тем подлинная точка зрения Декарта на этот вопрос, по существу, не отличалась от точки зрения Лейбница и состояла в том, что так называемые врожденные идеи прирождены человеческому уму совсем не в виде готового знания, а в виде

известного 'предрасположения,' некоторых задатков, проявляющихся по мере накопления жизненного опыта.

Таковы самые общие черты содержательной монографии В. Ф. Асмуса о Декарте. Избранная автором форма биографического повествования отличается и большими литературными достоинствами. Ясный, четкий и выразительный язык, умение довести до сознания читателя порой весьма трудные философские положения Декарта создают в своей совокупности яркий образ великого мыслителя. Однако та же форма биографического исследования, в процессе которого автор старается не отвлекаться от характеристики деятельности самого мыслителя, привела и к известным недостаткам. В наше время, конечно, невозможно при изложении философии Декарта пройти мимо тех ее искажений, которые присущи многочисленным трудам новейших буржуазных философов о Декарте. В рецензируемой книге мы находим критический разбор важнейших неправильных интерпретаций философии Декарта. К сожалению, они сконцентрированы в основном в примечаниях, что несколько снижает критический пафос книги. Было бы желательно, чтобы в новом издании рецензируемой книги эти примечания были перенесены в основной текст, и может быть, несколько расширены.

Оценивая книгу в целом, следует признать, что исследование В. Ф. Асмуса, дающее исторически верное, глубокое и систематическое изложение философии Декарта, является ценным для советского и зарубежного читателя.

В. В. СОКОЛОВ

Французские марксисты дают отпор католическим критикам марксизма

HENRI DENIS, ROGER GARAUDY, GEORGES COGNIOT, GUY BESSE. *Les marxistes répondent a leurs critiques catholiques*. Conclusion par Laurent Casanova. Editions sociales. Paris. 1957, 193 p.

В послевоенные годы в результате грандиозных побед лагеря социализма, совершенно изменивших лицо мира, марксизм проник в самые отдаленные уголки земного шара. Теперь уже, пожалуй, нет в мире людей, которые бы совсем ничего не слышали о марксизме. Тем более это относится к развитым капиталистическим странам, и в особенности к Франции, стране с богатыми революционными традициями, стране, где большая по своему численному составу и идейно закаленная коммунистическая партия уже более тридцати лет ведет успешную работу по распространению марксизма-ленинизма.

Марксизм-ленинизм захватывает умы все более широких масс рабочих, крестьян и интеллигенции Франции. И это прекрасно понимают руководители католической церкви. Вот почему католическая церковь теперь от замалчивания марксизма пере-

шла к попыткам его теоретического опровержения. Особую активность в этом отношении проявляют католические «отцы»-иезуиты Фессар и Рике, опубликовавшие в различных журналах десятки статей, в которых они на все лады «громят» марксизм.

К лагерю католических «опровергателей» марксизма следует отнести и довольно влиятельное среди некоторых кругов интеллигенции течение персоналистов, органом которых является журнал «Эспри» («Дух»), руководимый Ж.-М. Доменаком. Много шумят против марксизма и христианские экзистенциалисты во главе с Габриэлем Марселем.

В настоящее время в активную работу по опровержению марксизма включились «отцы»-иезуиты Биго, Кальвес и Шамбр. Ими выпущены претендующие на научность и эрудицию пухлые «труды» (Биго — «Марксизм и гуманизм»; Ж.-И. Кальвес — «Уче-

ние Карла Маркса»; Шамбр — «Марксизм в Советском Союзе. Идеология и учреждения»). Буржуазная печать самым шумным образом разрекламировала эти писания. Особенно постаралась связанная с католической церковью архиреакционная «Фигаро», поместившая восторженный отзыв о книжке Ж.-И. Кальвеса.

Французские марксисты, ознакомившись с этими «трудами», решили провести публичный диспут по затронутому в них вопросу. 20 февраля 1957 года Роже Гароди направил авторам упомянутых книг письмо с предложением встретиться и совместно обсудить детали организации диспута. Но Биго, Кальвес и Шамбр отклонили предложение Гароди и выразили желание, чтобы диспут не был публичным.

Диспут, тем не менее, состоялся. 10 апреля в зале театра «Альгамбра» в Париже собралось более 3 тысяч человек — рабочие, служащие, студенты, преподаватели и профессора. Были и духовные лица. С критикой измышлений новоявленных «опровергателей» марксизма выступили видные французские марксисты: Роже Гароди, Жорж Коньо, Ги Бесс, Анри Дени.

Рецензируемая книга является изложением их выступлений на этом диспуте.

Какие же доводы против марксизма приводят в своих книжках католические критики марксизма? Рассматривая марксизм, его католические критики выдвигают три основных тезиса: 1) марксистская политическая экономия — это не наука, а спекулятивная метафизика; 2) марксистская политическая экономия основывается на этике; 3) марксизм — это своего рода религия.

Французские марксисты в своих выступлениях на диспуте камня на камне не оставили от этих измышлений «отцов»-иезуитов.

Профессор Анри Дени в своем выступлении, озаглавленном «Поняли ли они «Капитал»?», разбирает фальсификации иезуитов в отношении основополагающего труда Маркса — «Капитала»; Р. Гароди разоблачает ревизионистские потуги «отцов»-иезуитов Биго и Кальвеса («Ревизионизм о. о. Биго и Кальвеса»); Ж. Коньо разоблачает искажения диалектики в «творениях» Шамбра («Искажение диалектики о. Шамбром»); Ги Бесс рассматривает вопрос о марксистском гуманизме и об отношении к нему церкви («Церковь и марксистский гуманизм»). Наконец, в своем заключительном выступлении на тему «Борьба идей и совместные действия» член Политбюро ЦК Коммунистической партии Франции Лоран Казанова рассматривает вопрос о совместности идеологической борьбы с участием в общей борьбе за конкретные демократические цели, в особенности в борьбе за мир.

В своих выступлениях на диспуте французские марксисты вскрыли и опровергли всю фальшь утверждений католических критиков марксизма о спекулятивном характере марксизма вообще, марксистской политической экономии в частности. Они показали, что необоснованное утверждение «отцов»-иезуитов зиждется на позитивистской концепции науки.

Для позитивиста все, что не является чистым эмпиризмом, голым фактом, — спекуляция и метафизика. Действительно, отвечают марксисты критикам марксизма, марксистские труды, в том числе «Капитал», не построены согласно канонам позитивизма. Более того, марксистский метод противоположен позитивистскому. Марксизм именно потому и является подлинной наукой, что не имеет ничего общего с позитивистским методом произвольного нагромождения сухих и омертвевших фактов, взятых вне развития жизни, вне классовой борьбы, если речь идет об общественных науках.

Нынешние «опровергатели» марксизма уже не пытаются, как это делали еще несколько лет тому назад правосоциалистические фальсификаторы марксизма, противопоставлять один период развития марксизма другому. Наоборот, они подчеркивают единство в развитии марксизма. Но это опять-таки делается для извращения марксизма. Ибо они утверждают, что главное произведение Маркса — «Капитал» — является всего лишь развитием «Экономическо-философских рукописей» Маркса, написанных в 1844 году.

Но, продолжают они, выводы, к которым пришел Маркс в своем раннем труде, не опирались на факты действительности, а являлись лишь следствием абстрактно-философских взглядов, заимствованных Марксом из трудов Гегеля.

Французские марксисты вскрыли фальшь этого утверждения. Они прежде всего отметили, что уже до «Экономическо-философских рукописей» Маркс в значительной степени преодолел влияние философии Гегеля. Они, далее, указали на неравномерность ставить знак равенства между этим ранним трудом Маркса и главным его произведением — «Капиталом», в котором основные проблемы марксизма переосмыслены на новой, строго научной основе.

Кроме того, совершенно несостоятельно утверждение критиков марксизма, что некоторые исходные положения своего учения Маркс вывел в «Экономическо-философских рукописях» не из анализа фактов действительности, а путем дедукции априори. Известно, что революционно-демократическая деятельность Маркса в «Рейнской газете» в 1842 году натолкнула его на необходимость изучения социальных отношений. С октября 1842 года Маркс приступил к тщательному изучению произведений французских социалистов-утопистов Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Э. Кабе, Т. Дезами, П. Леру, В. Консидерана, а также П. Ж. Прудона. Осуществив летом 1843 года систематическую критику гегелевской философии права, а осенью 1843 года окунувшись в революционное движение рабочих во Франции, Маркс становится материалистом и коммунистом. Теперь он все более отчетливо сознает значение экономического строя в жизни общества. Поэтому с конца 1843 года Маркс приступает к систематическому изучению трудов по политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, Ж. Б. Сэя, Ф. Скарбека, С. Сисмонди и других эконо-

мистов, о чем свидетельствуют обширные выписки из этих трудов в «Экономическо-философских рукописях». В это же время Маркс изучал труды по истории французской буржуазной революции конца XVIII века, в том числе работы французских историков Тьерри, Гизо и других.

Характеризуя действительную основу своих выводов, Маркс писал в «Экономическо-философских рукописях»: «Мы берем отправным пунктом современный политико-экономический факт» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 560). Стало быть, факты опровергают измышления об априорности выводов Маркса, сделанных в «Экономическо-философских рукописях». Тем не менее марксизм как научное учение здесь еще только складывается. Потребовались долгие годы самоотверженной революционной борьбы Маркса и его соратника Энгельса, их участие в деятельности «Союза коммунистов», а затем созданного по их инициативе I Интернационала, долгие годы упорного научно-исследовательского труда Маркса, прежде чем была создана вершина марксистской науки — «Капитал», в котором теоретические выводы обоснованы и подкреплены «монбланом фактов».

«Капитал» — качественный скачок в развитии марксизма, но он, с другой стороны, не вышел из головы Маркса, как Минерва, в готовом виде, а подготовлен трудами, созданными Марксом и Энгельсом от «Экономическо-философских рукописей» до работы «К критике политической экономии».

Второй основной довод против марксизма («марксистская политическая экономия — этика») тесно связан с первым. Он зиждется на фальшивом, действительно априорном тезисе о том, что в основе «Капитала» лежит якобы «теория отчуждения», анализ уничтожения «отчуждения труда». Теория же отчуждения, утверждают католические критики марксизма, относится к морали.

Роже Гароди справедливо замечает, что в течение последних 20 лет критики марксизма пытаются направить теорию отчуждения против марксизма. Но все дело в том, что в основе экономической теории Маркса лежит отнюдь не теория «отчуждения труда», а учение о прибавочной стоимости, раскрывающее самую суть капиталистической эксплуатации. Учение о прибавочной стоимости не является лишь перефразированием теории «отчуждения труда» или «самоотчуждения рабочего».

Но если уж во что бы то ни стало хотят видеть в «Капитале» анализ уничтожения «отчуждения» (хотя Маркс в своем труде не употребляет этот термин), то надо иметь в виду следующее, говорил Р. Гароди: 1) Отчуждение здесь не является отчуждением человека вообще. Так было у Фейербаха, и именно Маркс критиковал его за это. Речь идет об отчуждении труда, что находит свое законченное выражение в отчужденном труде пролетария при капитализме. Отчуждение не является вечной категорией. 2) Отчуждение не относится к области духовных явлений, не является актом духа, опредмечивающего себя. Так

было у Гегеля, и именно Маркс критиковал его за это. Речь идет не о внутренних требованиях идеалистической и мистической системы, подобной системе Гегеля, а об анализе конкретных данных: товара и его кругооборота, денег и их превращения в капитал при капиталистическом строе. Отчуждение у Маркса не является абстрактной категорией. 3) Отчуждение не является своего рода фатальным проклятием, лежащим на человеческом труде и человеческой практике. Будучи исторически преходящим явлением, связанным с определенной формой производства, оно исчезает, когда исчезают экономические условия, породившие его и обеспечивавшие его сохранность. Отчуждение исчезает не потому, что человек находит его несправедливым и выступает против него с моральным протестом, а потому, что породившая его система содержит в себе внутренние противоречия, которые ведут ее к гибели. Устранить экономические категории, исходя из моральных требований, пытался Прудон, и именно Маркс критиковал его за это. Марксистская теория не имеет «нормативного» характера, как это утверждают ее католические критики.

Эти последние, далее, ставят в вину Марксу то, что он якобы не является объективным, так как он осуждает капиталистов, и поэтому «Капитал» нельзя считать научным исследованием. Между тем сам Маркс, предвидя этот упрек со стороны буржуазных ученых, отразил его в предисловии к первому изданию «Капитала» (см. К. Маркс «Капитал», т. 1, 1949, стр. 8).

Наконец, третий основной «вывод», к которому приходят католические критики марксизма, заключается в том, что «марксизм — религия». Несмотря на всю очевидную абсурдность этого утверждения, это одно из самых распространенных за последние десятилетия обвинений против марксизма со стороны его буржуазных критиков. В самом деле, его можно встретить в антимарксистских писаниях самых разных лиц: бывших деголлевцев Р. Арона, Р. Кэллуа, Тьерри-Мольнье, у близких к правым социалистам Мерло-Понти, Ипполита и др. Теперь его выдвинули католические критики марксизма.

Маркс, утверждают они, видел в пролетариате избранный класс, на который провидением возложена «универсальная» миссия освобождения человечества и восстановления «человеческой личности». Пролетарская революция становится, таким образом, выполнением своего рода религиозной миссии, неосуществимость которой потом доказывается.

Французские марксисты, опираясь на тексты работ Маркса, разоблачили и этот миф, изобретенный «критиками» марксизма. В известном «Циркуляре против Криге» Маркс и Энгельс со всей решительностью осудили попытки «пророка любви» Криге превратить коммунизм, научное учение, в религию.

Согласно утверждению «отцов»-иезуитов, марксизм — религия, но, разумеется, ложная религия, ибо-де вместо истинного ре-

шения проблемы отчуждения (а настоящее отчуждение, полагают они, лишь одно — первородный грех, восстание человека против бога) он проповедует ложное.

В этом выводе и заключается вся суть критики марксизма католическими «отцами». Раз марксизм — ложная религия, его надо заменить истинной, сиречь христианством в его католическом варианте. Или еще тоньше — его можно подправить, христианизировать и в таком виде адаптировать в интересах католичества!

Попытки «отцов»-иезуитов обработать марксизм под религию преследуют цель разложить рабочий класс идеологически, внедрив в него новый вид ревизионизма — католический ревизионизм, который, однако, легко смыкается с традиционным ревизионизмом — социал-демократическим.

Бесполезно делать революцию, убеждает трудящихся «отец» Кальвес. «Революция может уничтожить особый вид экономического отчуждения — отчуждение капиталистическое... Но она не уничтожит всех форм экономического отчуждения, в особенности она не уничтожит коренным образом другие формы отчуждения». Это совпадает с утверждением Леона Блюма и его ближайшего ученика Ж. Изара о том, что коренной задачей социалистов является не проповедь революции, а внедрение «высокой морали» и что социализм ныне — «почти религия».

Нет возможности и необходимости излагать все аргументы «отцов»-иезуитов против марксизма и их попытки извращения марксизма, по большей части заимствованные у Ж. Ипполита, А. Кожева, Мерло-Понти, Р. Арона и других антимарксистов. Тут можно встретить и приписывание Марксу нищенской идеи о «воле к власти», лежащей якобы в основе всякого общественного развития; и клеветническое утверждение об отсутствии свободы в социалистическом обществе; и фальшивое рассуждение о «смерти диалектики» в Советском Союзе и странах народной демократии (это основной мотив «труда» «отца» Шамбра, и Жорж Коньо в своем выступлении показал всю нелепость этого утверждения); и противопоставление Маркса Энгельсу и Ленину, и т. д., и т. п.

В своих выступлениях французские марксисты подвергли научной критике все эти необоснованные измышления «отцов»-иезуитов¹.

¹ Следует отметить, что это не единственное выступление французских марксистов против католических «критиков» марксизма. В июльском номере (№ 86) журнала «Нувель критик» напечатана обстоятельная статья Мориса Кавейна «Марксизм и христианство», в которой всесторонне опровергаются измышления «отца» Кальвеса. Эта дискуссия продолжается и в ноябрь-

В заключительном выступлении на диспуте член Политбюро ЦК КПФ Лоран Казанова рассмотрел вопрос о необходимости решительной идеологической борьбы с противниками коммунизма при одновременном самом широком участии коммунистов во всяком демократическом движении.

Коммунисты — убежденные сторонники мирного сосуществования между государствами с различными системами, сказал Лоран Казанова. Но это не значит, что они согласны с «мирным сосуществованием идеологий», понимаемым как отказ от борьбы за победу пролетарской идеологии над буржуазной. Коммунисты — самые решительные противники ликвидаторского ревизионизма. Так называемое мирное сосуществование идеологий ведет к фактическому отрицанию классовой борьбы и ее требований.

В борьбе за требования народных масс коммунисты могут вступать в союзы с партиями, течениями и лицами, не придерживающимися пролетарской идеологии.

В то же время коммунисты будут со всей силой отстаивать свои теоретические основы — марксизм-ленинизм — от нападков любых критиков, какими бы мотивами они ни руководствовались.

К этим словам можно добавить, что идеологическая борьба, борьба за чистоту марксистско-ленинских идей, не только не противоречит борьбе за единство действий в массовых организациях, но, напротив, является одним из условий этого единства, сколь это, на первый взгляд, ни кажется противоречивым.

В самом деле, нападки на марксистско-ленинскую идеологию со стороны ее противников чаще всего обусловлены именно стремлением нанести с этой стороны удар по единству действий с коммунистами. Все стремления врагов марксизма направлены к тому, чтобы убедить массы в невозможности этого единства из-за якобы ошибочности марксистской идеологии и тем самым воспрепятствовать широкому развитию организованного демократического движения масс.

Своими выступлениями на диспуте французские марксисты дали прекрасный образец наступательной идейной борьбы со своими противниками, показали, как надо защищать марксизм-ленинизм и опровергать любую разновидность буржуазной идеологии, и тем самым они внесли вклад в демократическую борьбу трудящихся масс за мир и свободу.

Н. А. САДОВСКИЙ (Сталинабад)

ском номере (№ 90) того же журнала, где напечатаны возражения Ж.-И. Кальвеса на упомянутую статью и ответ ему М. Кавейна.

Похороны русского либерализма

О книге С. Л. Франка «Биография П. Б. Струве». Нью-Йорк. 1956 г.

Книга Семена Франка — примечательное явление в эмигрантской литературе. Она содержит в известной мере историю русского буржуазного либерализма, его саморазоблачение, его смертный приговор.

По замыслу книга очень проста. В ней дано описание жизни и деятельности одного из самых видных представителей буржуазного контрреволюционного либерализма, П. Б. Струве (1870—1944). Однако поскольку жизнь и деятельность Струве теснейшим образом связаны с либеральным движением в России, то автор, вольно или невольно, касается основных этапов развития этого движения. В книге выделяются четыре этапа либерализма: 1) его оформление (конец XIX — начало XX века); 2) его эволюция в годы первой русской революции (1905—1907 годы); 3) либеральное движение в годы войны и революции (1914—1918 годы); 4) белая эмиграция.

С. Франк, не только свидетель, но и активный деятель либерального движения, друг и соратник П. Струве, сам пережил трагедию русского либерализма. И поэтому книга дает полное ощущение этого краха. Когда читаешь книгу С. Франка, то как бы слышишь похоронный звон по русскому либерализму с его идеями и организациями. Разумеется, субъективные намерения автора были совсем иные: они состояли в оправдании, возвеличении либерализма и философского идеализма и, конечно, в критике марксизма и коммунизма. Он стремился внести свою лепту в труды по реставрации русского либерализма, которые использует современная реакция в борьбе против коммунизма. Однако личные намерения — одно, а опыт истории, действительность, которую автор не смог полностью скрыть от читателя, — другое.

Первый вопрос, который рассматривается в книге, это вопрос об отношении П. Струве к марксизму. Был ли он действительно марксистом? На этот вопрос С. Франк отвечает отрицательно. По своей натуре, по своему характеру, говорит Франк, П. Струве не мог быть партийным человеком, не мог «быть плененным какой-либо партийной узостью, односторонностью и пристрастностью» (стр. 202).

Автор книги категорически отвергает рассуждения некоторых авторов об эволюции П. Струве от марксизма к либерализму. Он считает, что эти рассуждения основаны на недоразумении, и доказывает, что Струве был вечным либералом, сторонником «свободы»; в самом существе он не изменялся и всегда отрицательно относился и к большевикам и к меньшевикам. Он был, как пишет Франк, «двух станов не боец, а только гость случайный». Однако через всю книгу красной нитью проходит мысль, что этот «гость случайный» всю жизнь вел борьбу против революционных сил русского народа, против русской революции. Известно, что в

области политики П. Струве пытался укреплять капитализм путем устранения наиболее вопиющих его недостатков.

В области теории П. Б. Струве пытался приспособить марксизм к потребностям буржуазной идеологии, представить марксизм в виде тред-юнионизма. А для этого надо было лишить его революционного содержания, из его философского учения изгнать диалектику как революционный метод познания и преобразования мира. Больше того, как пишет Франк, П. Струве задумал «гениальное дело»: обосновать мировоззрение марксизма на новокантианском «критицизме», то есть идеализме (см. стр. 17). И на этом пути П. Струве, как свидетельствует Франк, «стал для многих из нас водителем». Куда же он вел? К идеализму, к неокантианству, к либеральному заигрыванию с царизмом. О том, как повлияли идеи П. Струве на автора книги, сам Франк рассказывает: «Повертевшись первые два года студенческой жизни в революционной социал-демократической среде и участвуя в ее подпольной работе, почувствовал, что я начинаю задыхаться в этой атмосфере сектантской веры» (стр. 18).

П. Струве, а вслед за ним С. Франк, обратился к Ницше, воззрения которого, как о том пишет сам Франк, были ему очень близки. Прочитав «Так говорил Заратустра», он был потрясен «атмосферой глубины духовной жизни», «осознал реальность духа» и стал одним из вождей «религиозного возрождения русской интеллигенции».

Начиная со сборника «Проблемы идеализма» и журнала «Освобождение» и кончая белоэмигрантскими листками, П. Струве, а вместе с ним С. Франк и их немногочисленные соратники вели безуспешную борьбу против роста революционного самосознания русского народа, или, как пишет С. Франк, против «русского политического максимализма и разнуздания злых, насильнических страстей народных масс, против революционно-максималистских стремлений русской радикальной интеллигенции, против господствующего материализма, за необходимость религиозно-метафизических основ мировоззрения».

Русский либерализм как огня боялся народной революции, народных масс, стремившихся к свободе. «Главная опасность России грозит не справа, а слева» — вот основная идея, преследующая всю жизнь русский либерализм и его вождя П. Струве.

Спасение России от грозившей ей катастрофы либералы видели не в революции. Прочная и благотворная свобода, говорил Струве, может быть утверждена только постепенным приобщением низших классов к культуре и государственным навыкам высших, образованных слоев общества. Культурничество в рамках царской законности и благотворительность — вот предел «радикализма» либералов.

Народная революция в России в 1905—1907 годах явилась первым серьезным испытанием для русского буржуазного либерализма. Это испытание со всей очевидностью показало, что русский либерализм ничего общего не имеет с народом, с прогрессивными силами общества. С самого начала русской революции П. Струве встал в оппозицию не к царизму, а к... русскому революционному движению. Свое предательское отношение к революции П. Струве обосновал следующим тезисом: «Умеренные партии при умелой тактике всегда выигрывают от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами».

В то время как революционные силы русского народа вели смертельную борьбу против царизма, кадеты заигрывали с тем же царизмом, выторговывая у него для себя местечко в Думе. Они боялись революционного взрыва, называя его «разнузданными, злыми силами насильнических страстей народных масс», угрожающими снести вековую культуру и прочие ценности, а самое главное, чего они страшились, это собственной гибели, гибели своего класса. В. И. Ленин в целом ряде работ глубоко вскрыл социальную сущность русского либерализма. В статье «Отношение к буржуазным партиям» (1907), оценивая деятельность Струве, Ленин писал:

«Его тяготение к октябристам, его ненависть к левым — поистине классическое выражение имманентных тенденций либерализма... Г. Струве чувствует бессилие буржуазной интеллигенции и хочет переставить центр тяжести либерализма поближе к имущим классам... Писания г. Струве будут, видимо, тем безграмотнее и тем яснее, чем ближе этот господин будет приближаться к недалеко уже стоящему от него Союзу русского народа...

Да, это не случайность. Буржуазный либерализм бессилен как партия интеллигентская. Он бессилен вне борьбы с революционным («темные социальные инстинкты») крестьянством. Он бессилен вне тесного союза с денежным мешком, с помещичьей массой, с фабрикантами... с октябристами. Что правда, то правда. Мы давно говорили кадетам: «что делаешь, делай скорее». Кто за соглашение с короной — к октябристам, к Столыпиным, к Союзу русского народа» (В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 455—456).

Таково было лицо русского либерализма в первой народной революции. Он оказался в союзе с короной против народа. И вполне естественно, что последующее развитие освободительного движения в России пошло мимо либерализма и вопреки ему. Буржуазный либерализм с его тоской по куцей конституции, с его призывами к смирению, культурничеству в рамках законности с каждым днем хирел.

Дальнейшие события русской и мировой истории все дальше и дальше отодвигали П. Струве вправо, в объятия к царизму. Величайшим испытанием для политических партий явилась первая мировая война. П. Струве, а вместе с ним все либералы оказались на службе у царизма. С са-

мого начала войны, пишет С. Франк (см. стр. 104), П. Струве «испытывал редкое в его жизни счастливое чувство своей солидарности с общественным настроением» (то есть с помещиками и шовинистической буржуазией); он твердо занял шовинистическую линию, ратовал за войну до победы.

Февральскую революцию П. Струве встретил в осажденной Думе. Он принял предложенный ему Милюковым пост директора экономического департамента Министерства иностранных дел. С падением Милюкова пал и П. Струве. Период, наступивший после февраля 1917 года, П. Струве вместе с С. Франком называли «порой безумия».

Содрогаясь от страха перед революционным народом, поднявшимся против помещичье-буржуазных порядков, воспринимая революционное движение народа как надвинувшуюся анархию, С. Франк спустя много лет так пишет о революции: «Чернь, расхватывавшая оружие, солдаты, нагло разгуливавшие с сознанием совершенного ими «геройства» революции..., убийство матросами офицеров — все это создавало неотразимое впечатление, что Россия катится в бездну» (стр. 112).

Как и вся буржуазия, русские либералы, и прежде всего их лидеры П. Струве, П. Милюков и другие, под предлогом защиты культуры и цивилизации выступили против развития революции, против революционного народа.

Вспоминая о настроениях и переживаниях П. Струве после февраля 1917 года, Франк пишет: «После первых дней оптимизма он сразу же остро ощутил смертельную опасность революции и ринулся в борьбу против нее» (стр. 113).

Для борьбы против революции при газете «Русская мысль» был создан еженедельник «Русская свобода», целиком направленный против революции. Однако, как пишет С. Франк, либералы «делали безнадежную попытку листами «Русской свободы» заткнуть прорвавшуюся плотину огромного бушующего потока» (стр. 115).

Контрреволюционные либералы не только листами «Русской свободы», не только проклятиями по адресу революции пытались остановить неумолимый ход истории. Они пускали в ход провокации и оружие. Но все было безуспешно.

П. Струве, С. Франк и другие лидеры либерализма задумали противопоставить революционному народу русскую интеллигенцию. Они пытались созвать что-то вроде всероссийского совещания интеллигенции, чтобы противопоставить ее революции. Однако лучшие представители русской культуры ответили отказом принять участие в этом совещании. А. Блок, в частности, мотивировал свой отказ тем, что на этом совещании будет Родзянко, но не будет М. Горького. Так же отнеслись к этому совещанию и другие представители русской культуры.

Крупнейшие деятели русской культуры К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, А. А. Блок,

В. Я. Брюсов и многие другие пошли с народом

П. Струве, С. Франк и К° поддержали корниловский мятеж, рассчитывая на то, что Корнилов раздавит революцию. Однако корниловщина была сметена силами революционного народа.

Но провал корниловского мятежа не обескуражил контрреволюционных либералов. П. Струве заявил тогда: «Это была Нарва русской контрреволюции, за которой вскоре последует ее Полтава» (стр. 118). Но П. Струве, а вместе с ним и все его соратники-либералы всегда отличались удивительной слабостью по части предсказаний: Нарву они имели, даже неоднократно, а Полтавы русская контрреволюция так и не получила.

Великая Октябрьская социалистическая революция до основания потрясла весь старый мир. Русское либеральное движение восприняло революцию как величайшее бедствие, как что-то не поддающееся оценке по своей катастрофичности. Вместе с Врангелем П. Струве был выброшен Советской Армией в Константинополь, откуда он уехал в Париж.

За границей П. Струве вместе с П. Милюковым и другими бывшими кадетами стал одним из руководителей белой эмиграции. В Париже эмигрантами была организована «Религиозно-философская Академия» по типу «Академии духовной культуры», основанной Бердяевым в Москве в 1921—1922 годах, созданы газеты «Возрождение», которую до 1927 года редактировал П. Струве, «Последние новости», редактировавшиеся П. Н. Милюковым, «Руль» — Кизеветтером; там же был создан богословский институт, готовящий священников. Струве и Милюков были объявлены профессорами эмигрантских институтов.

С. Франк в 1923 году выпустил книгу «Крушение кумиров», в которой призывал молодежь эмиграции «к религиозному и духовному углублению». В Париже обсуждался вопрос о будущей форме правления в России. При этом, как свидетельствует С. Франк, для бывших либералов не имел принципиального значения вопрос, «монархия или республика».

Так было до тех пор, пока эмиграция имела золото, вывезенное из России, и пока хозяева, приютившие «изгнанников», рассчитывали на них со временем заработать. Как только стало ясно, что Советская Россия вполне обходится без «бывших людей», больше того, молодая Россия становится мощным, независимым государством, хозяева стали обижать гостей, и в их лагере все чаще стали возникать раздоры. Вести борьбу против России становилось все труднее.

В 1930 году С. Франк приехал из Берлина в Белград повидать своего старого друга П. Струве. Он посетил его лекцию в Русском научном институте, и, как вспоминает Франк, «было прискорбно видеть, что эту безмерную сокровищницу своих знаний он рассыпал перед немногими старыми русскими генералами и старуш-

ками, составлявшими его аудиторию» (стр. 155).

Как считает Франк, к 1938 году стало ясно, что русский контрреволюционный либерализм, окопавшийся в эмиграции, оказался не столько на распутье, сколько на беспутье. Запоздалое признание!

Жить становилось все труднее. В последние годы жизни П. Струве, как сообщает С. Франк, запутался в долгах, а помощь ниоткуда не приходила. Попытка организовать сбор через «Последние новости» П. Н. Милюкова не увенчалась успехом. Получить английскую или американскую научную стипендию П. Струве также не удалось: хозяева отказали. «Я жалею,— говорил П. Струве,— что не разбит параличом, не сошел с ума, может быть тогда русская эмиграция вспомнила бы обо мне» (стр. 170).

26 июня 1944 года П. Б. Струве скончался. Хоронили его лишь несколько стариков и старух, которые с ним вместе доживали свой век в эмиграции.

В последние годы своей жизни П. Струве пытался писать историю России. Но так ничего и не написал. С. Франк объясняет это тем, что П. Струве разбрасывался, не мог сосредоточиться на одном каком-нибудь предмете. Но дело, конечно, не в том, что П. Струве разбрасывался. Причина в другом — в отсутствии глубоких познаний, в скудости мысли, в том, что покойный держался ложных исходных принципов познания общественных явлений. Как выяснил В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.), П. Струве не отличался ни глубиной мышления, ни строгостью суждений; в своих работах он не шел дальше робких и двусмысленных замечаний. Никакого вклада в социальные науки, как выяснил Ленин, Петр Струве не внес. П. Струве пытался подвергнуть критике систему Ключевского. Но это ему было совсем не по плечу.

«Несомненно,— пишет Франк о наследии П. Струве,— что все его произведения, все, что он оставил после себя, есть только фрагменты, скудные отрывки той сокровищницы знаний и постижений, которой он обладал и которую унес с собой» (стр. 227). К этому справедливому мнению автора (относительно скудости) можно только добавить, что и эти скудные отрывки никакого научного значения не имеют.

С. Франк умер шесть лет спустя после смерти П. Струве. В 1939 году он выпустил философский труд под названием «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», где пытался доказать, что нет и не может быть никакой философии, кроме религиозной,— мысль, действительно непостижимая для здравого смысла.

Незадолго до смерти С. Франк похвалялся, что они вместе с П. Б. Струве якобы преодолели традиционное безбожие русского интеллигентского сознания, преодолели атеизм, материализм, марксизм.

Вряд ли стоит опровергать эту маленькую неправду покойных лидеров покойного русского контрреволюционного либерализма. Можно, пожалуй, только напомнить, что Г. В. Плеханов, допустивший в 90-е годы не критическое отношение к Струве, анализируя в своих трудах его работы, доказал их полную теоретическую несостоятельность и убедительно показал, что Струве не только не смог раскритиковать марксизм, но и оказался совершенно неспособным понять содержание теории, которую взялся критиковать.

Г. В. Плеханов, разбирая взгляды Струве и его критические потуги, писал, что «если бы «критический опыт» П. Струве застал Маркса в живых и если бы автор «Капитала» дал себе труд ознакомиться с содержанием этого невероятного опыта, то ему оставалось бы только развести в недоумении руками и воскликнуть, несколько изменяя слова героя в некрасовской поэме «Суд»:

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что критик мой сказал,
Своей я мысли не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно:
Ни рожь, ни греча, ни пшено —
Ячмень колючий и притом
Наполовину с дурманом».

(Г. В. Плеханов. Соч., изд. 1928 г., том XI, стр. 155).

Теоретические и политические концепции русских либералов, их попытки иногда подделаться под марксизм блестяще разоблачил Ленин в ряде своих работ, в том числе в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» (1901), направленной против Струве.

В. И. Ленин доказал, что развиваемая Струве «теория смирения самодержца» выражает раболепие буржуазного либерализ-

ма перед царизмом. Что же касается философских концепций либерализма, то они не идут дальше пережевывания на новый лад наиболее слабых построений И. Канта.

Философские и теоретические концепции П. Струве и его соратников были подвергнуты уничтожающей критике В. И. Лениным еще в конце XIX и в самом начале XX века.

В работах Ленина доказана полная теоретическая несостоятельность всех концепций общественного развития России, выдвинутых «теоретиками» либерализма. Либеральные деятели никогда не давали себе труда аргументировать выдвигаемые положения, проявляя вопиющую беззаботность по части аргументации; они выступали со статьями и книгами, в которых «блистали своим отсутствием» и логика и факты. Разгромленные Лениным политические и теоретические положения либералов не имели уже возможности оказать сколько-нибудь заметного влияния на общественную мысль России, на освободительное движение. Вот почему и похороны русского буржуазного либерализма оказались бедными и почти никем не замеченными.

Однако надо сказать, что за последние годы в ряде буржуазных стран необычайно вырос «спрос» на «труды» русских либералов-веховцев: Бердяева, Франка, Струве и др. Об этом говорит уже сам факт издания «Биографии» П. Б. Струве в 1956 году в Нью-Йорке. Высокую оценку этой «Биографии» дал автор клеветнических работ о Советском Союзе Л. Шапиро, ознакомившийся с книгой еще в рукописи (см. его статью о «Вехах» в журнале «The Slavonic and East European Review», December 1955, pp. 56—76). Небезызвестный иезуит Г. Веттер немало позаимствовал у веховцев для своей «критики» марксизма.

Ясно, что все эти, в сущности, безнадежные, попытки воскрешения давно умершего и разложившегося русского либерализма требуют своевременного разоблачения.

С. И. МИХАЙЛОВ

Новая книга по истории логики

Ангел БЪНКОВ. История на логиката. София. 1957, 398 с.

В рецензируемой книге дается систематическое изложение развития формальной (элементарной) логики. Книга представляет собой первую попытку критического рассмотрения с точки зрения марксизма-ленинизма развития элементарной логики с древних времен до наших дней. Вот почему она не может не привлечь внимания философов, интересующихся проблемами логики.

В начале «Введения» автор книги, профессор Софийского государственного университета Ангел Бънков, отмечает ошибку Канта, который утверждал, что логика еще у Аристотеля получила свое завершение как наука. Содержание книги достаточно ясно говорит о том, что логика как наука

о формах и законах мышления развивалась. Проблемы логики всегда являлись предметом ожесточенной борьбы между материализмом и идеализмом. В результате этой борьбы, а также в результате разрешения задач, поставленных перед логикой развитием конкретных наук, углублялось и расширялось познание логических форм и законов.

Далее во «Введении» определяется предмет и характер логики как науки, предмет истории логики, отмечается как различие, так и та общность, взаимная связь, которая имеет место между формально-логическими и диалектическими законами.

Автор исходит из положения, что фор-

мально-логические законы являются отражением наиболее простых, всеобщих и необходимых связей и отношений. Вместе с другими болгарскими логиками автор придерживается мнения, что объективной основой закона достаточного основания является единство общего и единичного, в то время как большинство логиков считает объективной основой этого закона причинные или даже взаимообуславливающие связи предметов и явлений. Формы мышления автор определяет не как структуру, строение «чистых» мыслей, а как отражение наиболее общих связей и отношений предметов и явлений действительности.

Отношения между логикой элементарной и логикой диалектической определяют, как их предметом, так и закономерностью самого процесса познания. А именно: постоянные признаки, свойства и отношения вещей, составляющие предмет элементарной логики, более просты и доступны человеческому познанию, поэтому их познание предшествует познанию изменяющихся признаков, свойств и отношений, которые являются предметом диалектической логики. В вопросе о соотношении формальной и диалектической логики автор книги придерживается плехановского решения.

А. Бынков пишет, что нам до сих пор еще не удалось всесторонне охватить и определить формы и законы мышления, что с постепенным их познанием формальная логика развивается как наука. История логики должна отразить именно это развитие познания законов и форм мышления.

В разделе «Возникновение логики у древних народов» А. Бынков останавливается сначала на том, что было создано древнегреческими философами в области логики до Аристотеля. Аристотель не создал логики на пустом месте. До него были разработаны отдельные вопросы логики, были даже даны первоначальные формулировки законов противоречия и достаточного основания. С именем же Аристотеля связано первое сравнительно целостное учение о формах и законах мышления. Автор дает обстоятельный анализ логического учения Аристотеля.

Останавливаясь на учении Аристотеля об общем и понятии, автор пишет, что Аристотель исходит из положения, что общее дано в единичном, что понятие образуется путем обобщения чувственных данных. Однако Аристотель не мог понять перехода от ощущения к мышлению и запутался в диалектике общего и отдельного, понятия и ощущения.

Рассматривая аристотелевские категории сущности и отношения, проф. Бынков пишет, что «первая сущность» как нечто единичное есть субъект в суждении, а «вторая сущность» как нечто общее может быть предикатом суждения. Аристотель подчеркивает, что общее дано в единичном и может служить его определением (признаком), в то время как единичное не может служить определением общего. Автор считает эту мысль Аристотеля очень правильной и не соглашается с некоторыми логиками, которые и теперь еще утверждают,

что предикатом может быть и нечто единичное.

Излагая учение Аристотеля о суждении, автор «Истории логики» указывает на материалистическую основу классификации суждений по качеству, количеству и модальности, критикует идеалистическое извращение аристотелевского учения о суждении Зигвартом, Бергсоном и другими авторами. А. Бынков видит основной недостаток аристотелевской классификации суждений в том, что он не разделял суждений по содержанию предиката на суждения о свойствах и суждения об отношениях. Сам А. Бынков делит все суждения на две большие группы: по субъекту и по предикату. Суждения по субъекту делятся на общие, частные и единичные, а по предикату — на суждения о свойствах и суждения об отношениях.

Останавливаясь подробно на учении Аристотеля о силлогизме, автор «Истории логики» пытается раскрыть значение среднего термина. «Средний термин служит для связи общего с более частным или единичным или обратно — единичного с общим; общее связывается с единичным при помощи особенного, а единичное, со своей стороны, связывается с общим опять-таки при помощи особенного. Средний термин совершает это, потому что он есть субъект и предикат в предпосылках. Будучи субъектом в большой предпосылке, он играет роль особенного (общее приписывается особенному) и как предикат в малой — играет роль общего» (стр. 50—51). Отношение в первой фигуре силлогизма следующее: общее присуще особенному, особенное — единичному, следовательно, общее присуще единичному. Автор подчеркивает, что средний термин, как видно из отношения между терминами в первой фигуре силлогизма, имеет объективное содержание: он отражает объективную общую связь между предметами.

А. Бынков не соглашается с мнением некоторых логиков, что только суждения о свойствах и состояниях имеют субъектно-предикатную структуру, а суждения об отношениях ее не имеют. Автор защищает аристотелевскую точку зрения о субъектно-предикатной структуре каждого суждения.

Автор «Истории логики» считает, что имеются три основные формы умозаключения: индукция, дедукция и традукция. В этой связи он отмечает некоторые недостатки в учении Аристотеля об умозаключении.

Далее автор рассматривает логические учения в древней Индии. Логика в древней Индии возникает позднее и независимо от древнегреческой. Возникает вначале тоже как метод и руководство в научных спорах. Это, по мнению автора, означает, что у этих народов существовали приблизительно одинаковые условия, вызвавшие возникновение логики как науки.

Раздел «Логика в новое время — в эпоху капитализма» автор начинает с анализа вклада в область логики Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Р. Декарта, Б. Спинозы и Лейбница, останавливается подробно на

логических теориях в философии Канта и Гегеля и заканчивает раздел развитием логики в России в конце XIX века и в начале XX века (М. Каринский и Л. Рутковский).

В период становления капитализма на передний план выдвигается учение об индукции и ведется борьба со схоластически извращенной аристотелевской силлогистикой. Автор «Истории логики» прослеживает связь идей философов этой эпохи, их борьбу за новую логику с общественно-экономическим и с естественнонаучным развитием. Излагая учение Ф. Бэкона о научной индукции, проф. Бынков пишет, что, хотя Бэкон и критиковал логику Аристотеля, в конце концов теория Бэкона об индукции есть не что иное, как продолжение и развитие мыслей Аристотеля об индукции (см. стр. 117).

Гоббс и Локк продолжают материалистическую линию Бэкона. Но как номиналистическая точка зрения Гоббса, так и концептуалистический взгляд Локка неблагоприятно отражаются на понимании вопроса о сущности и образовании понятия, поскольку они оба отрицают объективное существование общего.

Далее автор подчеркивает значение идей Декарта и его школы для развития элементарной логики, особенно значение так называемой логики Пор-Рояля, которая восстанавливает содержательный характер логики Аристотеля, подавленный средневековой схоластикой.

Заслуживает внимания критика, которой автор подвергает точку зрения Лейбница о законе достаточного основания. В своем труде «Новые опыты о человеческом разуме» Лейбниц обосновывает и формулирует этот закон, исходя из каузальных связей. А. Бынков считает, что исходить из причинных связей односторонне и неточно. Более правильно считать, что объективной основой закона достаточного основания является единство общего, особенного и единичного.

Автор раскрывает гносеологические основы логического формализма Канта, хотя и подчеркивает некоторые рациональные моменты точки зрения Канта о суждении. Проф. Бынков отвергает кантовское деление суждений на аналитические и синтетические, так как анализ и синтез неразрывно связаны между собой и оба применяются при образовании каждого суждения. Он также отрицает утверждение Канта, что в одних суждениях (аналитических) предикат содержится в субъекте, а в других (синтетических) не содержится в субъекте. Бынков подробно доказывает, что в каждом суждении предикат содержится в субъекте. Автор находит, что кантовское деление суждений на суждения о восприятиях и опытные является неправильным. Суждения восприятий с точки зрения Канта суть те, которые состоят из синтеза ощущений. Это неправильно, отмечает А. Бынков, так как все суждения состоят из понятий. Предикат всегда является отражением общего в предметах и поэтому не может быть ни ощущением, ни восприятием, ни представлением.

Значительный интерес представляет изложение и анализ логики Гегеля. Критикуя идеалистическое положение Гегеля, что из понятия, из общего выкристаллизовываются единичное, особенное и все разнообразие действительности вообще, автор указывает на ценную мысль Гегеля, что в понятии существуют три момента: общее, особенное и единичное. Имеется рациональное содержание также и в мысли Гегеля о том, что суждение не есть только форма мышления, но и форма бытия. Субъект раскрывает свой предикат, как предмет раскрывает свои свойства. Материалистически истолкованные, эти мысли означают, что суждение как форма мышления является отражением действительности.

Гегель приходит к совершенно правильному выводу, что субъект может быть единичным и особенным, а предикат — особенным или общим. Он отвергает мнение, что предикат может быть чем-то единичным. Гегель, однако, не может объяснить некоторых суждений, которые, по видимости, имеют «единичные» предикаты, и торопится их объявить предложениями, а не суждениями. А они, в сущности, по мнению проф. Быкова, являются суждениями отношений.

Автор находит ценные мысли и в учении Гегеля об умозаключении, где раскрывается объективное содержание (отношение между единичным, особенным и общим) силлогизма и его фигур. Без сомнения, говорит проф. Бынков, объективной основой каждого умозаключения является единство общего, особенного и единичного, так как индукция представляет движение мышления от единичного к общему, дедукция — обратное, а традукция есть движение мышления от одной степени общности к новому познанию той же степени общности (стр. 234). Гегель выступает как противник формалистического рассмотрения фигур и модусов силлогизма. Ценным у Гегеля является его борьба с формализмом Лейбница и Канта. Разумеется, подчеркивает автор, содержательная логика может быть создана только на основе материалистической теории отражения.

Автор останавливается и на критике, которой Гегель подвергает законы формальной логики — закон тождества, противоречия и исключенного третьего. Он подчеркивает, что Гегель не отрицал формальной логики и ее законов, а отрицал только их метафизическое толкование.

Далее в труде рассмотрены взгляды классиков марксизма-ленинизма на формальную логику. Автор выявляет значение материалистической теории отражения и учения о единстве общего, особенного и единичного для правильного объяснения элементарных логических форм и законов.

В специальном разделе книги рассмотрены логические вопросы в произведениях русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова. (Этот раздел является кратким изложением мыслей автора, разработанных в его труде «Вклад русской классической философии XIX века в развитие логики», опубликованном в 1947—1948 годах.) В кон-

це раздела автор останавливается на логических идеях в трудах М. Каринского и Л. Рутковского. По мнению Бынкова, наследство М. Каринского и Л. Рутковского до сих пор не вполне еще использовано. Оно намного превышает ценность логических авторов того времени. Проф. Бынков отмечает вклад Каринского в учение о классификации суждений и считает, что его классификация может быть воспринята с известной переработкой в настоящее время. Один из основных недостатков традиционной логики, по мнению Бынкова, состоит в том, что все умозаключения сводятся к индукции или дедукции, в том числе и те, которые не являются ни индуктивными, ни дедуктивными. Этот недостаток, говорит автор, Каринскому удалось преодолеть в своем труде «Классификация выводов». Но Бынков не соглашается с Каринским в том, что гипотеза есть отдельная форма умозаключения наряду с индукцией, дедукцией и традицией. Она, по мнению автора «Истории логики», есть сложная форма умозаключения, которая охватывает собой моменты всех трех форм умозаключений.

В предпоследнем разделе — «Буржуазные логические учения в эпоху империализма» — автор останавливается на ал-

гизме в буржуазной философии (интуитивизм А. Бергсона, прагматическая и неокантианская философия, позитивизм и т. п.).

Свою «Историю логики» А. Бынков заканчивает кратким очерком истории логики в Болгарии, в котором он описывает борьбу материализма с идеализмом в области логики. Он отмечает большую заслугу академика Тодора Павлова в этой борьбе за торжество диалектической логики в Болгарии.

А. Бынков неоднократно отмечает значительные заслуги советских философов в уяснении проблем логики и истории логики.

В послесловии автор пишет, что настоящее издание «Истории логики» не претендует на полноту освещения предмета. Необходимо, чтобы в более полной «Истории логики» было исследовано развитие логики в древнем Китае, логические взгляды отдельных авторов новой логики, например, Кондильяка, проблемы математической логики и ряд других проблем, заслуживающих внимания.

Книга проф. А. Бынкова, изданная как учебник для студентов-философов Софийского университета, является, по нашему мнению, полезным исследованием по истории логики.

ЯНКО Д. СЕРКЕДЖИЕВ (Болгария)

Английская книга о Гераклите

HERACLITUS. The Cosmic fragments. Ed. with an intrad. and comment. by G. S. Kirk. Cambridge, 1954, XV + 423 pp.

Исполняется 2500 лет со дня рождения Гераклита. По Аполлодору, который является самым надежным источником для хронологии первых греческих философов, акме Гераклита приходится на 69-ю олимпиаду, и, следовательно, его рождение падает на 59-ю олимпиаду, то есть на время 544—541 годов до н. э. (более точного указания не имеется). Таким образом, юбилей 2500 лет следует отметить в промежуток времени между 1956—1959 годами. Юбилей великих мыслителей принято отмечать новым изданием их произведений, новыми исследованиями их творчества и, в частности, подведением итогов посвященной им научной литературы. В этой связи заслуживает внимания крупная работа о Гераклите английского ученого Г. С. Кирка. Пока вышел лишь первый том, посвященный «космическим фрагментам» Гераклита, изучение же фрагментов, относящихся к учению о человеке, а его месте во Вселенной, об обществе и государстве, войдет во второй том, который вскоре должен выйти в свет.

Сам автор указывает на неправомочность производимого им деления фрагментов Гераклита на «космические» и «антропоцентрические» (под последними он понимает фрагменты, представляющие собой высказывания о человеке и человеческом обще-

стве). И это действительно так, поскольку философия Гераклита является еще единой нерасчлененной наукой. Кирк правильно говорит также, что деление сочинения Гераклита на три книги: 1) о Вселенной, 2) о государстве и 3) о боге — не принадлежало самому Гераклиту, а было произведено стойками. Но если была неудачна попытка Боотера расположить фрагменты Гераклита по этим трем рубрикам, то столь же неудачна и попытка Кирка разбить их на две категории. Так, например, Кирк исключает из «космических» фрагментов фрагмент 52-й, в котором говорится, что вечность есть играющее дитя, которое по-своему то расставляет шашки, то их разбрасывает, что «царство принадлежит ребенку». Кирк полагает, что этот фрагмент относится не к Вселенной, в которой, по учению Гераклита, господствует постоянный порядок и закономерность, а к непостоянной судьбе человека. Но у Гераклита закономерность природы не противопоставляется человеческой жизни. По его учению, все совершается закономерно, «по догосу». Следует лишь правильно усмотреть, в чем Гераклит находит сходство между игрой ребенка и ходом мирового процесса. Это сходство заключается в непрерывной смене созидания и разрушения, в постоянном обновлении. Это одина-

ково относится как к природе, так и к человеческой жизни.

Вообще Гераклит не отделяет человека от природы; в его понимании человек — часть природы, подчиняющаяся тем же самым диалектическим законам изменения и развития. Отсюда видна искусственность принимаемого Кирком деления философии Гераклита на учение о природе и учение о человеке.

Термин «антропоцентрические» фрагменты неприемлем при характеристике философии Гераклита. Применительно к античной философии можно говорить об антропоцентризме у софистов (протагорово учение о человеке как мере всех вещей) и у Сократа (его призыв «познай самого себя» и его требование сделать основным, если не исключительным объектом философии человека и человеческие дела). Гераклиту же антропоцентризм совершенно чужд.

Поскольку Кирк говорит, что его цель — дать материалы, на основе которых читатель имел бы возможность составить свое собственное суждение о философии Гераклита, то можно сказать, что эта задача им разрешена. Он подвергает каждый фрагмент тщательному филологическому анализу, приводит все его разночтения, дает критику текста, уделяет большое внимание семантике слов. В частности, он устанавливает, что во времена Гераклита некоторые слова еще не имели того значения, какое они приобрели позже, и потому общепринятый перевод является неправильным (например, слово φύσις еще не имела значения «природа»).

В рецензируемой книге читатель найдет и картину состояния изучения наследия Гераклита за последние 50 лет в западноевропейской науке. Кирк критически рассматривает различные толкования, данные каждому отдельному фрагменту Гераклита западноевропейскими учеными в XX веке. Книга Кирка может быть полезной как информация о новейшей западноевропейской литературе о Гераклите.

Таково то положительное, что читатель найдет в рецензируемой книге. Однако, когда Кирк переходит к истолкованию философии Гераклита, он допускает вопиющие извращения ее сути. Характерно, что в этой крупной монографии о философии Гераклита ни разу не встречаются термины «материализм» и «диалектика», как будто их и не существует в философском лексиконе. Автор говорит не о материализме Гераклита, а о «корпоральных» (телесных, наглядных) образах, применяемых Гераклитом в его метафорическом способе изложения своих учений. Автор уклоняется от решения вопроса, кем был Гераклит: материалистом или идеалистом, — считая, очевидно, этот вопрос несущественным.

Неприятно питает Кирк и к термину «диалектика». Более того: в толковании фрагментов и философии Гераклита в целом Кирк превращает Гераклита в антидиалектика. Он не только присоединяется к тому извращению философии Гераклита, которое вообще характерно для буржуазной философии XX века, но и усугубляет его. Сущность этого извращения заклю-

чается в том, что Гераклит изображается учеником и последователем Ксенофана, превращается в двойника Парменида. Чтобы обосновать этот взгляд, ранее высказанный Рейнгардтом в его сочинении о Пармениде, Кирк отрицает наличие у Гераклита учения о всеобщем движении и изменении. Он пишет, что Платон без всякого основания вложил в уста Гераклита учение о всеобщем движении, что затем Аристотель заимствовал эту выдумку у Платона, а от Аристотеля она перешла ко всей последующей доксографии. По мнению Кирка, уже в древности все писавшие о Гераклите были одурачены Платоном.

Кирк не отрицает наличия у Гераклита высказываний о единстве и борьбе противоположностей. Но он неправильно трактует их. Он утверждает, что Гераклит различал поверхностное познание явлений от глубокого проникновения в их сущность. Учение Гераклита о борьбе противоположностей относится не к сущности явлений, а к поверхностной точке зрения на них. Таким образом, сближаются взгляды Гераклита и Парменида. Как известно, в поэме Парменида выступают две точки зрения: «Истина», дающая учение о всеединстве бытия, и «Мнение», объясняющее мир и все в нем происходящее единством противоположностей. Различие между Гераклитом и Парменидом Кирк и его коллеги усматривают лишь в том, что Гераклит считал низшей точкой зрения то, что Парменид объявлял обманчивым мнением. Кирк называет эту низшую точку зрения аналитической, а высшую синтетической и считает, что в философии Гераклита аналитическая точка зрения имеет лишь относительное значение. Что же касается учения об истинной сущности вещей, то, по мнению Кирка, Рейнгардта, Гигона и других новейших буржуазных авторов, оно одно и то же у Ксенофана, Парменида и Гераклита. Такое толкование сущности философии Гераклита коренным образом расходится не только с указаниями Маркса, Энгельса и Ленина, но и с точкой зрения Гегеля, Эд. Целлера и других буржуазных историков философии XIX века, которые противопоставляли диалектика Гераклита метафизику Пармениду, опираясь на свидетельства Платона, Аристотеля и всей античной доксографии.

В соответствии с указанной концепцией Кирк в своей работе поставил задачу метафизически истолковать учение Гераклита, хотя, разумеется, попытки уложить диалектику в прокрустово ложе метафизического способа мышления — дело безнадежное. Стремясь опровергнуть позицию Платона, который считал, что, по учению Гераклита, всякая вещь находится в постоянном изменении, Кирк пишет, будто Гераклит не только не отрицает стабильности природы, но, напротив, самое главное в учении Гераклита заключается именно в утверждении этой стабильности. Важнейшей идеей философии Гераклита Кирк считает мысль, что в основе всего лежит единое, неизменное начало.

Вопреки ясно выраженному во фрагментах Гераклита учению о всеобщем движе-

нии и изменении Кирк пишет: «Сказать, что всякая вещь всегда изменяется, подобно ручью, было бы для Гераклита либо абсурдом, либо высказыванием общего места» (стр. 379).

Вместе с Рейнгардтом Кирк истолковывает фр. 1-й Гераклита в духе агностицизма, делая ударение на слове «никогда» в фразе: «Люди никогда не понимают его» (то есть «логос»; этот термин Кирк переводит как «порядок Вселенной», подчеркивая вечность и неизменность этого порядка, его стабильность, отсутствие в нем развития). Однако это высказывание Гераклита нельзя толковать в духе агностицизма хотя бы потому, что в том же фрагменте Гераклит говорит о своем намерении раскрыть учение о логосе и научить людей, как надлежит понимать логос.

Кирк утверждает, что философия Гераклита была не понята ни в древности, ни в новое время, что якобы только новейшие западноевропейские исследователи впервые выяснили сущность философии Гераклита, охарактеризовав ее как развитие учения Ксенофана о всеединстве. По характеристике Кирка, Гераклит — «корпоралист», антидиалектик и агностик.

Следует отметить, что принятая Кирком трактовка философии Гераклита неблагоприятно сказалась и на критическом исследовании подлинности фрагментов, нередко переходящем в гиперкритику, преследующую цель «обработать» Гераклита под единомышленника Парменида. Ради этой цели Кирк отрицает подлинность ряда фрагментов Гераклита, которые ранее признавались аутентичными, вносит изменения в подавляющее большинство остальных фрагментов и, наконец, интерпретирует высказывания Гераклита в духе своей ложной концепции.

В данной рецензии мы ограничиваемся общим указанием на основной порок книги Кирка, а также отмечаем положительные стороны его сочинения как собрания ценных материалов для изучения философии великого диалектика древности. Однако центр тяжести в работе Кирка лежит в даваемых им подробных комментариях на отдельные фрагменты Гераклита. Критическому разбору этих комментариев мы намерены посвятить особую статью.

Академик А. О. МАКОВЕЛЬСКИЙ (Баку)

Коротко о книгах

Труды объединенной научной сессии по общественным наукам

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР выпустило «Труды объединенной научной сессии Академии наук СССР и академий наук Закавказских республик по общественным наукам» (1957 год, 859 стр.), проходившей с 29 марта по 2 апреля 1954 года в Баку.

В «Трудах» сообщается, что на пленарных заседаниях 29 и 30 марта 1954 года, открытых вступительным словом президента Академии наук Азербайджанской ССР М. М. Алиевым, были заслушаны доклады: В. Я. Зевина (Баку) «О руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в строительстве коммунизма»; М. Д. Каммари «О роли народных масс в строительстве коммунизма»; академика А. М. Панкратовой «Важнейшие задачи советских историков»; И. А. Гусейнова «О формировании и развитии азербайджанской социалистической нации»; А. М. Акопяна «О формировании и развитии армянской социалистической нации»; Г. В. Хачапуридзе «О формировании и развитии грузинской социалистической нации».

На заседании секции философии был заслушан доклад Г. Н. Абзианидзе (Тбилиси) «О влиянии передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли грузинского народа», в котором докладчик показал развитие влияния социально-политических идей и социально-политической мысли России на формирование об-

щественно-политических идеалов деятелей грузинской культуры начиная с 30-х годов XIX века.

Под воздействием русской классической философии 40—60-х годов укрепилась материалистическая традиция в грузинской общественной мысли. Новый этап в развитии грузинской эстетической мысли начинается с 60-х годов, когда грузинские мыслители глубоко усвоили реалистическое эстетическое учение русских разночинцев-демократов. И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, А. Церетели развивали и разрабатывали эстетические положения под влиянием В. Белинского, Н. Чернышевского и Н. Добролюбова.

Дружба и идейное родство грузинского и русского народов, основанные на личных, идейных и общественных отношениях, особенно ярко проявились в художественной литературе.

Х. Н. Момджян (Ереван) прочел доклад «О влиянии передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли армянского народа». Докладчик показал историческое значение для армянского народа присоединения Восточной Армении к России, осуществившееся в результате поражения Персии в русско-персидской войне 1827—1828 годов. Тесные связи между передовыми деятелями Армении и передовыми культурными деятелями России, неразрывная социально-экономическая и политиче-

ская их общность обусловили огромную силу воздействия передовой русской культуры XIX века на культуру армянского народа. Величие передовой русской культуры XIX века выразилось в том, что она всемерно содействовала обогащению и развитию армянской культуры, не подавляя ее национального своеобразия. Докладчик показал связь с русской прогрессивной мыслью великого армянского просветителя-демократа Хачатура Абовяна, выдающегося представителя армянской революционно-демократической мысли Микаэла Налбандяна, испытывавшего сильнейшее влияние Н. Чернышевского, благотворное влияние русских писателей-реалистов на крупнейших писателей, поэтов и драматургов Армении XIX века.

М. М. Касумов (Баку) прочел доклад «О влиянии передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли азербайджанского народа». Докладчик остановился на характеристике исторической стадии развития Азербайджана в период его присоединения к России и показал прогрессивность этого акта для Азербайджана. В истории общественной мысли Азербайджана XIX век занимает особое место, так как в этот период мировоззрение его крупнейших мыслителей формировалось под влиянием передовых общественных идей России того времени. В докладе рассматривается формирование взглядов видного азербайджанского просветителя первой половины XIX века Аббас-Кули-ага Бакиханова, связанного с людьми прогрессивного лагеря русской общественной мысли, Мирзы Фатали Ахундова, Касум-бек Закира, Сеид-Азим Ширвани, пропагандировавших достижения передовой русской культуры. Значительное место отведено освещению роли Гасан-бека Зардаби в развитии общественной мысли Азербайджана второй половины XIX века.

На заседаниях секции литературы было заслушано 7 докладов.

М. Ю. Гулизаде прочел доклад «Идея дружбы и братства народов в азербайджанской советской литературе».

Дружба между народами имеет глубокие исторические корни, однако дружба народов Советского Союза, сложившаяся на базе социализма, принципиально шире и глубже тех дружеских связей и чувств, которые существовали в прошлом между народами. В докладе рассматривается освещение дружбы народов в классической азербайджанской литературе XII—XVIII веков, в творчестве Низами Гянджеви, Вагифа, Шикесте Ширина и других писателей. Новые черты дружбы появились в художественной литературе XIX века в творчестве М. Ахундова, Касум-бека Закира, затем в начале XX века в творчестве Аббас Сиххата, А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде, Н. Нариманова. После Великой Октябрьской революции, разбившей цепи социального рабства и национального угнетения, тема дружбы между народами получила новое развитие в творчестве С. Ахундова, А. Ахвердова, М. Ордубады, М. Гусейна и других.

Особенно широкое развитие получила эта тема в азербайджанской литературе в по-

слевоенный период, когда в стране развернулась работа на стройках коммунизма. В стихотворениях, рассказах, очерках созданы образы тружеников разных национальностей, вместе преобразующих природу, строящих города, заводы, села. Самые теплые, вдохновенные слова азербайджанских поэтов посвящены великому сыну русского народа В. И. Ленину (поэма Расула Рза «Ленин»). Дружба закавказских народов нашла талантливое отражение в творчестве Дж. Джабарлы и многих других писателей.

Подвиг 26 бакинских комиссаров является темой многих произведений азербайджанской литературы. Морально-политическое единство советских народов окрепло в годы Великой Отечественной войны, это нашло отражение в стихотворениях Самеда Вургуня, Расула Рза, в повестях и рассказах М. Ибрагимова, Абульгасана, М. Джалала, М. Гусейна и других азербайджанских писателей.

В докладе получила освещение ведущая тема послевоенной азербайджанской литературы — тема борьбы за мир, за освобождение человечества от империалистического гнета — в творчестве Самеда Вургуня, Сулеймана Рустама и других поэтов и писателей.

Докладчик остановился на благотворном влиянии азербайджанской советской литературы на развитие прогрессивной демократической литературы соседних стран.

Э. С. Топчиян и С. А. Арутюнян прочли доклад «Идея дружбы и братства народов в армянской советской литературе». В докладе освещается отражение идеи взаимосочувствия и свободы в народных легендах средних веков и показывается, как исторически сложившаяся близость закавказских народов отражалась в литературе.

Докладчики показали влияние декабристского движения и революционных русских демократов на развитие борьбы против национальной ограниченности, против гнета царизма. Идеей дружбы народов пронизано творчество М. Налбандяна, Шахазиза, Патакяна, а позднее Г. Сундукяна, О. Туманяна, А. Исаакяна и других армянских поэтов и писателей.

После Великой Октябрьской революции тема дружбы получает новое развитие в армянской советской литературе: в творчестве А. Акопяна, Е. Чаренца, А. Вштуни, Г. Сарьяна, Д. Демирчяна, Наири Зарьяна и многих других.

М. Д. Джафаров (Баку) прочел доклад «М. Ф. Ахундов и его связи с русской литературой», К. Таривердиев (Баку) — «М. Ф. Ахундов и его связи с армянской литературой»; Д. А. Алиева (Баку) — «М. Ф. Ахундов и его связи с грузинской литературой».

Р. В. Зарян (Ереван) прочел доклад «О творчестве Габриела Сундукяна и его связях с русской, грузинской и азербайджанской литературой»; Л. Н. Асатиани (Тбилиси) — «О творчестве Ильи Чавчавадзе и его связях с русской, азербайджанской и армянской литературой».

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Когда отсутствует научная объективность

В Федеративной Республике Германии за последние годы опубликован ряд статей и отдельных работ, посвященных истории русской философской и политической мысли. Казалось бы, что тематическое разнообразие этих работ должно свидетельствовать о научном интересе к истории нашей философии. Но при более внимательном ознакомлении с некоторыми из этих работ это впечатление рассеивается.

Рассмотрим антологию русской философии — сборник «Духовный мир славян, Россия». В предисловии к этому сборнику главный его составитель Мартин Винклер пишет об «абсолютно недопустимом особенно при теперешнем положении незнании нерусскими даже основных линий развития русской истории, и в первую очередь истории русского духа». В этой книге перед читателем предстает, хотя и далеко не полно, тысячелетняя история русской общественной мысли. Несмотря на разговоры о «варварстве» и «заимствованиях», каждому ясно, что для успешной борьбы с многовековой иноземной агрессией русский народ должен был обладать духовной силой. Но Винклер доказывает, что русское философское мышление наивно и его проявление случайно, что русские всегда стремились только к практическому использованию философии, в силу чего у них на первом месте стоит не теория познания, а философия религии, истории, культуры... В этом он усматривает главное отличие русской философии от западной. Правда, Винклер пишет о высоком этическом пафосе русского мышления, о неутомимых поисках правды, о чувстве моральной ответственности перед всем человечеством, но тут же называет эти поиски «извечным русским богоискательством», мессианством, «одержимостью» и «нетерпимостью» русских мыслителей, которые, по его мнению, все, от средневековых монахов до современных русских коммунистов, являются исключительно борцами за веру.

Статья Винклера — это лишь введение в антологию русской философии, статья же Р. Виттрама «Проблема свободы в русской внутренней истории (мысли относительно постановки некоторых вопросов)», напечатанная в четвертом номере «Ежегодников по истории Восточной Европы» за 1954 год, представляет собой попытку дать общую оценку русской общественной мысли.

Автор пишет, что развитие «русской идеи свободы» было всегда «робким и ограниченным». Идея централизованной власти, по его мнению, является не чем иным, как апологией деспотизма, порожденного монгольскими и византийскими традициями. «Монгольско-византийский деспотизм»... Какая знакомая мысль! Не будем вспоминать, кто и когда определял таким образом создание русского национального государства, игнорируя философское значение трудов Филофея, Пересветова и других мыслителей-патриотов XVI века, боровшихся за освобождение своей родины от иноземных захватчиков и боярских усобиц. Освобождение от иноземного порабощения и реакционного режима самодержавия — таковы две основные проблемы передовой русской общественной мысли, каждая из которых занимала ведущее место в соответствии с объективно-историческими условиями.

Рассуждения Виттрама отличаются грубой тенденциозностью по отношению к нашей стране. По мнению Виттрама, народным массам не была совершенно чужда идея свободы, но она была очень слабо развита. Виттрам обрывает свой исторический экскурс... на второй половине XIX века, когда идея свободы, по его мнению, превратилась в «анархическое требование личной свободы».

Другой характерной особенностью «русской идеи свободы» был, по мнению автора, «социальный траур». Этот «социальный траур» он находит в... поэзии Некрасова, в частности в его стихотворении «Размышления у парадного подъезда», любимом произведении передовой русской интеллигенции. «Здесь мы видим, — заявляет автор, — чувство бессилия перед многообразным угнетением индивидуума, которое обуславливалось естественными и социальными отношениями» (там же, стр. 377). Не в первый раз автор видит то, чего нет, и не видит того, что действительно было, не видит подлинного Некрасова, поэзия которого столь ярко выражала свободолобие пробудившихся сил русской революционной демократии.

Исследованию истории идеи свободы в России посвящена и статья Эрвина Хольцле «Страна свободы. К истории русской идеи свободы», напечатанная в журнале «Saeculum» в четвертом номере за 1954 год.

Тема этой статьи — сопоставление колонизации русскими Сибири и европейцами Северной Америки. Автор пишет, что Россия принесла в Сибирь единовластие, а Западная Европа, несмотря на некоторые «темные стороны» колонизации, такие, как, например, истребление индейцев и рабовладение (так прямо и написано!), превратила Америку в «царство свободы». Развивая эту «гипотезу» в историко-философском плане, автор доказывает, что в поисках свободы русский дух обращался к Америке и пытался создать в Сибири русскую Америку. Именно в поисках свободы, по мнению автора, обратили свой взор к Америке и декабристы. Сначала они хотели восстановить древнейшие русские правовые институты, которые вследствие их примитивности оказались недостаточными для радикального движения. Тогда и Радищев и декабристы при всей своей ненависти к «чужакам», особенно к немцам, стали искать идеи свободы в учениях зарубежных мыслителей. Но нашли они эти идеи не во Франции, не в Англии, не в Европе, где было слишком много революций и реставраций, а за Атлантическим океаном, в Америке. Ссылаясь на отдельные стихи, выхваченные места из сочинений, автор делает «вывод», что и Радищев, и Рылеев, и Муравьев, и Пестель, и даже либералы, окружавшие Александра I, — все тяготели к Америке, видели в Америке прообраз свободной России (см. там же, стр. 433).

Таким образом, не идеи Французской революции, не теории естественного права, общественного договора, созданные западноевропейскими философами, творчески развивались передовыми русскими мыслителями на рубеже XVIII—XIX веков, а учения американских политических деятелей; они якобы явились единственным идейным материалом для разработки русской революционной идеологии XVIII—XIX веков (автор не называет в подтверждение своей версии ни одного американского философа). Это упорство, с которым Хольцле пытается навязать «американизм» русской общественной мысли конца XVIII и XIX века, не может не вызвать возмущения. Хольцле пишет, что американскому идеалу свободы следовали и Герцен, и Огарев, и петрашевцы; что Америка вдохновила не только Бакунина, «высшей точки этот американизм достигает в произведениях Николая Чернышевского» (там же, стр. 433). Автор, как видим, собрал положительные оценки буржуазно-демократических институтов Америки XIX века, имеющиеся в сочинениях представителей русской общественной мысли, и превратил их в законченную концепцию «русского американизма», забыв критику Чернышевским рабства и т. д.

Автор договаривается до того, что заговор группы «Вольная Сибирь», ставивший своей целью отделение Сибири от России, объявляет высшим проявлением влияния американской идеи свободы. Даже известные слова Кропоткина — «Амур — Миссисипи Востока» — он рассматривает... как проявление борьбы за американский федерализм и американскую идею свободы.

Таковы некоторые общие, так сказать, «проблемные» статьи по истории русской общественной мысли, статьи надуманные, фальсификаторские, проникнутые духом глубокой неприязни к истории русского народа и его философии.

Не менее тенденциозны и работы, посвященные отдельным русским мыслителям. В них доказывается, что воззрения русских философов целиком зависели от учений западных мыслителей. Остановимся на работах, посвященных двум таким самобытнейшим русским мыслителям, как Радищев и Чаадаев.

К. Биттнер в статье «И. Г. Гердер и А. Н. Радищев» («Журнал славянской филологии», т. XXV, ч. I, 1956) ставит, по существу, только одну задачу: показать исключительное влияние Гердера на Радищева. С этой целью автор скрупулезно выискивает в сочинениях Радищева ссылки на Гердера, ищет одинаковые слова, обороты речи, намеки, возможные совпадения (см. стр. 31, 32, 33, 40, 44). Утверждение Биттнера об абсолютном влиянии на Радищева учения Гердера столь же несостоятельно, как и отрицание связи Радищева с этим деятелем немецкого просвещения XVIII века.

В результате своих «изысканий» автор приходит к следующему выводу: хотя Гердер является борцом за гуманизм, деятелем в области философии истории, но Радищев знал и ценил другого Гердера — Гердера-натурфилософа (см. там же, стр. 35). Сколь отличается это навязанное читателю утверждение об исключительном влиянии Гердера на Радищева от того, что думал и писал сам Радищев, который не только творчески развивал прогрессивные идеи великого немецкого просветителя («Путешествие из Петербурга в Москву»), но и подвергал (в 3-й и 4-й частях своего «Трактата») критике идеалистические положения его философии.

В несколько ином плане написана книга Г. Фалька «Мировоззрение П. И. Чаадаева» по его восьми «Философическим письмам» (H. Falk «Das Weltbild P. I. Tschadajew's nach seinen acht «Philosophischen Briefen». München. 1954). На основе изучения «Философических писем» автор пытается дать анализ философии Чаадаева и ее источников, определить роль Чаадаева, его общественную позицию и значение.

По мнению Фалька, Чаадаев впервые поставил вопрос о взаимоотношениях между Россией и Западной Европой, положив начало полемике между теми группами, которые образовали «славянофилов» и «западников» (стр. 7). Фальк признает значительную роль Чаадаева в русской общественной мысли.

Но, утверждая, что Чаадаев «был не только философом истории, а столь же усиленно занимался вопросами метафизики, психологии, этики» (стр. 83), он приводит

множество доводов, чтобы показать враждебность Чаадаева революции, и отрицает всякое революционное значение его «Философических писем». С этой целью он ссылается на Жихарева, Гагарина, Лонгинова, Зеньковского и, с нескрываемым удовлетворением процитировав высказывание Чаадаева о «преступных и безумных намерениях» декабристов, пытается отрицать ту объективно-прогрессивную роль, которую сыграли «Философические письма» для дальнейшего развития революционной мысли в России. Автор пытается также отрицать замечательную оценку «Философических писем» Чаадаева, данную А. И. Герценом в его работе «О развитии революционных идей в России», которая явно противоречит созданному Фальком образу «чисто религиозного философа», вскормленного и воспитанного исключительно западной философией, совершенно чуждого русской прогрессивной общественной мысли.

Не объяснит ли в таком случае г-н Фальк, за что же царское правительство преследовало Чаадаева, объявило его сумасшедшим? Ни Биттнера, ни Фалька не интересует вопрос о самобытности Радищева и Чаадаева, о том, что нового внесли эти мыслители в историю передовой русской общественной мысли.

В Западной Германии, в Висбадене, с 1956 года начал выходить новый журнал «Мир славян» («Die Welt der Slaven») под общим руководством Эрвина Кошмидера. В передовой статье первого номера журнала Э. Кошмидер пишет, что славянскую проблему надо изучать шире и глубже, чем когда-либо. «Журнал должен интенсифицировать научные исследования в нашей области (то есть в славяноведении.— К. Ш.), и, поскольку речь идет о чисто научном и человеческом интересе, мы надеемся, что сами славяне положительно отнесутся к нашим усилиям и помогут нам в нашей работе» (Heft I. 1956. S. 2). Автор дает торжественное обещание, что в новом журнале перед Западной Европой будут раскрыты все духовные сокровища славянского мира, ибо «истинное значение славянского духа в европейской культуре пока что, к сожалению, совершенно неизвестно многим западноевропейцам» (там же, стр. 3).

Можно ли без волнения читать эти строки? Растроганные до глубины души, мы берем первую же статью, посвященную истории духовного развития русского народа, стремясь поскорее узнать, какие же из наших духовных сокровищ исследует журнал.

Перед нами статья Максимилиана Брауна. Называется она «Проникновение гуманизма в Россию в XVII веке». «С гуманизмом в собственном смысле слова,— вещает автор,— Россия никогда не имела ничего общего» (там же, стр. 35).

За этим «тезисом» следует целый ряд подобных же высказываний по вопросу «о сокровищнице русского духа». Автор утверждает, что «москвиты вообще проявляли очень мало интереса и понимания в вопросах анализа, дефиниции и классификации» (там же, стр. 37), что русским людям допетровской эпохи были незнакомы образование философских понятий и связь этих понятий. Философия была им неизвестна, казалась подозрительной и опасной, и даже в области теологии отвергалось всякое философское обоснование (см. там же).

Все эти положения, высказанные безапелляционно и решительно, заставляют нассторожиться: а знает ли автор вообще, о чем он пишет?

Древней Руси, продолжает автор, «свойственно нечто диллантское, что выражается в отказе от критических анализов» (там же, стр. 37). В подтверждение своих демагогически-расистских выпадов против русской философии он не приводит, разумеется, ни одного доказательства, не ссылается ни на один источник. Все его положения голословны. Точно так же оценивает он и русское искусство, которое за отдельными исключениями не может, по его мнению, считаться искусством в полном смысле слова. Оказывается, что и сознательные поиски прекрасного казались «москвитам» делом дьявольского происхождения. И снова никаких фактов. Автор ничего не говорит об эволюции русского искусства в XVII веке, он даже не упоминает о замечательном русском художнике Симоне Ушакове... Таким же невежеством и нескрываемым пренебрежением отличаются рассуждения автора о протопопе Аввакуме — выдающемся представителе русской общественной мысли XVII века. Вместо анализа произведений и деятельности Аввакума читателям преподносится рассказ о том, как протопоп Аввакум отказался благословить бритого сына боярина Шереметева...

Затем Браун мимоходом замечает, что Аввакум «впервые в древнерусской литературе обратил острый взор на природу, на зверей и ландшафты во имя их самих, как на самостоятельные явления» (там же, стр. 47). Интересно, читал ли Браун «Слово о полку Игореве»? Автор очень «высоко» ценит Аввакума; он считает, что последний является удивительным «варварским вариантом «человека Ренессанса» (там же, стр. 48). Ничего не сказав по существу, Браун делает вывод, что в допетровской России нельзя говорить о гуманизме в том смысле, в каком понимали его на Западе.

Мы упомянули об этой статье лишь в связи с тем, что в первом же номере журнала со столь многообещающим призывом вместо исследования истории русской общественной мысли XVI—XVII веков читателю преподносятся давно знакомые демагогические рассуждения о неспособности русских к логическому мышлению, вместо исследований о развитии русского искусства XVI—XVII веков — развязная болтовня о страхе русских художников перед формой. Вряд ли, следуя по этому пути, журнал достигнет успехов в области «познания сущности русского, славянского духа».

Знакомство с несколькими статьями по истории русской философской и политической мысли, опубликованными за последние годы в Западной Германии, показывает,

что их авторы весьма далеки от объективного подхода к истории русской философии, что некоторые западногерманские историки русской философии не смогли расстаться с явно ненаучной тенденцией рассматривать русскую философию либо как нечто «несущественное», либо как подражание философии Запада. Мы надеемся, что не все философы и историки Западной Германии разделяют те антинаучные взгляды и то необъективное отношение к русской философии, которые были выражены в приведенных нами работах.

К. В. ШОХИН

О логических парадоксах и их отношении к диалектическим противоречиям

Сформулированная тема является частью более общей проблемы о соотношении формального и диалектического противоречия. В задачу настоящей заметки входит рассмотрение лишь некоторых аспектов взаимоотношения понятий «логический парадокс» и «диалектическое противоречие». Обсуждение вопроса о логических парадоксах можно рассматривать как иллюстрацию некоторых трудностей, связанных с отображением движения в мышлении. Следует подчеркнуть, что речь здесь идет не об отображении физического движения, а о значении категории движения, понимаемого в данном случае в самом широком смысле — в смысле изменения вообще, — для математики и логики. Поэтому проблема логических парадоксов отнюдь не исчерпывает собой вопроса о способах отображения движения в научных теориях, она представляет лишь его сравнительно элементарную сторону. Ознакомимся с понятием логического парадокса на конкретном примере. Рассмотрим следующую систему посылок:

(1) На данном листе бумаги написаны три различных предложения **А**, **В** и **С**.

(2) Предложение **А** гласит: «**В** ложно».

(3) Предложение **В** гласит: «**С** ложно».

(4) Предложение **С** гласит: «**А** ложно».

(5) На данном листе бумаги, кроме **А**, **В** и **С**, ничего больше не написано.

(6) Каждое предложение истинно или ложно.

Требуется определить, истинно или ложно **А**. Предположим, что **А** истинно. В таком случае **В** ложно; в силу ложности **В** предложение **С** нужно считать истинным. Но истинность **С** в силу посылки (4) эквивалентна утверждению о ложности **А**. Итак, предположив, что **А** истинно, мы приходим к выводу, что **А** ложно. Допустим теперь, что **А** ложно. Тогда **В** будет истинным, **С** в силу посылки (3) ложным, и, следовательно, **А** окажется верным суждением.

Итак, предположив **А** ложным, мы приходим к выводу, что **А** истинно, допустив же истинность **А**, мы вынуждены согласиться с его ложностью. Это обстоятельство

и создает так называемую парадоксальную ситуацию. Логический парадокс можно определить как формально неразрешимую ситуацию, характеризующуюся наличием в ней, самое меньшее, одного формально неразрешимого высказывания, не выводимого из некоторой конечной системы аксиом и правил умозаключения данного логического (или логико-математического) исчисления.

Таким образом, формально неразрешимое предложение данного исчисления (которому в рассмотренном выше примере соответствовали система посылок (1)—(6) и основные принципы аристотелевой логики) не может быть в этом исчислении ни доказано, ни опровергнуто. В процессе получения парадокса не прибегают, конечно, к средствам, лежащим за пределами того исчисления, в котором возникает соответствующий парадокс. Парадоксальные высказывания играют конструктивную роль в знаменитой теореме австрийского логика-материалиста К. Гёделя о принципиальной неполноте формализованной арифметики¹. Эта теорема, как известно, сыграла крупнейшую роль в развитии математической логики за последние десятилетия. Смысл этой теоремы сводится к следующему.

Утверждается, что для любой системы формализованной математики или ее отдельного фрагмента можно указать сколько угодно суждений типа **Р**: «Число **Р** обладает некоторым свойством **Q**», — которые, будучи выражены в символике данного формального исчисления Σ' , дают формулы, этим исчислением Σ' не доказуемые и не опровержимые. Указанные суждения типа **Р** могут быть, правда, содержательно истинными и доказуемыми, однако при помощи средств, выходящих за рамки данного исчисления Σ' , в котором их формализуют.

¹ Изложение этой теоремы см. в книге Р. Петера «Рекурсивные функции». Издательство иностранной литературы. М. 1954, стр. 214—216, а также в работе польского логика А. Мостовского «Sentences undecidable in Formalized Arithmetic». Amsterdam, 1952.

Идею, лежащую в основе доказательства Гёделя, можно иллюстрировать таким рассуждением. Пусть мы имеем некоторую содержательную теорию Σ и соответствующую ей формализованную теорию Σ' , которая может, например, представлять собой некоторое логико-математическое исчисление с определенной аксиоматикой и правилами вывода. Пусть в Σ' сформулировано некоторое парадоксальное предложение P , утверждающее собственную недоказуемость средствами Σ' . Предположим, что P доказуемо средствами Σ' . В таком случае оно должно быть доказуемо и средствами Σ , то есть быть содержательно истинным. Но истинность высказывания P равносильна утверждению о его недоказуемости средствами Σ' . Предположим теперь, что P недоказуемо средствами Σ' , то есть что в Σ' доказуемо отрицание P . Но доказуемость отрицания P в Σ равносильна утверждению о доказуемости P средствами Σ' , что, как мы видели, невозможно. Однако, поскольку P утверждает собственную недоказуемость средствами Σ' , то тем самым P все же доказуемо, хотя и средствами Σ .

Теорема Гёделя вполне согласуется с диалектико-материалистическими установками, свидетельствуя об ограниченных до известной степени возможностях логических и математических формализмов. Задача устранения логических антиномий диктуется требованием непротиворечивости, предъявляемым к логическим исчислениям.

Общая схема элиминации логических парадоксов, принадлежащая С. А. Яновской, выглядит следующим образом. Пусть мы имеем систему посылок Γ , приводящую к парадоксальным следствиям вида $B \cdot \bar{B}$, где « $\cdot$ » есть знак конъюнкции, соответствующий союзу «и» в разговорном языке; символ « $\neg$ » есть знак логического отрицания, соответствующего словосочетанию: «неверно, что...». Вводим тогда, кроме Γ , некоторую дополнительную посылку A_1 и получаем формулу:

(I) Из $\Gamma \cdot A_1$ выводимо $B \cdot \bar{B}$,
из которой следует:

(II) Из Γ выводимо отрицание A_1 .

Таким образом каждый парадокс превращается в утверждение о ложности некоторой посылки, которая как раз не учитывается (или исключается) в формулировке данной парадоксальной ситуации. Вся трудность, однако, сводится к разумному выбору этой дополнительной посылки, обозначенной выше через A_1 . И в выборе ее как раз и оказывает свои методологические услуги диалектико-материалистический принцип конкретности истины. Автор убежден в правильности неоднократно высказывавшейся С. А. Яновской мысли о том, что решение логических парадоксов

неосуществимо средствами формальной логики и необходимо требует — в той или иной форме — введения в логику движения, вызывающего изменение содержания понятий, получаемых на различных этапах одного и того же рассуждения.

Рассмотрим теперь вопрос об отношении логического парадокса к диалектическому противоречию. Мы не ставим своей задачей дать в этой заметке определение диалектического противоречия. Решающий источник его появления в мышлении — трудность отображения движения «в логике понятий» (В. И. Ленин, «Философские тетради». 1947, стр. 240). Диалектическое противоречие обладает объективной основой. Оно не имеет ничего общего с формально-логическим противоречием, которое состоит в спокойном сосуществовании противоречащих друг другу обстоятельств, спокойно мирится с таким деликатным положением, когда, например, величина признается нулем и ненулем одновременно. Следует подчеркнуть, что диалектический материализм требует разрешения, а не фетишизации противоречий. Правда, разрешение одного диалектического противоречия вызывает к жизни появление новых противоречий, которые, в свою очередь, также нуждаются в разрешении, и т. д. И в этом процессе отнюдь не содержится «дурной бесконечности», напротив, в нем заключается поступательное развитие человеческого познания. В силу изложенных соображений диалектическое противоречие не может рассматриваться как окончательное решение той или иной проблемы этого типа, представленной в форме высказывания: A есть и B и не B . Диалектическое противоречие конструктивно в том смысле, что дает импульс к исследованию данного вопроса в противоположных направлениях. Оно содержит в себе некоторый момент неопределенности, обусловленный тем обстоятельством, что оно всегда связано с движением, развитием, изменением.

Диалектическое противоречие включает в себя, в частности, постановку проблемы, ориентирующую исследователя в направлении изыскания способов ее решения. Для доказательства защищаемого нами тезиса можно сослаться на авторитет К. Маркса. Так, приступая к анализу вопроса о причинах превращения денег в капитал, отражающего исторический процесс превращения товарного хозяйства в капиталистическое, К. Маркс замечает, что превращение товаровладельца, имеющего деньги, в настоящего капиталиста «должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы (а отнюдь не ее решение; разрядка моя.—Н. С.). Нис Rhodus, hic

salta! [Вот Родос, здесь прыгай!]]» (К. Маркс, «Капитал». Т. 1, 1955, стр. 173).

Обсуждаемый вопрос широко дискутируется также и в зарубежной логической и философской литературе. Мы имеем в виду, в частности, статью А. Шаффа, опубликованную в немецком журнале «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» № 3 за 1956 год. Мы вынуждены констатировать, что, рассматривая вопрос об известном диалектическом противоречии, характеризующем, по Энгельсу, сущность движения (см. «Анти-Дюринг». 1952, стр. 113), А. Шафф допустил, на наш взгляд, одну существенную ошибку. Она состоит в утверждении, что трудности, возникающие при анализе проблем отображения движения, имеют якобы лишь семантическую природу. По-видимому, А. Шафф прошел мимо исключительно глубокого ленинского высказывания, резюмирующего суть трудностей, возникающих при отображении движения. Мы имеем в виду следующее замечание В. И. Ленина:

«Движение» и «момент»: улови его. В каждый момент данный... Улови этот момент. *Idem* в простом **механическом** движении» («Философские тетради», стр. 173).

Это замечание равносильно отрицанию гипотезы об осуществимости взаимно-однозначного соответствия между: а) множеством последовательных моментов времени и б) множеством точек, проходимых данным движущимся телом. Существуют как такие научные дисциплины, которые принимают эту весьма сильную и к тому же малоправдоподобную гипотезу, так и такие, которые ее отбрасывают. Примером первых может служить классический математический анализ, примером вторых — так называемая обобщенная теория функций (именуемая еще функциональным анализом), сравнительно молодая и интенсивно развивающаяся в настоящее время ветвь математики. В ней не употребляют выражений вроде следующего: тело находится в момент времени t_1 в точке T_1 , а в следующий момент времени t_2 в точке T_2 , а говорят, что тело в данный временной интервал

заключено в окрестности некоторой точки. Точки заменяются отрезками. Эта замена оправдывается и физическими соображениями: неудобно, например, говорить о температуре в некоторой точке пространства, естественнее определять температуру для данной области рассматриваемого пространства.

Итак, А. Шафф фактически принимает отвергаемую В. И. Лениным гипотезу о возможности «уловить» данный момент времени. Шафф считает также осуществимой попытку эффективно различать точки в изменяющемся пространственном континууме, что является абстрактно мыслимым лишь с позиций крайнего финитизма и номинализма. Диалектическое суждение Ф. Энгельса, описывающее движение, является безусловно правильным, поскольку отсутствуют алгоритмические средства для верификации составляющих его элементарных высказываний. Неверен также тезис Шаффа о том, что марксистское (а также гегелевское) понимание диалектического противоречия было якобы частично обусловлено существовавшим до Коши логически небезупречным представлением о математической бесконечности. Ведь известно, что теория пределов Коши отнюдь не может претендовать на разрешение всех трудностей, связанных с концепцией математической бесконечности.

Сформулируем теперь выводы, с необходимостью вытекающие из нашего рассмотрения:

1) Диалектическое противоречие не может быть отождествляемо с логическим парадоксом. Последний представляет собой формальное противоречие внутри определенного исчисления некоторой системы.

2) Диалектическое противоречие является содержательным, представляет собой импульс к решению изучаемого вопроса в противоположных направлениях.

3) Оно отнюдь не может быть «снято» с помощью чисто семантического подхода, как это необоснованно показалось Адаму Шаффу.

Н. И. СЯЖКИН

Развитие марксистской философской науки в БССР за 40 лет*

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новые пути в истории человечества, явилась поворотным пунктом и в развитии марксистско-ленинской философии. Претворив в жизнь теоретические принципы марксизма, Октябрьская революция открыла эру торжества и господства марксистского мировоззрения; вместе с тем она создала невиданные возможности для научно-исследовательской работы в области марксистской философии.

Научная работа в области марксистской философии в БССР началась с открытия Белорусского государственного университета в 1921 году. В числе его кафедр была организована и кафедра диалектического материализма, а через несколько лет открыта кафедра исторического материализма в Коммунистическом университете. Образовавшееся в те годы Научное товарищество марксистов БССР также способствовало усилению исследовательской работы по вопросам диалектического и исторического материализма. «Научное товарищество марксистов в БССР,— говорится в заявлении организаторов этого общества для печати,— рассматривает себя, как один из отделов строителей социализма в нашей стране. Наша работа — это звено общemarксистской теоретической борьбы и творчества. Знамя нашего товарищества — диалектический материализм».

В начале 20-х годов философы БССР включаются в общую философскую работу, развернувшуюся в стране. Они участвуют в разработке и пропаганде основных вопросов диалектического материализма, теории познания, в борьбе с идеализмом, критике антимарксистских течений как внутри страны, так и за ее пределами.

Уже через год после организации кафедр диалектического материализма, то есть в 1922 году, в Минске вышел первый тогда курс марксистской философии, автором которого был профессор С. Я. Вольфсон. Эта книга была принята в качестве учебника в вузах других республик, и за пять лет выдержала шесть изданий. В эти

же годы в Белоруссии вышли книги: «Что такое марксизм» профессора Каценбогена, его же «Марксистская социология»; «Естественнонаучные основы материализма» Мавродиани; «Интеллигенция как социально-экономическая категория» С. Вольфсона; «О принципе эстетического суждения» Е. Боричевского. Было опубликовано несколько работ, посвященных разбору философского наследства Плеханова, Спинозы, появились статьи о «Диалектике природы» Энгельса, которая вышла в то время на русском языке, и ряд других статей по более частным вопросам. Особое внимание уделялось изучению трудов В. И. Ленина. Вопросам развития марксистской философии Лениным посвящен ряд статей и книг; наиболее важными из них можно считать «Материализм и диалектика в творчестве Ленина», «Ленин и культура», «Ленин и революционизирование крестьянства», «Ленин и Октябрьская революция», «Ленин и Плеханов».

Октябрьская революция подняла к активной политической жизни глубочайшие пласты народа, втянув в творческую жизнь и борьбу новые миллионы трудящихся. Марксистские идеи все более становились достоянием широких народных масс. Задачи философской работы, поставленные Лениным перед марксистами в его статье «О значении воинствующего материализма», не остались без отклика в Белоруссии. Как известно, первоочередной задачей диалектических материалистов Ленин считал решительную борьбу со всеми разновидностями идеализма. Выполняя указания Ленина, философы Белоруссии дали незамедлительный отпор различного рода критикам марксизма. Борьба развертывалась главным образом в виде устных докладов, выступлений на диспутах, критических статей. В Белорусском университете состоялся диспут, посвященный критическому разбору «Смены вех». С марксистских позиций была дана всесторонняя и глубокая критика выступлений митрополита Введенского. Теоретические работники Белоруссии в ряде выступлений в печати разоблачали взгляды Богданова и Троцкого по вопросам строительства пролетарской культуры. В журнальных статьях подвергалась серьезной критике теория равновесия. Однако следует указать, что филосо-

* Сокращенное изложение доклада на юбилейной научной сессии, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

фы БССР, ведя борьбу против ревизионизма, идеализма, механистического направления в философии и меньшевистствующего идеализма, в своей научно-исследовательской и пропагандистской работе нередко допускали серьезные ошибки. Профессор С. Я. Вольфсон, например, в середине 20-х годов в ряде вопросов смыкался с группой Деборина; Б. Э. Быховский одно время являлся сторонником школы Варьяша и Рейснера; на открытых позитивистских позициях стоял профессор Ивановский. Но эти ошибки постепенно преодолевались.

В начале 30-х годов в БССР создается Институт философии Академии наук, организуется аспирантура, на философскую работу приходят молодые кадры, и научно-исследовательская работа поднимается на более высокую ступень. В этот период на первый план выдвигаются вопросы марксистской диалектики, учение о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, вопросы коммунистической морали, атеизма, теория национального вопроса и критика идеологии фашизма. В середине 30-х годов в БССР вышли из печати монографии «Семья и брак в их историческом развитии», «Современная религиозность» Вольфсона; брошюры «Против расовых теорий», «Карл Маркс и национальный вопрос» Ильюшина, «Фальсификация марксизма современным социал-фашизмом» Выдры и др. Появился ряд ценных статей о закономерностях развития социалистического общества, о советском государстве, о пролетарском интернационализме; философы в эти годы все чаще обращаются к проблемам взаимосвязи философии и естествознания; все больше внимания уделяется защите и обоснованию марксистско-ленинской философии.

Образование Белорусской республики и первые шаги социалистического строительства в БССР выдвинули перед философами ряд важных теоретических проблем, требовавших своего разрешения. Большой вред строительству Белорусского советского государства нанесли националисты. Философам БССР пришлось вести борьбу против белорусских буржуазных националистов. Знакомство с работами по истории, литературе и философии, вышедшими в свет в 20-х и начале 30-х годов, показывает, что многие из них содержали националистические ошибки. Эти ошибки необходимо было разоблачить. Белорусские буржуазные националисты стремились оторвать Белоруссию от Советской России и тем самым лишить белорусских трудящихся великих исторических завоеваний Октябрьской революции. Националисты проповедовали, будто в БССР слабо развиты классовые противоречия, утверждали, что в республике отсутствует кулацкая верхушка в деревне. «Белоруссия почти не знает,— писал Игнатовский в «Истории Белоруссии»,— того русского кулака-мироода, который, как паук, оплетает все село долговыми обязательствами». Они отрицали руководящую роль рабочего класса в строительстве социализма, постоянно подчеркивали большую революционность

белорусского крестьянина по сравнению с рабочим. «По внешней форме,— утверждал Довнар-Запольский,— победоносное революционное направление было рабочим, по существу настоящим революционером и настоящим победителем явился трудовой элемент деревни». Белорусские буржуазные националисты проводили идею о том, что белорусская нация едина, самобытна и развивается в полной изолированности от общего исторического процесса; они выступали против программы Коммунистической партии по национальному вопросу.

Коммунистическая партия разоблачила белорусских националистов и нанесла по ним сокрушительный удар. Серьезную помощь партии в идейной борьбе по разоблачению буржуазных националистов оказали философы БССР. Марксисты-философы постоянно выступали по этим вопросам в периодической печати, принимали активное участие в лекционной пропаганде.

Если подвести итоги проведенной работы по развитию философской науки в БССР в довоенный период, то придется отметить, что философы в эти годы участвовали главным образом в периодической печати. Работы философов были многочисленны и, безусловно, полезны. Естественно, что после образования БССР философским учреждениям республики пришлось проделать немалую и очень нужную партию работу по внедрению в широкие массы трудящихся теории марксизма-ленинизма. Надо прямо сказать, что работа белорусских философов, непосредственно связанная с освещением актуальных вопросов социалистического строительства, их борьба за идейную чистоту, за партийность в философии явилась важным условием для дальнейшей, более углубленной разработки многих важных проблем философской науки.

В годы Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков белорусский народ, как и все народы Советского Союза, самоотверженно боролся за свободу и независимость. Советские ученые, в том числе и философы, сменив перо на оружие, вместе со всеми патриотами сражались в рядах Советской Армии или вели войну в партизанских отрядах; некоторые из них переключились на пропагандистскую работу, принимая самое активное участие в идеологической борьбе против фашистских захватчиков.

После победоносного окончания войны советский народ возобновил свое движение по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. В условиях Белоруссии, после длительной оккупации территории республики, острейшей идеологической работы было направлено на коммунистическое воспитание народа, на преодоление остатков буржуазной идеологии, на усиление непримиримости ко всякого рода идеологическим извращениям.

Перед философами, как и перед всеми работниками идеологического фронта, встали исключительные по важности задачи: развитие теории социалистического строительства, философское обобщение дости-

жений современного естествознания, разоблачение империалистической идеологии, переосмысливание с подлинно научных позиций всего культурного наследия прошлого.

Чтобы выполнить поставленные жизнью задачи, Центральный Комитет Компартии Белоруссии и правительство оказали большую помощь в укреплении научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений БССР. В Институт философии влились новые силы в лице молодых ученых, приехавших из других братских республик. Установилась здоровая преемственность между опытными, квалифицированными учеными и молодыми способными научными работниками. Значительно расширена аспирантура при институте, которая способствует пополнению научных философских кадров. В Академии наук организована кафедра философии, которая проводит обучение марксистско-ленинской философии аспирантов всех профилей. В Белорусском государственном университете, помимо кафедры диалектического материализма, создана кафедра истории философии. Университет ежегодно принимает более десяти аспирантов по философии. Открыты кафедры диалектического и исторического материализма в Политехническом и Медицинском институтах. Значительный отряд философов работает в областных городах: Витебске, Гродно, Гомеле, Бресте, Могилеве. За послевоенный период только в Институте философии и университете защитили кандидатские диссертации свыше 30 человек. Кроме этого, немало товарищей защитило диссертации по философии в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте философии АН СССР, в Московском университете, в учебных заведениях Ленинграда и Киева. Возвратившись после защиты диссертаций в Белоруссию, они успешно работают в Институте философии или на кафедрах высших учебных заведений.

В подъеме теоретической философской работы в БССР оказали неоценимую помощь постановления Центрального Комитета КПСС по идеологическим вопросам, труды руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Многие важнейшие вопросы марксистской философии получили освещение и развитие в решениях партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС.

В связи с новым мощным подъемом народного хозяйства и гигантскими задачами строительства коммунизма еще более возросло значение теоретической разработки вопросов о путях перехода от социализма к коммунизму, о роли народных масс в строительстве коммунизма, об особенностях социалистического строительства в странах народной демократии, вопросов социалистического государства, морали, этики, государственного, национального, культурного строительства в союзных республиках. Философы Белорусской ССР активно включились в эту работу, стремясь своими трудами ответить на вопросы жизни. Были подготовлены и опубликованы научные работы — статьи и брошюры —

о характере противоречий при социализме, о движущих силах развития советского общества, о классах и классовой борьбе, о производительных силах и производственных отношениях при социализме, о роли народных масс, о закономерностях развития социалистического общества. Несмотря на то, что эти работы появились главным образом в периодической печати, во многих из них поставлены и решены важные вопросы социалистического строительства; ряд опубликованных статей свидетельствует о том, что их авторы не только хорошо знают жизнь, проникают в сущность общественных явлений, но и дают ценные теоретические обобщения.

В республике были защищены кандидатские диссертации на актуальные, важные темы. Среди них можно упомянуть, например, такие: «Дружба народов СССР — движущая сила развития советского социалистического общества», «Ленинизм об основных принципах организации и воспитательной деятельности комсомола в социалистическом обществе», «О закономерностях технического прогресса при социализме», «Диктатура пролетариата — главное орудие в борьбе за победу социализма и построение коммунизма», «Формирование и развитие социалистических наций в СССР». В Институте философии завершается большая монография «О возникновении и развитии белорусской социалистической нации», разрабатывается тема «Об особенностях формирования и развития белорусской социалистической культуры».

Мы отчетливо понимаем, что разработка теории социалистического общества немыслима без глубокого и всестороннего изучения философского наследия Ленина. XX съезд КПСС, на котором были намечены грандиозные задачи коммунистического строительства, со всей силой подчеркнул необходимость всемерного расширения теоретических исследований, создания работ о трудах Ленина.

В Белоруссии было широко отмечено сорокалетие выхода в свет работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованы монографии «Борьба Ленина против субъективной социологии либерального народничества» (Халипов), «Вопросы исторического материализма в трудах Ленина 1921—1923 гг.» (К. П. Буслов) и др. Вышел в свет сборник, подготовленный Институтом философии АН БССР, «Вопросы марксистско-ленинской философии», выходит из печати коллективный труд научных сотрудников института «Вопросы философии в трудах В. И. Ленина», завершается большой труд, посвященный «Философским тетрадам» Ленина, в работе над которым принимают участие основные силы философов Минска.

Аспирантами написаны и защищены кандидатские диссертации: «Развитие Лениным учения о диктатуре пролетариата», «Ленинская теория культурной революции», «Суждение в свете ленинской теории отражения» и др.

Интересную и значительную работу проводят философы, работающие в областных

городах республики, преподаватели высших учебных заведений.

Значительное место в работе белорусских философов занимают исследования, посвященные истории философской и общественной мысли нашего народа.

В довоенный период в БССР была написана только одна работа по вопросам истории философии (тов. Карабан). Она была посвящена эстетическим взглядам Белинского. Духовное наследие белорусского народа почти не изучалось. В настоящее время в плане научно-исследовательской работы уделяется значительное место изучению и освещению общественно-политической и философской мысли в Белоруссии. И. Н. Лушицким защищена докторская диссертация «Общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии во второй половине XIX века». В этом году выходит из печати его монография на ту же тему. Написана и находится в производстве монография «Мировоззрение Г. Скорины» Н. А. Алексютовича, защищены диссертации «Передовая общественная и философская мысль в Белоруссии в XVI в.», «Мировоззрение Богдановича», «Мировоззрение Богушевича», «Общественно-политические и эстетические взгляды «Тетки» (Э. Пашкевич)», «Вопросы передовой общественно-политической и философской мысли в газете «Северо-Западный Край». Готовятся к защите диссертации о мировоззрении Симеона Полоцкого, о материалистических взглядах А. Мицкевича и др. Опубликованы брошюры и статьи о социально-политических взглядах К. Калиновского, о передовой общественной мысли в белорусской анонимной литературе. Находится в производстве коллективный труд «Из истории борьбы за марксизм в Белоруссии (1883—1917 гг.)», подготовленный сектором истории философии института. В институте ведется работа по подготовке к печати книги «Документы и избранные произведения передовых мыслителей Белоруссии XVI—XVIII вв.». Аналогичная работа проводится в университете кафедрой истории философии, коллектив которой готовит к печати избранные произведения передовых мыслителей Белоруссии XIX века. В БССР подготовлены две докторские диссертации: «Мировоззрение Белинского» (В. Степанов), «Общественно-политические и философские взгляды Ломоносова» (Е. Азаренко), написано несколько кандидатских диссертаций и большое количество статей о передовых мыслителях великого русского народа.

Философами нашей республики проведена некоторая работа в исследовании вопросов марксистской диалектики и философских вопросов естествознания. По этим вопросам написаны работы Ковалгиным, Карлюком, Пузиковым и др. Наиболее интересными из этих работ являются: «Значение учения Павлова для естественнонаучного обоснования диалектического материализма» В. Ковалгина, «Вопросы материализма в отечественной физике во второй половине XIX в.» А. Карлюка.

В борьбе против буржуазной идеологии

особо ответственна роль советских философов. Между тем наша активность в этом деле совершенно недостаточна. И все же следует отметить, что белорусские философы не стоят в стороне от этой борьбы. За последние годы в республике написано несколько кандидатских диссертаций и журнальных статей, в которых дается критика буржуазных философских и социологических теорий.

Огромным событием в идейной жизни белорусского народа явилось 4-е издание Сочинений В. И. Ленина, новое издание трудов основоположников научного коммунизма, произведений выдающихся деятелей Коммунистической партии. Все это послужило мощной идейной основой для дальнейшего развития марксистско-ленинской философии, могучим идейным оружием для подготовки и политической закалки национальных теоретических кадров. Небольшой цифровой материал, который приводится ниже, может служить иллюстрацией быстрого духовного и культурного роста белорусского народа за годы Советской власти.

Если в 1913 году на территории Белоруссии издавалась только одна книга на 100 человек населения, то в 1940—110 книг, а в 1956—171 книга. Только общий тираж ленинских работ, изданных в республике, составляет 4 миллиона 132 тысячи экземпляров. За послевоенные годы впервые были изданы на белорусском языке «Капитал» Маркса в трех томах, «Избранные произведения» К. Маркса и Ф. Энгельса. «Манифест Коммунистической партии» в переводе на белорусский язык выдержал 11 изданий. Всего имеется на белорусском языке произведений Маркса 30 изданий, Ф. Энгельса — 43. После Октябрьской революции в БССР издавались произведения Плеханова, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Белинского, Гольбаха и других выдающихся мыслителей. Только Государственным издательством БССР за период с 1945 по январь 1957 года выпущено в свет 908 названий книг и брошюр тиражом более 18 миллионов экземпляров.

Если подвести итог работы белорусских философов за 40 лет, то следует сказать, что сравнительно небольшим отрядом белорусских философов была проделана значительная работа, которая является звеном в общей работе советских философов в области пропаганды марксистско-ленинской философской науки. Философы Белоруссии стремились в своей работе к коллективизму, к тесной связи с жизнью, освещали актуальные, политически острые вопросы современности.

Вполне понятно, что наша работа еще далеко не полностью удовлетворяет запросы советской общественности. У нас еще весьма много недостатков и в организации научной работы и в содержании публикуемых трудов. Эти недостатки сходны с недостатками работы и всех других институтов философии. Открытое признание и смелая критика наших недостатков помогут наиболее четко определить задачу дальнейшей работы всего коллектива философов БССР. Жизнь обязывает, чтобы

мы гораздо глубже и в большем объеме, со всей ответственностью, с партийной остротой разрабатывали теоретические философские проблемы, освещали вопросы диалектики, обобщали опыт социалистического строительства в Белоруссии, социальные, классовые и культурные изменения в республике, больше уделяли внимания вопросам возникновения и развития социалистической формации, координируя свою работу с научно-исследовательскими учреж-

дениями Украины, прибалтийских республик, Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов.

В заключение я хочу выразить удовлетворение общими итогами, достигнутыми философами нашей страны. Мы, философы БССР, гордимся тем, что работаем в той области знаний, которая является единственным подлинно научным мировоззрением великой Коммунистической партии.

К. П. БУСЛОВ (Минск)

Международный симпозиум по происхождению жизни на Земле

В науке имеются такие проблемы, о которых трудно сказать, к компетенции какой специальной дисциплины они относятся. Но и среди них проблема происхождения жизни занимает исключительное положение. Она связывает воедино исследование самых различных отраслей науки — астрономии, геохимии, минералогии, физики, химии, биохимии, биофизики, биологии и др. Проблема происхождения жизни имеет большое мировоззренческое значение. К сожалению, работа над этой проблемой до самого последнего времени была достоянием лишь отдельных энтузиастов. В связи с этим большой интерес вызвал проходивший 19—24 августа 1957 года в Москве Международный симпозиум по происхождению жизни на Земле, организованный Академией наук СССР и Международным биохимическим союзом. Симпозиум имел своей целью подвести итоги достижениям науки в этой области, собрать воедино материал, добытый специалистами различных областей знания, выявить точки зрения на различные стороны этой проблемы.

В симпозиуме приняли участие делегации 17 стран: Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Индии, Италии, Канады, Польши, Румынии, СССР, США, ФРГ, Франции, Чехословакии, Японии.

Симпозиум проходил в форме пленарных заседаний, посвященных следующим вопросам: первичное образование на Земле простейших органических веществ; превращение первичных органических веществ на Земле; возникновение белков, ферментов и нуклеопротеидов; возникновение структуры и обмена веществ; эволюция обмена веществ. По этим вопросам было заслушано 24 доклада и 47 сообщений.

Внимание участников симпозиума было привлечено к последним достижениям науки, позволяющим по-новому осветить отдельные стороны обсуждаемой проблемы.

Изучение физико-химических условий, предшествовавших появлению жизни, тесно связано с другой, во многом еще неясной проблемой происхождения Земли.

Два различных представления о первичном состоянии нашей планеты защищались на данном симпозиуме. В. Г. Фесен-

ков (СССР), присоединяясь к концепции Г. Джефрейса, нарисовал картину перехода первоначально газообразной Земли в жидкое, а затем твердое состояние. Представление о первоначально холодном состоянии нашей планеты отстаивали на симпозиуме Б. Ю. Левин, В. Г. Соколов, А. И. Лебединский (СССР), Г. Юри (США) и др.

Но как при охлаждении, так и при разогревании нашей планеты на ней в ходе эволюции Земли должны были сложиться температурные условия, благоприятные для зарождения жизни. Все выступавшие высказали убеждение в том, что на первых этапах эволюции Земли в атмосфере и гидросфере благодаря наличию водорода, метана и других углеводородов химические реакции имели по преимуществу восстановительный характер. Это обстоятельство должно было способствовать химическим процессам усложнения органических соединений. Однако в зависимости от космогонических взглядов исследователи первичного зарождения жизни по-разному подходят к определению источников энергии эволюции органических соединений.

* * *

С изложением опытов по синтезу органических веществ в условиях, приближенных к условиям первичной атмосферы Земли, выступил С. Миллер (США). В соответствии со взглядами А. И. Опарина он полагает, что первобытная атмосфера Земли имела восстановительный характер, состояла из водорода, аммиака, метана и паров воды. Данная смесь газов в природных условиях подвергалась воздействию различных видов энергии — ультрафиолетового излучения, электрических разрядов, высоких температур (например, в вулканах) и др. Миллер в своих опытах наблюдал воздействие электрических разрядов на смесь водорода, метана, аммиака и паров воды. По окончании опыта в смеси образовавшихся органических веществ были обнаружены аминокислоты, окси- и алифатические кислоты. Аминокислоты являются составными частями белков, без которых нет жизни. Этими опытами было положено начало

экспериментальной проверке выдвинутых гипотез происхождения жизни путем воссоздания в лабораторных условиях отдельных этапов различных процессов, предшествовавших появлению организмов.

Изучением роли света в синтезе аминокислот занялся индийский ученый К. Бахадур. Он получал аминокислоты при воздействии искусственным светом на водный раствор параформальдегида, нитрата калия и хлористого железа.

Т. Е. Павловская и А. Г. Пасынский (СССР) доказали, что аминокислоты могут образоваться при действии ультрафиолетовых лучей на раствор смеси формальдегида и хлористого или азотнокислого аммония. Повторяя опыты С. Миллера, они показали, что его состав газов чрезвычайно невыгоден для образования аминокислот, и пришли к выводу, что синтез аминокислот в природных условиях происходил на стадии обеднения атмосферы Земли водородом при наличии некоторого количества окиси углерода. Опыты со смесью газов из метана, аммиака и окиси углерода при воздействии на нее электрических разрядов подтвердили этот вывод. В докладе А. Н. Теренина (СССР) «Фотосинтез в коротком ультрафиолете» также убедительно показано, что аминокислоты могли образоваться в первичной атмосфере Земли из метана, аммиака и окиси углерода как под воздействием ультрафиолетовых, так и иных лучей света. С. Е. Бреслер (СССР) высказал свои соображения о возможных путях естественного синтеза высших и замещенных аминокислот.

Таким образом, в оценке первого этапа на пути к появлению жизни — перехода от неорганической химии к химии органической — было достигнуто большое согласие. Всем было ясно, что при наличии в атмосфере и гидросфере первобытной Земли соединений углерода и азота воздействие различных видов энергии должно было привести к образованию аминокислот и других органических веществ.

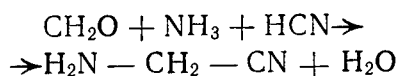
При изучении следующего этапа на пути усложнения органических соединений исследователи до последнего времени обычно ссылались на всемогущество случая, следствием которого явились белок, нуклеиновые кислоты, жиры и сахар. На симпозиуме этот взгляд был высказан лишь некоторыми учеными. Наиболее ясно он проявился в докладе Ф. Чедранго (Италия) и в выступлении В. Стэнли (США).

А. Мирский (США) призвал исследователей рассматривать появление жизни на Земле как ряд этапов, а не как случайное образование. Другие исследователи, опираясь на данные современной науки, пытались найти теоретическое обоснование закономерного перехода от низших органических соединений к высшим. Дж. Бернал высказал взгляд, что процессу полимеризации мономолекулярных соединений предшествовал период концентрации органических веществ в азотистых почвах, в илистых пластах под водой, в сухих или попеременно сухих и влажных землях. Здесь глинистые частицы, кристаллы квар-

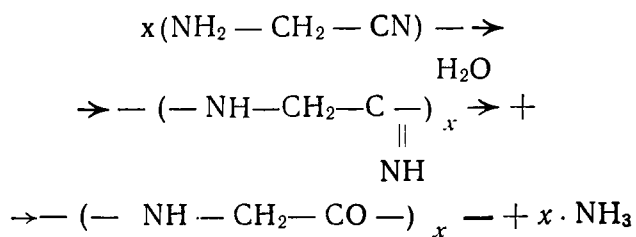
ца, гидроокиси железа могли оказывать на процессы полимеризации каталитическое действие, ускоряя ход химических реакций. Г. Шрамм (ФРГ) допускает, что первичный процесс полимеризации органических соединений мог происходить на каких-либо природных поверхностях, а затем появившиеся нуклеиновые кислоты взяли на себя эту функцию в организмах. Донаторами энергии как в первом, так и во втором случае могли быть полифосфаты. А. Н. Белозерский (СССР) в своем выступлении также привел ряд доводов в пользу большой роли фосфорных соединений в зарождении жизни.

С интересной теорией возникновения предбелков выступил Ш. Акабори (Япония). Он полагает, что «предбелки» образовались на первобытной Земле в три стадии:

1. Образование аминокетонитрила из формальдегида, аммиака и цианистого водорода:

2. Полимеризация аминокетонитрила на твердой поверхности, сопровождающаяся гидролизом до полиглицина и аммиака:

3. Введение боковых цепей в полиглицин путем взаимодействия с альдегидами или ненасыщенными углеводородами.

В качестве доказательства своей гипотезы Акабори привел поставленные им опыты по включению в полиглицин ряда органических соединений, преобразующихся затем в аминокислотные остатки. Таким образом, в раскрытии этого этапа развития природы исследователи также перешли к экспериментальной проверке гипотез.

Исключительно большое значение для решения проблемы происхождения жизни за последние годы приобрело исследование вирусов. Вирусы, состоящие в основном из белка, находящегося в комплексе с нуклеиновой кислотой (нуклеопротеида), служат очень удобным объектом для выяснения минимальных условий, необходимых для возникновения жизни, определения свойств, структуры, роли белков и нуклеиновых кислот в жизненных процессах. Вирусы являются самыми низкими по своему строению телами, которые уже можно считать живыми. И в то же время ряд их свойств заставляет сомневаться в этом. Это позволило Стэнли (США) заявить на симпозиуме, что, если бы не было вирусов, граница между живым и неживым была бы ясна.

Особый интерес на симпозиуме вызвали доклады Г. Френкель-Конрата, Б. Сингера и Р. Вильямса (США) и Г. Шрамма (ФРГ) по выяснению приро-

ды вирусов. Они пришли к выводу, что одна нуклеиновая кислота обнаруживает «признаки жизни», свойственные вирусу в целом, а белковый компонент вируса подобными признаками не обладает.

Выводы из этого научного открытия делались участниками симпозиума различные. Для Стэнли оно дало основание рассматривать нуклеиновую кислоту как ген, вирусы — как гены на свободе, а жизнь — как проявление их свойств. Смординцев (СССР) выступил против этого, утверждая, что биологический смысл генов и вирусов совершенно различен. Н. Г. Пирри (Англия) не согласился с мнением Стэнли о том, что нуклеиновая кислота имеет в себе все требуемое для синтеза белка, поскольку она не может действовать вне клетки, где имеются все необходимые вещества для ее синтеза.

Доклад А. И. Опарина (СССР) был посвящен исследованиям этапа непосредственного перехода от неживого к живому. Исследование свойств протоплазмы клеток показывает, что жизненные процессы могут проходить лишь в коллоидальной среде. А. И. Опарин полагает, что коацерватные капли с открытой сеткой взаимосвязанных между собой во времени реакций явились такими органическими формами, в которых совершился переход от неживого состояния к жизни. Это произошло в ходе усложнения и усовершенствования в нем исходных систем как в пространстве, так и во времени.

Экспериментальное доказательство этих положений А. И. Опарин вместе с сотрудниками начал двумя путями: 1) путем последовательного усложнения искусственно получаемых в коацерватных каплях систем и 2) путем некоторого разрушения структуры клеток.

Первые исследования показали, что ферментные белки, включенные в коацерватные капли, катализируют превращения находящихся в них веществ. Коацерваты, полученные из разрушенных бактериальных клеток, концентрировали в себе ферменты, о чем свидетельствовало повышение каталитической активности бактериального лизата.

И. Малик (Чехословакия) поставил перед участниками симпозиума интересный вопрос: не происходила ли полимеризация органических веществ в ходе образования систем химических реакций? Он считает такое допущение вполне возможным. Высокая реактивность коацерватов с этих позиций становится более понятной. Е. Маковский (Румыния) высказался в еще более категорической форме, заявив, что только внутрикоацерватный синтез белков мог дать основу для зарождения жизни.

Два заседания симпозиума были посвящены достижениям в изучении эволюции обмена веществ. Д. И. Сапожников (СССР) доложил о результатах изучения эволюции фототрофного типа питания, Ю. И. Сорокин (СССР) посвятил свое выступление эволюции хемосинтеза. Е. Обель (Франция) и И. Ода (Япония) высказали свои соображения о путях перехода от анаэробнозиса к аэробнозису. Об

эволюции азотистого обмена веществ сделал доклад А. Е. Браунштейн.

О. Б. Лепешинская (СССР) высказала свое несогласие с точкой зрения А. И. Опарина, согласно которой формы жизни, подобные первичным, не могут существовать в настоящее время. Новая клеточная теория, отрицающая положение «клетка только от клетки», подтверждена, по мнению О. Б. Лепешинской, микробиологией. Иначе обстоит дело в отношении животных и растений. Здесь дискуссия продолжается.

Советские ученые А. П. Терентьев, Е. И. Клубуновский, В. В. Патрикеев, М. В. Волькенштейн, А. Г. Пассынский доложили результаты своих исследований о роли диссимметрии в возникновении жизни. Р. Л. Берг (СССР) остановилась на вопросе о месте зарождения жизни.

* * *

На симпозиуме выявились два взгляда на материальный носитель жизни. Одни считают, что жизнь возникла на молекулярном уровне, а другие — на надмолекулярном. Однако единства взглядов по этому вопросу нет у сторонников как того, так и другого направления. А. С. Коникова, М. Г. Крицман отстаивали взгляд Ф. Энгельса, что жизнь есть форма существования белковых тел, и в доказательство этого привели исследования, свидетельствующие о наличии обменных процессов у белков. Г. Френкель-Конрат склонен считать определителем специфики жизненного процесса нуклеиновую кислоту, Стэнли — ген, понимая под геном ту же самую нуклеиновую кислоту. Р. В. Хесин (СССР) свой доклад посвятил экспериментальному доказательству того, что носителем основного процесса жизнедеятельности организмов — синтеза белков — являются химические системы, состоящие из комплекса белка с нуклеиновой кислотой (нуклеопротеиды).

А. Е. Браунштейн, выступая против мнения Н. Горовица, что одиночная молекула — ген (нуклеиновая кислота в мономолекулярном окружении) — является живой, высказался за признание живым и самого мономолекулярного окружения. Свойство белка присоединять к себе и производить обмен аминокислот, способность нуклеиновых кислот оказывать направляющее влияние на синтетические процессы, по его мнению, являются только существенной предпосылкой, которая делает эти молекулы способными стать важнейшей составной частью живой системы. Но этого недостаточно, чтобы приписывать им свойства живого. Эту же точку зрения отстаивал на симпозиуме А. И. Опарин. По его представлению, жизнь есть система химических реакций, целесообразно организованная во времени и пространстве. В организации химических процессов видит сущность жизни и Дж. Бернал: «Мы можем, — сказал он, — определить жизнь в рамках настоящего обсуждения только как

самоподдерживающиеся химические процессы, ограниченные в определенном пространстве».

В связи с таким подходом к жизни большое значение приобретает изучение свойств открытых систем. Термодинамике процессов, происходящих в таких системах, было посвящено выступление И. Пригожина (Бельгия). О ферментативных реакциях в открытых системах сделал сообщение А. Г. Пасынский (СССР). Некоторые участники симпозиума высказывали мнение, что существование жизни не обязательно связано с наблюдающейся у современных организмов биохимической системой, основанной на свойствах соединений углерода, особенно белков, нуклеиновых кислот, липоидов и углеводов. Так, Дж. Бернал считает, что вполне могли быть потенциальные биохимические циклы, которые смогли бы разрешить проблему возникновения и воспроизведения организмов так же хорошо (и даже лучше), как и те, которые существовали в действительности. Н. Г. Пирри считает современную форму жизни результатом преобразования одних систем в другие, смены малоэффективных процессов более эффективными. Поэтому первоначально появившиеся на Земле живые системы по составу и по происходящим в них процессам были мало похожи на современные организмы.

На симпозиуме неоднократно затрагивался также вопрос о движущих силах развития неорганической природы, под воздействием которых зародились первые живые тела. Многие обращали внимание на тот факт, что вещество верхних оболочек Земли — атмосферы, гидросферы и поверхности суши — подвергалось воздействию различных источников энергии: света, электричества, тепла. Красовский (СССР) и Шкловский (СССР) особо подчеркивали роль космического излучения, Эльпнер (СССР) — акустической энергии. В условиях обилия свободной энергии химические реакции органических соединений должны были давать сложные продукты, свойственные живым телам. Этому, как указывал Довиденков (СССР) и другие, способствовало наличие в атмосфере до 90% водорода, в силу чего окислительные процессы были затруднены. Однако учет этих важных факторов не может объяснить самого направления эволюции, ответить на вопрос, почему эволюция органических соединений привела к появлению жизни. Большой интерес, проявленный участниками симпозиума к неорганическим катализаторам и происхождению ферментов, в значительной мере помог освещению этого вопроса. Дж. Бернал обращал внимание на роль неорганических частиц, которые не только ускоряли химические реакции, но и, адсорбируя вещества из водного раствора, концентрировали их, способствуя тем самым полимеризационным процессам.

Как указал О. Гоффман-Остенгоф (Австрия), такие природные катализаторы, как ионы водорода, гидроксиды тяжелых металлов, низкомолекулярные органиче-

ские соединения и др., значительно ускоряли химические превращения. Но без приобретения специфичности, то есть без ускорения определенных типов реакций, они не смогли бы влиять на направление химических процессов. Повышение такой специфичности произошло с образованием комплексных соединений. Важным этапом на этом пути было соединение исходных катализаторов с белками и их предшественниками.

Г. А. Деборин (СССР) в своем сообщении привел ряд доказательств в пользу того, что комплексообразование первичных белков друг с другом и с другими органическими веществами могло привести к возникновению огромного разнообразия соединений и химических процессов, которые при дальнейшем эволюционном развитии привели к появлению различных протеидов, обладающих специализированными биохимическими функциями, и к возникновению всего набора ферментативных процессов, необходимых для поддержания жизнедеятельности.

Вопрос о роли естественного отбора как важного фактора эволюции органических надмолекулярных систем, приведшего к появлению жизни, исследуется в работах А. И. Опарина. Эта идея на симпозиуме была поддержана и другими исследователями. М. Кальвин (США), видя сущность термина «эволюция» в сочетании случайных вариаций с механизмом отбора, поставил в своем выступлении цель: распространить эти понятия и на небиологические системы. Под воздействием такого отбора, по его мнению, произошло накопление в системах отдельных свойств, характерных для жизни, а затем при слиянии эти системы накопили в себе необходимый комплекс свойств, чтобы быть живыми.

О. Гоффман-Остенгоф использовал идею отбора для объяснения происхождения ферментов; Ю. И. Сорокин — для объяснения перехода от гетеротрофного типа питания организмов к автотрофному; С. Рейд (Канада) — для объяснения появления первичных фотобиологических процессов.

В связи с различным пониманием материальной основы жизни выступающие на симпозиуме по-разному рассматривают эволюцию, предшествовавшую появлению жизни. Одни считают основной задачей в исследовании проблемы происхождения жизни объяснение и воссоздание природного синтеза белков, другие — нуклеиновых кислот, третьи — комплексных соединений, подобных нуклепротеидам, четвертые — самоподдерживающихся систем химических реакций.

На симпозиуме было представлено несколько схем исторического процесса первичного зарождения жизни. Каждая из этих схем преследовала цель объяснить появление того, что их автор считает наиболее существенным для жизни.

Одна из таких схем была предложена Дж. Берналом. Согласно этой схеме, на первой стадии биопоэза (так Бернал

вслед за Пири называет процесс первичного зарождения жизни) химические процессы представлены слабо. Океаны или озера в целом являлись местом процессов, приведших к появлению жизни.

На второй стадии происходит концентрация веществ на минеральных частицах. Непостоянный обмен веществ беспорядочных образований напоминал холодное пламя.

С появлением полимерных соединений на третьей стадии образовались коацерватные капли. В них имелись все субстраты и ферменты, необходимые для взаимосвязанных химических реакций. Такие самосохраняющиеся, но еще не имеющие механизма для своего воспроизведения системы Бернал, как и Пири, называет зобионтами.

Четвертая стадия характеризуется упорядочением и закреплением цепей реакций у зобионтов. В ходе этого процесса формируется способность зобионтов к самовоспроизведению. При этом первое появление взаимной связи между синтезом нуклеиновой кислоты и белка знаменовало решающую стадию в процессе биопоза. Последующие стадии включали объединение различных систем такого рода и создание всеобъемлющей саморегенерируемой системы обмена веществ.

На пятой стадии возникают жиры, которые разграничивают части клетки, образуя поверхности внутриклеточных органелл. Это создает условия для большей внутренней специализации живых систем.

Шестая стадия знаменуется появлением клетки, ограниченной мембраной, — первого организма типа существующих в настоящее время бактерий.

Седьмая стадия связана с появлением клетки простейших, содержащих ядро. Она является той основой, на которой зиждется дальнейшее развитие видов как растений, так и животных.

Таким образом, в этой схеме биопоза Дж. Бернал стремится отразить появление агентов, ускоряющих химические процессы, повышающих эффективность живых систем. В соответствии с этим он намечает основные этапы эволюции и характеризует их отличительные особенности. Поскольку для живых систем характерны не столько составляющие их молекулы как способ, с помощью которого между ними осуществляются химические реакции, постольку живыми он называет и системы, действующие на базе неорганических веществ или простых органических соединений. Биопоз, таким образом, выступает в форме постепенного включения в эти системы сложных органических веществ с соответствующей перестройкой химических реакций.

Несколько иной принцип выделения этапов в истории происхождения жизни сообщил во вступительном слове А. И. Опарин. Есть основания считать, сказал он, первым этапом появление на еще безжизненной Земле простейших органических веществ — углеводов и их ближайших производных. Последующее усложнение этих веществ, происходившее в литосфере, атмосфере и гидросфере нашей планеты абиогенным путем, согласно общим физи-

ческим и химическим законам, можно рассматривать как второй этап этого развития. Результатом этого процесса явились весьма сложные и высокомолекулярные органические вещества, в частности вещества, подобные белкам, нуклеиновым кислотам и другим соединениям, характерным для современной протоплазмы. Далее можно предполагать возникновение на этой основе каких-то исходных систем, изменяющихся под влиянием внешней среды и вместе с тем способных подвергаться отбору. Эволюционное развитие этих систем можно рассматривать как третий этап, приведший в конечном итоге к возникновению первичных простейших организмов.

Следовательно, процесс происхождения жизни составляет, по Опарину, из подготовительного этапа, когда абиогенным путем возникают органические вещества, и этапа образования из уже имеющихся в наличии всех необходимых веществ систем химических реакций.

В связи с определением качественных этапов эволюции органических веществ и их систем перед участниками симпозиума не мог не встать вопрос о грани между живым и неживым, об определении момента превращения химических процессов в биологические.

Некоторые участники симпозиума не смогли уловить отличия между телами живой и неживой природы. Качественного своеобразия жизни, по их мнению, не существует, имеется лишь количественная характеристика определенных процессов, свойственных всей природе.

В своем сообщении Ж. Браше (Бельгия) сказал: «Мнение, складывающееся на основании наших собственных исследований, сводится к тому, что определение понятия жизни имеет скорее количественное значение, чем качественное: не существует закона «все или ничего», который отделял бы живое существо от материи».

Наличие в неживой природе явлений, сходных со свойствами жизни, привело американского ученого М. Кальвина к выводу, что особенность жизни — в сочетании определенных процессов. Жизнь, говорил он, характеризуется многими признаками, почти каждый из которых мы можем воспроизвести в неживой системе. Только в том случае, когда все они в большей или меньшей степени проявляются одновременно в одной и той же системе, она приобретает свойства живой. К этим признакам он относит: рост и размножение, раздражимость, явление аутокатализа, означающее в эволюции способность к изменчивости с отбором.

С. Миллер, возражая биохимикам, которые считают, что биохимические реакции возникли раньше, чем была жизнь, охарактеризовал эту точку зрения как значительное упрощение тех процессов, которые происходили на первых стадиях зарождения жизни. Химически жизненные процессы и процессы, предшествовавшие их появлению, заявил он, различны не только в

количественном, но и в качественном отношении.

Трудности в раскрытии диалектики развития природы, анализа накопившихся данных приводят отдельных ученых к выводу об ограниченности человеческого познания, к преувеличению роли субъективного фактора. Так, Н. Г. Пирри заявил, что жизнь является качеством, не поддающимся определению, и представляет собой лишь выражение нашего склада ума по отношению к системе. В силу этого граница между живым и неживым определяется-де эстетическими соображениями исследователей.

А. С. Коникова, возражая Н. Г. Пирри, утверждала, что не склад ума, не эстетический взгляд определяют наши знания, а факты. Коникова считает также, что схема происхождения жизни, предложенная Дж. Берналом, не может удовлетворить исследователей, поскольку она, давая общую схему развития природы, не учитывает специфики перехода от неживого к живому. В предложенной схеме нет границы между живой и неживой природой, нет перехода от химии к биологии.

* * *

Разногласия исследователей в понимании жизни, особенно увеличившиеся в последние годы, вызваны как трудностями роста, так и обострением идеологической борьбы. Отдельному ученому чрезвычайно трудно овладеть огромным экспериментальным материалом, добываемым наукой. Под давлением логики фактов наиболее близкой ему области науки он преувеличивает роль изучаемой им стороны жизненных явлений в общем процессе возникновения жизни. Первый симпозиум показал особую плодотворность и необходимость встреч специалистов различных областей для обобщения полученных данных и их всестороннего обсуждения.

То обстоятельство, что инициатива созыва данного симпозиума была проявлена через Международный союз биохимиков, наложило отпечаток как на состав его участников, так и на его программу. Большинство участников симпозиума составили биохимики, биофизики, физико-химики и, как выражались на совещании, «гибриды» между этими науками. Важный вклад в успех совещания сделали астрономы, вирусологи и биохимики. Однако геохимики, к сожалению, не играли на конференции той роли, которую они по праву должны играть в решении проблемы происхождения жизни. Замечательный доклад А. П. Виноградова и сообщения Б. Ю. Левина, П. Н. Кропоткина, В. Г. Соколова, Л. Э. Гуревича (СССР) касались лишь самых начальных этапов эволюции нашей планеты. Вклад В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана и В. Р. Вильямса в решение проблемы происхождения жизни дает основание надеяться, что, несмотря на

всю важность биохимических исследований, геохимия и геофизика еще не сказали своего решающего слова.

К сожалению, на симпозиум не были приглашены философы, несмотря на исключительное значение данной проблемы для философии. Упор на экспериментальный материал, который делали как организаторы симпозиума, так и его участники, все же не мог заслонить методологические вопросы данной проблемы.

В итоге обсуждения проблемы происхождения жизни ясно видно, что материалистический подход окончательно победил и в этой области знания. Через материалистические теории происхождения жизни в сознание естествоиспытателей проникла выдвинутая около ста лет назад Ф. Энгельсом идея о том, что в истории Земли был длительный период перехода от неживого к живому, период химической эволюции органических соединений.

На данном симпозиуме естествоиспытателям уже не было нужды доказывать необходимость эволюционного подхода к решению проблемы первичного зарождения жизни (это воспринималось как сама собой разумеющаяся истина), а эволюционный подход сознательно или бессознательно осуществлялся ими в конкретном исследовании. Материалистическая тенденция проявилась и в стремлении познать закономерный характер перехода от неорганической химии к органической, от химических процессов к биологическим, в настойчивом стремлении определить этапы этой эволюции, раскрыть их качественную специфику, движущие силы эволюции и пр.

К сожалению, исторический подход к природе у многих исследователей не подкрепляется сознательным овладением диалектическим методом. Учение диалектического материализма о формах движения материи не применяется в должной мере к разработке проблем сущности и происхождения жизни. Советская наука, методологической основой которой является диалектический материализм, показала на симпозиуме, что она занимает ведущее место в разработке проблемы происхождения жизни.

* * *

Несмотря на то, что проблема происхождения жизни имеет многовековую историю, только за последние годы были подготовлены позиции для решительного штурма этой крепости. Симпозиум, собравшийся в самом начале штурма, был проникнут твердой уверенностью в скорой победе. Эта уверенность настолько овладела участниками симпозиума, что при обсуждении срока созыва следующей конференции было единодушно решено не устанавливать срока, поскольку важные открытия в этой области могут появиться завтра.

А. И. ИГНАТОВ

О постановке преподавания истории философии в университетах и пединститутах

История философии изучается на гуманитарных факультетах университетов и некоторых пединститутах, а также в ряде вузов. Изучение этого предмета играет важную роль в идейно-теоретической подготовке кадров философов, экономистов, историков, филологов, литераторов, искусствоведов, психологов и педагогов. Глубокое знание истории борьбы материализма с идеализмом, диалектики с метафизикой имеет большое значение для выработки научного мировоззрения, для совершенствования теоретического мышления, для последовательной и систематической борьбы с реакционной философией современной буржуазии.

Советские философы в известной мере улучшили в последнее время свою исследовательскую и пропагандистскую работу. На этой основе достигнуты положительные сдвиги и в преподавании истории философии на гуманитарных факультетах наших вузов. Однако положение здесь и в настоящее время еще нельзя признать благополучным.

В чем же заключаются причины неблагоприятия в преподавании истории философии?

Они коренятся прежде всего в неудовлетворительном состоянии изучения классического наследия и исследования историко-философских проблем в свете учения марксизма-ленинизма. Несомненно, что имеется прямая зависимость между уровнем и размахом научно-исследовательской работы по истории философии, с одной стороны, и постановкой, а тем более идейно-теоретическим содержанием преподавания этого предмета в наших вузах — с другой.

Известно, что над учебником по истории философии еще с 1947 года стал работать значительный коллектив научных сотрудников АН СССР и МГУ. С тех пор прошло 10 лет, а работа над учебником еще не завершена. Вышло в свет два тома. Отсутствие учебника самым отрицательным образом сказывалось на постановке преподавания истории философии.

Вполне понятно, что неблагоприятное положение в преподавании истории философии нельзя объяснять только плохой постановкой научно-исследовательской работы. Тут сказались также недостатки организации самого учебного процесса по изучению истории философии. Эта сторона вопроса, к сожалению, еще почти не затронута в нашей печати. А без ее рассмотрения невозможно наметить пути и задачи дальнейшей работы по улучшению преподавания истории философии.

О неблагоприятии в преподавании истории философии говорит тот факт, что за истекшее десятилетие высшая школа пользовалась лишь проектами программ по этому курсу, которые составлялись на основе

временных, конъюнктурных соображений, в силу чего и не могли стать стабильным руководством.

Новый проект программы по истории философии, разработанный комиссией Министерства высшего образования (председатель И. Я. Щипанов, редакторы Т. И. Ойзерман, З. В. Смирнова и Ю. П. Петров), имеет некоторые положительные стороны. Они прежде всего выражаются в стремлении преодолеть имеющиеся недочеты и существенные пробелы в преподавании предмета. Нужно приветствовать включение в программу таких тем, как «Идеалистическая философия в России во второй половине XIX в.» (2 часа) и «Борьба марксизма-ленинизма против реакционной буржуазной философии эпохи империализма» (6 часов). В первом случае проект ориентирует на вскрытие реакционной сущности тех теорий русских философов-идеалистов прошлого столетия, которые используются и ныне идеологами империалистической буржуазии. Во втором случае он нацеливает на критический разбор таких идеалистических течений, как неокантианство, ницшеанство, махизм, интуитивизм, прагматизм, неопозитивизм, семантический идеализм, экзистенциализм и неотоизм. Этого требуют задачи борьбы против реакционной идеологии в настоящее время.

В новом проекте сделан первый шаг в сторону изучения того, как в коммунистических партиях зарубежных стран разрабатываются проблемы марксистско-ленинской философии.

Однако проект 1957 года не свободен от ряда крупных недостатков. Мы не находим в нем пунктов о китайской философии в эпоху феодализма, которой свойственны стойкие материалистические традиции (Люй Цай, Ван Чуан-шан, Дай Чжэнь). Проект обходит вопрос об элементах и зачатках материалистического понимания истории в домарксовской социологии (Сен-Симон, историки периода Реставрации и др.). В нем отсутствует постановка вопроса о борьбе основоположников марксизма с субъективно-идеалистическим культом личности младогегельянцев. Нет в проекте также и пунктов о мировоззрении Сунь Ят-сена, о гандизме, о философских течениях в странах Востока, так или иначе отражающих процессы распада колониальной системы империализма под натиском национально-освободительного движения.

В проекте имеются неточные и ошибочные формулировки. Например, Гоббс характеризуется как «философ английской буржуазной революции середины XVII в.». Но ведь известно, что во время событий 40-х годов XVII века Гоббс занимал контрреволюционные позиции, он был открытым защитником королевского абсолютизма, врагом парламента и его войск. Поэтому авторы проекта совершенно не-

основательно возводят Гоббса в сан одного из «философов революции». Гоббс не был таковым, он стал в 60—70-х годах идеологом компромисса земельной аристократии с крупной буржуазией, причем в союзе этих двух классов ведущее место он отводил дворянам, вступившим на путь капиталистического предпринимательства. Механистический материализм Гоббса был по своему социальному содержанию таким буржуазным мировоззрением, которое имело аристократический оттенок и носило на себе печать указанного компромисса. В программе непозволительно спутывать не совпадающие в данном случае понятия: «философ буржуазии» и «философ буржуазной революции».

Проект 1957 года составлен так, что развитие взглядов на общие законы природы, общества и мышления в нем дается без связи с достижениями естествознания, расширяющими и углубляющими представления людей о сторонах и свойствах явлений объективного мира. В проекте мы не найдем пунктов, говорящих о значении для прогресса философской мысли учения Ч. Дарвина, теории относительности А. Эйнштейна и многих других научных открытий.

Названия отдельных тем являются громоздкими. Это особенно относится к следующим формулировкам: «Основные направления в философии Западной Европы в период утверждения капитализма в Англии, подготовки и проведения буржуазной революции во Франции (XVIII в.)», «Развитие марксистской философии в борьбе против идеализма народников, «легальных марксистов» и философского ревизионизма во II Интернационале в период 1894—1907 гг.» и «Развитие марксистско-ленинской философии в борьбе против эмпириокритицизма, идеализма и метафизики, философского ревизионизма в российском и международном рабочем движении в период между первой и второй русскими революциями (1908—1917 гг.)». Можно и нужно сформулировать названия этих тем короче.

Отмеченные, равно как и другие, имеющиеся в проекте 1957 года недостатки свидетельствуют о том, что предложенные в нем отдельные темы и многие пункты нуждаются в существенной доработке, в уточнениях и дополнениях. Отрадным является то, что в 1957 году наряду с рецензируемым проектом подготовлен и издан проект программы по истории философии для философского факультета МГУ, рассчитанный на 564 лекционных и 456 семинарских часов. Рассмотрение этого документа требует специальной рецензии и выходит за рамки настоящей статьи. Уместно здесь будет лишь сказать о том, что этот проект является результатом многолетнего труда и поисков большого и опытного коллектива профессорско-преподавательского состава философского факультета МГУ. Обсуждение этого проекта и разработка на его основе стабильной программы сыграют значительную роль в деле улучшения преподавания истории философии во всех университетах и пединститутах нашей

страны. Мы позволим себе сделать только одно критическое замечание по проекту МГУ: многие темы в нем построены в плане серии «Жизнь и деятельность выдающихся людей», в них нет упора на вскрытие характерных черт и борьбы основных течений, направлений и школ в истории философии.

Необходимо отметить, что конъюнктурные соображения влияли не только на разработку программ по истории философии, но и на составление учебных планов по этому курсу. Появление каждого нового проекта, хотя он и оказывался нежизнеспособным, сопровождалось резкой перестройкой учебных планов. До философской дискуссии 1947 года, а также в последующий за ней 1947/48 учебный год история философии изучалась на философских факультетах по учебному плану, рассчитанному на 128 лекционных часов. Затем, в течение следующих четырех учебных годов, на изучение истории философии отводилось 70 часов. В трехлетие 1952—1956 годов изучение этого предмета велось по 120-часовому плану. В 1955/56 учебном году на изучение истории философии вновь было отведено 70 часов. Новый проект 1957 года увеличивает бюджет времени, отводимого на чтение лекционного курса по истории философии всего лишь до 72 часов.

Одним из обязательных условий правильной постановки преподавания является подчинение запланированных видов учебной работы и времени, отведенного на прохождение курса, решению задач по глубокому и прочному усвоению объема знаний, определенного программой. И если с этой точки зрения подойти к оценке учебного плана, предложенного проектом 1957 года, то сразу обнаружится несоответствие между его узкими рамками и теми широкими и сложными требованиями, которые выдвигаются при изучении курса истории философии. Совершенно очевидно, что 72 лекционных часов оказывается недостаточно для того, чтобы в лекционном курсе раскрыть хотя бы основное содержание всех тем курса по истории философии. При изложении же отдельных тем преподаватель ставится прямо-таки в безвыходное положение и невольно сбивается на схематическое, а следовательно, и поверхностное изложение вопросов.

На тему «Возникновение материализма и его борьба против идеализма в эпоху рабовладельческого общества...» учебный план отводит 4 часа. За это короткое время лектор должен раскрыть и соответствующим образом пояснить содержание многих вопросов. Перечислим некоторые из них. В разделе темы, посвященном развитию философской мысли в странах древнего Востока, программа требует знания того, как там зародились естественнонаучные представления и ростки материалистических воззрений, как проходила борьба между материализмом и идеализмом в древнем Китае и древней Индии. При изложении этих вопросов лектор обязан познакомить аудиторию с такими философскими течениями, как даосизм, модизм,

конфуцианство, учение Ван Чуна, со школами чарвака, вайшешика, ньяя, ранним буддизмом и др. В результате знакомства с этими течениями студенты должны получить достаточный материал, характеризующий сравнительно высокий уровень развития материалистической и научной мысли в странах древнего Востока и несостоятельность европоцентристских концепций истории философии. В разделе темы, поднимающем вопросы развития философии в древней Греции, многие пункты программы нуждаются не только в их последовательном и систематическом изложении, но и в специальных пояснениях. Мы имеем в виду следующие пункты: борьба милетских материалистов против мифологического миропонимания, наивный материализм и стихийная диалектика Гераклита, атомистический материализм Демокрита, Ленин о партийности философии в древней Греции, о борьбе «линии Демокрита» и «линии Платона», энциклопедическая философская система Аристотеля, материалистическое учение Эпикура. Наконец, раздел программы, посвященный философии древнего Рима, требует от лектора изложения существа таких вопросов, как материализм и атеизм Лукреция Кара, учения стоиков и скептиков, возникновение мистико-религиозных учений и христианства.

Спрашивается: можно ли в течение четырех часов изложить все эти вопросы в их генетической и логической связи друг с другом, изложить их так, чтобы слушатели получили ясное представление о содержании и уровне развития философской мысли в странах древнего мира? Конечно, нельзя. Учебный план в данном случае толкает лектора на схематическое, скомканное изложение темы.

Преподаватель ставится в весьма затруднительное положение и при чтении лекции на тему «Философия в эпоху феодального общества в странах Европы и Востока». Учебный план предусматривает изложение этой темы в течение двух часов. Но здесь среди множества других вопросов имеются пять сложных пунктов, которые нуждаются в обстоятельном изложении. Эти пункты следующие: наука и философия в странах Ближнего Востока, Средней Азии, в Византии, Грузии, Армении и Азербайджане; арабская культура и философия на Пиренейском полуострове и в Северной Африке; борьба номинализма с реализмом в средневековой схоластике на Западе; общественно-политическая и философская мысль Киевской Руси; общественно-политическая и философская мысль в период феодальной раздробленности и объединения русских земель вокруг Москвы. Излагая перечисленные пункты, лектор обязан охарактеризовать хотя бы вкратце сущность философских взглядов таких виднейших представителей прогрессивной мысли в эпоху средневековья, как П. Абеляр, Д. Скотт, В. Оккам, Р. Бэкон, Фань Чжэнь, Чжан Цзай, Ибн Сина и Ибн Рошд. Помимо всего, в теме о философии феодального общества известное внимание следует уделить вскрытию реакционной сущности уче-

ния схоласта XIII века Фомы Аквинского, которое воспроизведено и приспособлено в виде так называемого неотомизма к потребностям империалистической буржуазии идеологическими оруженосцами Ватикана.

В трудном положении оказывается преподаватель также и при чтении лекций по некоторым темам второй части курса. Тема «Развитие марксистской философии в период после Парижской коммуны» включает в себя многие вопросы: о дальнейшем углублении и систематическом изложении диалектического и исторического материализма в трудах Маркса и Энгельса «Критика Готской программы», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Диалектика природы», «Критика Эрфуртской программы» и письмах Энгельса 90-х годов. Помимо этого, в теме ставятся и другие важные вопросы, требующие своего пояснения. Здесь речь идет о таких выдающихся пропагандистах марксизма и его философского учения, как В. Либкнехт, А. Бебель, П. Лафарг и Ф. Меринг. Тут нужно дать характеристику трудов итальянского марксиста А. Лабриолы, а также работ по философии, написанных немецким рабочим И. Дицгеном. В данной теме большое место занимает вопрос о разработке и популяризации марксистской философии Г. В. Плехановым. Охватить и развить даже наиболее существенные моменты всех этих крупных, к тому же по большей части малоосвоенных в литературе вопросов в одной лекции невозможно.

Возьмем еще одну тему: «Развитие марксистско-ленинской философии в период победы социализма в СССР и превращения социализма в мировую систему». Она охватывает двадцатилетний период (1936—1956 годы), насыщенный событиями всемирно-исторического значения. В этот период многие положения марксистско-ленинской философии получили свое дальнейшее развитие на основе обобщения нового опыта и новых достижений науки. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза принял идеологические постановления по вопросам идеологии и культуры. Были вскрыты и подвергнуты острой критике факты буржуазного объективизма, космополитические и националистические извращения. Во многих отраслях общественных наук и естествознания прошли плодотворные дискуссии. Свободный и широкий обмен мнениями по спорным и нерешенным проблемам философии, политэкономии, истории, эстетики, языкознания, биологии, физиологии, физики, химии и других наук имел огромное значение для обогащения и разработки многих вопросов диалектического и исторического материализма. Партия много сделала для преодоления сложившегося в рассматриваемый период чуждого марксизму-ленинизму культа личности; ею проведена большая работа по восстановлению ленинских принципов коллективного руководства. В этой связи были вскрыты ошибки, допущенные в нашей литературе по вопросам о соотношении объективного и субъектив-

ного факторов, о роли народных масс, партии, личности в историческом процессе.

Спрашивается: можно ли все перечисленные вопросы большой и ответственной темы изложить в часы, намеченные учебным планом? Несомненно, что на эту тему, включающую в себя и вопросы, связанные с творческим развитием многих положений марксистско-ленинской философии на XX съезде КПСС, нужно отвести не 4 часа, а значительно больше времени.

При составлении учебных планов для университетов и пединститутів необходимо избегать параллелизма и неоправданного дублирования одних и тех же тем и вопросов в курсе истории философии и курсе диалектического и исторического материализма. Раздел по истории борьбы материализма с идеализмом (10 часов), чтение лекций по работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...» (2 часа) и книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (4 часа) в курсе диалектического и исторического материализма следует, по нашему мнению, сохранить только в учебных планах естественнонаучных факультетов, на которых история философии не изучается в качестве отдельного предмета. Совершенно иначе нужно поступать на гуманитарных факультетах. Здесь целесообразно за счет исключения этих разделов и тем из курса диалектического и исторического материализма усилить курс истории философии.

Каким же должен быть курс истории философии по объему и основным видам учебной работы?

На наш взгляд, учебный план по курсу истории философии для университетов должен быть рассчитан на 120 часов и состоять из следующих видов работы: лекции — 100 часов, семинарские занятия — 16, коллоквиумы — 4 часа.

На протяжении многих лет история философии преподается у нас после изучения студентами курса диалектического и исторического материализма. Такую последовательность в изучении этих предметов нужно сохранить и впредь, так как она вполне обоснована и практически себя оправдала. Научное знание истории философии приобретает только на методологической основе, создаваемой в результате глубокого усвоения диалектического и исторического материализма.

Порядок преподавания истории философии в университетах и пединститутах, на наш взгляд, нужно установить следующий. Весь курс изучается в течение двух семестров. Экзамен производится дважды, в конце каждого семестра, первый раз по истории домарксистской философии, второй — по истории марксистско-ленинской философии. Помимо чтения лекций по истории домарксистской философии, следует предусмотреть проведение 4-часового коллоквиума. Кстати заметим, что наш опыт целиком подтверждает целесообразность его проведения как эффективного средства организации всего процесса по изучению истории философии (см. статью «Коллоквиумы и консультации по истории философии», журнал «Вестник высшей школы» № 5 за 1955 год).

11. «Вопросы философии» № 1.

По второй части курса — история марксистско-ленинской философии — мы предлагаем ввести семинарские занятия по двум темам: «Работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и ее значение для понимания революции в философии, совершенной марксизмом, для систематизации и дальнейшего развития диалектического и исторического материализма» (4 часа) и «Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и ее значение для критики современной буржуазной философии» (12 часов).

Исходя из правильного понимания предмета истории философии как науки и во избежание дублирования курса диалектического и исторического материализма, программу и соответственно ей чтение лекций по второй части курса нужно построить так, чтобы они обращали внимание студентов на раскрытие закономерностей и особенностей творческого развития марксистско-ленинской философии в изменяющихся исторических условиях, на совершенствование ее положений в борьбе против враждебных социалистической идеологии течений буржуазной философии.

Наличие хорошей программы и продуманных учебных планов имеет весьма существенное значение для постановки преподавания любого предмета. Но сами по себе они еще не обеспечивают хорошей организации дела. Решающим фактором обеспечения качественных показателей преподавания становится именно теоретическая подготовка лекторов и их умение организовать учебный процесс и постоянно на него воздействовать. В этом отношении первостепенное значение приобретает система мероприятий по повышению квалификации, углублению знаний и совершенствованию педагогического мастерства преподавателей курса истории философии. При организации такого рода мероприятий нужно учитывать те существенные различия, которые имеются в условиях проведения их в университетах с философскими факультетами, с одной стороны, и во всех других вузах — с другой.

В тех университетах, которые включают в свой состав философские факультеты (Московский, Ленинградский, Киевский и др.), центрами разработки методологических и методических вопросов и вместе с тем центрами по непосредственному обмену опытом работы и его обобщению, естественно, являются историко-философские кафедры. Они организуют систематическую работу по повышению квалификации всех своих сотрудников, осуществляющих преподавание истории философии как на философском, так и нефилософских факультетах.

В ином положении находятся преподаватели истории философии в других университетах, а также и во всех пединститутах, не имеющих, как известно, в своем составе философских факультетов. Преподавание истории философии в таких вузах обычно ведут отдельные научные работники, которые входят в состав кафедры диалектического и исторического материализма. Буду-

чи предоставленными самим себе в большинстве университетов и пединститутах, они лишены возможности выйти за пределы собственного опыта и улучшать преподавание на основе коллективного обмена мнениями и квалифицированной критики. Поэтому возникает вопрос: как организовать систематическую и планомерную работу этих распыленных кадров историков философии по повышению идейно-теоретического уровня преподавания и совершенствованию педагогического мастерства?

Во всей совокупности мероприятий, направленных на решение данной задачи, центральное место, по нашему мнению, в настоящее время должна занять всесоюзная конференция преподавателей истории философии. Необходимость ее созыва вполне назрела. На конференции следует обобщить опыт и подвести итоги работы, проделанной историками философии за период с 1947 по 1957 год, вскрыть имеющиеся недостатки и наметить новые задачи в свете исторических решений XX съезда КПСС. На конференции, в частности, может быть обсужден вопрос о дальнейших формах связи и обмена опытом между преподавателями истории философии, работающими в различных университетах и пединститутах, о формах повышения их квалификации, о координировании планов их научно-исследовательской работы с планами историко-философских кафедр МГУ, ЛГУ и КГУ. Со своей стороны, мы предлагаем организацию периодических семинаров по повышению квалификации преподавателей истории философии. Такие семинары должны проводиться Управлением преподавания общественных наук Министерства высшего образования ежегодно в течение полутора — двух месяцев. Количество участников семинара следовало определять из того расчета, что каждый университет или институт, на факультетах которых преподается история философии, мог бы в течение 3—5 лет командировать на эти краткосрочные курсы одного представителя. Опорной базой проведения семинаров могут стать кафедры философского факультета МГУ. Организационное руководство ими следует поручить дирекции Института повышения квалификации преподавателей общественных наук.

Учебный план семинара преподавателей истории философии не должен ограничиваться постановкой лекций крупных ученых на политические, общетеоретические, историко-философские и естественнонаучные темы. Нужно уделить большое внимание обсуждению на семинаре методологических и методических проблем преподавания истории философии. Для этой цели следует поставить доклады и сообщения с мест.

Помимо всего, на семинаре могут быть согласованы и уточнены планы научно-исследовательской работы в области истории философии, а отдельные преподаватели могут обсудить разрабатываемые ими темы, проконсультироваться по неурегулированным вопросам, установить необходимые контакты.

Однако все дело улучшения изучения истории философии в наших вузах нельзя сводить лишь к хорошей организации конференций и семинаров преподавательского состава. Приобретенные на семинарах знания и усвоенный тут опыт должны закрепляться и совершенствоваться в повседневной практической работе каждым преподавателем. Нужно, чтобы индивидуальная работа над повышением своей квалификации была постоянной и систематической.

Наш опыт свидетельствует о том, что одним из действенных средств повышения научной квалификации преподавателей истории философии является их участие в работе факультетских семинаров по истории и методологии наук. В Ростовском государственном университете эти семинары пользуются большой популярностью у профессорско-преподавательского состава. Особенно активно и плодотворно проходят они на химическом, биологическом и физико-математическом факультетах РГУ. Темы по истории отдельных наук (скажем, химии, биологии, физики, математики и др.), поставленные на этих семинарах, так или иначе связаны с историей борьбы материализма с идеализмом в тех или иных отраслях естествознания. Вот почему преподаватели истории философии обязаны принимать участие в разработке таких тем и их обсуждении. От этого выигрывают как они сами, так и все участники семинара. К тому же семинары по истории и методологии наук примечательны тем, что на них преподаватели истории философии могут установить полезные контакты с научными работниками, читающими курс лекций по истории наук. Взаимный обмен мнениями и опытом работы между ними может и должен затрагивать не только методологические, но и методические вопросы. На наш взгляд, целесообразными и вполне оправдывающими себя могут оказаться созываемые и руководимые учебной частью университета (или пединститута) периодические совещания той группы профессорско-преподавательского состава, которая осуществляет чтение лекций и проведение других занятий по истории как общественных, так и естественных наук. На таких совещаниях следует поднимать и рассматривать методические вопросы, вызывающие общий интерес, например, вопрос о методике изложения философских проблем в курсах по истории естественных наук, о способах и принципах проведения коллоквиумов, о преодолении догматизма и начетничества в преподавании и т. д.

Организирующую и руководящую роль в претворении в жизнь комплекса перечисленных мероприятий, равно как и других предложений, направленных на улучшение изучения истории философии в вузах, должно взять на себя Управление преподавания общественных наук при Министерстве высшего образования.

Н. И. БРОНСКИЙ (Ростов-на-Дону)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Зарубежные философы в Институте философии АН СССР

В 1957 году Институт философии АН СССР посетило значительное число зарубежных делегаций философов, которые познакомились с опытом научно-исследовательской работы в области философии в Советском Союзе и, в свою очередь, делились опытом разработки и решения конкретных философских проблем в своих странах.

* * *

В середине февраля в Институте философии гостила делегация китайских ученых в составе: Фын Дина (руководитель делегации), Чжан Юна и Хэ Линя (Институт философии Китайской АН) и профессора Пекинского университета Жэнь Цзи-юя, сделавшего на Ученом совете института доклад о некоторых актуальных вопросах истории китайской философии. Доклад этот вызвал оживленный обмен мнениями.

* * *

21 мая Институт философии АН СССР посетили ученые Корейской Народно-Демократической Республики Лим Ду Сен и Ким Си Дюн, которые ознакомились с организацией научно-исследовательской работы в Институте философии, а также с пятилетним планом философской работы Академии наук СССР и провели дружескую беседу с советскими философами о методах укрепления связи теоретической разработки философских проблем с практикой социалистического строительства.

В заключение корейские ученые любезно согласились принять участие в написании разделов по истории философской мысли Кореи для третьего и четвертого томов «Истории философии», над подготовкой которых к изданию ведутся работы в Институте философии АН СССР.

* * *

23 мая в Институте философии АН СССР были венгерские философы Фукас Дьердь и Барла-Сабо Эден.

Венгерские товарищи интересовались рядом конкретных философских проблем, в том числе проблемами эстетики и этики. В ходе беседы венгерских философов с советскими широкому обсуждению подверглась проблема взаимоотношения национальной и мировой культуры.

В заключение была достигнута договоренность о развитии и укреплении дружеских связей между венгерскими и советскими философами.

* * *

С 24 по 31 мая в Институте философии АН СССР по приглашению Президиума АН СССР гостила делегация польских философов во главе с директором Института философии Польской академии наук акад. Адамом Шаффом.

Целью приезда делегации польских философов являлось установление тесного научного сотрудничества в исследовании философских проблем, взаимный обмен опытом работы, подготовка совместных изданий, регулярный обмен научной информацией относительно научно-исследовательской работы в области философии, а также обсуждение других форм сотрудничества польских и советских философов.

В течение недели польские философы познакомились с постановкой исследований философских проблем в Советском Союзе, имели ряд встреч и бесед с советскими философами — работниками Института философии АН СССР, сотрудниками журнала «Вопросы философии», профессорами и преподавателями Московского государственного университета, Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также принимали участие в работе различных секторов и семинара по логике в Институте философии АН СССР.

За время пребывания в Москве польская делегация имела возможность встретиться со многими советскими философами и близко ознакомиться с их научными работами.

Большой интерес вызвали у польских ученых работы советских философов в области философских вопросов естествознания, например, в исследовании проблем детерминизма в физике и биологии, философских вопросов психологии, математической логики и т. д.

В результате совместной работы советских и польских философов был согласован и обсужден конкретный план совместной работы польских и советских философов по разработке ряда проблем.

Польские философы выразили согласие принять участие в написании коллективных трудов, издаваемых Институтом философии

АН СССР: «Проблема причинности в современном естествознании», «Закономерности возникновения и развития социалистического общества», «Вопросы психологии мышления» и др. Намечено участие польских философов в написании ряда разделов по истории польской философии для 3-го и 4-го томов «Истории философии». Принято решение о переиздании в Советском Союзе на русском языке работ Л. Кшивицкого и С. Чарновского, которые уже изданы в Польской Народной Республике. Советские и польские философы сочли целесообразным совместно выпустить труд «О философских основах современного ревизионизма и догматизма».

* * *

31 мая и 6 июня в Институт философии АН СССР приезжал академик Болгарской АН Савва Гановский. Состоялся обмен мнениями по общим наиболее важным проблемам развития философской науки, а также по вопросам, связанным с дальнейшим улучшением координации работы болгарских и советских философов.

* * *

10 июня Институт философии АН СССР посетил известный французский марксист проф. Роже Гароди, который в беседе с сотрудниками института кратко охарактеризовал идеологическую борьбу во Франции после XX съезда КПСС.

* * *

С 22 июля по 1 августа в Советском Союзе по приглашению Президиума АН СССР находился видный индийский философ, почетный секретарь Всеиндийского философского конгресса проф. Н. А. Никам. Цель визита — установить личный контакт с советскими философами, ознакомиться с фактическим положением дел в области философской науки, найти пути и средства для более широких и постоянных связей между индийскими и советскими философами.

В Институте философии АН СССР проф. Н. А. Никам встретился со многими советскими философами и беседовал с ними по интересующим его вопросам, в частности, о взаимозависимости социальных изменений и общественной морали, о причинах существования идеологических различий между отдельными странами и др.

На собрании сотрудников института проф. Н. А. Никам выступил с интересным сообщением, посвященным актуальным проблемам современной индийской философии.

В своем сообщении проф. Н. А. Никам сосредоточил внимание главным образом на истории возникновения и современном значении философии бхудангня¹, получившей широкое распространение в Индии.

В обсуждении сообщения проф. Н. А. Ни-

кама приняли участие научные сотрудники института.

* * *

27 июля Институт философии АН СССР посетила делегация американских туристов, интересующихся вопросами марксистской философии. Члены делегации в беседе с научными сотрудниками получили ответы на интересующие их вопросы. Американские туристы интересовались, в частности, вопросами периодизации истории марксистской философии, основными проблемами, над которыми работают в настоящее время советские философы, разработкой проблем морали в Советском Союзе, дальнейшим развитием моральных норм, проблемой перехода от старых моральных норм к новым и др.

В ходе беседы, которая протекала в дружественной обстановке, была отмечена необходимость укрепления взаимопонимания между советскими и американскими философами, что должно способствовать укреплению дружеских связей между американским и советским народами.

* * *

С 28 июля по 3 августа в Москве, по приглашению Института философии АН СССР, с кратким визитом находилась делегация философов Китайской Народной Республики. В ее составе: директор Института философии КНР проф. Пань Цзы-нянь, зам. директора проф. Цзин Яо-линь, зав. кафедрой истории философии в Пекинском университете проф. Фын Ю-лань и лектор Высшей партийной школы тов. Лю Чунь.

Основной целью приезда делегации китайских философов было согласование планов дальнейшей совместной работы в области философии. Советские и китайские философы пришли к единодушному мнению о необходимости координации своей работы.

* * *

30 июля Институт философии АН СССР посетил профессор Берлинского университета Роберт Хавеман (ГДР), который имел беседу с руководящими научными работниками института по проблемам диалектического материализма и философским вопросам естествознания.

* * *

7 августа в Институте философии АН СССР состоялся прием молодых философов зарубежных стран, прибывших в Москву по случаю VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В кратком вступительном слове зам. директора Института философии АН СССР А. Ф. Окулов приветствовал зарубежных гостей от имени коллектива института и кратко ознакомил их с содержанием научной деятельности советских философов. Во время приема представители зарубежной философской молодежи беседовали по всем интересующим их вопросам с советскими философами.

¹ Слово «бхудангня» образуется из слов: бху — земля, дан — благотворительность и гня — свадебный дар.

Встреча выявила живой интерес представителей зарубежной молодежи к марксистско-ленинской философии и к вопросу о социальной роли философии в современном обществе.

* * *

8 августа 1957 года проф. Ю. Кучинский (ГДР) прочитал в Институте философии АН СССР доклад на тему «О предмете истории и движущих силах исторического процесса». Доклад содержал целый ряд дискуссионных положений и вызвал оживленный обмен мнениями.

По мнению докладчика, развитие общества следует рассматривать как происходящее в трех «плоскостях»: «плоскости» производительных сил, производственных отношений и надстройки. В соответствии с этим наука об обществе состоит из следующих четырех составных частей: а) науки о производительных силах (теория и история); б) науки о производственных отношениях (теория или политическая экономия и история или экономическая история); в) науки о надстройке, то, что мы называем собственно исторической наукой (теория надстройки и история ее развития); г) социологии — науки о законах и истории отношений как между тремя «плоскостями» общества, так и каждой из этих «плоскостей», взятой в отдельности, к природе и к мышлению. Названные науки тесно связаны между собой; преимущественное значение имеет учение о производственных отношениях, так как последние в конечном итоге определяют все общественное развитие.

Предметом исторической науки является надстройка. Движущей силой истории служит борьба за экономическое освобождение, которая в эксплуататорском обществе принимает форму борьбы классов; движущей силой развития общества в целом является борьба за развитие производительных сил.

Только четкое разделение исторической науки и науки об обществе в целом позволяет ответить на вопрос: кто творит историю. Ее творят организованные в классы люди, выступающие в качестве идеологических и политических борцов; их деятельность разворачивается на основе производственных отношений; экономические отношения в последней инстанции обуславливают исторический процесс.

Однако определять в последней инстанции — не значит быть непосредственной причиной исторических событий. Было бы смешно пытаться объяснить экономическими причинами приход фашизма к власти в Германии в 1933 году. Тот факт, что гитлеровцы захватили власть, можно объяснить только политическими причинами, относящимися к надстройке. Нельзя объяснить специфически историческое, а именно конкретное движение событий всеобщими экономическими закономерностями.

В прениях выступили М. Д. Каммари, Т. И. Ойзерман, М. А. Лифшиц, Ц. А. Степанян, М. А. Аржанов. Выступившие в прениях отметили, что поставленные докладчиком вопросы заслуживают серьезного

внимания. Однако нельзя согласиться с тем, что производительная деятельность не относится к истории. Ошибкой проф. Кучинского является то, что он берет производительные силы безотносительно к производственным отношениям, в результате чего производительные силы становятся чисто технологическим понятием и перестают быть предметом общественной науки. Предметом истории является не только надстройка, как получается у тов. Кучинского, но и развитие всей совокупности общественных отношений в разных странах и в разные эпохи, а предметом социологии являются наиболее общие законы развития общества и законы смены общественных формаций.

* * *

11 августа в Институте философии состоялась беседа американского профессора Клайна и аспиранта Коми с сотрудниками сектора диалектического материализма по вопросам диалектической и математической логики. В ходе беседы состоялся обмен мнениями о перспективах развития и изучения математической логики.

* * *

12 августа Институт философии АН СССР посетил западногерманский теолог Рудольф Хуфнагель.

Основным содержанием беседы с молодым немецким философом Р. Хуфнагелем был вопрос о необходимости взаимного обмена философской литературой, студентами и расширения количества делегаций ученых, как немецких в СССР, так и советских философов в ФРГ.

* * *

13 августа проф. В. Штерн (ГДР) выступил перед сотрудниками Института философии АН СССР с докладом «Сократ и его роль в развитии древнегреческой философии».

* * *

13 сентября Институт философии посетила делегация румынских ученых в составе академика Еуджена Анджелеску, профессоров Георге Пак, Изразля Кишиневского и доцента Василя Бунеску.

Румынские товарищи ознакомились с постановкой философской научно-исследовательской работы в Советском Союзе.

* * *

1 октября в Институте философии состоялась встреча философов с заведующим кафедрой диалектического материализма Берлинского университета проф. Клаусом Цвейлингом. Во время встречи были обсуждены многие вопросы диалектического материализма и диалектической логики. В свою очередь, проф. Цвейлинг познакомил советских философов с основными вопросами, над которыми работают немецкие философы.

* * *

3 октября Институт философии АН СССР посетили видные корейские ученые —

президент АН КНДР академик Пэк Нам Ун, член-корр. АН КНДР Ким Гван Дин и директор Института истории АН КНДР Ким Сек Хён. Корейские ученые провели беседы с сотрудниками института по вопросам диалектического материализма и логики.

* * *

С 26 сентября по 11 октября в Институте философии АН СССР гостила делегация чехословацких философов в составе директора Института философии АН Народной Республики Чехословакии проф. Ладислава Ригера и ученого секретаря этого института Ивана Свитака. Во время многочисленных встреч советских и чешских философов были затронуты и обсуждены многие вопросы, касающиеся координации философской работы двух институтов, в частности, было принято решение о совместном издании на чешском и русском языках избранных работ чехословацких мыслителей.

В заключение проф. Ладислав Ригер выступил в институте с докладом «Мысль и действие», который вызвал большой интерес советской философской общественности.

* * *

16 октября в Институте философии АН СССР состоялась встреча сотрудников института с известным немецким философом проф. Вальтером Рубеном (ГДР), который ознакомился с состоянием изучения индийской философии в СССР и внес предложение обсудить ряд мероприятий, способствующих улучшению контакта советских и немецких философов, изучающих индийскую философию.

* * *

В 20-х числах октября Институт философии посетил Ян Тибетский — ученый секретарь Отделения общественных наук Словацкой академии наук, который интересовался организацией научно-исследовательской работы в институте.

* * *

5 ноября Институт философии АН СССР посетил президент Болгарской академии наук Тодор Павлов.

В ходе беседы с сотрудниками института Тодор Павлов коснулся основной проблематики, над которой работают философы Болгарской академии наук. Основная проблема, на которой остановился Тодор Павлов, — это вопрос о соотношении философии и конкретных наук. Он сообщил, что в настоящее время Институт философии Академии наук Болгарии готовит работы: «Философия и педагогические науки», «Филосо-

фия и экономические науки» и т. д. Серьезное внимание уделяют философы Болгарской академии наук критике современного ревизионизма, реформизма и догматизма. В беседах с сотрудниками Тодор Павлов интересовался вопросами эстетики, диалектической логики и др.

* * *

5 ноября Институт философии АН СССР посетили также президент Словацкой академии наук Ондрей Сирацки и юрист Владимир Прохазка.

О. Сирацки беседовал с сотрудниками института по вопросам философии. Особенно его интересовали вопросы издания на русском языке классиков философии, а также издание на русском языке переводов избранных работ философов Чехословакии.

Во время беседы было выражено общее мнение о необходимости издания как работ советских философов в Чехословакии, так и работ чехословацких философов в Советском Союзе.

Президент познакомил советских философов с основными проблемами, над которыми работают в настоящее время философы Словакии.

* * *

13 ноября интересную беседу по идеологическим вопросам провела с сотрудниками Института делегация китайских ученых в составе: Юй Гуна-юаня, Лю Дао-шэня и Ло Юань-цзэна.

* * *

15 ноября известный французский марксист Жорж Коньо встретился с коллективом сотрудников Института философии АН СССР и ответил на их многочисленные вопросы, касающиеся состояния идеологической борьбы во Франции на современном этапе.

* * *

В тот же день состоялась беседа сотрудников института с профессором университета в Пизе (Италия) Чезаре Лупарине. В ходе беседы подвергся обсуждению ряд философских проблем (проблема единства мира, субъекта и объекта, исторического и логического и др.).

* * *

18 ноября Институт философии АН СССР посетил философ-биолог проф. Холличер (Австрия). В беседе с сотрудниками института он ознакомился с постановкой научной работы в Институте философии АН СССР и подготовкой научных философских кадров.

Г. В. ОСИПОВ

Участие советских философов в национальных и международных конгрессах

В 1957 году советские философы выезжали в научные командировки в различные зарубежные страны; знакомились с состоянием развития философии в этих странах, принимали участие в национальных и международных конгрессах. Так, группа советских философов посетила Китайскую Народную Республику, Румынскую Народную Республику, Германскую Демократическую Республику, Индию, Пакистан, Ливан и другие страны.

Делегации советских философов участвовали в работе IV сессии Пакистанского фи-

лософского конгресса и в Варшавских философских собеседованиях.

С 16 по 19 июня в Индии находилась советская философская делегация, которая приняла участие в 32-й сессии Индийского философского конгресса в Сринагаре.

Советские философы выступили на конгрессе с докладами: П. В. Копнин — «Марксизм о единстве мысли и действия» и М. Ш. Бахитов — «Общественная жизнь и этика».

Г. О.

На XVII конгрессе Международного института социологии

Коренные изменения во всех сферах общественной жизни в современный период находят свое отражение в борьбе между прогрессивными и реакционными течениями общественной мысли. Перед социальной наукой возникает много новых и сложных проблем, требующих своего разрешения.

На Амстердамском конгрессе Международной социологической ассоциации в 1956 году основным вопросом был вопрос о социальных изменениях XX века. На XVII конгрессе Международного института социологии, состоявшемся в г. Бейруте (Ливан) в сентябре 1957 года, в центре внимания оказались такие важные проблемы современности, как проблемы взаимодействия культур, вопросы о путях социального прогресса в странах Востока, некоторые проблемы духовной культуры, развитие социологических исследований в отдельных странах и др.

Международный институт социологии является одной из важнейших организаций, ставящих своей целью объединение социологов различных стран для научного изучения социологических проблем. Конгрессы института в прошлом были посвящены таким темам, как «Исторический материализм» (1900 г., Париж), «Социальная борьба» (1906 г., Лондон), «Социальная солидарность» (1909 г., Берлин), «Прогресс» (1912 г., Рим), «Социология войны и мира» (1930 г., Женева), «Социологические предвидения» (1933 г., Женева).

Среди руководящих деятелей и активных членов института были такие политические деятели, как А. Мильеран, Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Э. Вандервельде, Э. Масарик, Э. Бенеш, и другие известные социологи: супруги Вебб, Н. Михайловский, Питирим Сорокин, Л. фон-Визе, Г. Ласки, Гурвич, Огборн и др.

XVII конгресс Международного института социологии открылся 23 сентября 1957 года в большом зале ЮНЕСКО, в г. Бей-

руте. Со вступительным словом к участникам обратились президент Ливана Камиль Шамун, президент Международного института социологии профессор Каррадо Джинни (Италия) и избранный на этом заседании президент XVII конгресса доктор Хасан Кабалан (Ливан).

На XVII конгрессе Международного института социологии были представлены социологи более 30 стран самых различных районов земного шара. Делегация советских социологов принимала участие в работе конгресса института впервые. К сожалению, на этом конгрессе не были представлены социологи европейских и азиатских стран народной демократии, а также социологи таких стран Азии, как Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан и др. Наиболее многочисленными были делегации ФРГ, Италии, Франции, США, а также Ливана. Среди участников конгресса были представители религиозных организаций. На конгресс было представлено более 50 докладов; профессора Джинни (Италия), Циммерман (США), Бродель (Франция) выступили также с публичными лекциями.

В специальной секции конгресса рассматривались социологические проблемы развития арабских стран.

В докладах многих участников конгресса преобладала эмпирико-позитивистская тенденция. Многие важнейшие вопросы социологии — об общественных закономерностях, о методологии социологических исследований, об опыте социальных преобразований во многих странах мира — не получили глубокого теоретического освещения на конгрессе. В некоторых докладах преобладали фактические данные по конкретной экономике, этнографии, археологии и т. д. без необходимого обобщения. Так, например, важная проблема социальных последствий технического прогресса сводилась в ряде докладов к перечню фактов о воздействии развития промышленности на жизнь того или иного географического микрорайона. На

конгрессе был представлен ряд докладов, посвященных таким проблемам, как предыстория человеческого общества («Брахицефализация как предысторическая социологическая проблема» и др.), так называемая «людология» (наука об играх) и т. п., которые, возможно, и представляли известный специальный интерес для археологов, этнографов или антропологов, но не были связаны с коренными проблемами современной общественной жизни.

В ряде случаев с трибуны конгресса раздавались призывы к субъективно-идеалистической трактовке исторического процесса. «Эмоциональный и иррациональный фактор, — утверждал, например, Хуан Далма (Аргентина), — должен изучаться как определяющий фактор в историческом становлении человеческого коллектива». Освещавшиеся в докладах вопросы семьи (Шиммерман), личности (К. Пападимитриу), искусства (Г. Ниблинг) рассматривались вне необходимой связи с социально-экономическими условиями жизни общества.

Следует прямо сказать, что ряд участников конгресса в своих выступлениях и докладах пытался поднять на щит реакционные социологические концепции мальтузианства, расизма, космополитизма, психологической школы социологии и т. п.

Доктрина мальтузианства нашла своего активного пропагандиста в лице Перети (Италия), который в своем докладе «Демографическая политика» сетовал на то, что современный прогресс в области медицины, гигиены, борьбы с голодом и силами природы способствует вызванному «таинственным роком» появлению «излишнего населения», которое будто бы не может быть обеспечено соответствующим ростом производства. Перети рассматривает два способа решения проблемы перенаселения: «менее гуманный» способ — это «провиденциальная война», которая вызвала бы «соответственное уменьшение числа людей и отобрала бы самых производительных». Не выступая, по существу, против войны как таковой, но опасаясь катастрофических последствий обоюдоострой атомной войны, Перети, привлекая авторитет папы, выдвигает также «мирные» способы борьбы с перенаселением: воздержание или ограничение в супружеской жизни и другие «меры» по сокращению рождаемости. В унисон с Перети выступал представитель французского иезуитского коллежа в Бейруте Ганье, призывавший к массовой стерилизации населения, якобы являющейся панацеей от всех бед.

Попыткой соединения взглядов психологической школы в социологии и мальтузианства явился доклад представителя аргентинских социологов Х. Далма о теории «психологической плотности населения». Под «психологической плотностью населения» Далма понимает «степень эмансипации и психической дифференциации индивида на единице поверхности».

Такие явления современного общественного прогресса, как рост грамотности, эмансипация женщины, освобождение и успешное развитие колониальных и зависимых в прошлом стран, рассматриваются им

как «увеличение психологической плотности человеческих коллективов и изменение типа его биосоциальной организации».

В своих выступлениях некоторые делегаты освещали вопросы развития стран Востока с позиций национального нигилизма и расизма, игнорируя подлинные причины, тормозившие их прогрессивное экономическое и культурное развитие. Имели место попытки рассматривать возможности прогресса Ливана лишь в рамках французского влияния в области культуры. При этом игнорировалось огромное значение арабского языка, на котором создан не один десяток шедевров, навсегда вошедших в сокровищницу мировой науки и культуры.

Выдвигался даже тезис об особом «комплексе неполноценности» арабов. Теперь, когда весь мир является свидетелем мощного подъема национального самосознания арабов, экономического и культурного прогресса в Египте, Сирии и других арабских странах, подобные рассуждения выглядят особенно абсурдными и вредными. Несмотря на принятую конгрессом установку — воздерживаться от споров по политическим вопросам, представитель ФРГ профессор Г. Херфардт выступил с докладом «Социальные условия функционирования демократического правительств в странах без парламентской традиции», в котором докладчик изложил обычные реакционные рассуждения о «преимуществах западной демократии» перед социалистической демократией, являющейся в действительности высшей формой демократии. Своего рода дополнением к докладу Г. Херфардта должен был явиться представленный на конгресс доклад К. Пападимитриу «Культ личности». Этот доклад, представляющий собой сумбурный набор реакционных политических, социологических и историко-философских рассуждений, был снят с обсуждения.

Показательно, что реакционные взгляды, выдвигавшиеся на конгрессе, в ряде случаев вызвали критику даже со стороны отдельных представителей буржуазной социологии. Так, с критикой мальтузианского тезиса об «абсолютном перенаселении» выступил австрийский профессор Шашинг. Он заявил, что казавшаяся неразрешимой в рамках созданной в соответствии с Версальским договором Австрии проблема «излишнего населения» нашла свое положительное решение в ходе экономического и технического прогресса самостоятельного австрийского государства.

Теория «искусства для искусства», отстаивавшаяся в ряде докладов участников конгресса, вызвала резкую и обоснованную критику со стороны видного египетского социолога и психолога профессора Морани. Ссылаясь на опыт и потребности общественного развития современного Египта, Морани прямо заявил, что подлинное искусство познает действительность, отражает жизнь общества, в значительной мере базируется на фольклоре и призвано служить интересам общества.

На конгрессе, проходившем в Ливане и собравшем большое количество делегатов из арабских стран, естественно, особое внима-

ние привлекли вопросы социально-экономического положения и развития в странах Арабского Востока. Во время дискуссии о путях и средствах прогрессивного развития арабских стран ряд делегатов арабских стран критиковал точку зрения о первоочередности прогресса в области просвещения, справедливо обращая внимание на особое значение прогресса в технической и социально-экономической областях.

Событием большой принципиальной значимости в деятельности Международного института социологии явилось участие советской делегации в работе его XVII конгресса. С первых дней нашего пребывания в стране во время конгресса и после его окончания со стороны руководящих деятелей института и конгресса, со стороны участников конгресса и ливанской общественности проявлялся большой интерес и внимание к делегации советских социологов. Члены советской делегации были введены в состав президиума конгресса. Президент Международного института социологии профессор Джинни, один из крупных специалистов по вопросам социальной статистики и демографии, неоднократно беседовал с членами советской делегации по вопросам работы института и конгресса, по вопросам организации научной работы в СССР и по отдельным социологическим проблемам. Ряд интересных бесед по вопросам социальной науки состоялся с генеральным секретарем института профессором Мюллером (ФРГ), а также с социологами других европейских и восточных стран.

Особое внимание было оказано нам со стороны президента XVII конгресса, видного ливанского социолога и общественно-го деятеля д-ра Хасана Кабалана.

На одном из заседаний конгресса состоялись доклады представителей СССР, Судана, Туниса, Марокко, посвященные в основном проблемам национальной культуры и культурного взаимодействия между народами. С большим вниманием был заслушан доклад руководителя советской делегации, доктора философских наук профессора В. Ф. Берестнева на тему «К вопросу о взаимодействии культур (на опыте народов СССР)». Несмотря на то, что представитель советских социологов выступил с докладом, исходные идейные позиции которого по принципиальным вопросам расходились с выступлениями других участников конгресса и были направлены против некоторых социологических взглядов и концепций, он был воспринят с глубоким вниманием и уважением к советской науке. На основе марксистско-ленинских методологических принципов и учета конкретных условий советской действительности в докладе были раскрыты огромные успехи в области культурного строительства, достигнутые народами СССР в результате осуществления советской национальной политики, обеспечившей социалистическое сотрудничество и взаимопомощь свободных и равноправных народов СССР, показан мирный характер взаимодействия их культур. В обстоятельном резюмирующем выступлении социолога

Египта профессора Морани по докладу советской делегации, а также в отзывах участников конгресса отмечался прогрессивный характер взаимодействия культур народов СССР, особо подчеркивался его мирный характер.

Представитель Судана, видный культурный и общественный деятель своей страны Аль-Махди выступил с докладом «О характере культурного взаимодействия между Суданом и Египтом». Солидаризируясь с выступлением советского делегата, Аль-Махди показал всю вредность и реакционность насильственного насаждения англичанами своей культуры в Судане. «В настоящее время, — заявил он, — на основе братского сотрудничества между народами Судана и Египта происходит прогрессивный процесс взаимодействия между культурами наших народов, причем отличительной особенностью его является мирный характер: этот процесс происходит не за счет уничтожения национальной специфики, а за счет взаимного обогащения двух близких по духу и религии культур».

Вслед за советским и суданским делегатами слово было предоставлено делегатам Туниса и Марокко. Ныне, когда позорная система колониализма трещит по всем швам, когда народы, ранее находившиеся под гнетом крупных капиталистических держав, сбросили ярмо насилия и эксплуатации, в странах Северной Африки происходит мощный, непреодолимый процесс национального возрождения. Поэтому особый интерес вызвали взволнованные выступления делегатов Туниса и Марокко. Так, профессор Килиби в своем выступлении, которое характеризовалось антиимпериалистической и антиколониальной направленностью, заявил, что в настоящее время перед народами Туниса стоит задача борьбы за национальную независимость. Ученые и социологи должны содействовать успешному ее завершению. «Пора отказаться от засилья иностранных языков. Наша наука должна способствовать повышению культурного уровня в стране». Только успешная борьба против империализма, по мнению Килиби, может привести к возрождению национального самосознания народа, его науки и культуры.

Как бы продолжением идей тунисского представителя были мысли, высказанные делегатом Марокко, профессором Книбом. Отмечая наличие огромных научных и культурных традиций у арабов в период средневековья, профессор Книб подробно остановился на современных задачах, стоящих перед учеными и социологами Марокко: «Наша цель поднять культуру и науку до уровня современных развитых стран... техническая мысль ждет своего прогресса, но мы не должны обращаться к западным державам... Существуют два пути развития. Первый — это национальный, т. е. когда мы сами руководим своей страной, и второй — когда нами руководят со стороны». Задача социологов, заявил Книб, состоит в том, чтобы помочь в решении задач, стоящих перед страной, руководствуясь первым путем.

Подводя итоги работы XVII конгресса Международного института социологии, можно заключить, что он дал много полезного и ценного. В докладах, представленных на конгресс, содержится много нового и ценного фактического материала, характеризующего социально-экономическое положение и культурное развитие стран Арабского Востока.

На конгрессе были представлены некоторые новые концепции современной социологии, ознакомление с которыми представляет определенный интерес.

Советские делегаты, участвуя в работе конгресса, установили целый ряд личных контактов с социологами различных стран Западной Европы, Азии, Америки, контактов, которые, несомненно, принесут пользу в деле расширения обмена научной литературой, ознакомления со взглядами философов по различным вопросам социальной науки и т. д.

Важным практическим результатом работы XVII конгресса Международного института социологии явилось создание Ассоциации социологов арабских стран во главе с доктором Х. Кабаламом. Несомненно, что создание подобной ассоциации открывает новые большие возможности для самостоятельного развития социологической мысли в странах Арабского Востока.

Участие советской делегации в работе конгресса имело большое значение для развития и укрепления международных связей советских философов, а также и для расширения связей Международного института социологии. Можно надеяться, что в последующем в его работе примут участие и другие страны социалистического лагеря, а также такие страны, как Индия, Пакистан, Индонезия, Цейлон и др., что превратит Международный институт социологии в подлинно широкую международную организацию, а также будет содействовать развитию научных и культурных связей между различными странами земного шара.

* * *

Как во время работы конгресса, так и после его окончания советские делегаты имели ряд встреч и бесед с учеными, руководителями высших учебных заведений, общественными и государственными деятелями и журналистами Ливана.

Советская делегация была принята ректором Ливанской академии изящных искусств профессором Алексисом Бутрусом. В ходе продолжительной беседы, происшедшей в весьма дружественной обстановке, А. Бутрус ознакомил нас со структурой и задачами возглавляемой им академии, являющейся важным очагом борьбы за национальную культуру Ливана.

В беседе с профессором Фуадом Бустани, ректором недавно созданного национального университета в Бейруте, были затронуты вопросы о постановке высшего образова-

ния и научной работы в университете и перспективах расширения этого первого национального университета страны. Ф. Бустани является главным редактором арабской энциклопедии, издания, рассчитанного на 17—20 томов, которое должно выйти в течение ближайших 12 лет.

В исключительно дружественной обстановке прошла встреча советских делегатов с виднейшим ливанским прогрессивным деятелем и борцом за мир Антуаном Табетом, рассказавшим нам о некоторых особенностях развития архитектуры и искусства в Ливане.

Наша делегация неоднократно встречалась и беседовала с ведущим ливанским социологом и юристом Х. Кабаламом, который принимал нас с большой теплотой, проявил интерес к советскому востоковедению, социалистическому праву и другим вопросам культурной жизни нашей страны. В ходе всех этих бесед наши стремления к расширению культурных и научных связей СССР и Ливана встречали полную поддержку. Для нас эти и многие другие беседы с ливанскими деятелями культуры имели большое значение. Они позволили нам ознакомиться с развитием культурной и научной жизни страны. В свою очередь, мы убедились в том, что среди ливанской интеллигенции имеется все возрастающий интерес к жизни советского общества, к советской науке, культуре и искусству.

Советская делегация была также принята и имела беседы с рядом официальных государственных деятелей Ливана — премьер-министром Сами Сольхом, министром национального образования Ф. Козма, и. о. министра иностранных дел Микави. В беседах затрагивались главным образом вопросы культурных связей СССР и Ливана.

В конце пребывания советской делегации в Ливане в советском посольстве был дан прием в честь советской делегации на XVII конгрессе Международного института социологии, на котором присутствовали премьер-министр, министр национального образования, видные политические и общественные деятели, журналисты, а также ряд делегатов конгресса.

За время пребывания в Ливане, в стране с богатым историческим прошлым, советская делегация ознакомилась с рядом замечательных исторических памятников древности, посетила города Сайда (Сидон), Библос (Джабаиль), Баальбек, музей и дворец в Бейт-эд-Дине и др. Яркие впечатления, оставшиеся у нас от ливанских встреч, от изумительной природы и уникальных памятников прошлого укрепили нашу уверенность в необходимости всемерного расширения дружественных связей между СССР и Ливаном в области науки, культуры и других форм взаимно полезного общения.

**В. Ф. БЕРЕСТНЕВ, Ю. Н. СЕМЕНОВ,
С. Г. ШИРОЯН**

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

ПРОТИВ РАСИСТСКИХ ИЗМЫШЛЕНИЙ

(Английский ученый о культуре негров банту)

Расизм — одно из наиболее уродливых и позорных явлений современной капиталистической действительности. Особенное возмущение мировой общественности вызывает положение в Южно-Африканском Союзе, где расовая дискриминация проводится совершенно открыто, а расизм является официальной идеологической доктриной. Вот почему работа английского профессора М. А. Джаспана «Культура негров в Южной Африке до европейского завоевания» привлекает к себе внимание, хотя она и посвящена проблеме, казалось бы, весьма далекой от наших дней (см. М. А. J a s p a n «Negro Culture in Southern Africa before European Conquest». «Science and Society», vol, XIX, № 3, Summer 1955).

Излагая историю негров банту до завоевания Африки европейцами, автор показывает, как тесно связан этот вопрос с современной борьбой против колониализма, против расистских предрассудков, за национальную культуру народов Африки. Не случайно статья профессора Джаспана опубликована в прогрессивном американском журнале «Сайенс энд Сосайти». Борьба с расистскими предрассудками имеет огромное значение в США, где бесчинствуют куклуксклановцы и где расистски настроенные ученые создают лживые теории о том, что негры — народ «без культуры». Еще большее значение эта работа имеет для идейной борьбы в Южно-Африканском Союзе. Расистские теории, согласно которым негры-де являются пришельцами в Южной Африке и не способны к самостоятельному развитию, оправдывают режим полицейского террора по отношению к коренному населению этой страны. В тяжелых условиях негры банту ведут упорную борьбу за свои права, за независимость, за национальную культуру, против колониального ига.

Рассмотрев в своей работе различные исторические источники, М. А. Джаспан утверждает, что негры банту создали сравнительно высокую и самобытную культуру задолго до прихода европейцев в Южную Африку. Автор показывает, как рассеивались мифы, созданные в угоду колонизаторам, как заступ археолога, исследования этнографа и историка все более подрывали антинаучные теории, державшиеся на расистских предрассудках. В заключение своей статьи он с сожалением отмечает, что новые данные, добытые наукой, все еще не стали общим достоянием. Популяризации этих данных автор и посвятил свою работу.

Южная Африка является богатейшей сокровищницей полезных ископаемых, всемирной известностью пользуются ее месторождения золота и алмазов (в последние годы здесь началась добыча урановой руды). Естественно, что эта страна издавна привлекала к себе заморских купцов и в конце концов стала яблоком раздора для колонизаторов разных стран. Португальцы и голландцы, затем немцы, англичане и, наконец, американцы — все они, соперничая друг с другом, поработали коренных жителей страны.

Из документов первых путешественников в Южную Африку, говорит Джаспан, известно, что уже в IX веке побережье было густо заселено туземцами. Однако ученые капиталистических стран мало интересовались историей коренных жителей Южной Африки. Больше того, они измышляли различные теории о том, что туземцы пришли сюда если не позже европейцев, то и не раньше их. Негры, утверждали колонизаторы, являются такими же завоевателями этой страны, как и европейцы. Подобная теория служила «научным» оправданием постоянного вытеснения туземцев с занимаемых ими земель.

Однако имеющиеся в распоряжении ученых материалы о средневековых банту Южной Африки убедительно опровергают эти теории: у банту существовала довольно высокая культура задолго до завоевания их европейцами. Об этом свидетельствуют материалы персидских и арабских путешественников (Ибн Баттуты, Масуди, Идриси, Ибн Якута и др.), а также средневековые китайские источники IX века. По этим источникам можно судить, что их авторы знали о Малинди — крупном торговом порте на восточноафриканском побережье. Историограф Тил перевел много португаль-

ских текстов XV столетия, говоривших о Южной Африке. Важное свидетельство о существовании поселения Занзибар в начале X века и торговле золотом в районе Софалы имеется в труде арабского путешественника Масуди «Золотые луга». Он описывал окрестности Софалы, как «землю, изобилующую золотом и другими чудесами». Из описания хорезмского ученого Бируни известно, что в XI столетии в Софале процветала торговля золотом, оттуда вывозили слоновую кость, жемчуг, а также рабов-негров для «украшения» восточных дворцов и гаремов. Наконец, Андалузи (1208—1274) в своем посмертном труде отмечал, что основными ресурсами народа Софалы были золото и железо, добываемые внутри страны. Все эти документы периода IX—XIV веков н. э. доказывают, что внутри континента к западу от Софалы жили народы, которые занимались добычей золота и железа, а также вели торговлю с заморскими купцами, привозившими сюда взамен свои товары из Индии, Китая и других стран Востока.

Данные литературных источников были существенно дополнены материалами раскопок, проводившихся в конце XIX века в средневековых поселениях банту. В первую очередь внимание исследователей привлекли средневековые поселения в Зимбабве. Эти руины, расположенные в 250 километрах от главного города Южной Родезии, Булавайо, и по сей день производят величественное впечатление. «Строительная техника и форма этих сооружений,— пишут чешские путешественники Ганзелка и Зикмунд,— свидетельствуют о намерении добиться гармонии с гигантскими гранитными скалами. Ни один средневековый замок, опоясанный стенами, с подъемными мостами, валами и рвами, наполненными водой, не мог быть более недоступным, чем орлиное гнездо Зимбабве. Медленно взбираешься по ступенькам, высеченным в скале, и в некоторых местах цепляешься руками, чтобы боком протиснуться через косую щель, которая представляла, да и до сих пор представляет собой идеальное оборонительное сооружение... Узкие коридоры, сужающиеся клином входы, никогда не знавшие дверей, могучая конической формы башня, возвышающаяся над пустынным двором...» («Африка грез и действительности», т. II, стр. 311. М. 1956). Строители этих сооружений не знали извести, но их творения простояли века. Кто же были эти строители?

Господствовавшая теория о «неполноценности» негров препятствовала установлению каких-либо связей между этой цивилизацией и неграми банту, подчеркивает Джаспан. Археолог Бент, например, упорно старался доказать, что руины Зимбабве по своему происхождению не имели никакого отношения к банту. Атмосфера колониальных захватов и эксплуатации негритянских народов, окружавшая Бента, привела его в ряды мажоритарных расистов. Тех же взглядов придерживался в своих работах и другой исследователь, Холл. Пелена расистского тумана застилала глаза этих ученых.

Однако нашлись исследователи, которым научная истина была дороже интересов колонизаторов. Исследования, проведенные Макивером, и изучение им многочисленных строений и ремесленных изделий, найденных в самом Зимбабве, в Ниекерке и других поселениях, доказали их принадлежность народам банту. Макивер был не одинок. Важные выводы были сделаны относительно самого орлиного гнезда Зимбабве. Макивер писал, что Зимбабве, очевидно, было большим укреплением и может рассматриваться как дальнейшее развитие маленьких крепостей, найденных в Инианге, в Ниекерке. Он предположил, что Зимбабве являлось первоначальной столицей царства Мономотапа, одного из ранних государственных образований средневековых племен банту. Остатки стен в Ниекерке свидетельствуют о том, что их кладка не отличалась от той, которая применяется современными неграми. Архитектуру и способ постройки домов в средневековых селениях банту можно сравнить с постройками обычных домов современных банту, говорящих на языке шона, и других племен, живущих в этом районе. Подобные постройки можно встретить у народов зулу, у венда, живущих в Северном Трансваале и в других местах Южно-Африканского Союза.

Исследования показали также, что средневековые банту были не только искусными строителями, но и не менее искусными ирригаторами. Раскопки в Инианге открыли существование сложной системы ирригационных сооружений. Большие груды отвалов, найденные во время раскопок, а также остовы грубых печей, разбитые глиняные трубы, шлак, зола и мелкие кусочки руды указывают на то, что средневековым банту было известно и горнорудное дело. Добыча руды производилась не только с поверхности, руда извлекалась и из шахт, достигавших глубины 80 футов. Дальнейшие раскопки дали возможность определить район месторождений и характер добываемых руд. Так, например, стало известно, что в Северном Трансваале, в районе Мессины, средневековые банту добывали медь. Раскопками в районах Трансваала обнаружено было много сотен оловянных изделий. Ученые Тревор и Бауман после тщательного изучения раскопок подсчитали, что в районе Руиберга (Трансвааль) было добыто около двух—трех тысяч тонн чистого олова. На основании раскопок, произведенных до 1930 года, Тревор пришел к выводу, что народы банту добывали медь, олово, железо, золото и выплавляли бронзу. Исследователями установлено, что почти вся страна была тщательно разведана ее обитателями задолго до появления европейцев.

Благодаря раскопкам стали известны и образцы искусства предков современного негритянского населения Южной Африки. Украшения на стенах руин Зимбабве, а также в Натале, художественная резьба на мыльном камне говорят о высоком мастерстве народов банту. Успехи археологов, научившихся точно устанавливать время изготовления изделий из стекла, фарфора и особенно бус, позволили более точно датиро-

вать поселение Зимбабве. На основании этих исследований поселение Зимбабве, которое Макивер относил к XI веку, было теперь некоторыми учеными датировано VIII—IX веками н. э. Антрополог А. Кейт своими исследованиями человеческих скелетов, найденных в различных местах Родезии, подтвердил правильность этой датировки. Исследования Кейта имели большое значение и в другом отношении; изучая остатки скелетов, он нашел, что они типичны для негров банту. Никаких скелетов, принадлежащих другим народам, он не находил.

Таким образом, исследования ряда ученых дали возможность установить основные черты культуры средневековых банту, достигшей такого уровня, что у них произошло уже отделение скотоводства и ремесла от земледелия, возникло социальное расслоение в общинах, стали выделяться крупные владельцы скота, а затем и рудников и появились зародышевые формы государства. Для знати, владельцев рудников и торговцев возводились большие, хорошо укрепленные дома. В жилищах со стенами из тростника и глины ютились рядовые члены общины. В португальской хронике Дуартэ Барбоса, составленной ранее 1516 года, говорится, что в царстве Мономотапа и в окружающих его областях были крупные торговцы из местного населения. Из этого же источника известно, что платой за металл и слоновую кость, вывозимые из этого царства, служили цветные одежды и бусы.

Между культурами средневековых банту в Родезии и Трансваале и современных банту существует большое сходство. При раскопках, проведенных в период с 1932 по 1935 год южнее реки Лимпопо в Мапунгубве, среди таких предметов, как золотые бусы, украшения, орудия производства, копья и т. д., были найдены глиняные фигурки животных, напоминающие те фигурки, которые делают поныне дети банту в большинстве районов Южной Африки. Изучение остатков растений, обнаруженных при раскопках, показало, что, за исключением маиса, растительная пища обитателей средневекового Мапунгубве ничем не отличалась от пищи современных банту, живущих в этом районе. Этнографы обнаружили у многих современных народностей банту такие же бусы, какие были найдены в поселениях их предков. Века чужеземного господства, пишет профессор Джаспан, не изгладили у банту традиций древней культуры, как не уничтожили и тягу к созданию новой культуры, крепнущей в борьбе с колонизаторами.

«Англия, как и «белая Южная Африка», почти ничего не знает об истории, культуре и общественных организациях племен банту, которые составляют основную часть населения Южной Африки», — возмущенно писал английский коммунист У. Галлахер. Профессор Джаспан и американский прогрессивный журнал «Сайенс энд Со-сайти», опубликовавший его работу, смело стремятся пробить эту стену «сознательного невежества». Советские читатели, которые располагают уже значительной литературой о народах Африки, в том числе коллективным трудом, изданным Академией наук СССР (см. «Народы Африки» под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М. 1954), с глубоким интересом и сочувствием следят за работами передовых ученых на Западе, выступающих против расистских теорий, вносящих свой вклад в изучение истории, культуры и современной борьбы колониальных народов за независимость.

В. М. ФРАНЦЕВА

ГДЕ НАХОДИТСЯ ОРГАН МЫШЛЕНИЯ?

(О так называемой теории центрэнцефалической системы)

Достижения науки о высшей нервной деятельности, борьба мнений в этой области физиологии всегда имели большое философское значение — достаточно сослаться на работы таких выдающихся ученых, как Декарт, Ламеттри, а также на Сеченова и Павлова. Учение последних о рефлекторной деятельности, как известно, стало естественнонаучным обоснованием марксистско-ленинской теории отражения.

За последние годы в центре внимания зарубежной нейрофизиологии и неврологии находится проблема локализации высших психических функций человека. В США, Канаде и Англии, в несколько меньшей степени во Франции и Италии большое распространение получила так называемая теория центрэнцефалической системы Пенфилда и Джаспера, согласно которой в верхнем отделе мозгового ствола расположена особая (названная в связи с ее центральным расположением в головном мозгу центрэнцефалической) система нейронов, симметрично связывающих ретикулярную формацию ствола головного мозга с любой из зон коры больших полушарий. Именно эта система будто бы является нервным субстратом высших форм интегративной деятельности: интеллектуальной деятельности, мышления и речи, тогда как кора больших полушарий по отношению к ней имеет подчиненную и чисто исполнительную функцию.

Следовательно, сущность этой теории противоречит классическим представлениям о роли коры больших полушарий. Между тем материалом для создания теории центрэнцефалической системы послужили многочисленные новейшие исследования видных западных электрофизиологов, неврологов и нейрофизиологов (Пенфилд, Джаспер, Мэгун, Эдриан, Моруцци, Морисон, Дэмпси, Бремер, Фессар, Линдслей, Шрайнер, Гесс, Уол-

тер и др.). Факты, обнаруженные ими, несомненно, представляют значительный интерес для науки.

В своем развитии теория центрэнцефалической системы прошла четыре основных этапа, в течение которых ее содержание расширялось и в известной степени уточнялось. Первый этап получил свое отражение в двух крупных монографиях Пенфилда: первая из них была написана им совместно с Эриксоном в 1941 году («Эпилепсия и мозговая локализация». Медгиз. 1949), вторая же под названием «Кора головного мозга человека» была опубликована в 1950 году совместно с Расмуссеном (Penfield W., Rasmussen T. «The cerebral cortex of man». N. Y., 1950).

На втором этапе в широких кругах научной общественности Запада нарастает интерес к этой теории. Это объясняется тем, что она обращается к важнейшим философским и психологическим вопросам. В это время публикуется первый симпозиум под названием «Мозг и разум» («Arch. of neurol. and psychiatry». v. LXVII, 1952, p. 135—198).

Третий этап ознаменовался опубликованием Пенфилдом и Джаспером большой монографии, в которой авторы на основании анализа электрофизиологических исследований больных эпилепсией пытаются углубить свою концепцию (Penfield W., Jasper H. «Epilepsy and the functional anatomy of the human brain». Boston, 1954).

Четвертым и пока последним этапом явилось опубликование в 1954 году второго симпозиума под названием «Мозговые механизмы и сознание» («Brain mechanisms and consciousness. Symposium». Oxford, 1954). Сторонники теории центрэнцефалической системы использовали в основном два метода исследований: первый — электрофизиологии и второй — нейрохирургии, которые сочетались в конкретных методиках¹ и широко применялись в 1942—1956 годах как на человеке, так и на животных. Применявшаяся ими методика исследования имела большие преимущества перед классическим морфологическим методом, так как позволяла выявлять функциональные связи (пути проведения нервного тока) между различными образованиями мозга там, где классический метод бессильен что-либо дать. Эта методика соответствовала современным техническим возможностям электрофизиологии и, несмотря на некоторую ее ограниченность и противоречивость результатов ряда опытов, дала возможность получить новые важные факты.

Однако, когда на основе указанных методов было получено достаточно фактов и были сделаны попытки сопоставить результаты, оказалось, что они часто грубо не совпадают между собой. Не совпадала топография межнейронных связей, обнаруженная на одном и том же субстрате при помощи электрических стимуляций и стрихнинной нейронаграфии. Точно так же не совпадали изменения, наступившие при удалении и разрушении определенных областей мозга, с тем, что можно было ожидать, зная эффекты, имевшие место при электрической стимуляции этих областей. Отсюда следовало, что представления о функциональной роли тех или иных мозговых структур, созданные на основании применения каждого из этих методов в отдельности, были противоречивы и нуждались в постоянной коррекции и контроле. К сожалению, авторы теории центрэнцефалической системы в своих чрезвычайно широких обобщениях не проявили достаточно осторожности и в связи с этим пришли к сомнительным, с точки зрения физиологии и философии, выводам.

Тем не менее новые методические приемы показали существование системы функциональных нервных связей между различными ядрами подкорковой области и ретикулярной формацией мозгового ствола, с одной стороны, и многочисленными различны-

¹ К числу наиболее интересных из этих методик можно отнести следующие: 1. Особенно тонко была разработана методика, сочетавшая электростимуляцию с электрографией. С этой целью к раздражаемой корковой или подкорковой структуре посредством игольчатых электродов подводился фарадический ток, а при помощи других электродов (специально служащих для записей биотоков), расположенных в различных участках мозга, прослеживалось, в каких структурах изменяется электрическая активность в соответствии с поданным электрическим стимулом. При этом, как было установлено, электростимул при нанесении его на мозговую структуру трансформировался в нервный процесс и далее распространялся уже в качестве последнего. Таким образом производилось протыпывание функциональных путей (связей) проведения нервных импульсов. 2. Для этой цели служила методика стрихнинной нейронаграфии по Дюссер-де-Баренну. При этом методическом приеме в качестве раздражителя использовался стрихнин (бумажка, смоченная в растворе стрихнина), прилагавшийся локально к различным нервным структурам. При помощи же электрографии (аналогично описанному выше способу) велась запись реакций различных мозговых структур. 3. Использовалось рассечение нервных трактов или удаление патологически измененных частей мозга при мозговых операциях. При этом посредством клинического наблюдения изучались изменения функционального состояния мозговых структур. Пенфилд с блеском применил прием раздражения электрическим стимулом определенных зон подкорки с одновременным опросом больного о его переживаниях и ощущениях. Изменение функционального состояния изучалось после мозговых операций также посредством описанной выше электрографии. 4. Во время мозговых операций у больных эпилепсией при помощи методики электрографии исследовалось распространение разрядов нервного эпилептического возбуждения в больших полушариях головного мозга.

ми зонами коры — с другой. Эти связи ранее почти не были обнаружены морфологически, при помощи классических гистологических методик, и получили название «системы неспецифических или диффузных кортикоталамических проекций». Такие неспецифические проекции отличались от системы специфических проекций нервных связей тем, что они обнаруживались лишь методом электрофизиологии, тогда как последние выявлялись морфологически при помощи гистологических методик. Особенности системы неспецифических проекций являлись: а) двусторонняя связь между мозговой корой и подкорковыми образованиями; б) схождение кортико-подкорковых функциональных нервных связей к верхней части мозгового ствола; в) наличие внутри ретикулярной формации ствола головного мозга дифференцированных восходящих и нисходящих тормозных и активирующих систем. Последние оказались регуляторами степени возбудимости мозговой коры, подкорковых образований и спинного мозга. Таким образом, мы видим, что при помощи современных электрофизиологических методик большим количеством исследований был вскрыт важный факт схождения потоков нервных возбуждений из различных корковых структур к верхней части ствола головного мозга и обратный ход этих возбуждений в корковые структуры.

Теория центрэнцефалической системы, развитая Пенфилдом и Джаспером (1938—1956), и является попыткой объяснить топографию потоков возбуждений. Ее ответ сводится к тому, что конвергирование (схождение) потоков возбуждений к верхнему отделу ствола головного мозга происходит благодаря наличию в этой зоне верховного, регулирующего всю высшую нервную деятельность уровня интеграции (анализа и синтеза) нервных процессов, по отношению к которому уровень анализаторно-синтетической деятельности коры является подчиненным и несущим лишь исполнительную функцию.

Следует отметить, что хотя активирующая ретикулярная система, существование которой экспериментально уже доказано, является важной составной частью центрэнцефалической системы, отождествлять их нельзя. Даже по утверждению Пенфилда и Джаспера, центрэнцефалическая система пока еще гипотетична. Кроме того, авторы считают, что центрэнцефалическую систему образует совокупность всех специфических двусторонних функциональных связей, соединяющих все основные зоны коры головного мозга с верхними отделами мозгового ствола. Эта система двусторонних связей, по Пенфилду и Джасперу, обеспечивает распространение нервных импульсов по кольцевым орбитам от мозгового ствола к коре больших полушарий и от последних к стволу, то есть по пути, подобному своеобразной фигуре раскрытого веера.

Оценивая точку зрения теории центрэнцефалической системы о соотношении коры и подкорковых образований, необходимо отметить, что она является спекулятивным выводом из установленных фактов, неправомерной дедукцией, основанной скорее на предвзятых психоморфологических тенденциях, на идеалистических философских представлениях, нежели на строгих научных выводах из установленных фактов. Она противоречит истории филогенетического формирования и развития нервных образований у позвоночных.

Рассмотрим основные доводы Пенфилда и Джаспера в пользу их теории. Авторы утверждают, что в пользу высшей интегративной функции центрэнцефалической системы говорит характер ее пространственных отношений к другим частям головного мозга, в частности, симметричность по отношению к коре каждого большого полушария. Это утверждение встречается во всех крупных работах Пенфилда, а в последние годы он ссылается на «единство зрительного образа, возникающего вопреки билатеральной представленности корковых процессов», лежащих в основе этого образа (Penfield W., Jasper H. «Epilepsy and the functional anatomy of the human brain». Boston, 1954). Такой упрощенный психоморфологический подход, позволяющий утверждать, что единство чувственного образа обязательно обусловливается пространственным сосредоточением нервных элементов, деятельность которых обеспечивает этот образ, вряд ли нуждается сейчас в критике. Исследование нервной системы дает огромное количество фактов, подтверждающих согласованность деятельности далеко расположенных друг от друга нервных элементов.

Последние работы Бремера и Терцуоло (Bremer F., Terzuolo C. «Arch. intern de physiol.», v. LXII, 1952, pp. 157—178) показали, что афферентные импульсы с анализаторов самого различного происхождения носят в ретикулярной формации мозгового ствола диффузный, а не избирательный характер и сопровождаются вызыванием однотипных биоэлектрических эффектов. Это однотипное реагирование, как метко указывает Бремер, одних и тех же клеток на потоки импульсов различного происхождения говорит против высшей интегративной деятельности ретикулярной формации. Действительно, как эти потоки, вызывающие однозначные изменения, могут выполнять роль информаторов нервных центров о событиях на периферии? А без информации не может быть никакой высшей интегративной деятельности, замечает Бремер.

Предположение о высшей интегрирующей роли центрэнцефалической системы не может быть принято и потому, как указывает Лешли, что было бы совсем непонятно, как «столь малое число клеток в центрэнцефалической системе, которая анатомически очень проста, может выполнять все эти функции и посредничать или даже передавать всю огромную сложность памяти» (Lashley K. S. «Arch. of neurol. and psychiatry», v. LXVII, 1952, p. 196). Если бы кора больших полушарий, как полагают Пенфилд и Джаспер, играла лишь исполнительную роль, то было бы непонятно, поче-

му в процессе эволюции млекопитающих произошло такое значительное увеличение больших полушарий и очень незначительное увеличение размеров верхних отделов мозгового ствола — места расположения центрэнцефалической системы.

Пенфилд утверждает, что потеря сознания всегда связана с вмешательством на самых верхних отделах мозгового ствола, и поэтому он локализует в последних высшую анализаторно-синтетическую деятельность мозга. В действительности же, как это показал Б. Н. Клосовский и др. («Бюллетень экспериментальной биологии и медицины» № 5 за 1946 год, стр. 3—4; № 4 за 1951 год, стр. 295—299), потеря сознания при вмешательствах на верхних отделах мозгового ствола объясняется нарушением деятельности расположенных в стволе сосудистых и трофических центров. Заключение Пенфилда также неправомерно, как, например, вывод о том, что двигателем автомобиля является его ось, так как при поломке оси автомобиль не может двигаться.

Пенфилд исследовал механизм памяти путем раздражения электрическим током определенных участков височной коры в головном мозгу; при этом он вызывал воспоминания, вернее, очень яркие переживания. На этом основании Пенфилд локализует образную память в этих участках коры головного мозга. Здесь следует учитывать, что таким образом Пенфилд исследовал только больных эпилепсией, у которых эпилептический очаг был в височной доле. Сами же воспоминания касались лишь удивительных мелочей. На основании учения Павлова эти факты Пенфилда можно объяснить удовлетворительно тем, что воспоминания касались внешних раздражений, предшествовавших припадку и связанных с его очагом механизмом условного рефлекса. Таким образом, выявленные Пенфилдом образы при раздражении височной коры у больных эпилепсией говорят лишь о структуре эпилептического припадка, а не о локализации памяти, в осуществлении которой принимает участие вся кора больших полушарий.

Следовательно, теоретические выводы Пенфилда не вытекают непосредственно из фактов.

Как же трактовать в высшей степени важные факты, установленные за последние годы методом электрофизиологии в области функций ретикулярной формации?

Конвергенция потоков возбуждения в верхней части мозгового ствола указывает не на наличие в ствольных структурах высшего уровня анализа и синтеза, а только на крайне важную роль этих образований в регуляции тонуса коры больших полушарий. Именно поэтому так обильны связи, соединяющие верхний отдел мозгового ствола с любой из зон коры больших полушарий. Такое понимание полностью соответствует пониманию И. П. Павловым функции подкорковых ядер: «На фоне общей грубой деятельности, осуществляемой подкорковыми центрами, кора как бы вышивает узор более тонких движений, обеспечивающих наиболее полное соответствие с жизненной обстановкой животного. В свою очередь подкорка оказывает положительное влияние на кору больших полушарий, выступая в качестве источника их силы» (Полн. собр. соч., т. III, кн. 2, 1951, стр. 403. Разрядка моя.—Ю. П.). Влияние внешней среды опосредствуется не только известными системами анализаторов, но и ретикулярной формацией, которую раньше не относили к афферентным системам. Приведенные факты помогают нам лучше понять и механизм работы анализаторов. Работа анализаторов и их связь между собой зависят от степени возбудимости корковых клевок. Уровень же возбудимости этих последних (в значительной степени, хотя и не исключительно) регулируется активизирующими и тормозящими влияниями ретикулярной формации.

Это выявление системы функциональных корково-подкорковых связей благодаря применению современных тонких методов исследования мозга, несомненно, является исключительно важным достижением нейрофизиологии за последнее время, имеющим также большое значение для марксистско-ленинской теории отражения.

Ю. М. ПРАТУСЕВИЧ

Новые научные и научно-популярные книги

по философии и социологии, вышедшие на языках народов СССР в национальных республиках (1956—1957 годы) *

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Некоторые вопросы развития советского общества. Сборник статей. Баку. Изд-во Азербайджанского университета. 297 стр. (Министерство высшего образования СССР. Азербайджанский государственный университет имени С. М. Кирова).

* * *

Мамедов Р. Н. О теории социалистической революции В. И. Ленина. Баку. Азернешр. 104 стр.

Юсифзаде К. Ю. Марксистский материализм и марксистская диалектика. Баку. Азернешр. 160 стр. (В помощь изучающим философию марксизма-ленинизма).

* * *

Агаев Ш. С. О культурном поведении советской молодежи. Баку. 36 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Алиев Г. О мирном сосуществовании государств различных социальных систем. Баку. 39 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Алиев Х. Ленинская теория социалистической революции и ее торжество. Баку. 47 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Алимирзоев Х. Ленинский план построения социалистического и коммунистического общества. (Стенограмма лекции.) Баку. 48 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Гасанов Г. М. О формах перехода различных стран к социализму. Баку. 39 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Гулиев Д. Морально-политическое единство советского общества. Баку. 43 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Гурбанов С. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей и коммунистическое воспитание трудящихся. Баку. 54 стр. (Министерство культуры Азербайджанской ССР. Центральное лекционное бюро).

Джангиров З. Г. Общественная собственность на средства производства — основа производственных отношений социализма. Баку. 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Зейналов Мамедали. Г. В. Плеханов — выдающийся пропагандист философии марксизма. Баку. Азернешр. 83 стр.

Мамедов Заман. Гасан-Бек Зардаби (1837—1907). Публицист, просветитель, общественный деятель. Баку. Детюниздат. 191 стр.

Мосесов П. Б. Ленинские идеологические основы Коммунистической партии. Баку. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Мустафаев Г. М. Ф. Ахундов — воинствующий атеист. Баку. 42 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

* Работы, изданные на русском языке в национальных республиках, включены в общие списки вышедшей литературы, публикуемые в разделе «Новые книги».

Наджафов А. Ю. Великая сила морально-политического единства советского общества. Баку. Азернешр. 92 стр.

Саттаров М. О советском патриотизме и пролетарском интернационализме. Баку. 34 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

Шакирзаде А. С. Роль науки в борьбе против религии. Баку. Азернешр. 88 стр.

Эфендиев М. Э. О вреде знахарства и суеверия. Баку. 22 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Азербайджанской ССР).

АРМЯНСКАЯ ССР

Абовян Х. Полное собрание сочинений в восьми томах. Редакционная коллегия: А. Исаакян и др. Т. 7. Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 524 стр. (Академия наук Армянской ССР. Институт литературы имени М. Абегамяна).

Воротнеци Иоанн. Анализ «Категорий» Аристотеля. Сводный текст, предисловие и примечания В. К. Чалояна. Перевод А. А. Адамяна и В. К. Чалояна. Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. XXIX, 347 стр. (Академия наук Армянской ССР. Сектор философии. Памятники армянской философской мысли).

Налбандян Микаел. Сборник документов. Подготовка текста, редакция и примечания А. Инджикяна и Г. Арутюняна. Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 390 стр. (Центральный государственный архив Армянской ССР. Академия наук Армянской ССР. Институт литературы имени М. Абегамяна).

* * *

Алексанян Т. П. Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории в трудах Степана Шаумяна. Ереван. Айпетрат. 159 стр.

Батикян Г. Г. и Чолахян Д. П. Наука и суеверие. Ереван. Изд-во Ереванского университета. 126 стр. (Ереванский государственный университет).

Брутян Г. А. Логика. Ереван. Айпетрат. 474 стр.

Вардапетян К. Б. Критика агностицизма и скептицизма. Ереван. Айпетрат. 126 стр.

Вардапетян К. Б. О роли идей и теорий в развитии общества. Ереван. Изд-во Ереванского университета. 181 стр. (Ереванский государственный университет).

Габриельян Г. История армянской философской мысли. Т. I. Ереван. Айпетрат. 571 стр.

Григорян Г. О. Из истории армянской передовой общественно-политической мысли. (Вторая половина XVIII века.) Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 207 стр. (Академия наук Армянской ССР. Сектор философии).

Иоаннисян А. Налбандян и его время. Книга 2. Ереван. Айпетрат. 616 стр.

Иоаннисян А. Очерки истории армянской освободительной мысли. Книга I. Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 525 стр. (Академия наук Армянской ССР. Институт истории).

Ованесян О. М. «Манифест Коммунистической партии» и осуществление его идей в СССР и в странах народной демократии. Ереван. Айпетрат. 131 стр.

Рштуни В. Из истории армянских общественных течений. Вторая половина XIX в. (Пореформенный период.) Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 558 стр. (Академия наук Армянской ССР. Институт истории).

* * *

Алексанян Т. П. Степан Шаумян как воинствующий материалист. Ереван. 51 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Арутюнян А. М. Коммунистическое воспитание трудящихся и преодоление религиозных предрассудков. Ереван. 26 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Бегларян Н. П. Борьба материализма с идеализмом в биологии. Ереван. 26 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Восканян А. М. Великая Октябрьская революция и социалистическое преобразование природы нашей страны. Ереван. Изд-во Академии наук Армянской ССР. 82 стр. (Академия наук Армянской ССР. Сектор философии).

Габриельян Г. Пути перехода от старого качества к новому. Ереван. 47 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Габриелян Э. С. Великий русский ученый И. М. Сеченов. Ереван. 26 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Геворгян П. О. Наука и религия о строении Вселенной. Ереван. 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Геворкян Г. А. Что такое научное предвидение. Ереван. Айпетрат. 72 стр.

Меликян М. А. О книге Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (Лекция из курса диалектического материализма). Ереван. Изд-во Ереванского университета. 27 стр. (Ереванский государственный университет).

Петросян С. М. и Хачатрян Г. М. Дружба народов СССР — основа могущества и прочности многонационального Советского государства. Ереван. 45 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

Степанян С. С. Ленинский принцип мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Ереван. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Армянской ССР).

ГРУЗИНСКАЯ ССР

Вопросы религии и атеизма. Сборник статей. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 174 стр.

Исторический материализм. Сборник. Редакционная коллегия: Асатиани Г. П., Гуджабидзе П. Г. и др. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 322 стр. (Тбилисский государственный университет имени И. В. Сталина. Кафедра диалектического и исторического материализма).

Психология. Сборник статей. Редактор А. Прангшвили. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 420 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт психологии имени Д. Н. Узадзе. Труды института. Т. 10).

* * *

Алексишвили М. М. К вопросу о понятии и оценке христианской религии. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 308 стр.

Бандзеладзе Г. Д. К вопросу о соотношении диалектики и логики. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 192 стр.

Берадзе С. Л. Кейнс — апологет империализма. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 105 стр.

Бериташвили И. С. Учение о природе человека в древней Грузии с древних времен по четырнадцатый век. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 244 стр. (Тбилисский государственный университет имени И. В. Сталина).

Гамезардашвили Д. Очерки по истории грузинского реализма. Т. 2. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 670 стр.

Гвинчидзе О. Ш. Из истории общественного движения в России. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 114 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Научно-популярная серия).

Гонашвили А. М. Особенности советского патриотизма. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 188 стр.

Горгиладзе Л. Е. К истории марксизма в Грузии. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 280 стр.

Гугушвили П. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественной мысли до 1898 года. 3-е издание. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 144 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт экономики. Научно-популярная серия).

Дарахвелидзе А. В. Роль марксистско-ленинских идей в развитии общества. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 116 стр.

Каландия А. И. Критика и самокритика — движущая сила развития советского общества. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 184 стр.

Квачахия В. М. Некоторые проблемы логики. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 104 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт философии).

Кикнадзе Г. И. Основные вопросы воспитания коммунистической морали у учащихся. Тбилиси. 145 стр. (Научно-исследовательский институт педагогических наук. Министерство просвещения Грузинской ССР).

Киладзе Д. К. Марксизм-ленинизм о возрастающей роли народных масс в истории. Батуми. 180 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт философии).

Кукава Т. Г. Очерки из истории грузинской общественной и философской мысли первой половины XIX века. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 179 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт философии).

Натадзе Р. Общая психология. (Учебник для вузов.) Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 576 стр. (Тбилисский государственный университет имени И. В. Сталина).

Нуцубидзе Ш. История грузинской философии. Т. I. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 536 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт философии).

Ратиани П. И. Чавчавадзе. Политико-экономические взгляды. Т. 2. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 305 стр.

Сахаров С. И. О христианской религии. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 252 стр.

Соселия Г. К. Против антимарксистского учения о происхождении частной собственности, государства и права. Сухуми. Абгиз. 144 стр.

Узнадзе Д. Сочинения. Ответственный редактор А. Прангшвили. Т. I. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. XXIV. 263 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Институт психологии).

Церетели С. Б. О диалектической природе логической связи. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 625 стр.

Церетели С. Б. О природе законов науки. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 156 стр.

Циминтия А. Б. Народ — творец истории. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 107 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Научно-популярная серия).

* * *

Акбардия К. Г. В. Плеханов. К 100-летию со дня рождения. Тбилиси. 43 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Бандзеладзе Г. Д. О коммунистическом воспитании молодежи. Тбилиси. 46 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Гамсахурдия Г. К. О «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 37 стр. (Тбилисский государственный университет имени И. В. Сталина).

Гургенидзе В. Марксизм-ленинизм о различных формах перехода от капитализма к социализму. (Материалы к лекции.) Тбилиси. 39 стр. Министерство культуры Грузинской ССР. Центральное лекционное бюро.

Давиташвили В. В. Марксизм-ленинизм о морали. Тбилиси. 37 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Джибладзе Н. О мирном сосуществовании социалистической и капиталистической систем. Тбилиси. 36 стр. (Министерство культуры Грузинской ССР. Центральное лекционное бюро).

Каландадзе Д. Ф. О движущих силах советского общества. Тбилиси. 42 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Картозия Б. Материалы к лекции на тему «О буржуазном и пролетарском атеизме». Тбилиси. 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Кобалия И. А. Плеханов и группа «Освобождение труда». Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 39 стр.

Купрейшвили В. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей. Тбилиси. 40 стр. (Министерство культуры Грузинской ССР. Центральное лекционное бюро).

Ларцулиани С. А. Марксизм-ленинизм о возможности и действительности. Тбилиси. 25 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Ларцулиани С. А. О законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 63 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Научно-популярная серия).

Лутидзе Б. И. Как люди познают окружающий мир. Тбилиси. 33 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Майсурадзе Д. Советский патриотизм и пролетарский интернационализм. Тбилиси. 23 стр. (Министерство культуры Грузинской ССР. Центральное лекционное бюро).

Наморадзе А. Г. Монтескье. (Его жизнь и деятельность.) Тбилиси. 62 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Начкебия Я. Э. Народная демократия — одна из форм диктатуры пролетариата. Тбилиси. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Ниорадзе О. Я. О путях перехода к социализму. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 61 стр.

Папалашвили Г. М. Материалистический характер биологического учения И. В. Мичурина и физиологического учения И. П. Павлова. Тбилиси. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

Хидашели Ш. Иоанэ Петрици. (Грузинский философ XI—XII вв.) Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 98 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Научно-популярная серия).

Цицишвили Г. Вопросы формы и содержания художественного произведения. Тбилиси. Изд-во Академии наук Грузинской ССР. 96 стр. (Академия наук Грузинской ССР. Научно-популярная серия).

Чахтаури А. И. Великий русский ученый Николай Лобачевский. (К 100-летию со дня смерти.) Тбилиси. 33 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР).

КАЗАХСКАЯ ССР

Валиханов Ч. Ч. Статьи и переписка. Вступительная статья и примечания Х. Айдаровой. Алма-Ата. «Новая жизнь». 232 стр.
Сарсенбаев Н. С. Воспитание трудящихся в духе коммунистической морали Алма-Ата. «Новая жизнь». 204 стр.

* * *

Аралбаев Ж. Ленинский план построения социализма и коммунизма в СССР. Алма-Ата. 41 стр. (Управление культурно-просветительных учреждений Министерства культуры Казахской ССР. Республиканское лекционное бюро).

Дербисалин А. О творчестве И. Алтынсарина. Алма-Ата. Казучпедгиз. 116 стр. (Библиотека учителя).

Мусабоева Н. А. Значение учения И. П. Павлова в борьбе против идеализма и религии. Алма-Ата. Казгосиздат. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Казахской ССР).

Нуркатов А. Творческий путь С. Муканова. Алма-Ата. 41 стр. (Управление по делам культурно-просветительных учреждений Министерства культуры Казахской ССР. Республиканское лекционное бюро).

Сыдыков Ж. Наука и религия о происхождении Земли. Алма-Ата. 74 стр.

Тажибаев Т. О коммунистической морали. Алма-Ата. Казгосиздат. 64 стр.

КИРГИЗСКАЯ ССР

Аманканов Х. Авиценна (Ибн Сина) (980—1037). Фрунзе. Киргизгосиздат. 47 стр. (Научно-популярная библиотека).

Байбулатов Б. О преодолении пережитков прошлого в сознании людей. Исторический очерк. Фрунзе. Киргизгосиздат. 115 стр.

ЛИТОВСКАЯ ССР

Заксас И. М. Борьба материализма в буржуазной Литве против религии и идеализма в биологии. Вильнюс. Госполитнауиздат. 143 стр.

Чадавичюс А. Отношение Коммунистической партии к религии. Вильнюс. 26 стр. (Министерство культуры Литовской ССР. Республиканское лекционное бюро. Общество по распространению политических и научных знаний Литовской ССР. В помощь лектору).

Юргинис Ю. Казимерас Лышинский — основоположник атеизма в Литве. Вильнюс. Госполитнауиздат. 52 стр.

МОЛДАВСКАЯ ССР

Ермуратский В. Н. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев. Госиздат Молдавии. 100 стр. (Молдавский филиал Академии наук СССР. Институт истории, языка и литературы).

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Вишневский А. Я. Сочетание личных и общественных интересов в советском социалистическом обществе. Сталинабад. 24 стр. (Министерство культуры Таджикской ССР. Центральное лекционное бюро Управление по делам культурно-просветительных учреждений).

Садыков Х. У. Бируни и его работы по астрономии и математической географии. Сталинабад. Таджикгосиздат. 68 стр.

Хайтун Д. Е. Происхождение религии. Сталинабад. Таджикгосиздат. 31 стр.

Шукуров М. Р. Материалы для лекции на тему «Социальная сущность религии ислама». Сталинабад. Изд-во Академии наук Таджикской ССР. 32 стр. (Министерство культуры Таджикской ССР. Центральное лекционное бюро).

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Кулиев К. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии (1917—1925 гг.). Ашхабад. Туркменгосиздат. 126 стр.

Шихмуратов О. О. Торжество ленинской национальной политики в Туркменистане. Ашхабад. Туркменгосиздат. 119 стр.

* * *

Аннануров А. О теории и тактике Коммунистической партии по национальному вопросу. Ашхабад. Туркменгосиздат. 36 стр.

Дурдыева Н. Нерушимая дружба народов СССР — движущая сила в борьбе за коммунизм. Ашхабад. 35 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Туркменской ССР).

Рабинович Г. Марксизм-ленинизм о роли народных масс в истории. Ашхабад. Туркменгосиздат. 48 стр.

Рахманов К. Ислам и его реакционная сущность. Ашхабад. Туркменгосиздат. 40 стр.

УЗБЕКСКАЯ ССР

Бабаев Дж. М. Практика и ее значение в процессе познания. Ташкент. «Правда Востока». 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Узбекской ССР).

Бабаев Дж. М. Теория познания диалектического материализма. Под редакцией А. Артикова. Ташкент. Госиздат Узбекской ССР. 94 стр.

Исамухамедов З. Народ — решающая сила исторического развития. Ташкент. «Правда Востока». 52 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Узбекской ССР).

Материалистическая физиология и атеизм. Сборник статей. Ташкент. «Правда Востока». 36 стр. (Библиотечка научно-атеистических произведений).

Мирошнина Н. М. Марксистско-ленинская теория познания. Ташкент. «Правда Востока». 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Узбекской ССР).

Мухамедов У. М. Мученики науки (Ибн Сина, М. Улугбек, Д. Бруно, Г. Галилей). Ташкент. «Правда Востока». 67 стр. (Беседы о науке).

УКРАИНСКАЯ ССР

Франко И. Избранные общественно-политические и философские произведения. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 499 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт философии).

* * *

Вопросы общей психологии. Сборник статей. Под редакцией Костюка Г. С. и Раевского А. Н. Киев. «Радянська школа». 244 стр. (Министерство просвещения Украинской ССР. Научно-исследовательский институт психологии. Научные записки. Т. 4).

Иван Франко. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 512 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт литературы имени Т. Г. Шевченко. Литературное наследство. Т. I).

Иван Франко в воспоминаниях современников. Сборник к 100-летию со дня рождения. Вступительная статья А. Дея. Львов. Кн.-журн. изд-во. 595 стр.

Иван Франко. Статьи и материалы. Редакционная коллегия: В. Т. Дмитрук и др. Сборник 5. Львов. Изд-во Львовского университета. 423 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Львовский государственный университет имени Ивана Франко).

Из истории общественно-политической и философской мысли на Украине. Сборник статей. Редакционная коллегия: Д. Ф. Острянин и др. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 146 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт философии).

Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Ивана Франко. Редакционная коллегия: Н. И. Букатевич и др. Одесса. 121 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Труды Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова. Т. 146).

Сборник трудов четвертой научной шевченковской конференции. Ответственный редактор Е. П. Кирилюк. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 328 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт литературы имени Т. Г. Шевченко).

Сборник трудов пятой научной шевченковской конференции. Ответственный редактор Е. П. Кирилюк. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 302 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт литературы имени Т. Г. Шевченко).

Украинская республиканская психологическая конференция. Труды республиканской психологической конференции (2—6 июня 1955 г.). Под редакцией Г. С. Костюка и др. Киев. «Радянська школа». 311 стр. (Министерство

просвещения Украинской ССР. Научно-исследовательский институт психологии. Научные записки. Т. 6).

Философия. Сборник статей. Редакционная коллегия: А. С. Брагинец и др. Львов. Изд-во Львовского университета. 125 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Львовский государственный университет имени Ивана Франко. Труды кафедр общественных наук. Вып. 2).

* * *

Билыч Т. А. Мировоззрение Г. С. Сковороды. Киев. Изд-во Киевского университета. 112 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко).

Брагинец А. С. Философские и общественно-политические взгляды Ивана Франко. Львов. Книжное изд-во. 410 стр.

Бухалов Ю. Ф. Общественно-политические взгляды П. А. Грабовского. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 150 стр.

Василенко В. Л. Роль Советского государства в создании социалистического способа производства. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 154 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт философии).

Мороз А. Иван Франко в борьбе против буржуазной идеологии. Львов. Кн.-журн. изд-во. 150 стр.

Мултых Г. М. О закономерностях социалистической революции и формах перехода различных стран к социализму. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 106 стр.

Назаренко И. Д. Мировоззрение Т. Г. Шевченко. Киев. Гослитиздат Украинской ССР. 242 стр.

Федоренко Е. Г. О роли народных масс и личности в истории. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 168 стр.

* * *

Алексеев Л. Д. Творческое обогащение марксистско-ленинской теории в решениях XX съезда. Киев. 46 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Антоненко В. Г. Христианство, его происхождение и идеология. Киев. 29 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР. Секция научно-атеистической пропаганды).

Белюс А. Г. Мировоззрение Ивана Франко. Киев. 52 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Божко Т. З. Марксистско-ленинская теория социалистической революции. Киев. 31 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Бойчук М. Кто такие неговисты. Киев. 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Брагинец А. С. Иван Франко — выдающийся атеист-просветитель. Львов. Изд-во Львовского университета. 67 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Львовский государственный университет имени Ивана Франко).

Бражник И. И. Происхождение и сущность религиозных праздников. (Методические советы и материалы к лекции.). Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 29 стр. (Министерство культуры Украинской ССР. Центральное лекционное бюро. В помощь лектору).

Вайнберг М. Ц. Кейнсианство — основное направление современной буржуазной политической экономии. Киев. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Василенко В. Л. Демократический централизм — принцип организации советского общества. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 52 стр. (Академия наук Украинской ССР. Институт философии).

Година М. К. Психологические взгляды И. Я. Франко. Киев. 35 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Головаха И. П. Атеизм украинских революционных демократов. Киев. 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Горкун В. И. Ленинский принцип мирного сосуществования двух систем. Киев. 36 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Евдокименко В. Е. Пути преодоления существенного различия между умственным и физическим трудом. Киев. 36 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Ерышев А. А. Поль Лафарг — выдающийся теоретик марксизма. Киев. Изд-во Киевского университета. 63 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко).

Загоруйко А. П. Марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата и его значение в современных условиях. Киев. 44 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Карпов М. М. Что такое религия. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 64 стр.

Кичко Т. К. Иудейская религия, ее происхождение и сущность. Киев. 48 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Кравцев И. Е. Марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма. Киев. 78 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Красицкий Д. Ф. и Лобовик Б. А. Т. Г. Шевченко — борец против религии. Киев. Изд-во Академии наук Украинской ССР. 30 стр. (Академия наук Украинской ССР).

Кудин В. А. Искусство как форма общественного сознания. Киев. Изд-во Киевского университета. 25 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Кафедра диалектического и исторического материализма).

Москвин П. П. Научные предвидения и религиозные пророчества. Киев. 20 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Мультих Г. М. О своеобразии форм перехода разных стран к социализму. Киев. 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова. (Сообщения.) Киев. Изд-во Киевского университета. 19 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Кафедра истории КПСС).

Острянин Д. Ф. Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления. Киев. 46 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Павлов В. Т. Объективные основы форм и законов логического мышления. Киев. Изд-во Киевского университета. 45 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко).

Паламарчук А. С. Дарвинизм и сельскохозяйственная практика против религии. (Мичуринская биология в борьбе с религией.) Львов. 46 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Парнюк М. А. В чем суть религии? Киев. «Молодь». 43 стр.

Парнюк М. А. Что такое Ватикан и кому он служит. Киев. 43 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Передерий В. Ф. Народные массы — решающая сила общественного прогресса. Киев. 39 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Передерий В. Ф. Что такое религия. (Методические советы и материалы к лекции.) Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 38 стр. (Министерство культуры Украинской ССР. Центральное лекционное бюро. В помощь лектору).

Пидопличко И. Г. и Сокур И. Т. Наука и религия о происхождении человека. Киев. 31 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Подвалков М. Самокритика и критика снизу — могучее средство коммунистического воспитания масс. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 82 стр.

Присяник А. Я. Ленинский план построения социализма и коммунизма в СССР. Киев. 48 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Резников А. И. К. А. Тимирязев — борец за передовую науку, против религии и идеализма. Киев. 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Рубин М. Б. Исторические условия происхождения христианства. Винница. 24 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР. Винницкое областное отделение. В помощь лектору).

Руденко К. П. Гипотеза. Киев. Изд-во Киевского университета. 20 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко).

Сахаров В. Я. Общественно-политические взгляды Ивана Франко. К 100-летию со дня рождения (1856—1956). Львов. 47 стр. (Львовское областное управление культуры. Областное лекционное бюро. В помощь лектору).

Танчер В. К. Как возникла религия. Киев. 39 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Танчер В. К. Марксизм-ленинизм о роли народных масс и личности в истории. Киев. Изд-во Киевского университета. 45 стр. (Министерство высшего образования Украинской ССР. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Философский факультет).

Терлецкий В. М. Демократизм советского общества. Киев. 52 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Третьяк М. И. Атеизм И. Я. Франко. Киев. 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Федорченко В. С. Превращение социализма в мировую систему — главная черта нашей эпохи. Киев. 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Шимко И. М. Религиозное сектантство и его идеология. (В помощь лектору.). Тернополь. Областное газетное изд-во. 46 стр. (Тернопольское областное управление культуры. Областное лекционное бюро).

Шиш А. З. Правда о «Католической акции» (о реакционной сущности униатской церкви). Stanislaw. Областное изд-во. 43 стр. (Станиславское областное управление культуры. Областное лекционное бюро. В помощь лектору).

Шлепаков Н. С. О формах перехода различных стран к социализму. Киев. 36 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Щербин Н. А. Современная буржуазная философия и социология на службе империализма. Киев. 40 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Украинской ССР).

Юрчук В. И. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор строительства коммунизма в нашей стране. Киев. Госполитиздат Украинской ССР. 86 стр.

Яременко П. К. Иван Франко о литературно-эстетическом воспитании. Львов. Изд-во Львовского университета. 78 стр.

ЭСТОНСКАЯ ССР

Из истории религий и атеизма в Эстонии. Сборник статей. Таллин. Эстгосиздат. 287 стр. (Академия наук Эстонской ССР. Институт истории).

К. Р. Якобсон и его время. (Сборник статей.) Составил Э. Янсен. Таллин. Эстгосиздат. 204 стр.

Штейн О. М. Общественно-политические взгляды К. Р. Якобсона (1841—1882). Таллин. Эстгосиздат. 38 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний Эстонской ССР).

ТАТАРСКАЯ АССР

Тукай Г. Произведения в четырех томах. Редактор Г. Халит. Тт. 3—4. Казань. Таткнигоиздат. Т. 3. 359 стр. Т. 4. 288 стр. (Академия наук СССР, Казанский филиал. Институт языка, литературы и истории).

Нуруллин И. Статьи об эстетике Тукая. Казань. Таткнигоиздат. 136 стр.

Зарубежная литература о философии истории и прогрессе

(1950—1957 гг.)

ОТ РЕДАКЦИИ:

Проблема общественного прогресса всегда занимала центральное место в истории социологии и была тесно связана с проблемой общественного предвидения, с исследованием закономерностей общественного развития и требованием справедливого устройства общества. Естественно, что эта проблема не только привлекала постоянное и глубокое внимание ученых-социологов, но и служила ареной идеологической борьбы между передовыми и реакционными силами общества, ибо то или иное ее решение самым непосредственным образом затрагивало классовые интересы.

На протяжении истории идея прогресса, поступательного развития общества от низших форм к высшим, к грядущему торжеству социальной справедливости служила знаменем передовых сил общества. Свое последовательно научное решение проблема прогрессивного развития человечества получила в материалистическом понимании истории, в созданной Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма. Реакционные силы общества, наоборот, всегда ополчались на идею прогресса, справедливо усматривая в ней осуждение своего господства и признание его преходящего характера. Эта тенденция приобрела особенно очевидный характер в наше время, в эпоху разложения и гибели последней антагонистической формации, капитализма, и победоносного утверждения социализма. Идеологи реакционной буржуазии все чаще либо прямо отрицают поступательный характер общественного развития, либо пытаются всячески извратить само понятие прогресса. С этой целью буржуазные социологи воскрешают обветшалые теории исторического кругооборота, выступают против идеи всеобщности прогресса, пророчат упадок или даже гибель человечества и цивилизации вследствие «прогрессирующего иссушения земли», эрозии, «генетического вырождения людей», неизбежной атомной войны и других подобных причин. Ярким примером извращения самого понятия прогресса могут служить выступления многочисленных буржуазных ученых на Третьем Международном социологическом конгрессе в Амстердаме в августе 1956 года. Эти ученые предлагали вообще отказаться от понятий «прогресс» и «эволюция», подменить их неопределенным термином «социальные изменения» и т. п.

Публикуя ниже список литературы, вышедшей за последние годы в капиталистических странах и посвященной проблеме общественного прогресса, редакция журнала «Вопросы философии» намерена привлечь внимание советских ученых и преподавателей общественных наук к положительной разработке этой темы в своих книгах, брошюрах, статьях и лекциях и к принципиальной критике различных буржуазных теорий, отрицающих или извращающих поступательное развитие человечества.

Список составлен научным сотрудником Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук АН СССР Ю. В. Цейтлиным.

- AMAR A. Les grands courants de la pensée européenne. — P., Cours de droit, 1951. 242 p.
- ANDERLE O. Das universalhistorische System A. J. Toynbees. — Frankfurt/M., Humboldt, 1955. 474 S.
- ARIES P. H. Le temps de l'histoire. — Monaco, Rocher, 1954. 336 p.
- ARON R. Le grand shisme. — P., Gallimard, 1949. 350 p.
- ARON R. Polémiques. — P., Gallimard, 1955. 247 p.
- ARON R. L'opium des intellectuels. — P., Calmann-Levy, 1955. 337 p.
- BAILLIE J. Belief in progress. — L., Oxford univ. press, 1950. VIII, 240 p.
- BARRACHLOUGH G. History in a changing world. — Oxford, Blackwell, 1955.
- BATENBURG T. La marche fantastique des hommes. — Bordeaux, 1956.
- BERDIAEV N. A. Realm of spirit and the realm of Caesar. — N. Y., Harper, 1952. 182 p.
- BERDIAEV N. A. Towards a new epoch. — L., Bles, 1949. IX, 117 p.
- BERLIN I. Historical inevitability. — L., Oxford univ. press, 1955. 79 p. (A. Comte memorial trust lecture, I).
- BERNARD S. Les conséquences sociales du progrès technique. Méthodologie. — Bruxelles, Institut de sociologie Solvay, 1957. 216 p.
- BERNHEIM E. Progrès technique... problèmes humains. — Bruxelles, Malvaux, 1956.
- BEUS J. G. de. Future of the West. — N. Y., Harper, 1953. 178 p.
- BLETON P. Les hommes des temps qui viennent. — P., Economie et humanisme, 1956. 235 p.
- BROGAN D. W. The price of revolution. — L., Hamilton, 1951. VIII, 280 p.
- BURY J. B. Idea of progress; an inquiry into its origin and growth. — N. Y., Dover, 1955. 357 p.
- BUTTERFIELD H. History and human relations. — L., Collins, 1957. 254 p.
- CAIRNS F. I. Progress is unorthodox. — Boston, Beacon, 1950. X, 185 p.
- CHUDоба B. Meaning of civilization. — N. Y., Kenedy, 1951. XI, 314 p.
- CHATTERJEE M. N. Out of confusion. — Yellow Springs, Antioch press, 1954. 165 p.
- COHN V. 1999, our hopeful future. — Indianapolis, Bobbs-Merrill, 1956. 205 p.
- CONCEPT of development. An issue in the study of human behaviour. Ed. by D. B. Harris. — Minneapolis, Univ. of Minnesota press, 1957. 297 p.
- DANIÉLOU J. Essai sur le mystère de l'histoire. — P., Seuil, 1953. 352 p.
- DARLINGTON C. D. The facts of life. — N. Y., Macmillan, 1955. 467 p.
- DARWIN CH. G. The next million years. — N. Y., Doubleday, 1952. 210 p.
- DEV G. CH. Idealism and progress. — Calcutta, Das Gupta, 1952. 454 p.
- DICKEY CH. R. Emerging civilization. — Dallas, Story book, 1952. 214 p.
- DURKHEIM E. Pragmatisme et sociologie. Cours inédit prononcé à la Sorbonne en 1913—1914 et restitué d'après des notes d'étudiants par A. Cuvillier. — P., Vrin, 1955. 212 p.
- THE FABULOUS future. America in 1980. N. Y., Dutton, 1956. 206 p.
- FEBVRE L. P. V. Combats pour l'histoire. — P., Colin, 1953. 480 p.
- FITCH R. E. Kingdom without end; a prophetic interpretation of history and civilization. — N. Y., Scribner, 1950. XIV, 137 p.
- FORBES D. Liberal anglican idea of history. — L., Cambridge univ. press, 1952. X, 208 p. (Prince consort prize essay, 1950).
- FRANKEL CH. Case for modern man. — N. Y., Harper, 1956. 240 p.
- FREYER H. Theorie des gegenwärtigen Zeitalters. — Stuttgart, Deutsche Verl.-Anstalt, 1955. 259 S.
- FROMM E. Sane society. — N. Y., Rinehart, 1955. 370 p.
- GARDINER P. Nature of historical explanation. — L., Oxford univ. press, 1952. XII, 142 p. (Oxford classical and philosophical monographs ser.)
- GEORGEL G. L'ère future et le mouvement de l'histoire. — P., La Colombe, 1956.
- GEYL P. Debates with historians. — Groningen, Wolters, 1955. VIII, 241 p.
- GINSBERG M. Idea of progress: a revaluation. — L., Methuen, 1953. 82 p.
- GÖTTE F. Cultura. 10 Essays. — Stuttgart, Freies Geistesleben, 1952. 137 S.
- GOUHIER H. G. L'histoire et sa philosophie. — P., Vrin, 1952. 152 p.
- GRUJIC V. Human and world. — N. Y., Pamphlet distributing, 1953. 173 p.

- GUARDINI R. End of modern world; a search for orientation. — N. Y., Sheed, 1956. 133 p.
- GURVITCH G. Determinismes sociaux et liberté humain. — P., Presses univ. de France, 1955. 301 p.
- GUSTAVSON C. G. A preface to history. — N. Y., McGraw-Hill, 1955. 222 p.
- HERLIN P. Bericht für Morgen. Von der Gefahr, in der wir leben. — Stuttgart, Seewald, 1956. 212 S.
- HOCKING W. E. Coming world civilization. — N. Y., Harper, 1956. 210. p.
- HORDERN W. Christianity, communism and history. — Nashville, Abingdon, 1954. 174 p.
- HOYLE F. Man and materialism. — N. Y., Harper, 1956. XIII, 161 p. (World perspectives, 8).
- JASPERS K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. — München, Pieper, 1950. 349 S.
- KRIEGER C. Front aus der Mitte. — Stuttgart, Vorwerk, 1953. 222 S.
- LALLEMAND M. Impuissance de l'histoire. — P., Rivière, 1955, 348 p.
- LA RUE D. W. Let's have a better world; a program for progress and survival. — N. Y., Exposition, 1955. 230 p.
- LEVI-STRAUSS C. Race et histoire. — P., Unesco, 1952. 50 p.
- LITT Th. Die Wiedererweckung des geschichtlichen Bewußtseins. — Heidelberg, Quelle, 1956. 243 S.
- McQUADE F. P. Philosophical interpretation of the contemporary crisis of Western civilization. — Washington, Catholic univ. of America, 1950. XVI, 134 p.
- McNEILL W. H. Past and future. — Chicago, Univ. of Chicago press, 1954. 216 p.
- MALIN J. C. On the nature of history: essays about history and dissidence. — Lawrence, Kan., 1954. 290 p.
- MARROU H. I. De la connaissance historique. — P., Seuil, 1954. 301 p.
- MARSH J. Fulness of time. — L., Nisbet, 1952, 189 p.
- MOWAT R. C. Climax of history. — L., Blandford, 1951. 192 p.
- MUMFORD L. Human prospect. — Boston, Beacon, 1955. 350 p.
- MUNK A. W. History and god; Clues to his purpose. — N. Y., Ronald, 1952, XI, 310 p.
- NAMIER L. Avenues of history. — L., Hamilton, 1952. 202 p.
- NORTHROP F. S. C. Meeting of East and West. — N. Y., Macmillan, 1952. XXII, 531 p.
- ORTEGA Y GASSET J. Der Aufstand der Massen. — Stuttgart, Deutsche Verl.-Anst., 1952. 209 S.
- ORTEGA Y GASSET J. Geschichte als System. — Stuttgart, Deutsche Verl.-Anst., 1952. 294 S.
- ORTEGA Y GASSET J. Buch des Betrachters. — Stuttgart, Deutsche Verl.-Anst., 1952. 172 S.
- ORTEGA Y GASSET J. Signale unserer Zeit. Essays. — Stuttgart, Europäischer Buchklub, 1952. 533 S.
- PIEPER J. Über das Ende der Zeit. Eine geschichtsphilosophische Meditation. — München, Kösel, 1950. 191 S.
- PONCEAU A. Le temps dépassé. — P., La Colombe, 1953. 122 p.
- POPPER K. R. The open society and its enemies. 2 rev. ed. 2 vols. — L., Routledge, 1952.
- READ L. A. Man's future and the human gene. — N. Y., Pageant press, 1951. XIII, 188 p.
- REDIER A. Les beaux jours reviendront. — P., Alsatia, 1950, 254 p.
- RENIER G. J. History: its purpose and method. — L., Allen, 1950, 272 p.
- ROSSI M. M. Plea for man. — Edinburgh, Univ. press, 1956. 167 p.
- ROSTENNE P. La foi des athées. Introduction à une vue chrétienne de l'histoire. — P., Plon, 1953. 256 p.
- ROY M. N. Reason, romanticism and revolution. Vol. 1-2. — Calcutta, Renaissance, [1953-1956].
- RÜTHER J. Die Straße der Menschheit; Betrachtungen über Geschichte. — München, Regensberg'sche Verlagsbuchhandlung, 1950. 410 S.

- RUSSEL B. New hopes for a changing world. — N. Y., Simon and Schuster, 1951. 213 p.
- SAMPSON R. V. Progress in the age of reason; the seventeenth century to the present day. — L., Heinemann, 1957. 259 p.
- SAMUEL O. Die Ontologie der Kultur. — B., Gruyter, 1956. 271 S.
- SCHULZE-SÖLDE W. Einzelmensch und Geschichte. Untersuchung über die Möglichkeit einer Weltordnung der Völker. — München, Filser, 1953. 134 S.
- SCHUON F. Spiritual perspectives and human facts. — L., Faber, 1954. 213 p.
- SEYPPPEL J. Ausdrucksformen deutscher Geschichte. Eine Morphologie der Freiheit. — Schlehdorf, Bronnen, 1952. 127 S.
- SHINN R. L. Christianity and the problem of history — N. Y., Scribner, 1953. 302 p.
- SOROKIN P. A. S.O.S. the meaning of our crisis.—Boston, Beacon, 1951. XI, 177 p.
- STRATTON G. M. Man, creator or destroyer. — L., Allen, 1952. 170 p.
- STRAUSZ-HUPPE R. Power and community. — N. Y., Praeger, 1956. 134 p.
- STRUBE K. Lex legum. Das Naturgesetz des Geistes. Gedanken zu einem Kulturideal der Menschheit. — Köln, Schweitzer, 1953. 163 S.
- SWABEY M. T. Judgment of history. — N. Y., Philosophical Library, 1954. 257 p.
- TOYNBEE A. J. World and the West. — L., Oxford univ. press, 1953. 99 p.
- TRUEBLOOD E. J. Dawn of the post-modern era; dimensions of human life in the last half of the twentieth century. — N. Y., Philosophical Library, 1954. 198 p.
- VENDRYES P. De la probabilité en histoire. L'exemple de l'expédition d'Egypte. — P., Michel, 1952. 368 p.
- WAGEMANN E. F. Welt von morgen; wer wird Herr der Erde? — Düsseldorf, Econ, 1952. 288 S.
- WALSH C. Early christians of the century. — N. Y., Harper, 1950. 188 p.
- WALSH W. H. Introduction to philosophy of history. — L., Hutchinson's univ. Library, 1951. 173 p.
- WEBER A. Der dritte oder der vierte Mensch; vom Sinn des geschichtlichen Daseins. — München, Pieper, 1953. 275 S.
- WEBER A. Kulturgeschichte als Kulturosoziologie. — Frankfurt/M., Gutenberg, 1951. 512 S.
- WEBER A. Prinzipien der Geschichts- und Kulturosoziologie. — München, Pieper, 1951. 175 S.
- WIESE L. Soziologie, Geschichte und Hauptprobleme. — B., Gruyter, 1954. 160 S.
- WIRSING G. Schritt aus dem Nichts. Perspektiven am Ende der Revolutionen. — Düsseldorf, Diederichs, 1951. 364 S.
- ZBINDEN H. Welt im Zwielight. Vier kulturkritische Essays. — Zürich, Artemis, 1951. 252 S.
- ZIEGENFUSS W. Handbuch der Soziologie — Stuttgart, Enke, 1956. XIV, 1243 S.
- ZIEGLER L. Spätlese eigener Hand. — München, Kösel, 1953. 468 S.

Хроника

НОВЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

Для удовлетворения все более растущих теоретических запросов ученых и усиления научно-исследовательской работы в высшей школе Министерство высшего образования СССР с января 1958 года будет издавать серию журналов «Научные доклады высшей школы», в том числе и журнал «Философские науки», который будет выходить четыре раза в год (каждый выпуск — 15 печатных листов). Журнал имеет целью опубликование результатов научно-исследовательских работ по философии, в первую очередь тех, которые выполняются в высших учебных заведениях СССР. В журнале имеются следующие отделы: диалектического материализма; логики; философских проблем естествознания; исторического материализма; этики и культуры; эстетики; истории марксистско-ленинской философии; истории западной философии и критики реакционной философии и социологии; истории философии народов СССР; истории философии народов Востока.

В журнале будут публиковаться научные доклады, статьи и сообщения, освещающие современное положение отдельных проблем марксистско-ленинской философии, излагающие результаты научных исследований по актуальным и малоразработанным вопросам диалектического и исторического материализма, по проблемам теории познания и логики, философским проблемам естествознания, проблемам этики и культуры, по истории марксистско-ленинской философии и критике буржуазной философии и социологии.

Кроме того, журнал будет публиковать материалы вузовских и межвузовских научных конференций и совещаний по философии, проводить дискуссии по актуальным проблемам и спорным вопросам философской науки, а также печатать критические обзоры и рецензии на новую литературу.

Перед журналом стоит задача — отразить состояние научно-исследовательской работы по философии в высших учебных заведениях страны и способствовать повышению ее теоретического уровня.

Главным редактором журнала назначен член-корреспондент Академии наук М. Т. Иовчук. В состав редакционной коллегии входят: проф. В. Ф. Асмус, проф. Г. С. Васецкий, проф. Ф. И. Георгиев, доцент Д. Ф. Козлов, доктор философских наук П. В. Копнин, доцент Ш. Ф. Мамедов, доцент Г. А. Недошивин, проф. Т. И. Ойзерман, проф. Г. В. Платонов, доцент М. Н. Руткевич (Свердловск), кандидат философских наук Л. Н. Суворов (зам. главного редактора), доцент В. К. Танчер (Киев), доцент Г. А. Харчев (Ленинград), проф. Б. А. Чагин (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — На уровень новых задач	3
В. П. Тугаринов (Ленинград) — О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание»	15
Г. О. Зиманас (Вильнюс) — Дружба народов СССР и преодоление пережитков буржуазного национализма	27
А. А. Ветров — Расчлененность формы как основное свойство понятия	39
Академик Михай Бенюк (Румыния), Сузанна Катарина Причард (Австралия) — Идеи Октябрьской революции и современная культура	47
Л. А. Коган — Философские взгляды А. А. Иовского	60
М. Э. Омеляновский — В. И. Ленин и философские вопросы современной физики	70
Р. В. Кривокорытова — Философское значение открытия новых частиц вещества в химии XX века	84

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О противоречиях в развитии социалистического общества. Ф. К. Шориков (г. Ирбит) — Являются ли противоречия движущей силой социалистического общества? Д. М. Угринович — Об источниках развития производительных сил. С. Л. Маньковский (г. Львов) — Несколько замечаний	96
Т. И. Ойзерман — Диалектический материализм и гегелевская концепция совпадения диалектики, логики и теории познания	105
М. С. Каган (Ленинград) — К вопросу о национальном своеобразии искусства	113

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Соколов — Образ великого мыслителя	125
Н. А. Садовский (Сталинабад) — Французские марксисты дают отпор католическим критикам марксизма	128
С. И. Михайлов — Похороны русского либерализма	132
Янко Д. Серкеджиев (Болгария) — Новая книга по истории логики	135
Академик А. О. Маковельский (Баку) — Английская книга о Гераклите	138
Н. К. — Коротко о книгах. Труды объединенной научной сессии по общественным наукам	140

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

К. В. Шохин — Когда отсутствует научная объективность	142
Н. И. Стяжкин — О логических парадоксах и их отношении к диалектическим противоречиям	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. П. Буслов (Минск) — Развитие марксистской философской науки в БССР за 40 лет	148
А. И. Игнатов — Международный симпозиум по происхождению жизни на Земле	152
Н. И. Бронский (Ростов-на-Дону) — О постановке преподавания истории философии в университетах и пединститутах	158

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Г. В. Осипов — Зарубежные философы в Институте философии АН СССР	163
Г. О. — Участие советских философов в национальных и международных конгрессах	167
В. Ф. Берестнев, Ю. Н. Семенов, С. Г. Широян — На XVII конгрессе Международного института социологии	167

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

В. М. Францева — Против расистских измышлений	171
Ю. М. Пратусевич — Где находится орган мышления?	173
Новые научные и научно-популярные книги	177
Зарубежная литература о философии истории и прогрессе	186
Новый философский журнал	190

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Д. Каммари (главный редактор), **А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь** (зам. главного редактора), **М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.**

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00931. Подписано к печ. 3/II 1958 г. Тираж 32 000.

Изд. № 230. Заказ 3193. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 6 бум. л. — 16,44 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 7 руб.